

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 17, № 2, 2024

Журнал издается
с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Издание посвящается
300-летию РАН

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (SEMI), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Центр макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чурреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2024

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 17, no. 2, 2024

**The journal
was founded in 2008**

Publication frequency:
six times a year

**The publication is
dedicated to the 300th
anniversary of RAS**

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Iylin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

- Tüzün Baycan*, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

- Julien Vercueil*, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. Убедительный «мандат доверия»: за V президентский срок В.В. Путина проголосовали 76 миллионов избирателей	9
--	---

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Балацкий Е.В. Экономика элит и политическая нестабильность	43
Екимова Н.А. Роль элит в эволюционном процессе: концептуальные основы и современные интерпретации	64

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Чеплинские И.Р., Лукин Е.В. Особенности экспортной специализации регионов СЗФО в рамках концепции экономической сложности	81
Беркович М.И., Закревская (Хахина) Е.С. Экспортная деятельность регионов как объект государственной поддержки	96
Олифир Д.И. Пространственный потенциал агломерационных эффектов: методика определения на материалах Санкт-Петербургской агломерации	113

ЭКОНОМИКА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Медведев С.О., Зырянов М.А. Моделирование деятельности предприятий лесной отрасли с учетом перспектив перехода на принципы устойчивого развития	129
---	-----

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Ромашкина Г.Ф., Андрианов К.В., Юханова Ю.А. Государственные облигации стран СНГ: динамика интеграции долговых рынков в условиях внешней нестабильности	146
---	-----

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Наумов И.В., Никулина Н.Л., Бычкова А.А. Сценарный подход к моделированию рисков банкротства предприятий отраслей промышленности 166
- Калашников К.Н. Проблема концептуализации категории «социально значимые заболевания» в стратегическом управлении 187

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

- Баймурзина Г.Р., Черных Е.А. Особенности платформенной занятости в России: о чем говорят данные цифровых профилей работников 202
- Белехова Г.В., Нацун Л.Н., Соловьева Т.С. Благополучная старость: от научных теорий к основам ее программирования 220

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

- Мищук С.Н., Ли Шуай, У Бинь. Трансформация демографической политики в северо-восточных провинциях Китая на современном этапе 239

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 253
- Правила приёма статей 265
- Информация о подписке 266

CONTENT

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. A Solid “Mandate of Trust”: 76 Million People Voted for Vladimir Putin’s Fifth Presidential Term	9
---	---

PUBLIC ADMINISTRATION

Balatsky E.V. Elite Economics and Political Instability	43
Ekimova N.A. The Role of the Elites in the Evolutionary Process: Conceptual Framework and Modern Interpretations	64

REGIONAL ECONOMICS

Cheplinskite I.R., Lukin E.V. Characterizing Export Specialization of Northwestern Federal District Regions within the Framework of the Economic Complexity Concept	81
Berkovich M.I., Zakrevskaya (Khakhina) E.S. Regions’ Export Activity as an Object of State Support	96
Olifir D.I. A Methodology for Determining the Spatial Potential of Agglomeration Effects: The Case of the Saint Petersburg Agglomeration	113

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

Medvedev S.O., Zyryanov M.A. Developing a Model of Forest Enterprises Activities with the Prospect of Moving into Sustainable Development	129
---	-----

PUBLIC FINANCE

Romashkina G.F., Andrianov K.V., Yukhtanova Yu.A. Government Bonds of the CIS Countries: Integration Dynamics of Debt Markets in the Context of External Instability	146
--	-----

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

Naumov I.V., Nikulina N.L., Bychkova A.A. Scenario-Based Approach to Modeling Bankruptcy Risks for Enterprises in Various Industries	166
Kalashnikov K.N. Conceptualizing the Notion of “Socially Significant Diseases” in Strategic Planning	187

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Baimurzina G.R., Chernykh E.A. Platform Employment Specifics in Russia: What the Data of Workers’ Online Profiles Indicate	202
Belekhova G.V., Natsun L.N., Soloveva T.S. Prosperous Old Age: From Scientific Theories to the Fundamentals of Its Programming	220

GLOBAL EXPERIENCE

Mishchuk S.N., Li Shuai, Wu Bin. Demographic Policy Transformation in the Northeastern Provinces of China at the Present Stage	239
--	-----

MONITORING OF PUBLIC OPINION

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	253
Manuscript Submission Guidelines	265
Subscription Information	266

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

Убедительный «мандат доверия»: за V президентский срок В.В. Путина проголосовали 76 миллионов избирателей

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. По итогам выборов Президента РФ, прошедших в России 17 марта 2024 г., за действующего главу государства В.В. Путина проголосовали более 76 миллионов человек (87% от числа избирателей, принявших участие в голосовании), что почти в два раза больше, чем во время его первых президентских выборов (26 марта 2000 г. за В.В. Путина проголосовали 40 миллионов, или 53% избирателей, участвовавших в выборах). В статье анализируются причины столь убедительного «мандата доверия», полученного Президентом, среди которых следует выделить не только поддержку большинством граждан страны общего курса национального развития, реализуемого В.В. Путиным, но и специфику исторического периода, в который проходили президентские выборы 2024 г., а также результаты голосования на территории новых субъектов РФ, присоединившихся к России после государственного переворота на Украине в 2014 г.

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2024). Убедительный «мандат доверия»: за V президентский срок В.В. Путина проголосовали 76 миллионов избирателей // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 17. № 2. С. 9–42. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2024). A solid “mandate of trust”: 76 million people voted for Vladimir Putin’s fifth presidential term. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(2), 9–42. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.1

В условиях продолжающейся специальной военной операции и сохраняющихся угроз национальной безопасности внутренняя ситуация в России, от которой зависит поддержка обществом Президента, имеет особенно важное значение. В связи с этим авторы обращают внимание на важность эффективной (в полном объеме и в установленный срок) реализации предвыборных обещаний главы государства, которые В.В. Путин озвучил в своем Послании Федеральному Собранию РФ 29 февраля 2024 г. Выполнение задач, поставленных Президентом на период до 2030 г., во многом зависит от элит в системе государственного управления, в связи с чем в начале нового политического цикла и V президентского срока В.В. Путина (2024–2030 гг.) очень многое будет зависеть от нового Правительства РФ, состав которого будет объявлен в мае 2024 г., после инаугурации Президента. Через экспертные оценки, данные статистики и результаты социологических опросов населения авторы анализируют причины неполного выполнения поручений и задач, о которых В.В. Путин говорил в своих предыдущих предвыборных выступлениях, и применительно к сегодняшней ситуации приходят к выводу о том, что ключевыми условиями дальнейшей реализации курса национального развития являются достижение всех целей специальной военной операции и продолжение процесса национализации элит. В статье приведены расчеты по официальным данным Центральной избирательной комиссии РФ по итогам президентских выборов 2024 и 2018 гг. во всех субъектах и федеральных округах Российской Федерации. Проанализирована общероссийская динамика явки и итогов голосования на всех президентских выборах в России за период с 2000 по 2024 год. Рассмотрены экспертные оценки деятельности Правительства РФ под руководством М.В. Мишустина. Собраны и систематизированы по ключевым сферам национального развития факты, показывающие наличие острых нерешенных проблем в системе государственного управления.

Ключевые слова: выборы Президента РФ, курс национального развития, элиты, Правительство РФ, «Время героев».

17 марта 2024 г. в России состоялись выборы Президента РФ, по итогам которых вполне ожидаемо для подавляющего большинства экспертов убедительную победу одержал действующий глава государства В.В. Путин.

Согласно официальным данным Центральной избирательной комиссии РФ (ЦИК РФ), опубликованным 21 марта 2024 г.¹, **более 76 млн избирателей (87% от числа принявших участие в выборах) проголосовали за В.В. Путина.** При этом важно отметить, что по сравнению с предыдущими президентскими выборами (18 марта 2018 г.) доля голосов избирателей, отданных за Президента, увеличилась почти во всех субъектах и федеральных округах Российской Федерации (*Приложение; с. 37–40*).

Анализ данных ЦИК за все президентские выборы, прошедшие в России в период с 2000

по 2024 год, показывает, что **за 24 года, прошедших с того момента, как В.В. Путин впервые был избран главой государства, уровень его поддержки в целом по стране увеличился фактически в два раза (почти на 37 млн чел.): с 39,74 до 76,28 млн избирателей (табл. 1).**

В двукратном росте уровня поддержки В.В. Путина на президентских выборах в 2024 г. по сравнению с 2000 г. имеются, на наш взгляд, три составляющих элемента, каждый из которых — своего рода критерий эффективности государственного управления и лично деятельности В.В. Путина на посту Президента РФ:

Первый элемент — это реальная оценка российским обществом курса национального развития, реализуемого В.В. Путиным. Как отмечают эксперты, «одобрение того, что было сделано Президентом за все предыдущие годы»².

¹ О результатах выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года: Постановление ЦИК РФ от 21.03.2024 №163/1291-8 // Российская газета. 21.03.2024. URL: <https://rg.ru/documents/2024/03/21/cik-post-resultaty2024-site-dok.html?ysclid=lv0fiwyop599831692>

² Политологи обсудили итоги выборов президента (мнение руководителя научного совета Центра политической конъюнктуры А. Чеснакова) // Российская газета. 19.03.2024. URL: <https://rg.ru/2024/03/19/lider-i-brendy-ocenki.html?ysclid=lugn7jyv3x476786397>

Таблица 1. Динамика явки и поддержки В.В. Путина на президентских выборах за период с 2000 по 2024 г. (в целом по стране, данные ЦИК РФ)

Показатель	Дата президентских выборов						Изменение (+/-), 2024 г. к...	
	26.03. 2000	14.03. 2004	02.03. 2008*	04.03. 2012	18.03. 2018	17.03. 2024	2018 г.	2000 г.
Явка								
абс. млн чел.	75,18	69,50	74,85	71,78	73,63	87,58	+13,95	+12,4
%	68,70	64,38	69,81	65,34	67,54	77,49	+9,95	+8,79
Поддержка В.В. Путина								
абс. млн чел.	39,74	49,56	52,53	45,60	56,43	76,28	+19,85	+36,54
%	52,94	71,31	70,28	63,60	76,69	87,28	+10,59	+34,34

* За Д.А. Медведева.
Источник: данные ЦИК РФ.

Второй элемент – расширение территориальных границ Российской Федерации. В совокупности на новых территориях РФ (включая Республику Крым, г. Севастополь, ДНР, ЛНР, Запорожскую и Херсонскую области) за В.В. Путина проголосовали почти 5 млн избирателей (4, 77 млн).

Третий элемент – специфика исторического периода, который переживает Россия с того момента, как В.В. Путин объявил о начале специальной военной операции на территории Украины (24 февраля 2022 г.).

В условиях нарастающих угроз национальной безопасности: продолжающихся экономических санкций, роста террористической активности со стороны «киевского режима»³, а также обсуждения на самом высоком уровне политического и военного руководства стран НАТО возможности отправки военного контингента в зону СВО, президентские выборы в России ощущались обществом «как событие общей судьбы, от которого зависит будущее»⁴.

Поэтому неслучайно среди мотивов избирателей многие эксперты отмечали эффект «сплочения вокруг флага», а также выбор, продиктованный логикой «за власть – или погибнем».

В.И. Егоров (к.ф.н., депутат Гос. Думы): «В атмосфере военного времени и выборы прошли в режиме военной мобилизации... Логика «за власть – или погибнем» для многих избирателей оказалась главной доминантой поведения в дни голосования».

М. Музаев (электоральный эксперт, г. Москва): «Исследования уровня поддержки национальных лидеров показывают, что рейтинг власти возрастает во время трагедий и международных конфликтов... Поэтому – да, эффект «сплочения вокруг флага» на выборах Президента РФ имеет место... отрицать высокий рейтинг Президента – значит смотреть на политику через розовые очки. Россияне выдали мандат поддержки руководителю государства на фоне СВО»⁵.

³ В 2022 г. ФСБ России было предотвращено 34 теракта, в 2023 г. – 153 (в 4,5 раза больше) // Вести недели. 07.04.2024. URL: <https://smotrim.ru/video/2787640?ysclid=luqpcxkjob465745053>.

9 апреля 2024 г. директор ФСБ А. Бортников заявил о том, что только с начала 2024 г. внутри России было предотвращено 27 терактов (источник: С начала года в России предотвратили 27 терактов // РИА-новости. 09.04.2024. URL: <https://ria.ru/20240409/terrorism-1938793985.html?ysclid=lusdrpsocp969833006>).

⁴ Политологи обсудили итоги выборов президента (мнение зампреда Общественного штаба по наблюдению за выборами в Москве А. Асафова) // Российская газета. 19.03.2024. URL: <https://rg.ru/2024/03/19/lider-i-brendy-ocenki.html?ysclid=lugn7jyv3x476786397>

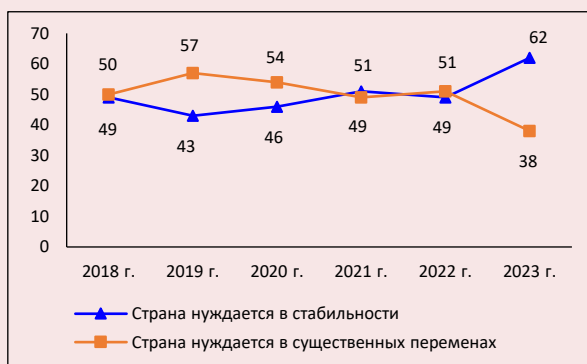
⁵ Итоги выборов президента: как можно оценить полученные кандидатами результаты и каковы перспективы развития внутривнутриполитической ситуации в стране: Аналитический доклад Центра исследования политической культуры России (ЦИПКР) // Официальный сайт ЦИПКР. 26.03.2024. URL: <https://cipkr.ru/2024/03/26/analiticheskij-doklad-tsipkr-itogi-vyborov-prezidenta-kak-mozhno-otsenit-poluchennye-kandidatami-rezultaty-i-kakovy-perspektivy-razvitiya-vnutripoliticheskoy-situatsii-v-strane/>

Об этом же свидетельствуют результаты общероссийских и региональных мониторинговых социологических исследований, по данным которых с момента начала СВО в российском обществе фиксируется рост потребности в стабильной, спокойной жизни.

По данным Института социологии ФНИСЦ РАН, за период с 2022 по 2023 год доля россиян, для которых важнее стабильность, а не перемены, в стране увеличилась на 13 п. п. (с 49 до 62%; *рис. 1*). По данным мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, удельный вес жителей Вологодской области, разделяющих эту точку зрения, за период с 2022 по 2024 год возрос на 8 п. п. (с 39 до 47%; *рис. 2*).

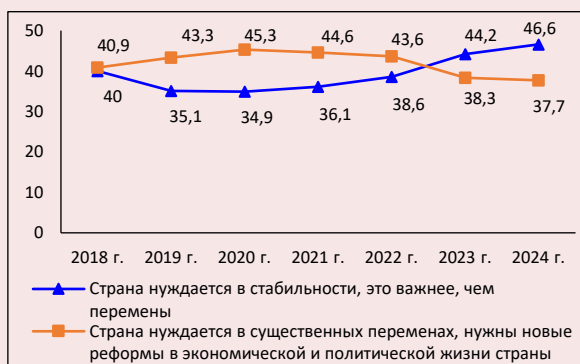
Сегодня, как отмечают ученые, «главное, чего люди хотят всей душой, — это стабильность»⁶, и это вполне понятно, ведь понимание стабильности до и во время ведения фактически полноценной войны имеет совершенно разное содержание: в первом случае речь идет, скорее, о застое, отсутствии «новых форм экономической и политической жизни страны»⁷ и «консервации сниженного уровня жизни»⁸ (именно с этим был связан запрос на перемены, который наблюдался до начала СВО), во втором случае под стабильностью понимается достижение одной из естественных потребностей человека — потребности в безопасности.

Рис. 1. «Что для Вас важнее всего?» (данные ИС ФНИСЦ РАН), % от числа опрошенных

Источник: Российская газета 22.11.2023.

Рис. 2. «Что сегодня для страны важнее – стабильность или перемены?» (данные ВолНЦ РАН), % от числа опрошенных

Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

⁶ Четверикова А. Институт социологии РАН: Спецоперация породила у россиян ощущение принадлежности к единому народу // Российская газета. 22.11.2023. URL: <https://rg.ru/2023/11/22/issledovanie-instituta-sociologii-ran-provedenie-spesoperacii-porodilo-u-rossiian-oshchushchenie-prinadlezhnosti-k-edinomu-narodu.html?ysclid=lutg3ecz3112602781>

⁷ Россияне хотят перемен, но понимают, что «нужна стабильность» (мнение руководителя Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН В. Петухова) // Российская газета. 04.07.2019. URL: <https://rg.ru/2019/07/04/vyzhutovich-rossiiane-hotiat-peremen-no-ponimaiut-cto-nuzhna-stabilnost.html?ysclid=lv685no95k275725863>

⁸ Там же (мнение руководителя исследования, директора Института социологии РАН М.К. Горшкова).

В условиях высокого уровня неопределенности будущего и рисков, вызываемых угрозами национальной безопасности со стороны «коллективного Запада», вселяло «уверенность и оптимизм» и предвыборное Послание В.В. Путина Федеральному Собранию РФ. Это отметили многие эксперты⁹, причем очень важно, что Послание, озвученное главой государства 29 февраля 2024 г. «**было на 80% посвящено социальной политике и мерам, направленным на улучшение качества жизни граждан России**»¹⁰. В.В. Путин четко

обозначил цели и задачи на ближайшие 6 лет (до 2030 г.) и, таким образом, дал знать обществу, что понимает, как и за счет чего будет развиваться страна в существующих геополитических условиях.

Вместе с тем необходимо отметить, что практически все публичные выступления Президента РФ перед выборами носили ориентированный в будущее характер, содержали в себе перечень четких приоритетов национального развития и касались именно простой жизни граждан (табл. 2).

Некоторые задачи, поставленные Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. к реализации до 2030 г.:

- ✓ уровень бедности в России должен стать ниже 7%; среди многодетных семей – снижение более чем в 2 раза, хотя бы до 12%;
- ✓ продление программы материнского капитала и «Семейной ипотеки»;
- ✓ ожидаемая продолжительность жизни в России должна составить не менее 78 лет;
- ✓ до 2030 года полностью закрыть проблему капитального ремонта школ; открыть 12 образовательных школ лидерского уровня, 25 университетских кампусов; провести капитальный ремонт порядка 800 общежитий вузов и университетов;
- ✓ МРОТ в России должен увеличиться почти вдвое – до 35 тысяч рублей;
- ✓ к 2030 году нужно сформировать цифровые платформы во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы;
- ✓ к 2030 году привести в порядок не менее тысячи объектов культурного наследия, благоустроить более 30 тыс. общественных пространств;
- ✓ до 2030 года направить 4,5 триллиона рублей на модернизацию коммунальной инфраструктуры;
- ✓ к 2030 году турпоток должен удвоиться, до 140 млн человек в год; при этом вклад туризма в ВВП России также вырастет вдвое – до 5%;
- ✓ в ближайшие шесть лет на строительство, ремонт и оснащение объектов здравоохранения дополнительно направить более триллиона рублей;
- ✓ средний доход на работника, занятого в сфере малого и среднего бизнеса, в предстоящие 6 лет должен расти быстрее темпов увеличения ВВП.

⁹ Например:

Председатель Законодательного Собрания Приморского края А. Волошко (источник: Законодательное собрание Приморского края. 01.03.2024. URL: <https://www.zspk.gov.ru/press-service/press-relizy/599220/?ysclid=lv2036nsw1951237132>); Сенатор Российской Федерации от Красноярского края А. Усс (источник: Сайт партии «Единая Россия». Красноярский край. 01.03.2024. URL: <https://krasnoyarsk.er.ru/activity/news/aleksandr-uss-poslanie-prezidenta-vselyaet-uverennost-v-tom-chto-projda-cherez-ispytaniya-rossiya-stanet-eshe-silnee?ysclid=lv202qpjl0673706621>)

¹⁰ Современная, комфортная и счастливая Россия. Президент рассказал о социальной политике на ближайшие шесть лет // Газета.ру. 01.03.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2024/03/01/18354896.shtml?ysclid=lv200b20jg406719130&updated>

¹¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

Таблица 2. Публичные выступления В.В. Путина перед президентскими выборами

Источник	Цитата
«Открытое письмо» избирателям 25 февраля 2000 г. ¹² (перед выборами Президента РФ 26 марта 2000 г.):	<i>«Наш приоритет — побороть собственную бедность... Если и искать лозунг для моей предвыборной позиции, то он очень простой. Это достойная жизнь. Достойная в том самом смысле, какой ее хотят видеть и в какую верят большинство моих сограждан».</i>
Выступление В.В. Путина перед доверенными лицами 12 февраля 2004 г. ¹³ (перед выборами Президента РФ 14 марта 2004 г.):	<i>«Основной целью любых наших действий является повышение качества жизни людей... Сегодня мы ощущаем: время неопределенности и тревожных ожиданий прошло. Наступил новый период – период работы над созданием условий для перехода к принципиально лучшему качеству жизни... это в наших силах. И мы сделаем это, сделаем обязательно».</i>
Выступление В.В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» 8 февраля 2008 г. ¹⁴ (перед выборами Президента РФ 2 марта 2008 г.)	<i>Нам надо добиться, чтобы все граждане нашей страны, используя свои знания и умения, а там, где необходимо, – помощь государства, имели возможность получить качественное образование, поддержать свое здоровье, приобрести жилье, получить достойные доходы. То есть иметь уровень жизни, определяющий принадлежность к так называемому среднему классу... сегодня мы ставим гораздо более амбициозную задачу – достичь качественного изменения жизни, качественного изменения страны, её экономики и социальной сферы».</i>
Выступление В.В. Путина на Съезде партии «Единая Россия» 24 сентября 2011 г. ¹⁵ (перед выборами Президента РФ 4 марта 2012 г.)	<i>«Если мы действительно хотим добиться успеха, в центре нашего внимания всегда, постоянно должен быть человек – гражданин России! Российские семьи должны чувствовать позитивные перемены в своей жизни, в этом главный смысл и цель всей нашей работы... Многого нужно изменить к лучшему в нашей экономике, в социальной сфере, в жизни наших граждан. Уверен, мы это в состоянии сделать и сделаем на основе общенародной консолидации».</i>
Послание Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. ¹⁶ (перед выборами Президента РФ 18 марта 2018 г.)	<i>«В основе всего лежит сбережение народа России и благополучие наших граждан. Именно здесь нам нужно совершить решительный прорыв... считаю главным, ключевым фактором развития – благополучие людей, достаток в российских семьях...»</i>
Послание Федеральному Собранию РФ 29 февраля 2024 г. ¹⁷ (перед выборами Президента РФ 17 марта 2024 г.)	<i>«Предложения граждан, их устремления и надежды стали основой, стержнем тех проектов, инициатив, которые прозвучат и сегодня... планы большие, расходы – тоже. Предстоят масштабные инвестиции в социальную сферу, демографию, экономику, науку, технологии, инфраструктуру... Решения в сфере финансовой поддержки регионов, рост экономики, должны работать на повышение качества жизни людей, причём во всех субъектах Федерации... Хочу подчеркнуть: главный результат наших программ измеряется не тоннами, километрами и суммой потраченных денег. Главное – это оценка людей, то, как меняется к лучшему их жизнь».</i>

¹² Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24144>

¹³ Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/22393

¹⁴ Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24825>

¹⁵ XII съезд партии «Единая Россия» (стенограмма) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/12802>

На момент выступления 24.09.2011 г. В.В. Путин занимал должность Председателя Правительства РФ и Председателя партии «Единая Россия». На XII съезде партии он был выдвинут в качестве кандидата от «Единой России» для участия в выборах Президента РФ 4 марта 2012 г.

¹⁶ Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902/page/1>

¹⁷ Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585>

Однако далеко не все из них оказывались таковыми на практике. По оценкам экспертов, многие цели и задачи, которые были озвучены главой государства накануне президентских выборов, в конечном итоге так и остались невыполненными до конца или выполненными лишь «на бумаге».

И причиной этого, очевидно, являлись люди, которым была поручена их реализация; те представители властвующих элит, которые были либо неспособны, либо не заинтересованы в выполнении поручений главы государства.

Многие их имена стали известны уже после начала СВО (*вкладка 1*), и, если коротко, **в разные периоды на протяжении последних 24 лет в их ведении находились практически все ключевые сферы государственной национальной политики: от оборонно-промышленного комплекса и экономики до вопросов социального развития и международных отношений.**

Угрозы национальной безопасности, с которыми столкнулась страна после начала СВО, поставили вопрос о достижении суверенитета во всех сферах жизни, можно сказать, в ранг вопросов «жизни и смерти», и зависит он в первую очередь от кадрового наполнения системы государственного управления — властвующих элит страны, непосредственно занимающихся практической реализацией ориентиров, обозначаемых главой государства. Однако и сегодня реальные факты (*вкладка 2*) свидетельствуют о том, что элиты зачастую ведут свою деятельность, руководствуясь не национальными интересами и поручениями Президента, а прежде всего своими собственными мотивами и идеологическими догмами, навязываемыми им «коллективным Западом», в частности через рекомендации и правила международных организаций (ВТО, МОК, ВОЗ и др.).

«Активисты Общероссийского народного фронта (ОНФ) проанализировали выполнение «майских указов» президента РФ Владимира Путина. Согласно заявлению руководителя исполкома ОНФ А. Анисимова, из 179 пунктов оказались выполнены лишь 35: «ОНФ проводит мониторинг исполнения поручений, основанных на восьми „майских указах“ и поручениях в их развитие. Эксперты подготовили заключения на доклады правительства России по 179 поручениям в рамках исполнения „майских указов“ и в их развитие. Из них ОНФ считает выполненными – 35 поручений, 44 поручения – не исполнены, а 100 поручений – исполнены частично и требуют доработки»¹⁸.

«В преддверии оглашения нового послания президента Федеральному собранию Народный фронт «За Россию» (НФ) отчитался об исполнении двух предыдущих. Оказалось, что послание 2023 года пока выполнено на 86%, а послание-2021 – только на 61%»¹⁹.

Подчеркнем, что перечисленные факты имели место уже после начала СВО и поэтому становятся вполне понятными сомнения экспертов в том, что специальная военная операция действительно что-то изменила в российских элитах — **настолько, что они могут соответствовать масштабам вызовов и задач, стоящих перед страной в столь переломный момент истории...** В том числе включая реализацию поручений главы государства, прозвучавших в Послании Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г.

¹⁸ В ОНФ доложили о проблемах с реализацией поручений президента // Информационное агентство Ura.ru. 04.03.2017. URL: <https://ura.news/news/1052759228>

¹⁹ Что и требовалось проверять // Коммерсант. 27.02.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6533586>

Вкладка 1

Основные направления государственной политики, курируемые бывшими членами Правительства РФ, покинувшими страну после 24 февраля 2022 г.

«Отчалил за рубеж бывший премьер-министр России М. Касьянов, который проживает теперь в Латвии. Заместитель премьер-министра А. Дворкович уехал в США. Израиль в качестве места проживания выбрали бывшие заместители главы правительства И. Клебанов, А. Хлопонин и министры Я. Уринсон, М. Акимов. Бывший руководитель Госимущества А. Кох проживает в ФРГ. В. Христенко имеет квартиру в Испании. Бывшая зам. премьер-министра О. Голодец тоже разывается на две страны, одна из них — та же Испания. За рубежом проживают также бывшие главы администрации президента РФ (В. Волошин, В. Юмашев вместе с дочерью Б. Ельцина Татьяной), бывшие министры и их заместители (А. Козырев, Е. Скрынник, А. Вавилов, И. Чуян, А. Реймер и др.), немало бывших губернаторов и их заместителей, сотни чиновников федерального правительства.²⁰»*

Для справки:

- ✓ М. Касьянов*: Председатель Правительства в 2000—2004 гг.;
- ✓ И. Клебанов: заместитель Председателя Правительства РФ, в 2000—2004 гг., курировал вопросы оборонно-промышленного комплекса;
- ✓ В. Христенко: министр промышленности и энергетики, зам. Председателя Правительства РФ в 2000—2004 гг.;
- ✓ А. Дворкович: с 2000 г. советник министра экономического развития и торговли Российской Федерации Г. Грефа; с 2008 г. — помощник Президента Д. Медведева; в 2012—2018 гг. — заместитель Председателя Правительства РФ;
- ✓ Е. Скрынник: министр сельского хозяйства РФ в 2009—2012 гг.;
- ✓ И. Чуян: с 2009 по 2018 г. — руководитель «РосАлкогольРегулирования» (Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка);
- ✓ А. Хлопонин: заместитель Председателя Правительства РФ с 2010 по 2018 г., полномочный представитель Президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе; курировал сферу природопользования и оборота алкогольной продукции, а также вопросы реализации государственной национальной политики, совершенствование организационных и правовых основ национальных отношений;
- ✓ О. Голодец: зам. Председателя Правительства РФ с 2012 по 2020 г.; курировала вопросы здравоохранения, демографии, трудовых отношений, социального развития;
- ✓ М. Акимов: заместитель Председателя Правительства РФ с 2018 по 2020 г.; курировал вопросы связи, транспорта и цифровой экономики...

* Внесен в реестр иностранных агентов.

²⁰ Тошченко Ж. Т. Старые и новые лики предательства // Правда. 2023. № 86. 30 января.

Экспертное мнение о проблемах эффективности государственного управления

ЭКОНОМИКА	
<p>Ануреев С. (д.э.н., проф. департамента общественных финансов Финансового университета при правительстве РФ)²¹</p>	<p>«У нас самое высокое налоговое бремя на обрабатывающую промышленность, а самое низкое – на торговлю, услуги, банки, экспортёров металлов и угля.... Самыми серьёзными «эксплуатантами» дробления и УСН являются «Яндекс» с псевдосамозанятыми таксистами и доставщиками, а также «Дикие ягоды» с пунктами выдачи заказов на франшизе. Таксисты платят в бюджет 6% и «Яндекс» 20–28%, и если бы было наоборот, то налоговый эффект был бы сравним, например, со всеми федеральными субсидиями региона Северного Кавказа. Что если пункты выдачи заказов «Диких ягод» работали бы на общей системе налогов, а отделения Почты России – на франшизе и УСН? Ранее обсуждавшийся инфраструктурный сбор с маркетплейсов на поддержку Почты России в 0,5% от оборота ничтожно мал. Рестораны и банки у нас явно зарабатывают выше среднего, а налоги платят зримо меньше среднего, что также можно посчитать по ежемесячной налоговой статистике. Для молодёжи проще и выгоднее разлить кофе в Москве, чем работать на конвейере условного УАЗа. Рестораны и банки официально не платят НДС».</p> <p>«Одичание значительной части высшего руководства России, сформированного отнюдь еще не законченными 36 годами национального предательства, ярко проявляется и в самозабвенной защите бюрократами отечественной сборки членства в ВТО. Напомним – обслуживающие интересы Запада либералы и олигархи загнали нашу страну в ВТО на заведомо кабалных, колониальных условиях, исключаящих возможность полномасштабного развития и превращающих нас в вечного «надежного и добросовестного» донора жизненно важных органов – сырья, финансов, интеллекта и просто молодежи...»²²</p> <p>«Конституция РФ провозглашает право на жизнь. Однако государство гарантирует экономическое выражение этого права – прожиточный минимум (да и то сильно заниженный) – только пенсионерам и официально занятым полный рабочий день, лишая тем самым права на жизнь все остальное население страны... По данным российских страховщиков, ещё в начале коронабесия более 70% россиян зарабатывало менее 25 тыс. руб. в месяц на человека (что тогда примерно соответствовало реальному прожиточному минимуму, так как официальный, по оценкам, занижен не менее чем вдвое)»²³.</p> <p>«Переориентация государства с разграбления России на её созидание, а экономики – с финансовых спекуляций на развитие технологий требует новой налоговой системы. Надо отменить чудовищный «налоговый маневр» (с 2018 года в нефтяной промышленности, с 2021 – в черной металлургии), изымающий сверхприбыли олигархов не из их карманов, а из карманов народа и разгоняющий инфляцию...НДПИ разумно отвязать от мировых цен...Нужна прогрессивная шкала НДФЛ (включая дивиденды), обязательных соцвзносов, налога на недвижимость и наследство (при освобождении от обложения нищих и снижении – бедных), а также, по примеру Финляндии, штрафов... Вместо более чем десятилетней болтовни о «налоге на роскошь» надо по швейцарскому образцу применить налог на вмененный доход, основанный на том, что расходы на обслуживание имущества не могут превышать четверти дохода его владельца»²⁴.</p>

²¹ Ануреев С. Послание Путина: достижимые цели без раскочки, «мяч» экспертам и чиновникам // Завтра. 03.03.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/poslanie_putina_dostizhimie_teli_bez_raskachki_nuyach_ekspertam_i_chinovnikom?ysclid=lumb0h7y1858303711

²² Делягин М. Да выйдете же вы наконец из гниющего трупа ВТО! // Завтра. 17.03.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/da_vyidite_zhe_vi_nakonetc_iz_gniyushhego_trupa_vto?ysclid=lvbuayl1rt798985089

²³ Делягин М. Право на жизнь – священная основа экономического роста // Завтра. 19.03.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/povestka_dnya_-_9_pravo_na_zhizn_svyashennaya_osnova_ekonomicheskogo_rosta?ysclid=lvbzzywlyruy452142695

²⁴ Делягин М. Налоговая революция // Завтра. 03.04.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/povestka_dnya_-_18_nalogovaya_revolyutciya_vse_dlya_dobavlennoj_stoimosti?ysclid=lvbz0xwv12m426740197

ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА, СПОРТ	
Биров Э. (журналист) ²⁵	<p>«...потенциальное урезание предмета «Основы духовно-нравственной культуры народов РФ» — это далеко не самое худшее, что произошло в образовании... школа при Кравцове переживает серьёзную деградацию вопреки бравурным отчётам министра президенту о некоем нравственном возрождении в образовании. Первое — несмотря на красивые и претивильные слова, в школе по-прежнему господствует принцип образовательных услуг... Второе — в школе по-прежнему не возвращено почётное отношение к учителям, у них нет реальных механизмов воспитания и утращения разнуданных детей... Третье — школы по-прежнему переполнены (в крупных городах), учителя работают на две ставки, нередко по две смены. Огромный дефицит кадров, молодые не выдерживают сумасшедшей нагрузки и быстро уходят... Четвёртое — несом- три на гимны, разговоры о важном и советников по воспитанию патриотическое воспитание на очень невысоком уровне. Зачастую все эти инициативы превращены в мероприятия для галочки... Пятое — учебные программы по-прежнему полны странностей и перекосов, где-то огромный перегруз данных, а где-то примитивная подача».</p> <p>19 марта 2024 г. Министерство просвещения РФ опубликовало²⁷ Приказ № 171, согласно которому с 1 сентября 2025 г. из школьной программы 6–8-х классов будет исключено обществознание.</p> <p>Инициатива грозит проваленными основными государственными экзаменами (ОГЭ) и развитием правовой безграмот- ности у подростков, уверен юрист, репетитор, автор образовательного проекта «Наше общество» Дмитрий Кокорилов: «В девятом классе учатся дети 15–16 лет. Получается, они только в этом возрасте узнают, что у них, оказывается, с 14 лет на- ступила уголовная ответственность по каким-то преступлениям, а с 16 лет наступает уже административная... То есть мы в школе будем говорить про какие-то суперособенности российской экономической системы. Но при этом базово не должны будем рассказывать, что такое вообще экономическая система, что она бывает рыночной, традиционной и командной... Некоторые учителя и директора школ на условиях анонимности рассказали, что несмотря на изменения в программе пла- нируют самостоятельно знакомить школьников с обществознанием. В частности, затрагивать темы права и социальных отношений на уроках истории, а также приглашать девятиклассников на дополнительные факультативы по подготовке к ОГЭ по обществознанию».</p> <p>«Профсоюз «Учитель» собрал почти 3 тыс. подписей против сокращения курса обществознания в школах. Подписи уже отправили в Минпросвещения. Ранее обращения по этому поводу посылали в министерство другие общественные орга- низации, например Ассоциация учителей истории и обществознания. Главная претензия учителей — отсутствие широкого общественного обсуждения столь серьёзной реформы, предполагающей исключение предмета сразу из трех классов — с 6-го по 8-й»²⁸.</p>
Кориков Д. (юрист, автор образовательного проекта «Наше общество») ²⁶	

²⁵ Биров Э. Патриарх заслуженно недоволен работой Кравцова // Завтра. 02.04.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/patriarh_zasluzhenno_nedovolen_rabotoj_kvavtcoj_kravtcoj
va?ysclid=lmvcvfl mxl313978541

²⁶ Обществознание исключают из средней школы. Как эксперты и преподаватели относятся к инициативе // Коммерсант. 31.03.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6608740>

²⁷ «О внесении изменений в некоторые указы Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных образовательных программ начального общего образования, основного общего образования и среднего общего образования». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404120003>

²⁸ Деклассированный элемент: учителя требуют обсудить реформу обществознания // Известия. 19.03.2024. URL: <https://iz.ru/1667510/sergei-gurianov/deklassirovannyi-element-uchitelja-trebutut-obsudit-reformu-obshchestvoznaniia>

Продолжение вкладки 2

<p>Гончаров А. (журналист)²⁹</p>	<p>«Недавно скрытой либеральной обструкции подвергся поэтический сборник советского и российского писателя, главного редактора нашей газеты Александра Проханова... Коммерческая площадка ООО „Маркетплейс“ не стала распространять книгу „Расплавленный свинец“ (стихи Проханова на тему СВО). На запрос издателей о причине отказа пришло следующее уведомление: „Товар запрещён для размещения на площадке „Метамаркет“. Из-за нестабильной политической ситуации товары, которые могут вызвать внутренние конфликты, не допускаются к продаже на площадке...” Площадка OZON прислала уведомление о прекращении распространения данного издания „в связи с жалобами покупателями“».</p>
<p>Иванов А. (журналист)³⁰</p>	<p>7 марта Министерство спорта РФ исключило Камилу Валиеву из списков кандидатов в сборную России. В документе Минспорта уточняется, что исключение семнадцатилетней Камилы проводилось по регламенту вельдства. «Все сделано в соответствии с законодательными документами», – заявил ТАСС генеральный директор Федерации фигурного катания на коньках России А. Коган. Как ко всему этому относиться? С глубочайшим презрением, конечно. К чинушам (и их медиаобслуге), которые в принципе, совершенно искренне не представляют для себя иной формы взаимоотношений с западными элитами, кроме пассивного участия в колленно-локтевых игрищах. Чиновников, а таковых великое множество – далеко не только в спортивной сфере – переориентировать невозможно. Они воспитаны, обязаны карьерой данной парадигме, в рамках коей имеется лишь всемогущий Запад и его холуи. Теле- и радиоведущий Сергей Мардан: «Как-то получается очень некрасиво. Два года назад все российские СМИ, а также все без исключения официальные спикеры с пеной у рта говорили о том, что всё происходящее с Камиллой Валиевой — позор, русофобия и, мол, мы Камилочку, нашу девочку до рогулю, в обиду не дадим. Наступает 2024 год и глава Федерации фигурного катания исключает Валиеву из состава сборной за нарушение допинговых правил. В положении идиотов оказываются абсолютно все, кто публично защищал Камилу два года назад. И только Александр Коган — весь в белом и может спокойно путешествовать по миру, как лицо, не нарушающее абсолютно никаких санкций».</p>
<p>Эксперты РАН³¹: ✓ Председатель профсоюза, зам. директора по научной работе Института радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова РАН Г. Чучева</p>	<p>НАУКА</p> <p>«В подавляющем большинстве развитых и активно развивающихся стран мира (США, Китай, страны Западной Европы, Япония, Южная Корея) внутренние затраты на исследования и разработки к ВВП растут и превышают 2% ВВП, доходя даже до 4–5%. В России этот показатель в последние десятилетия не увеличивался, в основном находясь в диапазоне 1–1,1% ВВП. А с 2020 года он начал падать и в 2022 году опустился до уровня 1990-х годов – 0,94% ВВП. Падают и бюджетные расходы на науку в отношении к ВВП, в том числе расходы на фундаментальные исследования. Правительство России проигнорировало рекомендации Российской академии наук в 2024 году выделить на фундаментальные исследования 415 млрд рублей. Предполагается выделить 261 млрд рублей, что всего на 3,3% выше уровня 2023 года (при планируемой инфляции 4,5%!)</p>

²⁹ Гончаров А. Саботаж без прикрас // Завтра. 07.03.2024 / https://zavtra.ru/blogs/sabotazh_bez_prikras?ysclid=lmudsaigz997108882

³⁰ Иванов А. Необходимо «сказать вслух: да, фигуристка Валиева – это русский солдат на войне с Западом» // Завтра. 09.03.2024. URL: https://zavtra.ru/events/neobhodimo_skazat_vsluh_da_figuristka_valieva_eto_russkij_soldat_na_vojne_s_zapadom?ysclid=lmixbhet9673259839

³¹ Пресс-конференция Профсоюза работников Российской академии наук «Безрадостные финансовые перспективы российской науки в год 300-летия РАН» // Новости РАН. 29.02.2024. URL: <https://new.ras.ru/activities/news/press-konferentsiya-profsoyuza-rabotnikov-rossijskoj-akademii-nauk-bezradostnyje-finansovyje-perspektivi?ysclid=iv3o76akgvg66483491>

Продолжение вкладки 2

	<p>Председатель профсоюза, зам. директора по научной работе Института радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова РАН Г. Чучева: «Базовые бюджеты большинства наших институтов расходуются в основном на скромные зарплаты основного персонала, коммунальные услуги и, если остаются деньги, на хозяйственные нужды. Что касается закупки расходных материалов и оборудования, содержания инфраструктуры, это уже у кого как получится с грантами и договорами. В таких условиях чрезвычайно трудно привлечь и удерживать молодежь, вести прорывные исследования, не выпадать из мирового научного потока».</p>
<p>✓ Зам. председателя профсоюза, научный сотрудник Физического института им. П.Н. Лебедева Е. Онищенко</p>	<p>«В последние десятилетия внутренние затраты на исследования и разработки в России составляли около 1% ВВП, а с 2020-го начали падать, опустившись до уровня 1990-х годов. В развитых странах этот показатель в 2–4 раза больше. Не лучше обстоят дела и с финансированием фундаментальных исследований, ответственность за развитие которых лежит на государстве. В 2024 году на фундаментальную науку из бюджета планируется выделить менее 0,15% ВВП – самый низкий показатель за годы новой российской истории. В большинстве развитых стран цифры в разы больше – 0,4–0,6%, причем такой уровень финансирования типичен для тридцатки ведущих государств, а никак не пятерки, в которую мы так мечтаем попасть».</p>
<p>✓ Зав. отделом Института общей физики РАН В. Калинушкин</p>	<p>«Огромной проблемой, связанной с хроническим недофинансированием, является накопившийся за годы безденежья дисбаланс в зарплатах ученых из центральной части страны и регионов, а также в оплате труда научных работников и других категорий сотрудников исследовательских институтов. Попробуйте удержать квалифицированный персонал, когда трудившийся в НИИ десятилетия инженер получает в три раза меньше, чем недавно устроившийся младший научный сотрудник... Тревожным фактором является отсутствие у исследователей финансовой стабильности. Гарантированная часть зарплаты – оклады – составляет всего 20–30% от получаемых денег. Ввести в науку новую систему оплаты труда с увеличенной окладной частью, как уже не первый год обещают чиновники, без дополнительных вложений невозможно».</p>
<p>✓ Зам. академика-секретаря Отделения математических наук РАН, главный научный сотрудник Математического института им. В.А. Стеклова РАН академик Б. Кашин</p>	<p>«После президентских выборов будет формироваться новое правительство. Поэтому научному сообществу необходимо задуматься, отвечает ли сложившаяся форма управления наукой запросам профилейного сообщества и потребностям государства, и в случае отрицательного ответа поставить вопрос о ее изменении... С моей точки зрения, Министерство науки и высшего образования показало полную беспомощность по части науки, не решив ни одну из наиболее острых проблем, которые мешают ученым работать. Вместо выработки комплексных решений по действительно важным вопросам чиновники занимаются изобретением показателей для оценки работы ученых».</p>

Окончание вкладки 2

КОРРУПЦИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	
РИА-новости 24.07.2023 ³²	<p>«Следователи задержали бывшего вице-губернатора Белгородской области К. Полежаева по подозрению в получении взятки в особо крупном размере — 17 млн руб. ... Экс-мера Белгорода Антона Иванова (2021—2022) задержали сотрудники ФСБ по аналогичной статье — подозрение во взяточничестве в особо крупном размере. 20 марта задержали еще одного чиновника из команды Савченко. Им стал бывший мэр Старого Оскола (2018—2021) А. Сергиенко, которого обвинили в получении трех взяток на общую сумму 15 млн руб.»</p>
РИА-новости 19.10.2023 ³³	<p>«Басманный суд Москвы заочно арестовал бывшего топ-менеджера «Роскосмоса» В. Мешкова по делу о мошенничестве в особо крупном размере... Мешков причастен к хищению более 600 млн бюджетных рублей, выделенных на реконструкцию стенов в НИЦ ракетно-космической промышленности. Это основная структура «Роскосмоса», которая занимается испытаниями жидкостных ракетных двигателей... Сейчас подозреваемый находится за границей, его объявили в международный розыск. Мешков — действительный государственный советник 3-го класса. В 2016 году он возглавил департамент капитальства «Роскосмоса» и стал советником гендиректора госкорпорации. В 2019-м перешел на должность замначальника департамента в аппарате полпреда президента в Приволжском федеральном округе».</p>
РИА-новости 22.12.2023 ³⁴	<p>«Главным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации расследуется уголовное дело в отношении заместителя генерального директора государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» Олега Фролова, индивидуального предпринимателя, а также представителя коммерческой организации. Каждому из трех фигурантов предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного частью 4 статьи 159 УК России (мошенничество в особо крупном размере)».</p>
РИА-новости 08.04.2024 ³⁵	<p>«В Красноярском крае задержана бывший начальник управления АО «Информационные спутниковые системы» имени академика М. Ф. Решетнева по обвинению в мошенничестве на сумму свыше 28 млн рублей. Возбуждено уголовное дело... Согласно данным из открытых источников, акционерное общество «Информационные спутниковые системы» имени академика М. Ф. Решетнева расположено в Железногорске Красноярского края. Предприятие — лидер по созданию космических аппаратов связи, телевидения, ретрансляция, навигации, геодезии».</p>
РБК 24.04.2024 ³⁶	<p>«Басманный суд отправил в СИЗО замминистра обороны Тимура Иванова. Его арестовали на два месяца, до 23 июня. Иванову предъявили обвинение по ч. 6 ст. 290 УК (получение взятки в особо крупном размере) ... В нескольких российских регионах силовики проводят десятки обысков, связанных с делом замминистра обороны Тимура Иванова... Материалы уголовного дела связаны с должностными обязанностями чиновника. Дело может стать многоэпизодным, так как следствие опрашивает возможных участников преступной деятельности, которые дают показания».</p>

³² Бывшего вице-губернатора Белгородской области Полежаева задержали по делу о взятке // Ведомости. 24.07.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/07/24/986576-bivshego-vitse-gubernatora-belgorodskoi-oblasti-polezhaeva-zaderzhali-po-delu-o-vzyatke>

³³ В Москве заочно арестовали бывшего топ-менеджера «Роскосмоса» Мешкова // РИА-новости. 19.10.2023. URL: <https://ria.ru/20231019/sud-1903770295.html?in=t>

³⁴ Замгендиректора «Роскосмоса» обвинили в мошенничестве // РИА-новости. 22.12.2023. URL: <https://ria.ru/20231222/obvinenie-1917585930.html?in=t>

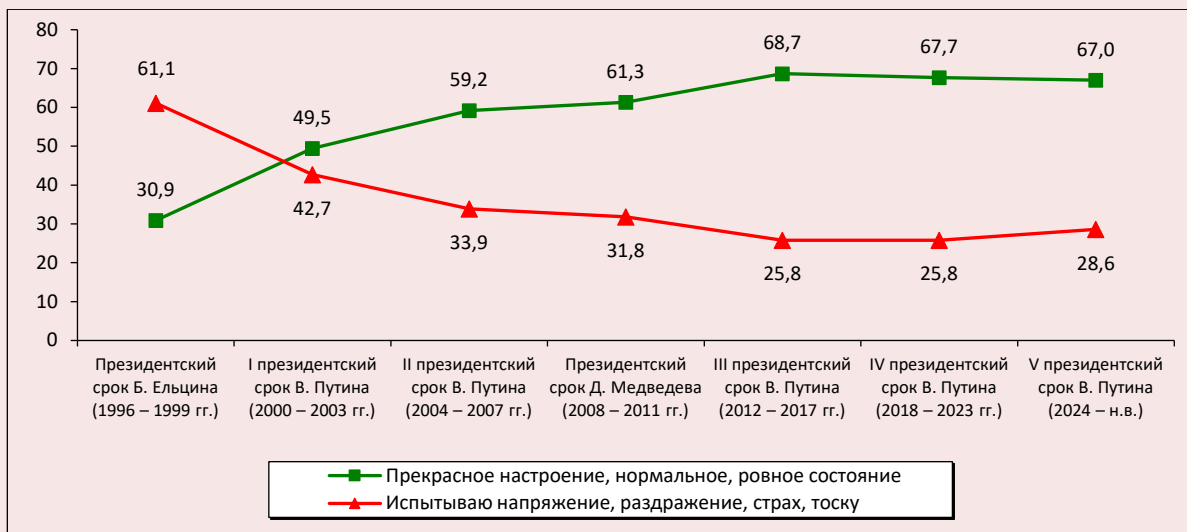
³⁵ Экс-главу предприятия «Роскосмоса» заподозрили в мошенничестве // РИА-новости. 08.04.2024. URL: <https://ria.ru/20240408/moshennichestvo-1938496833.html?ysclid=lvbzcsps71376950195>

³⁶ Суд арестовал замминистра обороны Тимура Иванова // РБК. 24.04.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/04/2024/6628aa7c9a7947bd29bfbe82?ysclid=lvj4d6se4469838502>

Однако вопрос даже не в достижении конкретных показателей, указанных в Послании. Как мы отметили ранее, многие из них и раньше не достигались, но это никак не сказывалось, например, на устойчивости таких важных тенденций в обществе, как рост уровня доверия практически всем государственным и общественным

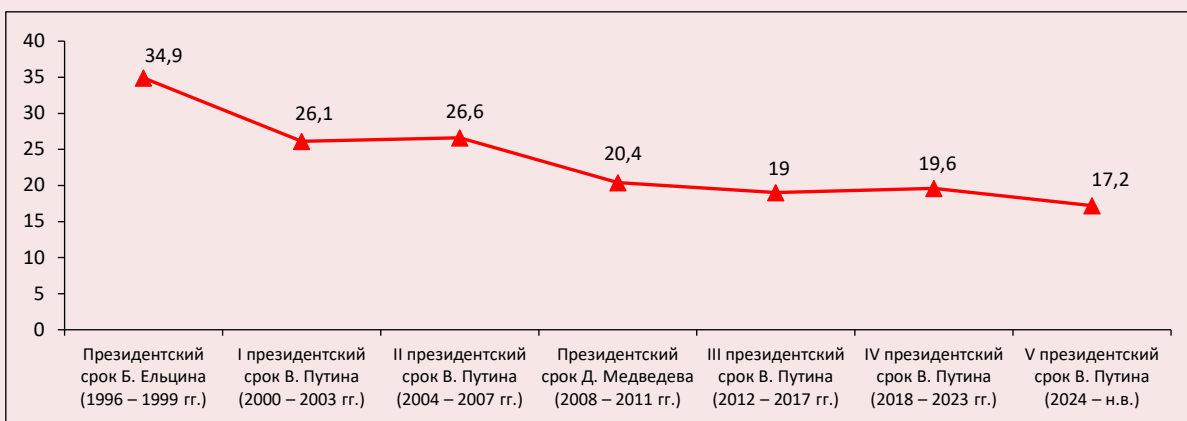
институтам в стране (включая все органы власти; *вкладка 3*), улучшение психологического самочувствия населения (*рис. 3*), которое «во многом зависит от степени разрешаемости социальных проблем и противоречий, а также удовлетворения социальных интересов³⁷», снижение протестного потенциала (*рис. 4*), и многих других.

Рис. 3. Динамика социального настроения (среднегодовые данные ВолНЦ РАН), % от числа опрошенных

Формулировка вопроса: «Что бы Вы могли сказать о своём настроении в последние дни?»

Рис. 4. Динамика протестного потенциала (среднегодовые данные ВолНЦ РАН), % от числа опрошенных

Потенциал протеста – доля респондентов, ответивших на вопрос «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» следующим образом: «Выйду на митинг, демонстрацию»; «Буду участвовать в забастовках, акциях протеста»; «Если надо, возьму оружие, выйду на баррикады».

³⁷ Харченко С.В. Феномен и природа социального настроения // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 1. С. 168–170.

Вкладка 3

Динамика уровня доверия государственным и общественным институтам (данные ВолНЦ РАН, % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Среднегодовые данные										Изменение (+/-), 2024 г. к 1996 г.
	Президентский срок Б.Н. Ельцина (1996 г.*)	I президентский срок В.В. Путина (2000–2003 гг.)	II президентский срок В.В. Путина (2004–2007 гг.)	Президентский срок Д.А. Медведева (2008–2011 гг.)	III президентский срок В.В. Путина (2012–2017 гг.)	IV президентский срок В.В. Путина (2018–2023 гг.)	V президентский срок В.В. Путина (2024 г.**)				
Президенту РФ	26,5	58,2	58,6	56,0	55,3	54,3	59,3				+33
Правительству РФ	18,5	39,3	39,3	51,7	45,5	43,8	51,9				+33
Полиции	14,1	26,0	27,0	33,6	37,2	43,4	49,6				+36
Прокуратуре	18,2	28,9	31,9	36,8	39,5	45,4	49,5				+31
Церкви	37,9	42,6	44,3	47,8	44,7	46,8	48,1				+10
ФСБ	12,6	32,6	33,4	37,5	38,5	43,7	47,2				+35
Армии	34,2	33,8	27,8	35,0	39,6	42,6	46,8				+13
Суду	19,8	30,9	33,9	37,4	39,1	42,2	46,3				+27
Руководству области	14,2	28,6	35,3	40,3	36,6	36,5	44,0				+30
Совету Федерации	13,4	27,9	31,7	39,3	37,4	34,2	43,3				+30
Органам местного самоуправления	-	-	29,5	35,9	32,9	34,3	42,9				-
Научным организациям	-	-	-	-	-	34,0	41,2				-
Общественной палате РФ	-	-	-	27,3	31,2	30,3	39,2				-
Государственной Думе	14,8	22,5	27,6	35,3	33,1	31,1	38,7				+24
Общественной палате области	-	-	-	25,3	28,1	28,6	37,6				-
СМИ	15,4	29,1	29,1	30,5	28,0	29,7	36,9				+22
Профсоюзам	20,2	26,0	27,6	31,0	27,4	31,2	36,8				+17
Общественным организациям	-	-	22,2	27,5	25,5	28,0	36,3				-
Директорам, руководителям предприятий	5,2	20,1	23,8	24,5	23,0	24,1	31,9				+27
Политическим партиям, движениям	6,8	12,9	17,2	23,1	19,5	21,6	30,1				+23
Банковским, предпринимательским кругам	8,5	13,9	20,5	22,2	19,4	21,8	29,7				+21

* Вопрос задавался только в 1996 г.

** Вопрос задается 2 раза в год (в апреле и октябре). В таблице представлены данные за апрель 2024 г.

Формулировка вопроса: «Определите, пожалуйста, свое отношение к действующим в стране общественным структурам и институтам власти» (варианты ответа «полностью доверяю» и «в основном доверяю»).

Кроме того, Правительству РФ под председательством М.В. Мишустина (кандидатуру которого Президент предложил 15 января 2020 г.) за 4 года своей работы удалось сделать действительно многое для того, чтобы российская экономика могла успешно развиваться, причем в крайне непростых условиях, связанных сначала с эпидемией Covid-19, а затем — с проведением специальной военной операции (вкладка 4).

Президент и Правительство и сегодня продолжают активно принимать меры, направленные на укрепление российской экономики, поддержку населения и наведение прядка в стране, что в конечном итоге позволяет России продолжать бороться за свой национальный суверенитет, а точнее за сохранение своей государственности, культуры и территориальных границ (вкладка 5).

Таким образом, нельзя не согласиться с тем, что «в настоящее время иммунная система нашей страны мобилизована, работает на максимальных оборотах»³⁸ и что в ней **есть «большое количество настоящих патриотов; относитель-**

«... далеко не вся нынешняя доминирующая социальная прослойка тотально поражена пороками, есть в ней и относительно крупное здоровое ядро. Именно оно сейчас и вытягивает страну из пропасти, продавливая необходимые для её выживания и развития меры... Есть немало государственных работников, которые в силу сложившихся обстоятельств вынуждены были долгое время скрывать свои патриотические взгляды, приспособившись и работать в рамках навязанной стране либеральной программы-матрицы и тотального доминирования её носителей в органах власти. К тому же и на нижнем, и на среднем уровне во власти ещё сохранилось большое количество настоящих патриотов»³⁹.

но крупное здоровое ядро, которое вытягивает страну из пропасти». Но в условиях беспрецедентных угроз национальной безопасности, с которыми столкнулась Россия после 24 февраля 2022 г., было бы недальновидно и просто опасно смотреть на ситуацию в стране через «розовые очки».

Проблема, как мы уже говорили, не в том, что какие-то цели Послания достигнуты, а какие-то нет, а в том, что сегодня для России стоит вопрос «быть или не быть»: страна должна совершить комплексный разворот от либерального прошлого, в котором она существовала последние 30 лет и в котором выросло уже не просто поколение элит, а целое поколение российского общества. Поэтому и разворот должен быть соответствующих масштабов: начиная от бытового сознания простых граждан и заканчивая концептуальными, системообразующими принципами развития экономики, культуры, ведения внутренней и внешней политики, морально-нравственных ориентиров.

Сможет ли нынешняя властвующая элита, в которой «накопилась за предыдущие... десятилетия критическая масса людей, целых типажей, органически не способных на мобилизацию и исторический рывок»⁴⁰, осуществить такой разворот — большой вопрос, и это, безусловно, вызывает тревогу за будущее страны в тех внешних условиях, в которых она оказалась после 24 февраля 2022 года.

«Наличие сформировавшейся за десятилетия крупной „либеральной опухоли“ значительно осложняет и тормозит сейчас реализацию решений, необходимых для выживания и развития страны... **Откровенных врагов, как говорится, не так много, но они грамотно расставлены»⁴¹.**

³⁸ Школьников А. Иммунная система шуток не понимает // Завтра. 05.03.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/immunnaya_sistema_shutok_ne_ponimaet?ysclid=lumdm3w0t9636788891

³⁹ Кассин О. О «политической онкологии» современной «элиты» и мерах ее лечения // Завтра. 07.03.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/o_politicheskoy_onkologii_sovremennoj_eliti_i_merah_eyo_lecheniya?ysclid=lumf3jtu5x135750817

⁴⁰ Дугин А.Г. Нам необходим образ Победы // Завтра. 04.04.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/nam_neobhodim_obraz_pobedi?ysclid=luqleiyu8z777167398

⁴¹ Кассин О. О «политической онкологии» современной «элиты» и мерах ее лечения // Завтра. 07.03.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/o_politicheskoy_onkologii_sovremennoj_eliti_i_merah_eyo_lecheniya?ysclid=lumf3jtu5x135750817

Эксперты о работе Правительства М.В. Мишустина

<p>М.Г. Делягин (депутат Государственной Думы РФ)</p>	<p>«За четыре года своей работы правительство Михаила Мишустина продемонстрировало выдающиеся способности стабилизации социально-экономической ситуации...»⁴²</p> <p>«Правительству Мишустина приходилось действовать, по сути дела, в чрезвычайных обстоятельствах, решая задачи прежде всего стабилизации, приспособления высоко интегрированной в мир экономики к принципиально новым условиям распада глобальных рынков и формирования макрорегионов... И надо отдать должное — правительством Мишустина продемонстрировано выдающиеся способности стабилизации социально-экономической ситуации... главным фактором успеха видится организация социально-экономической сферы правительством Мишустина»⁴³.</p> <p>«Правительство Мишустина в целом, не имея возможности призвать к порядку Минфин (в силу его исключительного политического влияния), вынуждено компенсировать последствия его политики, по сути дела, при помощи чрезвычайных мер, - которые в сегодняшней ситуации, стоить подчеркнуть, являются полностью оправданными... Надо отметить, что премьер Мишустин стал подлинным виртуозом такого вынужденного реагирования. Именно благодаря его усилиям российская экономика развивается в целом достаточно стабильно и успешно, а ключевые ее сферы своевременно получают достаточную в целом защиту от разрушительных действий либеральных финансовых властей»⁴⁴.</p> <p>«Инвестиционный рост 2023 г. составил 9,8%. Это лишь чуть меньше, чем в начале «нулевых», когда после импюльса, приданного российской экономике согласованными усилиями правительства Примакова — Маслюкова и Центробанка Геращенко, инвестиции, несмотря на все усилия либералов, вернувших себе экономическую власть уже в мае 1999 года, два года подряд увеличивались на 10%. Нынешнее достижение тем более ценно, что достигнуто в не-сравнимо менее благоприятных условиях — прямого противодействия инвестиционному процессу руководства Минфина и целого ряда других возглавляемых либералами структур государственного управления...»⁴⁵</p>
---	--

⁴² Делягин М. От стабилизации – к модернизации // Завтра. 12.01.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/ot_stabilizacii_k_modernizacii_ob_ektivnie_zadachi_pravitelstva_mishustina?ysclid=lvbzst7kg0396933428

⁴³ Делягин М. Правительство стабильности вчера и развития завтра // Завтра. 23.01.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/pravitelstvo_stvo_mishustina_pravitelstvo_stabilnosti_vchera_i_razvitiya_zavtra?ysclid=lvbztlmh5rc435989899

⁴⁴ Делягин М. Правительство Мишустина спасает рынок нефтепродуктов // Завтра. 29.02.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/pravitelstvo_stvo_mishustina_spasaet_rynok_nefteproduktov?ysclid=lvbzudxlyu518349934

⁴⁵ Делягин М. Чудо премьеры Мишустина: инвестиции растут быстрее, чем после Примакова. Что впереди? // Завтра. 29.03.2024. URL: https://www.zavtra.ru/blogs/chudo_premjera_mishustina_investicii_rastut_bystree_chem_posle_primakova_chno_vperedi

Продолжение вкладки 4

	<p>«Опубликованы поразительные данные об исполнении федерального бюджета в I квартале 2024 года: его дефицит рухнул с прошлогодних 2,1 трлн руб. в 3,5 раза — до 0,6 трлн, то есть до 0,3% ВВП (что вчетверо ниже уровня I квартала 2023 года — 1,2% ВВП и втрое — годового дефицита 2024 года, утвержденного законом в размере 0,9% ВВП)... Таким образом, федеральный бюджет 2024 года практически стабилизирован на фоне (и в решающей степени за счет) уверенно ускоряющегося экономического роста, являющегося результатом последовательной политики премьеры Мишустина»⁴⁶.</p>
	<p>«Несмотря на западные санкции и либеральную финансовую политику, удерживающую Россию в состоянии искусственно созданного «денежного голода», правительство Мишустина обеспечило не просто стабилизацию социально-экономической ситуации, но и экономический рост (ускорившийся, если верить Минэкономразвития, с прошлогодних 3,6% до 4,6% в январе и 7,7% в феврале), и увеличение инвестиций почти на 10%. Теперь на основе достигнутых результатов обеспечивается уверенное социальное развитие»⁴⁷.</p>
<p>С.Ю. Глазьев⁴⁸ (академик РАН, член Коллегии по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии)</p>	<p>«На долю Правительства М.В. Мишустина выпало два крупнейших за последнюю четверть века социально-экономических потрясения: пандемия, которую сейчас называют актом биологической войны, и агрессия стран НАТО с целью разгрома нашей страны. Из тысячи суток его работы едва ли найдется хоть одна спокойная неделя. Кабинет мишустин выдержал «проверку на прочность» с честью. Борьба с пандемией коронавируса, потребовавшая мобилизации всех ресурсов здравоохранения, медицинской науки и социальных служб, принятия множества нетривиальных решений, сменилась закрытием основного рынка России — рынка Европейского союза вместе с арестом валютных активов и началом гибридной войны Запада против России. На все эти вызовы были даны своевременные адекватные ответы. Уже в 2021 году удалось полностью навести экономическую активность, вызванное вынужденными мерами социальной изоляции. Благодаря оперативным принятым мерам государственной поддержки были сохранены и возобновили работу сотни тысяч малых и средних предприятий, восстановились строительство и сфера услуг. Прирост реального ВВП составил в 2021 году 4,7%, промышленного производства — 5,3%, инвестиций — 7,7%.</p>

⁴⁶ Делягин М. Эффективная политика // Завтра. 10.04.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/pravitel_stvo_mishustina_sokratilo_byudzhetnij_deficit_v_35_gaza_i_uskorilo_ekonomicheskij_rost_do_77

⁴⁷ Делягин М. Правительство Мишустина обеспечивает развитие социальной сферы // Завтра. 17.04.2024. URL: https://www.zavtra.ru/blogs/pravitel_stvo_mishustina_obespechivaet_razvitiye_sotsialnoj_sferi

⁴⁸ Глазьев С.Ю. И масло, и пушки, и вакцины // Независимая газета. 19.01.2023. URL: https://www.ng.ru/economics/2023-01-19/5_8639_government.html

Окончание вкладки 4

	<p><i>В результате своевременных и грамотных действий в России не только не произошёл обвал экономики, но и открылись новые возможности для ее развития. Российские предприятия устремились на быстро растущие рынки Юго-Восточной Азии, ставшей новым центром развития мировой экономики. В торговле с зарубежными партнерами осуществлен переход на национальные валюты. Расширяется применение российских платежных систем и цифровых валютных активов, защищенных от санкционных угроз. Несмотря на закрытие западных рынков, прошлый год завершен с рекордным положительным салдо торгового баланса, произошло укрепление обменного курса рубля. Выросли реальные зарплаты, индексированы пенсии и социальные пособия.</i></p> <p><i>При всех сложностях того режима турбулентности, в который попала экономика, было обеспечено главное в текущем управлении экономикой – координация по вертикали (с регионами и муниципалитетами) и горизонтально (между разными органами управления), как в случае с пандемией, так и в последний год адаптации экономики к условиям небывалых санкций. Производительность органов исполнительной власти выросла в два с лишним раза: если в период с 2000 по 2020 год ежегодно принималось в среднем 950 актов (постановлений) правительства России, то в 2020–2022 годах – более 2 тыс. актов в год; резко выросло бюджетное исполнение национальных проектов – с 90% от плана в 2019 году до 97% и более в 2020 и 2021 годах. Отрабатываются схемы и процедуры проектного и программного финансирования, государственно-частного партнерства, интерактивного стратегического планирования».</i></p>
<p>В. Володин (Председатель Государственной Думы РФ)⁴⁹</p>	<p><i>«Политическая система и экономическая модель, созданная президентом Владимиром Путиным, показали свою эффективность, несмотря на 19 тыс. санкций, которые объявлены нашей стране. И в этом большая заслуга правительства РФ».</i></p>
<p>М. Шапов⁵⁰ (депутат Государственной Думы РФ)</p>	<p><i>«Правительство Мишустина отличается тем, что в целом оно справилось сразу с двумя сильнейшими кризисами, спровоцированными внешними условиями: пандемией и санкционной войной».</i></p>
<p>С. Разворотнева⁵¹ (депутат Государственной Думы РФ)</p>	<p><i>«Михаил Мишустин показал себя как самый эффективный премьер со времен новой России... Ему повезло работать в непростой период. Сначала пандемия, потом введение санкций. Но правительство успешно справляется. Страна развивается, идет экономический рост, реализуются социальные программы... полномасштабная модернизация ЖКХ началась только при Мишустине. И такого дорожного и жилищного строительства тоже никогда не было. Мы стали инвестировать в наш производственный сектор».</i></p>

⁴⁹ Соловьева О. Уходящее правительство ставит себе цели на будущее // Независимая газета. 03.04.2024. URL: https://www.ng.ru/economics/2024-04-03/1_8986_future.html?ysclid=lv551dr2f2575049498

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

**Мониторинг нормативно-правовых актов (законов, указов), подписанных Президентом РФ
в период с 29 февраля по 21 апреля 2024 г.⁵²**

**МЕРЫ ПО ПОДДЕРЖКЕ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ, ПО РАЗВИТИЮ ВПК, МОБИЛИЗАЦИИ,
ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ПОВЫШЕНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ**

11 марта – Указ № 171 «О дополнительных социальных гарантиях отдельным категориям лиц». В случае гибели или получения увечья устанавливаются дополнительные меры социальной поддержки (единовременные выплаты) лицам гражданского персонала Вооруженных Сил РФ, федеральным государственным гражданским служащим и работникам федеральных органов исполнительной власти (федеральных государственных органов), в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, органов внутренних дел Российской Федерации, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, органов принудительного исполнения Российской Федерации, органов федеральной фельдъегерской связи, таможенных органов Российской Федерации, организаций Федеральной таможенной службы и членам их семей.

23 марта – ФЗ № 61 «О внесении изменений в Федеральный закон „О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации“, статью 34 Федерального закона „О воинской обязанности и военной службе“ и признании утратившим силу Федерального закона „Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции“». Уточняются условия заключения с гражданами, в отношении которых осуществляется предварительное расследование либо которые имеют судимость, контрактов о прохождении военной службы в Вооружённых Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения и в военное время. Одновременно устанавливаются полномочия федеральных органов исполнительной власти по определению порядка взаимодействия по вопросам, связанным с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время граждан, имеющих судимость, а также по вопросам, связанным с заключением с такими гражданами контрактов о прохождении военной службы в Вооружённых Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения и в военное время.

⁵² Данная вкладка представляет собой продолжение мониторинга наиболее важных нормативно-правовых актов, подписанных Президентом РФ, который мы ведем с июня 2022 г. Таким образом, данный мониторинг продолжается уже 19 месяцев, его результаты опубликованы в 10 статьях (первый выпуск мониторинга представлен в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41).

Продолжение вкладки 5

23 марта — ФЗ № 64 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Устанавливаются основания и порядок освобождения от уголовной ответственности и от наказания лиц, призванных на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооружённые Силы Российской Федерации либо заключивших в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооружённых Силах Российской Федерации, а также основания погашения судимости в отношении таких лиц.

23 марта — ФЗ № 65 «О внесении изменений в статью 333—35 части второй Налогового кодекса Российской Федерации». Отменяется госпошлина за регистрацию транспортных средств, переданных безвозмездно в зону СВО.

6 апреля — ФЗ № 70 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации». Устанавливается запрет на расторжение по инициативе работодателя трудового договора с супругой (супругом) погибшего (умершего) ветерана боевых действий, не вступившей (не вступившим) в повторный брак, в течение одного года с момента гибели (смерти) ветерана боевых действий (за исключением случаев ликвидации организации или прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем, а также совершения работником некоторых видов виновных действий).

6 апреля — ФЗ № 72 «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона „Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооружённые Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”. Предусматривается, что по кредитным договорам, за исключением кредитных договоров, обязательства по которым обеспечены ипотекой, заключённым с лицами, принимающими участие в специальной военной операции, проценты, начисленные в течение льготного периода, уплате не подлежат.

16 апреля — Указ № 262 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 3 августа 2023 г. № 582 „О мерах по обеспечению обязательного государственного страхования жизни и здоровья граждан Российской Федерации, пребывающих в добровольческих формированиях”. Страхование гарантии в виде компенсации для участников добровольческих формирований распространены на граждан, вступивших в такие формирования для содействия выполнению задач, возложенных на войска нацгвардии. Теперь добровольцы Росгвардии смогут получить компенсацию за ранение или по инвалидности. В случае смерти бойца ее выплатят его родственникам. Такие выплаты будет осуществлять Росгвардия или страховщик, заключивший с ней договор обязательного государственного страхования.

<p style="text-align: center;">МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, РЕГУЛИРОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ, ОБРАЗОВАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ</p> <p>11 марта — ФЗ № 42 «О внесении изменений в статью 11 Федерального закона „О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Устанавливается запрет рекламы информации иностранных агентов в средствах массовой информации и в сообщениях и материалах средств массовой информации в информационно-телекоммуникационных сетях. Кроме того, согласно Федеральному закону, не допускается распространение рекламы на информационном ресурсе иностранного агента.</p> <p>23 марта — Федеральный конституционный закон № 1 «О внесении изменений в статью 4 Федерального конституционного закона „О Государственном флаге Российской Федерации”. В соответствии с Федеральным законом Государственный флаг Российской Федерации должен быть вывешен постоянно на зданиях образовательных организаций независимо от форм собственности или установлен постоянно на их территориях.</p>	<p style="text-align: center;">МЕРЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ШИРОКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ, УКРЕПЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ</p>	<p>11 марта — ФЗ № 47 «О внесении изменений в статьи 10 и 17 Федерального закона „О страховых пенсиях”. Предусматривается повышение фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости и к страховой пенсии по инвалидности лицам, на иждивении которых находятся правнуки, не достигшие возраста 18 лет или достигшие указанного возраста и обучающиеся по очной форме обучения в образовательных организациях, до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет или старше этого возраста, если они до достижения возраста 18 лет стали инвалидами. Указанное повышение устанавливается в размере одной третьей суммы фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости или к страховой пенсии по инвалидности на каждого нетрудоспособного члена семьи (но не более чем на трех членов семьи).</p> <p>23 марта — ФЗ № 56 «О внесении изменений в статью 7–1 Федерального закона „Об Особой экономической зоне в Магаданской области и на территориях Южно-Курильского, Курильского и Северо-Курильского городских округов Сахалинской области” и статью 2 Федерального закона „О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации”. Срок функционирования особой экономической зоны на территории г. Магадана в его административных границах продлевается до 31 декабря 2046 года. Кроме того, к сухопутным территориям Арктической зоны Российской Федерации отнесены муниципальные образования Белоярский муниципальный район и Берёзовский муниципальный район Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.</p>
--	--	---

Многое в этом вопросе будет зависеть от того, каким будет новое Правительство РФ, состав которого будет объявлен в мае 2024 г. после инаугурации Президента. Удастся ли главе государства реально «определить, кто и на каком месте будет наиболее эффективно работать для того, чтобы общий результат, командная работа были максимальными»⁵³, или в кабинете министров останутся люди, которые, одной рукой исключая из школьной программы курс обществознания, другой рукой включают в про-

грамму младших классов по физкультуре такие модули, как гольф и чирлидинг, якобы формирующие у обучающихся «чувство патриотизма, нравственные качества... проявление чувства гордости за свою Родину, российский народ и историю России...»⁵⁴ (как отметили некоторые эксперты, «...без мата комментировать это весьма затруднительно. Оказывается, в нашей стране в нынешних условиях чувство патриотизма и коллективизма можно и нужно воспитывать через занятия гольфом. Приехали...»)⁵⁵.

«Какой такой патриотизм и в интересах чьей страны, позвольте спросить?.. Если министру исходя из личных отношений и понимания ценностей нужно за бюджетный счет реализовать историю с гольфом для какой-нибудь конкретной элитной школы на Рублевке или Новорижском шоссе, то не надо эту что ни на есть западно-американскую культуру мешать с нашим отечественным патриотизмом... Минпросвет становится совсем не РФ и совсем токсичным. Считаем, что его деятельностью давно пора заинтересоваться органам, отвечающим за защиту госсuverенитета» (член Совета по правам человека при президенте РФ Кирилл Кабанов)⁵⁶.

«С каких это пор любимая игра мужа вице-преьера Голиковой – Виктора Христенко и прочих наших и западных олигархов стала мерилем нравственности и патриотизма? В развитии гольфа участвуют многие заметные российские олигархи: Олег Дерипаска, Роман Абрамович, Владимир Потанин и другие. Ещё гольф конечно же очень любит цифротрансформер-глобалист Герман Греф. В 2017 г. в Любляне (Словения) состоялся аукцион, на котором Сбербанк купил гольф-клуб, принадлежавший ранее компании Golf Projekti, за 5,78 млн евро. **У простого народа на этот спорт денег нет, и в нашей стране он никогда не был народным – по понятным причинам. Да и к физическому развитию он имеет мало отношения... Как видим, контору Кравцова всё это ничуть не смущает. И какой коллективизм в гольфе, и какие же наши традиционные ценности – кто может внятно объяснить?** А главное, как можно давать возможность проводить «занятия по гольфу» в рамках основных занятий физкультурой? **Во время войны, которую мы ведём с коллективным Западом, это выглядит как откровенное издевательство и демонстрация полной оторванности власти от народа. Значит, патриот для них — не парень, отдавший жизнь «за други своя», а член элитного гольф-клуба из семейки олигархов»** (РИА «Катюша»).

«Я считаю эту инициативу необоснованной, поспешной и совершенно звучащей как будто из другого пространства, находящегося даже не по соседству со сферой образования» (Заслуженный учитель РФ, историк, кандидат психологических наук, профессор МГПУ А. Снегуров)⁵⁷.

⁵³ Пресс-конференция В. Путина в день выборов // Коммерсант. 18.03.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6579136?ysclid=lutu4bywzz143534713>

⁵⁴ «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных образовательных программ начального общего образования, основного общего образования и среднего общего образования» Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 19.03.2024 №171. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404120003?pageSize=100&index=1>

⁵⁵ Минпросвещения РФ включило гольф и чирлидинг в школьную программу по физкультуре // Завтра. 17.04.2024 / https://zavtra.ru/events/minprosvesheniya_rf_vklyuchilo_gol_f_i_chirliding_v_shkol_nuyu_programmu_po_fizkul_ture (комментарий ведущего «Вести-фм» Г. Саралидзе).

⁵⁶ В СПЧ подвергли резкой критике включение гольфа в школьную программу // Накануне. 18.04.2024. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2024/04/18/22766947/?ysclid=lv6jhir551601714254>

⁵⁷ Учителя раскритиковали идею Минпросвещения о введении уроков гольфа в школах // Радио-1. 15.04.2024. URL: <https://radio1.ru/news/obschestvo/pochemu-ne-hokkei-ne-sambo-ne-borba-ekspert-schitaet-golf-v-shkolah-pitkoi/>

О важности кадровых решений, которые будет принимать Президент в мае, можно судить, например, по «граду» публикаций одного из экспертов, к мнению которого мы часто обращаемся в наших статьях и который значительное внимание уделяет анализу деятельности Правительства и сам является частью системы государственного управления — экономиста, депутата Государственной Думы РФ от партии «Справедливая Россия — За правду» М.Г. Делягина.

С 15 марта 2024 г. (то есть буквально накануне выборов Президента РФ) в его работах стала очень четко звучать линия жесткой критики «фиктивных менеджеров» и «молодых технокрадов» отечественной сборки, являющихся плодами ещё не завершившихся 37 лет национального предательства⁵⁸, а также призывы к «решительному завершению 37-летней эпохи национального предательства»⁵⁹, «очищению государственного управления от рабов Запада... и как главная задача — изменение колониального хозяйственного механизма, созданного в конце 80 — начале 90-х годов»⁶⁰.

Однако даже несмотря на значительное внимание и надежды, которые эксперты уделяют вопросу о формировании нового кабинета министров, многие из них настроены весьма скептически по этому поводу. Они не видят «никаких намеков на смену либеральной парадигмы», не ожидают серьезных изменений в Правительстве и, наоборот, прогнозируют стратегию «заматания проблем под ковер».

И это, к сожалению, создает риски для того, чтобы в полной мере проявил себя потенциал механизма смены элит, создание которого

В.В. Путин инициировал в Послании Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г., — образовательной программы «Время героев».

Д.А. Буланов (электоральный аналитик, депутат Саратовской областной думы, главный редактор газеты «Коммунист – Век XX–XXI»): «Сейчас Кремль способен сохранять баланс, но никто не знает, что будет в будущем – горизонт планирования в стране на критически низких значениях... не стоит ждать «оттепели» и реформ, а напротив – будет продолжение «закручивания гаек» и заматания проблем под ковёр».

Н.И. Попов (публицист, электоральный аналитик): «Что касается изменений в стране после выборов Президента – тактически изменения будут, стратегически – нет».

А.М. Сафронов (специалист по электоральным процессам, депутат Краснодарской городской Думы): «До тех пор, пока нет экономических оснований для правящей элиты что-то менять, до тех пор и не будет перемен. Любые перемены в сфере политики – это результат осознания ошибок и желание повысить эффективность системы управления. Пока такого желания в высших эшелонах власти явно не наблюдается... Нет никаких намеков на смену либеральной парадигмы, основной вектор развития экономики России остается неизменным. А раз не будет экономических изменений, то и в политике они вряд ли будут»⁶¹.

⁵⁸ Делягин М. Хватит считать импотенцию внешней политикой! // Завтра. 11.04.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/povestka_dnya_22_hvatit_schitat_impotentciyu_vneshnej_politikoj?ysclid=lvcl4ttlfx733325148

⁵⁹ Делягин М. Чудо премьера Мишустина: инвестиции растут быстрее, чем после Примакова. Что впереди? // Завтра. 29.03.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/chudo_prem_era_mishustina_investicii_rastut_bistree_chem_posle_primakova_chno_vperedi?ysclid=lvcl5py1o9147800141

⁶⁰ Делягин М. Что делать с банками и заводами, которые контролирует враг? // Завтра. 12.04.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/povestka_dnya_23_chno_delat_s_vragami_naroda_i_s_bankami_i_zavodami_kotokie_kontroliruet_vrag?ysclid=lvcl6mgqm6758130589

⁶¹ Центр исследований политической культуры России (ЦИПКР) провел экспертное обсуждение итогов завершившихся выборов президента // Сайт КПРФ. 26.03.2024. URL: <https://kprf.ru/activity/elections/225253.html?ysclid=lugn8iew3a892753371>

Программа была разработана Высшей школой государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС). Её целью является «подготовка высококвалифицированных, компетентных руководителей из числа участников СВО для последующей работы в органах государственной и муниципальной власти, а также государственных компаниях»⁶². И на это, по словам ректора РАНХиГС А. Комиссарова, требуется «около двух лет»⁶³.

Информация с официального сайта образовательной программы «Время героев»:

«Регистрация участников отбора для образовательной программы «Время героев» завершилась 8 апреля 2024 г. В отборе примут участие **более 44 тысяч бойцов и ветеранов специальной военной операции.**

Заявки поступили от представителей всех возрастных групп. **Самая большая доля приходится на группу участников в возрасте от 35 до 40 лет – 23,14%. От участников в возрасте от 30 до 35 лет поступило 20,17% заявок. Эти возрастные группы составляют почти половину участников отбора»**⁶⁴.

Однако, по оценкам некоторых экспертов, для реальных изменений в управленческом звене потребуется гораздо больше времени: «Кто знает, может, лет через 10–15 эти бойцы и офицеры будут мэрами, губернаторами»⁶⁵. Более того, есть опасения, что сложившаяся за десяти-

летия либеральная часть системы государственного управления вообще не даст новым, патриотически настроенным управленцам возможности проявить себя: система либо ассимилирует их, либо отторгнет.

«... при всем уважении к участникам СВО, они являются лишь частью общего патриотически настроенного российского социума, усиленно подавляемого последние десятилетия либералами во власти, **весьма поднаторевшими в этом процессе.** Надёжного же зонтика «прикрытия» для патриотов, идущих во власть, до сих пор не создано. Поэтому **существующая система отторгает большинство таких людей либо перестраивает их поведение под свою порочную старую идеологическую матрицу...**»⁶⁶

Таким образом, сегодня, в начале нового политического цикла и V президентского срока В.В. Путина мы вынуждены констатировать противоречивость ситуации: **надежду, но и неопределенность перспектив внутреннего развития.**

Президент, «ответственный в стране за всё»⁶⁷, пока что так и не дал ответ на главный вопрос — «Какое государство мы строим?»: либеральное, с сохранением «капитализма для своих», ориентированное на встраивание в западный «цивилизационный» мир, или национально ориентированное, суверенное социальное государство, опирающееся на традиционные ценности и мнение большинства населения?

⁶² Официальный сайт программы «Время героев». URL: <https://xn--b1aachba0csne6n.xn--p1ai/news>

⁶³ Срок обучения по программе «Время героев» составит около двух лет. URL: <https://объясняем.пф/articles/news/srok-obucheniya-po-programme-vremya-geroev-sostavit-okolo-dvukh-let/?ysclid=lv5agepkf0193119432>

⁶⁴ Почти половина заявок на участие в отборе на Программу «Время героев» приходится на людей в возрасте от 30 до 40 лет / Официальный сайт программы «Время героев». 09.04.2024. URL: <https://xn--b1aachba0csne6n.xn--p1ai/news/tpost/br0x3u4z81-pochti-polovina-zayavok-na-uchastie-v-ot>

⁶⁵ Время Героев. Как будет отныне формироваться российская элита // Регнум. 29.04.2024. URL: <https://regnum.ru/opinion/3870717?ysclid=lv5axk4uqm719888159> (мнение политолога, доцента Финансового Университета при Правительстве РФ Г. Мирзаяна).

⁶⁶ Кассин О. О «политической онкологии» современной «элиты» и мерах её лечения. URL: https://zavtra.ru/blogs/o_politicheskoj_onkologii_sovremennoj_eliti_i_merah_eyo_lecheniya?ysclid=lumf3jtu5x135750817

⁶⁷ Обращение В. Путина к россиянам во время инаугурации 1 мая 2000 г. // Московские новости. 07.05.2012. URL: https://www.mn.ru/blogs/blog_reference/80928

«Число миллиардеров из России в рейтинге Forbes увеличилось в 2024 году до рекордных 125 человек, что на 15 человек больше, чем в 2023 году. Совокупное состояние миллиардеров-россиян повысилось с \$505 млрд в 2023 году до \$577 млрд⁶⁸».

«Российская экономика отличается аномально высоким неравенством доходов и сверхконцентрацией богатства. Больше половины всех активов страны принадлежит нескольким сотням семейств... Число российских долларовых миллиардеров за время проведения специальной военной операции (СВО) выросло почти на 40%. А их состояние увеличилось за период СВО на 63%, сообщают составители рейтинга Forbes. Число миллиардеров в РФ могло бы быть еще больше, но 10 из них отказались от российского гражданства.

Несмотря на прирост численности, группа сверхбогатых россиян остается чрезвычайно малочисленной. Лишь менее 0,0001% взрослого населения РФ – или около 500 сверхбогатых семей владеют сегодня 40% всех финансовых активов нашей страны...

После начала специальной военной операции общественное восприятие главных противоречий кардинально изменилось. В частности, негативные отношения населения к тем, кого называют олигархами, достигли максимума. Более трети (36%) россиян заявили в 2023 году, что олигархи мешают развитию страны»⁶⁹.

«Социальное государство – как его определял автор данного термина немецкий историк, философ и экономист XIX века Лоренц фон Штейн, – обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу **всех своих граждан**, ибо в конечном счете развитие одного выступает условием развития другого... Функцией государства является поддержание **абсолютного равенства в правах для всех различных общественных классов**, для отдельной частной самоопределяющейся личности посредством своей власти»⁷⁰.

Однако на сегодняшний день Россия по-прежнему отличается «аномально высоким уровнем неравенства доходов» и «сверхконцентрацией богатства». За период проведения СВО число долларовых миллиардеров в стране увеличилось на 40%, а их состояние – на 63%.

И, как показывают результаты социологических исследований, противоречие между бедными и богатыми является «самым острым» для большинства граждан, что соотносится с таким же высоким уровнем потребности в социальной справедливости в обществе: практически во всех основных слоях населения (особенно среди низкодоходных групп и людей со средним образованием) более 50% людей говорят о том, что «современное российское общество устроено несправедливо» и что противоречие «между бедными и богатыми» является сегодня самым острым для страны (табл. 3).

⁶⁸ 125 миллиардеров России. Рейтинг Forbes – 2024. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/510650-125-milliardero-rossii-rejting-forbes-2024>

⁶⁹ Сверхбогатые россияне страдают от неравенства так же, как и население в целом // Независимая газета. 11.04.2024. URL: https://www.ng.ru/economics/2024-04-11/4_8992_inequality.html?ysclid=lv3n2iw56i350395280

⁷⁰ Роик В.Д. Концептуальные основы формирования социального государства в России: вопросы доходов населения и социального бюджетирования // Сетевое издание «Информационно аналитический портал «VIPERSON» (Виперсон). 20.10.2010. URL: <http://viperson.ru/>

Таблица 3. Оценка наиболее острых социальных противоречий и степени справедливости устройства современного российского общества (данные ВолНЦ РАН на декабрь 2023 г.), % от числа опрошенных

Категория населения	Доля людей, считающих, что наиболее острые противоречия сегодня существуют между богатыми и бедными*	Доля людей, считающих, что современное российское общество устроено несправедливо**
Пол		
Мужской	52,4	56,9
Женский	54,7	52,5
Возраст		
до 30 лет	56,1	54,7
30–55 лет	50,1	54,9
старше 55 лет	57,2	53,9
Образование		
Среднее и н/среднее	59,5	60,2
Среднее специальное	56,2	53,1
Высшее и н/высшее	44,7	51,4
Доходные группы		
20% наименее обеспеченных	61,4	55,6
60% среднеобеспеченных	51,1	54,6
20% наиболее обеспеченных	52,9	49,3
Территории		
Вологда	51,0	54,8
Череповец	48,1	59,5
Районы	58,4	51,4
Область	53,7	54,5
* Формулировка вопроса: «Между какими группами российского общества, по Вашему мнению, сегодня существуют наиболее острые противоречия?».		
** Формулировка вопроса: «Как Вы считаете, современное российское общество в целом устроено справедливо или несправедливо?».		

В то же время нельзя не отметить, что наиболее важные шаги, которые Президент сделал за последние почти 25 лет (статья 1999 г. «Россия на рубеже тысячелетий», «мюнхенская речь» 2007 г., присоединение Крыма и Севастополя в 2014 г., поправки к Конституции в 2020 г. и защита Донбасса, начало СВО в 2022 г.), говорят все-таки о том, что он нацелен идти по пути со-зидания России как суверенного национального социального государства.

Так или иначе, констатировать можно лишь то, что пока не достигнуты цели СВО и пока в существующих российских элитах наблюдается перевес старого (либерального) поколения по сравнению с новым (патриотическим), риски недостижения целей и задач на ближайшие 6 лет, так же как и ориентиров на более дальнюю перспективу, сохраняются.

«Деградация современного мира более всего заметна по деградации его элит... Мир духовный, мир иерархический, мир культурный, мир, в котором понятия чести, достоинства, долга ещё не утратили смысл. И конечно для построения такого мира нам жизненно необходима новая элита. Элита культурная, интеллектуальная, творческая, но еще более – элита воинская, воинская аристократия, которая и становится белой костью воинской империи. Нормальной аристократической элитой традиционного общества. Ибо всякая настоящая империя начинается с военной элиты»⁷¹.

⁷¹ Можегов В. Россия – воинская империя, и ей нужна воинская элита // Завтра. 05.03.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/rossiya_-_voinskaya_imperiya_i_ej_nuzhna_voinskaya_elita?ysclid=lumebkg22o16212706

Без этих двух условий путь к достижению полного национального суверенитета, который Россия начала с момента первого президентского срока В.В. Путина, не будет пройден до конца, а значит Президент не может передать страну своему преемнику. При этом с учетом сегодняшней геополитической ситуации и цивилизационного конфликта России с «коллективным Западом» вопрос нужно ставить более жестко: **без достижения целей СВО и национализации элит у России нет будущего, потому что только при этих условиях можно достичь полного национального суверенитета, а возвращение в «лоно» Запада (пообещавшего «разорвать экономику России в клочья», а саму страну расчленить, чтобы нанести ей «стратегическое поражение», от которого она уже не сможет оправиться) просто невозможно.**

В заключение отметим еще один тезис-надежду, кажущийся нам очень важным и нацеленным на будущее, которое наступит уже после окончания специальной военной операции: на выборах 17 марта 2024 г. В.В. Путин получил действительно очень высокий, можно сказать, максимальный уровень поддержки со стороны российского общества. Этот уровень будет

крайне сложно, а может даже и невозможно, удержать, что, в принципе, вполне естественно, поскольку рано или поздно цели СВО будут достигнуты, уровень международной напряженности (прежде всего вокруг нашей страны) будет спадать, а фактор «сплочения вокруг флага» будет уступать место самым обыденным, повседневным потребностям граждан в решении социальных проблем, повышении качества жизни и т. д....

Хотелось бы, чтобы этот период не стал «каменем преткновения» в отношениях между обществом и государством, чтобы доверие россиян власти и курсу национального развития, реализуемого В.В. Путиным, было продиктовано не только беспрецедентным характером угроз национальной безопасности, но в первую очередь реальной удовлетворенностью большинства граждан страны деятельностью всей системы государственного управления: всех её представителей на всех уровнях публичной власти — федеральном, региональном, муниципальном... Это, конечно, идеальная и, скорее всего, недостижимая формула, но, как говорит Президент, «если не ставить амбициозных целей, не будет достигнуто вообще никаких»⁷².

⁷² Большая пресс-конференция В.В. Путина 20 декабря 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59455/videos>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Данные Центральной избирательной комиссии РФ о явке и поддержке В.В. Путина на президентских выборах 2018 и 2024 гг.

Субъект РФ	Выборы Президента РФ (18.03.2018)			Выборы Президента РФ (17.03.2024)			Изменение (+/-), 2024 г. к 2018 г.		
	Явка		За В.В. Путина	Явка		За В.В. Путина	Явка		За В.В. Путина
	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.
Российская Федерация	73,62	67,54	56,43	87,58	77,49	76,28	+13,96	+9,95	+19,85
Северо-Кавказский федеральный округ	4,85	86,28	4,21	5,41	91,13	4,97	+0,56	+4,85	+0,76
Чеченская Республика	0,65	91,54	0,59	0,79	97,05	0,78	+0,14	+5,51	+0,19
Кабардино-Балкарская Республика	0,49	91,80	0,45	0,52	95,87	0,49	+0,03	+4,07	+0,04
Республика Дагестан	1,43	87,47	1,30	1,55	90,82	1,43	+0,12	+3,35	+0,13
Карачаево-Черкесская Республика	0,26	87,40	0,22	0,27	90,03	0,24	+0,01	+2,63	+0,02
Республика Ингушетия	0,18	81,95	0,15	0,22	87,43	0,19	+0,04	+5,48	+0,04
Республика Северная Осетия – Алания	0,46	89,98	0,38	0,47	91,79	0,42	+0,01	+1,81	+0,04
Ставропольский край	1,39	73,84	1,12	1,60	84,95	1,42	+0,21	+11,11	+0,30
Южный федеральный округ	8,59	69,76	7,01	14,90	84,95	13,68	+6,31	+15,19	+6,67
Донецкая Народная Республика	–	–	–	1,79	88,25	1,71	–	–	–
Луганская Народная Республика	–	–	–	1,54	87,12	1,44	–	–	–
Республика Крым	1,08	71,55	0,99	1,35	89,75	1,26	+0,27	+18,20	+0,27
Запорожская обл.	–	–	–	0,46	85,49	0,42	–	–	–
город Севастополь	0,24	71,43	0,22	0,29	81,78	0,27	+0,05	+10,35	+0,05
Краснодарский край	3,15	77,86	2,56	4,01	90,59	3,71	+0,86	+12,73	+1,15
Ростовская обл.	2,08	64,77	1,64	2,57	81,27	2,32	+0,49	+16,5	+0,68
Республика Адыгея	0,25	74,31	0,20	0,29	84,76	0,26	+0,04	+10,45	+0,06
Херсонская обл.	–	–	–	0,40	83,86	0,36	–	–	–
Волгоградская обл.	1,20	68,13	0,93	1,44	81,82	1,27	+0,24	+13,69	+0,34
Астраханская обл.	0,44	60,42	0,34	0,59	84,20	0,52	+0,15	+23,78	+0,18
Республика Калмыкия	0,14	69,64	0,11	0,16	80,50	0,14	+0,02	+10,86	+0,03

Субъект РФ	Выборы Президента РФ (18.03.2018)				Выборы Президента РФ (17.03.2024)				Изменение (+/-), 2024 г. к 2018 г.			
	Явка		За В.В. Путина		Явка		За В.В. Путина		Явка		За В.В. Путина	
	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	%
Дальневосточный федеральный округ	3,89	66,82	2,63	69,70	4,24	75,89	3,67	87,09	+0,35	+9,07	+1,04	+17,39
Еврейская автономная обл.	0,08	60,24	0,05	67,48	0,11	91,75	0,10	92,35	+0,03	+31,51	+0,05	+24,87
Чукотский автономный округ	0,03	82,28	0,02	82,31	0,03	91,03	0,03	90,49	+0,00	+8,75	+0,01	+8,18
Приморский край	0,90	61,11	0,59	65,26	1,07	75,06	0,95	88,34	+0,17	+13,95	+0,36	+23,08
Республика Бурятия	0,45	75,19	0,33	73,72	0,50	73,71	0,44	87,96	+0,05	-1,48	+0,11	+14,24
Республика Саха (Якутия)	0,46	70,99	0,29	64,38	0,45	71,57	0,40	87,79	-0,01	+0,58	+0,11	+23,41
Забайкальский край	0,46	57,98	0,33	72,03	0,49	65,40	0,43	87,71	+0,03	+7,42	+0,10	+15,68
Амурская обл.	0,39	62,14	0,26	67,04	0,44	73,69	0,38	86,97	+0,05	+11,55	+0,12	+19,93
Сахалинская обл.	0,23	61,21	0,15	66,92	0,29	78,92	0,25	86,37	+0,06	+17,71	+0,10	+19,45
Камчатский край	0,16	67,74	0,11	69,44	0,17	73,56	0,15	85,03	+0,01	+5,82	+0,04	+15,59
Магаданская обл.	0,07	71,91	0,05	72,30	0,08	75,42	0,07	84,89	+0,01	+3,51	+0,02	+12,59
Хабаровский край	0,65	64,22	0,43	65,78	0,61	64,69	0,49	80,06	-0,04	+0,47	+0,06	+14,28
Приволжский федеральный округ	15,87	64,24	12,27	76,93	17,34	76,75	15,13	86,51	+1,47	+12,51	+2,86	+9,58
Саратовская обл.	1,26	66,49	0,99	78,33	1,37	76,50	1,25	91,66	+0,11	+10,01	+0,26	+13,33
Республика Башкортостан	2,30	75,44	1,78	77,69	2,47	83,72	2,24	90,90	+0,17	+8,28	+0,46	+13,21
Пензенская обл.	0,78	73,74	0,63	79,98	0,83	82,92	0,75	89,97	+0,05	+9,18	+0,12	+9,99
Республика Мордовия	0,48	77,85	0,41	85,35	0,48	84,96	0,43	89,57	0,00	+7,11	+0,02	+4,22
Республика Татарстан	2,26	7,42	1,85	82,09	2,48	84,61	2,20	88,74	+0,22	+77,19	+0,35	+6,65
Оренбургская обл.	1,00	66,08	0,73	72,97	1,12	75,18	0,97	87,05	+0,12	+9,10	+0,24	+14,08
Самарская обл.	1,63	66,90	1,23	75,82	1,88	78,86	1,63	86,76	+0,25	+11,96	+0,40	+10,94
Нижегородская обл.	1,73	65,98	1,33	77,27	2,03	81,63	1,75	86,40	+0,30	+15,65	+0,42	+9,13
Чувашская Республика-Чувашия	0,70	76,22	0,54	77,29	0,67	74,13	0,57	85,49	-0,03	-2,09	+0,03	+8,20
Пермский край	1,32	66,51	0,99	75,35	1,59	80,90	1,35	84,65	+0,27	+14,39	+0,36	+9,30
Республика Марий Эл	0,36	66,43	0,26	73,99	0,36	68,91	0,30	84,24	0,00	+2,48	+0,04	+10,25
Ульяновская область	0,64	64,33	0,48	74,27	0,68	73,20	0,57	83,85	+0,04	+8,87	+0,09	+9,58
Удмуртская Республика	0,75	63,27	0,57	76,23	0,72	62,54	0,59	81,83	-0,03	-0,73	+0,02	+5,60
Кировская обл.	0,66	62,72	0,47	70,41	0,65	66,48	0,52	80,08	-0,01	+3,76	+0,05	+9,67

Субъект РФ	Выборы Президента РФ (18.03.2018)						Выборы Президента РФ (17.03.2024)						Изменение (+/-), 2024 г. к 2018 г.					
	Явка		За В.В. Путина		Явка		За В.В. Путина		Явка		За В.В. Путина		Явка		За В.В. Путина			
	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	%		
Сибирский федеральный округ	8,38	66,91	6,17	73,88	8,93	73,21	7,72	86,46	+0,55	+6,3	+1,55	+12,58						
Кемеровская обл.	1,67	83,22	1,42	85,42	1,81	96,40	1,73	95,72	+0,14	+13,18	+0,31	+10,30						
Республика Тыва	0,16	93,66	0,15	91,98	0,19	95,58	0,18	95,37	+0,03	+1,92	+0,03	+3,39						
Республика Алтай	0,10	64,77	0,07	70,62	0,11	71,28	0,10	86,49	+0,01	+6,51	+0,03	+15,87						
Республика Хакасия	0,25	65,86	0,17	69,16	0,29	74,37	0,24	85,28	+0,04	+8,51	+0,07	+16,12						
Алтайский край	1,19	65,39	0,77	64,66	1,05	59,89	0,89	84,88	-0,14	-5,50	+0,12	+20,22						
Красноярский край	1,27	60,33	0,94	74,28	1,45	77,26	1,22	84,12	+0,18	+16,93	+0,28	+9,84						
Иркутская обл.	1,05	55,69	0,76	73,06	1,15	63,17	0,96	83,89	+0,10	+7,48	+0,20	+10,83						
Новосибирская обл.	1,30	60,40	0,93	71,06	1,39	63,18	1,17	83,88	+0,09	+2,78	+0,24	+12,82						
Омская обл.	0,93	60,48	0,62	67,31	1,03	70,84	0,85	82,77	+0,10	+10,36	+0,23	+15,46						
Томская обл.	0,46	59,27	0,33	71,23	0,46	60,11	0,38	82,15	+0,00	+0,84	+0,05	+10,92						
Уральский федеральный округ	6,24	71,84	4,71	77,07	7,21	82,13	6,09	85,88	+0,97	+10,29	+1,38	+8,81						
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,34	91,90	0,29	85,54	0,35	94,11	0,32	91,75	+0,01	+2,21	+0,03	+6,21						
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	0,79	69,71	0,60	76,20	0,99	87,13	0,86	86,71	+0,20	+17,42	+0,26	+10,51						
Курганская обл.	0,43	61,73	0,32	73,30	0,49	77,23	0,42	85,63	+0,06	+15,50	+0,10	+12,33						
Тюменская обл.	0,84	78,92	0,67	79,75	1,00	84,28	0,84	84,76	+0,16	+5,36	+0,17	+5,01						
Челябинская обл.	1,75	66,41	1,28	73,00	2,03	79,02	1,71	84,32	+0,28	+12,61	+0,43	+11,32						
Свердловская обл.	2,09	62,34	1,56	74,60	2,35	71,00	1,93	82,10	+0,26	+8,66	+0,37	+7,50						
Центральный федеральный округ	18,69	66,16	14,03	76,18	21,61	75,84	18,55	85,79	+2,92	+9,68	+4,52	+9,61						
Белгородская обл.	0,89	73,24	0,71	79,71	1,06	87,00	0,95	90,66	+0,17	+13,76	+0,24	+10,95						
Брянская обл.	0,78	79,70	0,64	81,60	0,82	87,28	0,74	89,97	+0,04	+7,58	+0,10	+8,37						
Воронежская обл.	1,21	64,56	0,95	78,88	1,42	77,51	1,25	88,83	+0,21	+12,95	+0,30	+9,95						
Курская обл.	0,60	64,48	0,48	81,01	0,67	75,24	0,59	88,51	+0,07	+10,76	+0,11	+7,50						
Рязанская обл.	0,60	65,13	0,46	76,34	0,66	75,77	0,58	87,93	+0,06	+10,64	+0,12	+11,59						
Тульская обл.	0,82	68,65	0,65	79,20	0,87	77,05	0,76	87,29	+0,05	+8,40	+0,11	+8,09						
Липецкая обл.	0,67	72,16	0,54	80,83	0,69	77,49	0,60	86,99	+0,02	+5,33	+0,06	+6,16						
Ивановская обл.	0,47	58,55	0,34	71,37	0,61	81,25	0,53	86,88	+0,14	+22,70	+0,19	+15,51						

Субъект РФ	Выборы Президента РФ (18.03.2018)						Выборы Президента РФ (17.03.2024)						Изменение (+/-), 2024 г. к 2018 г.					
	Явка			За В.В. Путина			Явка			За В.В. Путина			Явка			За В.В. Путина		
	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	%	абс. млн чел.	%	
Московская обл.	3,71	63,59	2,76	74,49	4,80	77,01	4,13	86,50	+1,09	+13,42	+1,37	+12,01						
Тамбовская обл.	0,61	72,04	0,49	81,81	0,61	77,72	0,52	85,59	+0,00	+5,68	+0,03	+3,78						
Смоленская обл.	0,47	61,26	0,35	73,49	0,54	74,91	0,46	85,26	+0,07	+13,65	+0,11	+11,77						
город Москва	4,52	59,93	3,20	70,87	5,41	66,73	4,58	85,13	+0,89	+6,80	+1,38	+14,26						
Владимирская обл.	0,74	65,01	0,55	73,65	0,75	69,26	0,63	84,93	+0,01	+4,25	+0,08	+11,28						
Тверская обл.	0,62	57,58	0,46	74,55	0,72	72,20	0,61	84,38	+0,10	+14,62	+0,15	+9,83						
Калужская обл.	0,54	68,16	0,41	76,16	0,53	68,25	0,44	83,79	-0,01	+0,09	+0,03	+7,63						
Ярославская обл.	0,66	64,12	0,47	71,84	0,65	72,56	0,52	80,84	-0,01	+8,44	+0,05	+9,00						
Костромская обл.	0,32	60,51	0,22	68,71	0,34	69,17	0,27	80,52	+0,02	+8,66	+0,05	+11,81						
Орловская обл.	0,46	72,17	0,35	76,77	0,46	78,69	0,37	80,23	0,00	+6,52	+0,02	+3,46						
Северо-Западный федеральный округ	6,63	62,59	4,97	74,34	7,53	69,14	6,19	81,96	+0,90	+6,55	+1,22	+7,62						
Ленинградская обл.	0,89	66,88	0,70	79,01	1,16	80,63	1,00	86,36	+0,27	+13,75	+0,30	+7,35						
Калининградская обл.	0,50	62,18	0,38	76,34	0,60	70,74	0,51	85,44	+0,10	+8,56	+0,13	+9,10						
Псковская обл.	0,34	65,33	0,26	75,05	0,34	68,59	0,29	84,70	0,00	+3,26	+0,03	+9,65						
Мурманская обл.	0,40	66,35	0,30	76,37	0,38	71,24	0,31	83,21	-0,02	+4,89	+0,01	+6,84						
Новгородская обл.	0,29	57,30	0,21	72,65	0,32	66,58	0,26	82,06	+0,03	+9,28	+0,05	+9,41						
город Санкт-Петербург	2,32	63,87	1,74	75,01	2,86	74,38	2,32	81,65	+0,54	+10,51	+0,58	+6,64						
Республика Коми	0,41	60,39	0,29	71,44	0,36	58,52	0,29	80,49	-0,05	-1,87	0,00	+9,05						
Вологодская обл.	0,63	66,20	0,45	72,41	0,65	73,53	0,52	79,74	+0,02	+7,33	+0,07	+7,33						
Республика Карелия	0,30	57,19	0,22	73,04	0,29	60,08	0,23	79,53	-0,01	+2,89	+0,01	+6,49						
Архангельская обл.	0,54	59,19	0,41	75,27	0,55	65,59	0,44	79,25	+0,01	+6,40	+0,03	+3,98						
Ненецкий автономный округ	0,03	63,61	0,02	71,15	0,03	70,70	0,02	79,08	0,00	+7,09	0,00	+7,93						
Город Байконур (Республика Казахстан)	0,01	66,27	0,01	78,35	0,01	59,93	0,01	84,25	0,00	-6,34	0,00	+5,90						
Территория за пределами РФ	0,47	98,06	0,40	85,02	0,38	99,32	0,28	72,30	-0,09	+1,26	-0,12	-12,72						

Федеральные округа, а также субъекты РФ внутри федеральных округов ранжированы по убыванию доли голосов избирателей, отданных за В.В. Путина на президентских выборах 2024 г.

Источник: информация о выборах и референдумах // ЦИК РФ. URL: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom>

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

A Solid “Mandate of Trust”: 76 Million People Voted for Vladimir Putin’s Fifth Presidential Term

Abstract. According to the results of the presidential election held in Russia on March 17, 2024, more than 76 million people voted for the current head of state Vladimir Putin (87% of those who took part in the vote); this is almost twofold greater than in his first presidential election (on March 26, 2000, 40 million, or 53% of the voters who participated in the election, voted for Vladimir Putin). The article analyzes reasons for such a solid “mandate of trust” that the President obtained; they include not only the support of the majority of Russians for the general course of national development implemented by Vladimir Putin, but also the specifics of the historical period during which the 2024 presidential election was held, as well as the results of voting on the territory of the new RF constituent entities that joined Russia after the 2014 coup in Ukraine. In the context of the ongoing special military operation and lingering threats to national security, the internal situation in Russia, which determines popular support for the President, is of particular importance. In this regard, we draw attention to the importance of effective (full-fledged and timely) implementation of the election promises of the head of state, which Vladimir Putin announced in his Address to the Federal Assembly of the Russian Federation on February 29, 2024. The fulfillment of the tasks set by the President for the period up to 2030 largely depends on the elites in the system of public administration; therefore, at the beginning of a new political cycle and Vladimir Putin’s fifth presidential term (2024–2030) a lot will depend on the new Government of the Russian Federation, whose composition will be announced in May 2024, after the presidential inauguration. With the help of expert assessments, statistical data and the results of sociological surveys we analyze reasons for the incomplete fulfillment of instructions and tasks that Vladimir Putin outlined in his previous election speeches, and in relation to the current situation we conclude that the key conditions for further implementation of the national development course are the achievement of all the goals of the special military operation and the continuation of the process of nationalization of the elites. The article presents calculations based on official data of the Central Election Commission of the Russian Federation on the results of the presidential elections of 2024 and 2018 in all constituent entities and federal districts of the Russian Federation. We analyze the all-Russian dynamics of turnout and voting results in all presidential elections in Russia for the period from 2000 to 2024. We make an overview of expert assessments regarding the work of the RF Government headed by M.V. Mishustin. The facts showing the presence of acute unresolved problems in the system of public administration are collected and systematized in key areas of national development.

Key words: RF presidential election, national development course, elites, RF Government, “Time of heroes”.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Экономика элит и политическая нестабильность

Евгений Всеволодович

БАЛАЦКИЙ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Центральный экономико-математический институт РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: EVBalatskij@fa.ru

ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

Аннотация. В статье предлагается новая версия теории элит, основанная на использовании макроэкономической производственной функции, зависящей от численности элит и масс. Одновременно с этим производственная функция элит дополняется рассмотрением распределительной функции, задающей структуру доходов социальных групп и уровень неравенства. Объединение двух сторон деятельности элит позволяет построить простую типологию политических ситуаций в стране с выделением режима революционной ситуации. Формальный анализ модели производственной деятельности элит показал, что феномен перенакопления правящего класса оказывает заметное деструктивное влияние на экономический рост только после сильного падения эффективности его работы. Именно ухудшение качества политической элиты позволяет проявиться неправомерному увеличению ее размера. Рассмотрены обобщения модели элит на случай среднего класса и показана инвариантность ранее полученных выводов. Дана интерпретация макротехории элит для мегауровня, когда исследуется мирохозяйственная система, сегментированная на центр, периферию и полупериферию. Рассмотрены четыре измерения элиты, среди которых в качестве нового элемента выступают системные установки. Раскрыто влияние внешних исторических событий на мировоззрение элит и их действия на примерах перерождения Римской республики в Римскую империю, распада СССР и начавшегося падения гегемонии США. Для системы центр – периферия апробирована производственная модель элит с использованием статистических данных Всемирного банка; построены эконометрические зависимости, показывающие снижение эффективности США по управлению глобальным производством.

Для цитирования: Балацкий Е.В. (2024). Экономика элит и политическая нестабильность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 43–63. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.2

For citation: Balatsky E.V. (2024). Elite economics and political instability. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(2), 43–63. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.2

Ключевые слова: элиты, государство, политическая стабильность, экономический рост, модель центр – периферия.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2024 г. по теме «Социально-экономическое развитие в эпоху фундаментальной трансформации систем».

Введение

В XXI веке активизировались попытки построения глобальных социальных теорий, которые смогли бы объяснить не только подъем, но и крушение цивилизаций. Современная история накопила огромный материал о том, как отдельные государства и целые империи возникали, развивались и разрушались, причем при непохожести их географии, масштабов, технологического уровня и социальных моделей существования само чередование подъема и спада оставалось неизменным. В эпоху капитализма этот процесс стал еще более явным, когда главенство одного центра мирового капитала сменялось гегемонией другого, но сама эстафета передачи роли глобального лидера не претерпевала изменений. Неудивительно, что такая организационная инвариантность геополитического пространства настоятельно требует системного объяснения и тем самым порождает разные теории социального развития. Однако в последнее время подобные теоретические концепции начали дрейфовать в сторону некоей основополагающей теории элит, которая могла бы объяснить весь комплекс многообразных явлений на основе взаимодействия двух больших групп населения – элит и масс.

Следует сказать, что смещение интереса в сторону государственного управления – знаковое явление. В этом смысле фундаментальная проблема подъема и крушения государств и цивилизаций становится все более междисциплинарной или, выражаясь точнее, многодисциплинарной. Кроме того, теория элит позволяет сделать важный шаг в исследовании социальных процессов – объединить объективные и субъективные детерминанты геополитических удач и провалов в истории человечества.

Дополнительную актуальность роли элит в современном мире придает факт противостояния Запад/Не-Запад, сопровождающийся

активной геополитической турбулентностью. Сегодня есть несколько государств, судьба которых оказывается буквально под вопросом. Это Армения, Украина, Гайана, Косово, Палестина. Под большим вопросом оказалось будущее США и почти всех стран Европы. Помимо всего прочего, нарастает эскалация военного противостояния с его возможным перерастанием в ядерный апокалипсис. В ряде упомянутых случаев правящие элиты не только не стремятся урегулировать ситуацию, но и продолжают ее подогревать и усугублять.

В статье поставлена цель раскрыть содержание ключевых элементов общей теории элит и дать их частичную формализацию, помогающую глубже понять логику социальной эволюции. Главный акцент делается на построении некоего теоретического синтеза существующих теорий элит, который позволил бы с единых и понятных позиций препарировать многие явления жизни и смерти государств и целых цивилизаций. Новизна подхода состоит в построении максимально агрегированной производственной функции, зависящей от элит и масс, что дает ключ к описанию экономического роста и возникающих в его ходе функциональных сбоев. Методически авторский подход следует стандартным макроэкономическим принципам, используемым при описании экономической динамики.

Основополагающие идеи теории элит

Сегодня по проблематике элит и их места в государственной системе имеется практически необозримая литература, в связи с чем далее будут рассмотрены только наиболее значимые идеи в этой области, появившиеся в последнее время и имеющие непосредственное отношение к последующим построениям; полный обзор теорий элит не входит в наши намерения.

Пожалуй, первые наиболее зрелые суждения в отношении исторической динамики и роли элит принадлежат Арнольду Тойнби (Arnold Toynbee), который отмечал такое важное свойство, как *асимметричность процессов создания и распада государств* (цивилизаций). В частности, он пронизательно писал: «...если мы проведем эмпирический сравнительный анализ путей, которыми погибшие цивилизации проходили от стадии надлома до стадии распада, то мы действительно найдем определенную степень единообразия» (Тойнби, 2011, с. 20). Далее Тойнби поясняет этот тезис: «И это, в конце концов, не столь уж удивительно, поскольку надлом предполагает утрату контроля. Это, в свою очередь, означает превращение свободы в авантюризм, и если свободные акты бесконечно разнообразны и абсолютно непредсказуемы, то автоматические процессы имеют тенденцию к единообразию и повторяемости» (Тойнби, 2011, с. 20–21).

Вслед за свойством асимметричности Тойнби очень точно раскрывает диалектику распада в терминах элит и масс: «Короче говоря, нормальная модель социальной дезинтеграции представляет собой раскол разрушающегося общества на непокорный бунтарский субстрат и все менее и менее влиятельное правящее меньшинство. Процесс разрушения не проходит ровно: он движется прыжками от мятежа к объединению и снова к мятежу» (Тойнби, 2011, с. 21). Тем самым крушение государства происходит путем *распада общества на две все менее связанные между собой группы* – элиты (правящее меньшинство) и массы (непокорное большинство). И здесь Тойнби справедливо подчеркивает тот факт, что в стадии крушения государства элиты утрачивают былое влияние из-за падения своего *авторитета*, которое в свою очередь вызвано резким снижением эффективности государственного управления, следовательно, *эффективности и компетентности* самих элит. Сегодня мы можем смело обобщить описанный процесс на случай создания государства, которое возникает посредством эффективного и взаимовыгодного сопряжения элит и масс благодаря тому, что элиты конструируют новый

социальный порядок (систему управления), устраивающий обе социальные группы и тем самым получающий консенсусную легитимацию.

Несмотря на кажущуюся простоту и очевидность тезисов Тойнби, без опоры на них практически невозможно построить адекватную теорию государства.

Следующим этапом в понимании рассматриваемой проблемы является разграничение элит и масс. Здесь следует выделить *политический подход* Гаэтано Моски (Gaetano Mosca), согласно которому к элите относятся лица, обладающие реальной властью или влиянием на политические процессы (Mosca, 1939). Такое понимание двух социальных групп позволяет перейти к *кибернетической* трактовке государства, когда правящий класс (элита) отождествляется с подсистемой управления государством, а население (массы) – с управляемой подсистемой. Уже этот методический ход дает возможность применить к государству кибернетический закон необходимого разнообразия, сформулированный Уильямом Россом Эшби (William Ross Ashby), согласно которому для нормального функционирования любой системы сложность (разнообразие) ее управляющей подсистемы должна быть не меньше сложности (разнообразия) управляемой подсистемы (Эшби, 2021). Этот тезис автоматически выдвигает жесткое требование к элитам и созданной ими системе государственного управления: если эта система будет примитивна и однобока, а на ключевых позициях в ней будут задействованы люди, недостаточно интеллектуально и морально подготовленные, то и всему государству грозит крах.

Продолжением и дополнением этой линии является *меритократический подход* к определению элит, восходящий к Вильфредо Парето (Vilfredo Pareto), который к данной группе относит людей, обладающих более высокими интеллектом, талантом, способностями и компетентностью по сравнению со средними показателями социума (Парето, 2009).

Однако и политический, и меритократический подходы к определению элиты с неизбежностью сопрягаются с ее материальным положением, ее *доходами*. С одной стороны,

политическое влияние человека образует замкнутый цикл с его богатством, с другой — приобретение разнообразных достоинств требует огромных затрат и особого образа жизни. Такое понимание элиты приближает ее к понятию *праздного класса*, введенному и раскрытому Торстейном Вебленом (Thorstein Veblen) (Веблен, 2021). Детализируя количественный аспект индивидуального богатства, которое соответствует человеку, претендующему на роль элиты, Тома Пикетти (Thomas Piketty) наметил как пороговый уровень необходимого для этого дохода, так и размер соответствующей социальной группы (Пикетти, 2016). Проводя детальный анализ французского и британского общества XIX века на основе литературных произведений Оноре де Бальзака (Honoré de Balzac) и Джейн Остин (Jane Austen), Пикетти констатирует, что порог годового дохода для попадания в элиту должен был в 20–30 раз превышать средний доход общества, а размер такого праздного класса составлял 0,5% всего населения; более того, жизнь героев Бальзака и Остин ниже указанного порогового уровня была трудной и унижительной (Пикетти, 2016, с. 410), в связи с чем указанный порог мог подниматься до 50 раз, а размер элиты сокращаться до 0,1% населения (Пикетти, 2016, с. 411). Несмотря на некоторую условность таких оценок, их можно взять за точку отсчета, полагая максимальный размер элиты в 0,5–1,0% населения, а их доходы в 20–35 раз выше среднего уровня по стране.

Следующей вехой в развитии теории элит можно считать две знаковые работы Дарона Аджемоглу (Daron Acemoglu) и Джеймса Робинсона (James Robinson), в которых вопрос о взаимодействии масс и элит поднялся на новый уровень. Так, в своем первом бестселлере они предложили *теорию инклюзивных институтов*, делающую акцент на необходимости открытости элит и существовании социальных каналов проникновения в нее лучших представителей масс (Аджемоглу, Робинсон, 2015). По мнению авторов, именно рыночные механизмы отбора лучших представителей масс и отбраковывания худших представителей элиты позволяют обновлять и поддерживать в эффективном состоянии управленческую элиту, что в свою оче-

редь является основой создания и поддержания успешных политических режимов и государств. Иными словами, инклюзивные институты поддерживают социальные лифты, посредством которых элиты и массы осуществляют постоянный взаимный кадровый обмен; в противном случае, когда в обществе превалируют *экстрактивные институты*, закрывающие доступ массам в высшие эшелоны власти, государство оказывается не в состоянии поддерживать долговременный экономический рост и технологический прогресс. Здесь нельзя не упомянуть, что ранее с очень похожей концепцией выступили Дуглас Норт (Douglass North) и его коллеги, рассмотрев два институциональных способа организации общества — *порядок ограниченного (привилегированного) доступа* к ресурсам и *порядок открытого (свободного) доступа* (Норт и др., 2011; Норт и др., 2012).

В своем втором бестселлере Аджемоглу и Робинсон раскрывают анатомию формирования политического строя под воздействием борьбы двух социальных групп — элит и масс (Аджемоглу, Робинсон, 2021). На первое место выходят сила, организованность и сплоченность каждой социальной группы, образующие в соответствующих координатах так называемый *узкий коридор*, в рамках которого возможно возникновение и существование *политического равновесия* в форме Обузданного Левиафана, когда государственная машина, управляемая элитами, и общество, образуемое массами, равносильны и контролируют друг друга. Тем самым авторы поднимают вопрос о зависимости элит (государства) от масс (общества), фокусируясь на управляемом формировании обеих групп.

В книге Дарона Аджемоглу и Саймона Джонсона (Simon Johnson) рассмотрена история развития технологий вплоть до последнего времени и делается вывод о том, что масштабная цифровизация и использование систем искусственного интеллекта способствуют расширению класса богатых, маргинализации представителей масс и все большему отдалению этих групп друг от друга (Acemoglu, Johnson, 2023). Тем самым авторы фиксируют опасную тенденцию к долговременному нарушению разумного сопряжения элит и масс.

Прорывом в теории элит можно считать цикл работ Петра Турчина (Peter Turchin) и его коллег. Так, в одной из ранних эмпирических работ Петром Турчиным и Сергеем Нефедовым (Sergey Nefedov) выявлены некие универсальные закономерности в динамике элит и масс, которые подтверждаются историческими вековыми циклами на примере многих стран (Turchin, Nefedov, 2009). Важным результатом этого исследования стало эмпирическое установление *принципа перепроизводства элиты*, в соответствии с которым перенаселение приводит к обнищанию простого народа, а перенакопление элиты ведет к относительному обеднению ее значительной части. Причем исторические данные показывают, что перепроизводство элиты запаздывает по сравнению с общим перенаселением. В более поздней работе П. Турчин рассмотрел серию моделей, воспроизводящих разные аспекты жизни элит. В частности, опираясь на работу Ибн Халдуна, он уделил особое внимание явлению асабии, под которым понимается коллективная солидарность социальной группы (элиты), дающая ей способность к совместным коллективным действиям (Турчин, 2020, с. 93). Комплекс моделей Турчина демонстрирует сопряжение динамики элит, простолюдинов и государства, которое отождествляется с бюджетными доходами/расходами. В такого рода моделях эффект перенакопления элит выступает в качестве эндогенной движущей силы, что не может не привлекать внимания к подобным построениям.

В своей последней книге П. Турчин рассмотрел множество ярких стилизованных примеров из истории разных стран в разное время, а также предпринял попытку перейти к прогнозированию будущей *политической нестабильности* в США (Turchin, 2023). При этом правящий класс он расширил до 10% населения с ядром в 1%, чтобы дать более широкий охват явлений, порождающих нестабильность. Таким образом, теория перенакопления элит укрепились не только модельным каркасом, но и содержательными пояснениями внутренних механизмов социальных движений, также была показана возможность практического использования модельных расчетов.

Еще одна знаковая работа, относящаяся к теории элит, принадлежит Рональду Финдли (Ronald Findlay) и Джону Уилсону (John Wilson), которые построили изящную двухсекторную модель национального производства (Findlay, Wilson, 1984). В модели Финдли – Уилсона рассматривается агрегированная производственная функция как произведение однофакторной производственной функции частного сектора, создающего товары и услуги, и однофакторной функции правопорядка (управления) общественного сектора, поддерживающего государственные институты. Так как труд и капитал в данной модели фиксированы, а население распределено между двумя секторами, то это автоматически приводит к существованию оптимальной доли государственных служащих и, следовательно, государственного сектора. В модели Финдли – Уилсона госслужащие по умолчанию играют роль элиты, ответственной за существующий в стране порядок, однако такое понимание элиты является слишком расширительным. Тем не менее, с учетом данной оговорки, упомянутая модель может служить основой для описания взаимодействия элит и масс.

Рассмотренных идей вполне достаточно для того, чтобы попытаться построить непротиворечивую обобщенную теорию элит. Это и будет сделано ниже.

Базовая модель общей теории элит

Для понимания роли элит рассмотрим две стороны жизни общества – создание и распределение макропродукта. Процесс производства может быть описан в предельно общем виде производственной функцией следующего вида:

$$Y = AU(E)X(P) = AE^{\alpha}P^{\beta}, \quad (1)$$

где E – численность элиты; P – численность масс; $U(E)$ – функция управления; $X(P)$ – потенциальные производственные возможности национальной экономики; A , α и β – параметры функций.

В (1) предполагается, что население (массы) участвует в создании ВВП в соответствии с имеющимися технологическими возможностями $X(P)$, а элиты обеспечивают управление государством и, в частности, экономикой в соответствии с функцией $U(E)$. Для простоты

используются степенные функции, мультиплицирование которых дает итоговую активность экономической системы, т. е. фактический ВВП Y , в виде стандартной функции Кобба – Дугласа. Функция (1) дополняется балансовым ограничением на распределение населения:

$$N = E + P, \quad (2)$$

где N – общая численность населения страны¹.

Тогда из модели (1)–(2) вытекает простое уравнение динамики:

$$\frac{dY}{dt} = \left(\frac{\alpha}{\zeta} - \frac{\beta}{1 - \zeta} \right) \frac{dE}{dt} + \frac{\beta}{1 - \zeta} \frac{dN}{dt}, \quad (3)$$

где ζ – доля сословия элиты в численности населения: $\zeta = E/N$.

Несложно видеть, что модель (1)–(2) в формальном отношении полностью совпадает с моделью Финдли – Уилсона (Findlay, Wilson, 1984). В данном случае предполагается, что управление государством определяется малой группой – властной элитой, которая задает правила игры (институты) и тем самым формирует определенный социальный порядок и вектор развития. Для дальнейшего анализа особый интерес представляет уравнение (3), которое связывает динамику национального производства с разрастанием привилегированной социальной группы – элиты. Если исходить из естественного предположения, что $\alpha > 0$ и $\beta > 0$, то из уравнения (3) вытекает условие плодотворного роста элиты, т. е. когда рост численности этой группы стимулирует экономический рост: $\zeta < \zeta^*$, где

$$\zeta^* = \frac{\alpha}{\alpha + \beta}. \quad (4)$$

¹ Построенная модель (1)–(2) откровенно акцентирует внимание на созидательной управленческой функции элит сугубо для экономики. Здесь не учтены идеологические, культурные ориентации и достижения элит, не рассмотрены взаимодействия с другими странами и их элитами, равно как и игнорируется сама возможность развязывания войны. Однако это вполне естественное упрощение, которое в принципе может быть снято путем усложнения управляющей функции $U(E)$.

Следовательно, предельный размер класса элиты ограничен только эффективностью, т. е. способностью к управлению. Если элита поддерживает достаточно высокое качество управления экономикой, то размер ее группы, строго говоря, не лимитирован; в противном случае ограничение (4) становится активным, а превышение критической отметки размера элиты приводит к сдерживанию экономического роста. Этот вывод автоматически следует из того обстоятельства, что величина ζ крайне мала (порядка 1%). Следовательно, если функция Кобба–Дугласа (1) является линейно однородной ($\alpha + \beta = 1$), то размер группы элиты ограничен только ее собственной эффективностью: $\zeta < \alpha$. Это в свою очередь означает, что такое ограничение для расширения группы элиты предполагает крайне малое значение эластичности элит по сравнению с эластичностью масс: $\alpha \ll \beta$. Иными словами, деструктивный рост элиты возникает только тогда, когда ее эффективность почти нуллифицируется: $\alpha \rightarrow 0$.

Данный факт представляется чрезвычайно важным. Он убедительно говорит о том, что перемещение кадров в состав элиты само по себе не способно затормозить экономический рост; это оказывается возможным только в том случае, когда элиты не просто начинают менее эффективно управлять обществом, а еще и переходят некое пороговое значение неэффективности и тем самым вообще перестают справляться с управленческими функциями. В этот период элиты перерождаются в класс *социальных паразитов*, получающих непропорционально большие блага и при этом не выполняющих никаких конструктивных обязанностей. Кроме того, из уравнения (3) вытекает, что при растущем населении даже такой управленческий провал элит не способен нарушить режим экономического роста и вызвать производственную рецессию – позитивный эффект от прироста масс поглотит негативный эффект от роста элит. Этот анализ подводит нас к пониманию двух необходимых условий для крушения государства как такового: приостановка роста численности населения ($dN / dt \approx 0$) и, как следствие, роста рабочей силы и занятости, что приведет к исчерпанию экстенсивного

фактора экономического роста²; катастрофическое падение эффективности элит ($\alpha \rightarrow 0$ или $\alpha < 0$), которое ведет к нарушению сложившегося социального порядка и нарастанию социального хаоса.

Сказанное позволяет утверждать, что с формальной точки зрения наступление периода нестабильности требует коренной перестройки режима управления с катастрофическим уменьшением эластичности элит. В этом случае происходит своеобразный «разрыв» производственной функции (1), который может быть выражен следующим образом:

$$Y = AE^{\alpha - \Delta\alpha} P^\beta, \quad (5)$$

где $\Delta\alpha > 0$ – некий экзогенный негативный сдвиг в величине эластичности элит.

В этом случае мы получаем пороговое значение на падение эффективности элит при их заданном размере ζ : дальнейший рост элит начинает сдерживать экономический рост при превышении критической величины падения их эффективности $\Delta\alpha^*$ ($\Delta\alpha > \Delta\alpha^*$):

$$\Delta\alpha^* = \alpha - \beta \left(\frac{\zeta}{1 - \zeta} \right). \quad (6)$$

В модели (1)–(2) такого рода сдвиги в эффективности являются экзогенными, тогда как в реальности они носят эндогенный характер и определяются своими собственными законами и механизмами. Ниже этот вопрос будет освещен более подробно, однако сейчас важно зафиксировать сам факт того, что размер (количество) и эффективность (качество) элиты неразрывно связаны и только при их активном сопряжении и мультиплицировании происходят радикальная перестройка режима развития государства и рост политической нестабильности.

² В данных построениях не проводится различие между населением и занятым населением, что в ряде случаев может быть принципиальным. При необходимости это обстоятельство может быть аккуратно учтено, однако для сохранения простоты схемы воздержимся от этого. В реальности демографический рост населения может сопровождаться сжатием занятости, что по своим последствиям оказывается еще более болезненным.

Если модель (1)–(2) раскрывает линию производства макропродукта, то для полноты картины необходимо отразить и линию его распределения, которое осуществляется постфактум между элитами и массами:

$$Y = DE + WP, \quad (7)$$

где D – средний доход элит; W – средний доход масс.

Если ввести показатель неравенства в доходах элит и масс $G = D/W$ и учесть балансовое соотношение (2), то уравнение (7) преобразуется к следующему виду:

$$Y = WN[1 + \zeta(G - 1)]. \quad (8)$$

Если для удобства ввести показатели нижней границы бедности W^* , параметра биологической терпимости масс $q = W/W^*$, верхней границы неравенства G^* и социальной нетерпимости масс к неравенству $g = G/G^*$, то уравнение (8) переписывается в виде:

$$Y = qNW^*[1 + \zeta(gG^* - 1)]. \quad (9)$$

Уравнение (9) показывает в максимально простой и ясной форме распределительные эффекты в теории элит. Например, если ВВП (Y) падает под воздействием ухудшившейся работы элит, то это падение при прочих равных условиях будет приводить к падению биологической толерантности и росту социальной нетерпимости масс ($q \rightarrow 1$ и $g \rightarrow 1$ соответственно при нормальных значениях $q > 1$ и $g < 1$). Такие процессы способствуют нарастанию революционных настроений и вероятности масштабных внутренних конфликтов в стране. Тем самым комбинация параметров масштаба и эффективности элит (ζ и α) и биологической и социальной терпимости масс (q и g) образуют пространство возможных конфликтных (революционных) движений в обществе. Таким образом, два исходных импульса, необходимых для крушения государства (приостановка роста населения и катастрофическое падение эффективности элит), дополняются достаточными условиями в виде недовольства масс своим материальным благосостоянием и проявлениями откровенной социальной несправедливости.

Типология социальных порядков и теория революции

Предложенная аналитическая схема позволяет дать довольно простую и элегантную типологию социальных порядков, возникающих внутри государства в результате комбинации функциональных параметров двух классов — масс и элит. Без потери степени общности эту типологию можно представить в *таблице 1*.

Первый тип режима — управленческий кризис — связан с утратой элитами своего управленческого мастерства. Этот случай является частым и соответствует всем известным экономическим кризисам, когда ошибки в государственном регулировании приводят к сбоям в экономике. При этом никаких системных проблем на уровне государства не возникает, а возникшие проблемы так или иначе решаются. Как правило, такие периоды сопровождаются сменой правительства и кабинета министров. Если же потеря управляемости экономики идет параллельно с перенакоплением элиты, то ситуация переходит в разряд политического кризиса, когда встает вопрос о правомерности сохранения правящего класса. В этот момент возникают признаки того, что правящая социальная группа превратилась в паразитический класс. В подобных случаях происходит смена политической власти — верховного лидера (президента) и его администрации. Если же такая ситуация вовремя не разрешается, а еще и дополняется избыточным вознаграждением несостоятельной части общества — правящей элиты, тем самым вызывая публичное недовольство населения, то сформировавшийся режим говорит о социально-политическом кризисе. Фактически население (массы) уже воспринимает правящий класс в качестве социального паразита, который неправомерно присваивает чрезмерно много благ. Такие

ситуации сопровождаются отставкой правительства и верховного лидера на фоне массовых народных манифестаций и протестов. Наконец, если подобная ситуация не разрешается, а еще и дополняется абсолютным обнищанием масс, то возникает режим *революционной ситуации*, который может иметь любые последствия — от насильственного свержения власти до гражданской войны и полного крушения государства.

Последний режим не только соответствует учению Владимира Ленина о революционной ситуации, но и обобщает его. Так, в своей работе 1920 года Ленин дал знаменитую характеристику революционной ситуации, когда «низы» (массы) не хотят жить по-старому, а «верхи» (элиты) не могут управлять по-старому (Ленин, 2022). В таблице 1 ленинский тезис раскрывается посредством четырех параметров. Вторая часть ленинской формулы конкретизируется падением эффективности элит с одновременным расширением их размера, а первая часть — ростом недовольства масс чрезмерным доходным неравенством и их категорическим нежеланием владеть дальнейшее жалкое материальное существование.

Все четыре параметра имеют ясную интерпретацию и могут быть с той или иной точностью верифицированы и оцифрованы. Например, параметры α и ζ требуют построения соответствующей производственной функции (1) для заданного исторического периода времени. Критический уровень бедности может быть достаточно точно определен для каждой страны, что позволяет определить и уровень текущей биологической толерантности масс. В отношении социальной нетерпимости можно воспользоваться грубой оценкой Пикетти для доходов элит $G^* = 50$. Таким образом, теоретическая рамка построенной схемы подлежит разумной верификации.

Таблица 1. Типология политической ситуации в государстве

Тип политической ситуации	Модельные характеристики			
	Параметры элит		Параметры масс	
	α	ζ	g	q
Управленческий кризис	$\alpha \rightarrow 0, \alpha < 0$	$\zeta < \alpha$	$g \ll 1$	$q \gg 1$
Политический кризис	$\alpha \rightarrow 0, \alpha < 0$	$\zeta > \alpha$	$g \ll 1$	$q \gg 1$
Социально-политический кризис	$\alpha \rightarrow 0, \alpha < 0$	$\zeta > \alpha$	$g \rightarrow 1, g \leq 1$	$q \gg 1$
Революционная ситуация	$\alpha \rightarrow 0, \alpha < 0$	$\zeta > \alpha$	$g \rightarrow 1, g \leq 1$	$q \rightarrow 1, q \geq 1$

Источник: составлено автором.

Специально подчеркнем, что систематизация политических режимов в таблице 1 позволяет не только осуществить своеобразный теоретический синтез теорий элит, но и операционализировать формальные построения с помощью понятных категорий и экономических показателей. В этом и состоит главное значение предложенной аналитической схемы.

Обобщения и модификации базовой модели

Выполненные построения являются самыми простыми из всех возможных. В связи с этим к ним можно предъявить несколько претензий. Наиболее очевидными из них являются следующие две.

Первая состоит в возможности рассмотрения не двух, а нескольких классов или социальных групп. Например, естественным обобщением модели (1) могла бы стать трехфакторная модель, включающая еще и средний класс. Тогда возникает логичный вопрос о том, не изменятся ли выводы модели для такой более разветвленной схемы.

Вторая претензия заключается в изначально нелинейном характере модели (1). В связи с этим правомерно задаться вопросом о том, сохранятся ли выявленные свойства модели с переходом к линейным зависимостям.

Ответим последовательно на поставленные два вопроса.

Сначала обобщим базовую модель на случай включения третьей социальной группы – среднего класса. Тогда функция (1) примет вид:

$$Y = AE^\alpha M^\gamma P^\beta, \quad (10)$$

где M – численность среднего класса; γ – эластичность среднего класса; остальные обозначения прежние.

Балансовое соотношение (2) для населения обобщается соответствующим образом:

$$N = E + M + P. \quad (11)$$

Если ввести параметр λ как долю среднего класса в общей численности населения, т. е. $\lambda = M/N$, то динамизация уравнения (10) дает соотношение:

$$\frac{dY}{dt} = \left(\frac{\alpha}{\zeta} - \frac{\beta}{1 - \zeta - \lambda} \right) \frac{dE}{dt} + \left(\frac{\gamma}{\lambda} - \frac{\beta}{1 - \zeta - \lambda} \right) \frac{dM}{dt} + \frac{\beta}{1 - \zeta - \lambda} \frac{dN}{dt}. \quad (12)$$

Простейший анализ показывает, что влияние расширения элит на экономический рост оказывается таким же, как и в модели (1), но ограничение (4) на размер элиты заменяется на два одновременных ограничения: $\zeta < \zeta^*$ и $\zeta < \zeta^{**}$, где

$$\zeta^* = \frac{\alpha(1 - \lambda)}{\alpha + \beta}, \quad (13)$$

$$\zeta^{**} = 1 - \lambda(1 + \beta/\gamma). \quad (14)$$

Формула (13) является уточнением формулы (4), а формула (14) может восприниматься как дополнительное ограничение при фиксированной доле среднего класса λ . Несложно видеть, что активным ограничением почти всегда будет выступать пороговое значение (13), а барьер (14) будет, как правило, избыточным для анализа размера элиты.

Таким образом, рассмотрение нескольких групп населения не приводит к качественным изменениям прежних выводов.

Нельзя не отметить, что модели (1)–(2) и (10)–(11) могут использоваться применительно к мировой системе. Например, согласно концепции Иммануила Валлерстайна (Immanuel Wallerstein), в мировой системе имеется три группы стран – ядро, периферия и полупериферия (Валлерстайн, 2006). Тогда страны ядра могут интерпретироваться как своеобразная элита мирохозяйственной системы, полупериферия – как средний класс, а периферия – как массы. Разумеется, здесь имеет значение исходная позиция по поводу того, какие страны должны входить в ту или иную системную группу. Можно предположить, что ядро в качестве управляющей элиты может быть представлено только одной страной, выступающей в качестве центра текущего цикла накопления капитала. Сегодня эту роль выполняют США. Можно рассматривать мирохозяйственную систему и в упрощенном виде – в рамках двухфакторной модели элиты – массы или центр – периферия; ниже будет дано эмпирическое наполнение данной схемы.

Вторая претензия относительно нелинейного вида исходных зависимостей может быть снята путем рассмотрения линейных функций управления и производства в исходной

зависимости (1). Тогда модель (1) примет следующий вид:

$$Y = A(\alpha E + a)(\beta P + b), \quad (15)$$

где A , α , β , a и b – параметры введенных линейных зависимостей.

Соединив уравнение (15) с формулой (2) и сделав простейшие выкладки, получим квадратичную зависимость ВВП от численности элиты, которая имеет точку максимума при значении:

$$E^* = (N + b/\beta - a/\alpha)/2, \quad (16)$$

которой соответствует пороговое значение доли элит:

$$\zeta^* = \frac{1}{2} \left(1 + \frac{b/\beta - a/\alpha}{N} \right). \quad (17)$$

Таким образом, даже линейные зависимости в функции (15) при предположении о сопряжении производительного и управленческого труда дают те же содержательные выводы, которые были сделаны ранее.

Можно рассмотреть и еще более простой случай, когда выпуск описывается линейной функцией с учетом ее двух составляющих:

$$Y = A + \alpha E + \beta P, \quad (18)$$

где A , α и β – параметры линейной зависимости.

Тогда динамизация уравнения (18) даст соотношение:

$$\dot{Y} = (\alpha - \beta)\dot{E} + \beta\dot{N}. \quad (19)$$

Несложно увидеть, что уравнение (19) является частным случаем уравнения (3) без учета структуры населения двух социальных групп. Иными словами, эффективность элиты по-прежнему играет основную роль в динамике экономического роста, но граница на масштаб этой группы исчезает. Таким образом, для нелинейного случая значение имеют эффективность и накопленный размер элиты, а для линейного режима – только ее эффективность.

Выполненные выше обобщения и модификации модели (1)–(2) демонстрируют инвариантность основных выводов, полученных на ее основе. Это придает необходимую общность выполненным теоретическим построениям.

Обсуждение результатов и новые трактовки

Построенные формальные схемы нуждаются в переложении на реальность и пояснении тех процессов, которые заложены в представленных моделях. Для этого обратимся к работам Турчина как наиболее содержательным относительно роли элит в сохранении и распаде государств. При этом картина, рисуемая в работах Турчина, будет немного исправлена и дополнена в соответствии с выполненными выше построениями.

В соответствии с теорией Турчина в основе механизма мощных политических конфликтов и краха государственности лежит процесс перенакопления элит (Turchin, Nefedov, 2009; Турчин, 2020; Turchin, 2023). По мере разрастания этой социальной группы с огромными индивидуальными доходами возникает не только переток людей в соответствующую группу, но и переток национального богатства. Это означает, что доля богатства, приходящегося на массы, уменьшается, что при прочих равных условиях приводит к их обнищанию. Этот результат служит основой политической активности масс, их вовлечения в борьбу элит и следующих за этим социальных волнений. Одновременно с этим происходит эрозия самого слоя элиты – разрушается так называемая асабия, т. е. внутригрупповая солидарность. Расширение элиты приводит к нехватке перераспределяемых в ее пользу средств для обеспечения «нормы» богатства каждого ее члена. Этот процесс со временем способствует локализации внутри нее отдельных групп (кланов) с постепенным нарастанием конкуренции между ними за власть и богатство. Именно эти богатые и могущественные группировки, испытывающие нехватку богатства и могущества, выступают в качестве главного драйвера политической борьбы. Указанные группы начинают борьбу за поддержку своих планов обездоленными массами и осуществляют либо политический переворот, либо революцию с изменением принципов политического правления; в случае длительного

отсутствия явного победителя в политическом конфликте возникает вероятность полного разрушения прежнего социального порядка без построения нового с последующим крушением государства в той или иной форме.

Хотя описанный механизм в целом правильно отражает процесс развития политических конфликтов, он все-таки нуждается в некоторых уточнениях. Дело в том, что в моделях Турчина сами элиты играют очень ограниченную роль. Так, в них предполагается, что простолюдины выступают производителями благ, а элиты являются обычными эксплуататорами, присваивающими себе часть произведенного богатства (Турчин, 2020, с. 297). Даже включая в свою схему государство в виде государственного бюджета, Турчин исходит из того, что элиты выполняют роль своеобразного *посредника* между массами и государством, осуществляя передачу части благ, собранных в виде налогов, в бюджет. Если элиты начинают беднеть, то они препятствуют росту налогов и пополнению казны; возможны и случаи, когда элита использует бюджетные средства на свои нужды (Турчин, 2020, с. 300). Тем самым ухудшение положения элит почти автоматически порождает ухудшение состояния бюджета, что эквивалентно ослаблению государства и выполняемых им функций по поддержанию социального порядка. Однако такая схема является явным упрощением.

Дело в том, что элиты – отнюдь не простые посредники между абстрактной государственной машиной и производительным населением (массами). Помимо этого, они выполняют *созидательную* миссию по организации общественного производства, регулированию экономической активности, налаживанию международных связей, поддержанию установленных норм в бизнесе и бытовой жизни и т. п. Именно этот аспект их деятельности отражен в управленческой функции $U(E)$ в формуле (1). Иными словами, элиты обеспечивают свой вполне определенный вклад в создание коллективного макропродукта страны, что отражается эластичностью α в модели (1). В такой трактовке элиты также являются *производящим* классом, хотя сама их деятельность носит преимущественно *организационный* характер. Но тогда совершенно очевидно, что именно невыполнение или неадекватное выполнение

элитами своей организационно-управленческой миссии ведет к нарушению эффективного функционирования экономики, сбоям в производстве и системной рецессии. При этом состояние бюджета само по себе может быть не связано с их перераспределительной функцией. Например, пополнение бюджета будет по-прежнему происходить в соответствии с установившимся в экономике налоговым бременем, однако уменьшающаяся экономическая активность системы не позволит воспроизводить государственные расходы в прежнем объеме, что приведет к бюджетному дефициту со всеми вытекающими негативными последствиями. Вместе с тем даже урегулирование этой проблемы во многом зависит от управленческой компетентности элит, т. е. от их производительной функции.

Дополнительным аргументом о невозможности самостоятельного крушения эффективности государственного управления из-за разрастания класса элит может служить следующее. Если в стране имеется два класса (элита и массы), каждый из которых обладает своим уровнем эффективности, то переток кадров из одного в другой будет негативно сказываться на системе только в том случае, когда этот переток осуществляется из высокопродуктивной группы в низкопродуктивную. Следовательно, само разрастание элиты будет негативно сказываться на всей общественной жизни только после того, как она уже *утратит* свою прежнюю управленческую эффективность по сравнению с эффективностью масс. Более того, формулы (5) и (6) показывают, что групповая эффективность элиты должна не просто уменьшиться, а уменьшиться достаточно сильно, для того чтобы нарушить воспроизводственные процессы в стране. Только после этого процесс разрастания элиты станет деструктивным и будет сдерживать экономическое развитие, что в свою очередь и является главным триггером развития политических конфликтов. В противном случае, когда элиты успешно справляются с миссией по управлению государством, их рост может вызывать некоторое социальное напряжение из-за перелива в их пользу общественного богатства, но вряд ли это приведет к масштабным политическим столкновениям, способным вызвать крах политической власти.

Таким образом, важное уточнение, вытекающее из предыдущих рассуждений, состоит в том, что *исходным импульсом* эрозии политической власти служит утрата этой властью способности эффективно управлять обществом и решать насущные проблемы. Естественным следствием этого процесса становится ослабление способности элит к самоуправлению и самоограничению. Именно в такие периоды времени начинается их неконтролируемый рост за счет сомнительного обогащения простолюдинов и прихода на важные государственные посты людей «со стороны». Заметный спад в способности элит к управлению, накладывающийся на рост их абсолютного и относительно-го размера, запускает последующий механизм ослабления экономического потенциала общества с ухудшением положения обоих классов — масс и элит. Следствием этого процесса является разрушение асабии правящего класса, его дробление на конкурирующие политические группировки. Длительный экономический кризис запускает логику распределения создаваемого макропродукта путем его стихийного «раздергивания» на социальные группы в соответствии с формулой (9); рано или поздно пороговые значения социальной и биологической толерантности населения оказываются достигнуты, после чего начинается активное разрушение старого социального порядка.

Тем самым крайне привлекательная модель Турчина сохраняется с некоторыми дополнениями и уточнениями. Вместе с тем нарисованная общая картина эрозии элит и развития политических конфликтов обладает более значительным объяснительным потенциалом.

Нарисованная картина выводит на первое место новые вопросы. Дело в том, что в нашей схеме исходный импульс общественной динамики — заметное падение эффективности элит — оказывается экзогенным фактором, не находящим объяснения в предложенной схеме. Тогда возникает вполне логичный вопрос о том, что же порождает такой спад в дееспособности политической элиты. Ответ на этот вопрос попытаемся дать ниже.

Типология политических групп, элиты и управление

Выше уже был проведен обзор атрибутов элиты, позволяющих отделить ее от масс. Однако помимо наличия власти, богатства и лич-

ных качеств, представители элиты должны обладать еще одним атрибутом, который будем называть *системной установкой*. Под таковой понимается мировоззренческая установка человека относительно значимости социальной системы в его жизни и деятельности. В связи с этим можно говорить о двух разновидностях системной установки. Согласно первой, которую будем называть *холистической*, для человека общее (социум в целом) важнее частного (его личных дел и интересов); согласно второй установке, которую будем называть *индивидуалистической*, для человека частное важнее общего.

Строго говоря, глубинный смысл элиты состоит именно в том, что ее представители, будучи ответственными за состояние и развитие социума, в своих решениях руководствуются общими интересами и нуждами государства — даже вопреки собственным желаниям и интересам. Такая позиция соответствует доктрине *служения* чему-то великому — государству, нации, Богу и т. п. В отличие от элиты представители масс могут позволить себе ставить частные (личные, семейные, карьерные и т. п.) интересы выше общих (государственных). В этой точке и возникает бифуркация населения на две принципиально неодинаковые социальные группы. Именно отношение к государству как к некоей общественной целостности разделяет элиты и массы на качественно несопоставимые классы.

Напомним, еще Аристотель полагал, что «...человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» (Аристотель, 1984, с. 378). Иными словами, по мнению Аристотеля, каждый нормальный человек должен обладать развитым политическим сознанием, однако даже Аристотель не требовал от всех граждан *жертвенности* в отношении государства. Такое качество, несомненно, является уделом избранных — элиты. Именно способность приносить в жертву личные интересы общегосударственным и отличает элиту от масс. Можно сказать, что холистическая системная установка представителя элиты есть не что иное, как рафинированная, откристаллизованная и отчасти гипертрофированная ответственность за то, что происходит в стране.

Сказанное позволяет расширить традиционное понимание элит на еще одно измерение (рисунки). При этом следует сразу оговориться, что системные установки, строго говоря, не дублируют традиционные требования к личным качествам, равно как они не имеют прямого отношения и к этическим нормам. Например, представитель масс имеет право ставить свои дела выше государственных, ибо он несет ответственность перед своими близкими (семьей, друзьями, коллегами и т. п.), но не влияет на положение дел в государстве, а потому и не несет ответственности за это. Следовательно, его индивидуалистическая системная установка не наносит никому вреда и не имеет отношения к этике и морали. Однако если данная установка не вменяется массам и не несет в себе аморального потенциала, то и в отношении элит она не может напрямую применяться. И наоборот, если представитель элиты обладает всеми

положительными личными качествами (профессионализмом, компетентностью, честностью, скромностью и т. п.), но не разделяет холистической системной установки, то его действия по управлению государством будут, скорее всего, неэффективными или сомнительными. Соответственно, для того чтобы элиты были но-настоящему эффективными, ключевое значение имеют факторы наличия власти и холистической системной установки; в противном случае велик риск разрушения государственности как таковой. Наличие богатства и высоких личных качеств является дополнительным условием продуктивности элит.

Сказанное позволяет дать качественную типологию политических групп, так или иначе встроенных в политический процесс (табл. 2). В основе данной классификации лежит принцип наличия определяющих признаков. В зависимости от их комбинации можно выделять

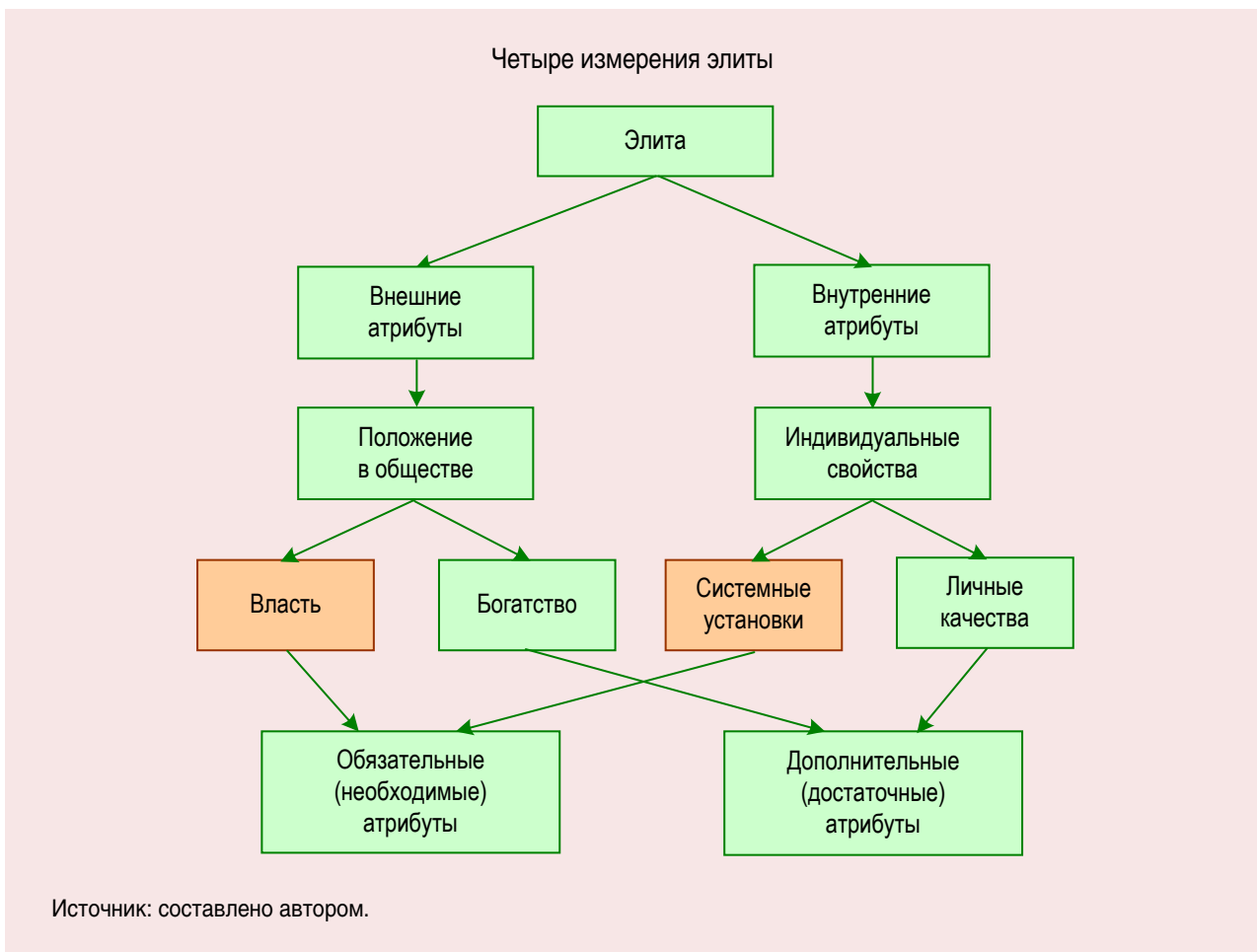

Таблица 2. Качественная типология политических групп

Наличие признака				Политические группы
Власть	Богатство	Личные качества	Холистическая системная установка	
+	+	+	+	Классическая элита
+	+	+	–	Правящий класс
+	+	–	–	Олигархия
+	–	–	+	Классическая бюрократия
+	–	+	+	Интеллектуальная (бюрократическая) элита
–	+	+	+	Бизнес-элита
–	–	+	+	Интеллигенция
–	+	–	–	Праздный класс

Источник: составлено автором.

разные политические подгруппы, в том числе те, которые не в полной мере относятся к категории элиты. В данном контексте крайне интересно то, как утрата того или иного признака приводит к перерождению классической элиты в ее модификации и антиподы. Например, если элита теряет позитивные личные качества и холистическую системную установку, то она превращается в олигархию, преследующую свои сугубо узкие интересы. Если из полного набора признаков выпадает фактор богатства, то политическая элита превращается в узкий слой интеллектуальной элиты, способной влиять на политические процессы, но не получившей материального подкрепления своей привилегированной позиции.

Главный итог предыдущих построений состоит в понимании того факта, что самая острая проблема, возникающая для государства, заключается в *перерождении элит*, т. е. в *уподоблении элит массам*, когда элиты отбрасывают холистическую системную установку и начинают преследовать в первую очередь свои корыстные личные интересы. В таких случаях система государственного управления теряет эффективность, а страна начинает движение к гибели. Если такой процесс приобретает достаточный масштаб и длится довольно долго, то вероятность негативного исхода возрастает до критического значения и вполне может реализоваться. Напомним, что традиция рассмотрения процесса *вырождения* и *деградации* элитных групп и их отдельных представителей восходит к биологическим трактовкам динамики популяций (Ашин, 2010, с. 125). Однако в нашем

случае имеет смысл говорить о более широком рассмотрении данных процессов, в том числе под воздействием различных социальных движений и обстоятельств.

В связи со сказанным заострим вопрос об *инверсии системной установки* элит. Дело в том, что помимо вполне понятных процессов вырождения и деградации представителей элит имеется широкий пласт социальных явлений, объективно приводящих к указанной инверсии установок. В качестве стилизованного примера такого рода событий рассмотрим период перехода от Римской республики к Римской империи.

Напомним, что исторический переход от республиканской формы правления к имперской представляет собой содержание так называемого парадокса Цицерона. Согласно современной трактовке, республика представляет собой *смешанный* институт, обеспечивающий равновесие между тремя такими *чистыми* институтами власти, как монархия, аристократия и демократия; несмотря на это, столь совершенный институт утратил свои преимущества и к началу нашей эры переродился в довольно примитивную имперскую форму правления с признаками тирании (Балацкий, 2023). По всей видимости, объяснение указанной трансформации состоит в постепенном перерождении римской элиты, в основе которой лежала утрата холистической системной установки.

Действительно, рассматриваемый исторический период ознаменовался масштабными гражданскими войнами, когда ведущие полководцы страны начали систематическую борьбу

за абсолютную власть вопреки интересам государства. При этом было бы крайне опрометчиво утверждать, что эти полководцы демонстрировали ничтожные личные качества. Наоборот, такие имена, как Гай Марий (Gaius Marius), Луций Корнелий Цинна (Lucius Cornelius Cinna), Луций Корнелий Сулла (Lucius Cornelius Sulla), Луций Лициний Лукулл (Lucius Licinius Lucullus), Гней Помпей Магнус (Gnaeus Pompeius Magnus), Марк Лициний Красс (Marcus Licinius Crassus) и Гай Юлий Цезарь (Gaius Iulius Caesar) говорят сами за себя. Это были на редкость одаренные, умные, образованные, талантливые и отнюдь не безнравственные люди. Тем не менее их попытки захватить единоличную власть в Риме в конечном счете привели к свержению республики. Можно с полным основанием предположить, что в рассматриваемый период имела место массовая инверсия системной установки элит. Ключ к пониманию причин этого явления дает нам Адриенна Мэйор (Adrienne Mayor): масштабные завоевательные кампании Рима привели к формированию огромных войск и усилению влияния их военачальников; огромная добыча в успешных войнах мгновенно обогащала полководцев, давала им известность и народную популярность; удаленность от центра принятия решений вела к наделению военных лидеров дополнительными политическими полномочиями, в том числе по установлению налогов и контрибуций с последующим дополнительным обогащением за их счет; ведение переговоров с иностранными правителями повышало их дипломатический статус и позволяло формировать международные альянсы и союзы; и т. п. (Mayor, 2010). Такое расширение полномочий римских полководцев способствовало сначала *отождествлению* их интересов с интересами Римской республики, а впоследствии и *примату* их частных интересов над интересами государства.

Однако следует оговорить еще один важный момент в рассмотренном примере. Само по себе перерождение элит Римской республики в сторону преобладания эгоистических мотивов и стремления к единоличной власти могло и не привести к падению старой формы правления.

Например, последние исследования говорят о том, что убийство Цезаря на заседании сената было неизбежным: во-первых, это была уже не первая попытка, во-вторых, это был заговор малого радиуса действия, тогда как существовал параллельный заговор большего радиуса, а возможно, и третий еще более обширный круг заговорщиков (Бобровникова, 2006). Тем самым Цезарь был обречен, что само по себе говорило о психологической неготовности элит к монархическому правлению. Тем не менее последующее воцарение Гая Октавиана Августа (Gaius Octavianus Augustus) уже не вызвало подобного протеста. С чем это связано?

Ответ состоит в следующем. Беспрецедентное расширение границ Римской республики привело к утрате прежней властью былой эффективности: выборная процедура консулов «поставляла» все новых и новых действующих лиц на политическую арену; возвращение в город обогатившихся триумфаторов вело к росту числа представителей элиты, способных приводить в действие большие массы населения; необходимость согласования полководцами своих действий с консервативным сенатом снижала оперативность политических решений; большое число восстаний рабов, италийских и иных племен требовало предельно жестких и даже жестоких волюнтарных решений; завоевательные походы в разных направлениях требовали долгосрочной политики, согласованности действий и единоначалия. В таких условиях республиканская форма правления давала систематические сбои, что снижало эффективность государственного управления. Выборные консулы превратились в политических временщиков, а сенат — в бюрократическое собрание, что не давало быстро и продуктивно решать возникающие проблемы. Проявлением неспособности демократической власти решать острые проблемы государства стало возведение в 82 г. до н. э. в должность диктатора Рима Луция Корнелия Суллы, что послужило своеобразной репетицией к будущему имперскому правлению. Тем самым падению Римской республики предшествовало резкое снижение эффективности государственной власти, что и породило последующие события.

В приведенном примере мы показали, что распад Римской республики шел в несколько этапов: военно-экономическая экспансия с ее новыми вызовами и проблемами; падение эффективности правления старой элиты; расширение слоя элиты, исчезновение групповой асабии, дробление элиты и нарастающая конкуренция политических группировок; отожествление элитами частных и государственных интересов с последующим главенством частных задач; череда политических кризисов, усугубляющих управленческие проблемы власти; победа новой политической группы (Октавиан Август и его сторонники), формирование новой элиты и становление нового политического порядка (империи). Важная особенность данного примера состоит в том, что инверсия системных установок элит произошла не путем банальной деградации ее отдельных субъектов, а из-за возникновения объективных несоответствий в самой системе власти и вызовов со стороны системы государственного управления.

Другой, во многом более показательный и простой пример метаморфозы элиты в части потери холистической системной установки дает крах Советского Союза. В литературе уже был подробно рассмотрен механизм деградации советской элиты из-за возникновения военно-стратегического паритета и свертывания в стране инклюзивных институтов (Балацкий, Плискевич, 2017). Результатом такой политики в условиях отсутствия явных внешних вызовов стала консервация элиты с постепенным ухудшением ее продуктивности — как личных качеств руководителей, так и их системных установок. Период, предшествовавший краху прежней государственности, ознаменовался беспрецедентной неэффективностью управленческих решений и дезорганизацией всей хозяйственной жизни страны. Однако и в данном случае следует подчеркнуть, что имевшая место деградация советской элиты произошла не самостийно и не стихийно, а под воздействием определенных обстоятельств. Главный же тезис, вытекающий из приведенных примеров, состоит в том, что в каждом случае необходимо искать свои причины и факторы ухудшения качества элит. Это правило существенно дополняет и углубляет современные представления

об эрозии институтов из-за качественного изменения их «начинки» — социальной системы (Balatsky, 2023).

Эмпирические приложения теории элит

Всё предыдущее изложение основывалось на качественном анализе, однако без эмпирического материала теория не получает достаточной убедительности. В связи с этим рассмотрим специфический, но достаточно наглядный пример, связанный с существованием мировой элиты в лице США.

Для этого воспользуемся данными Всемирного банка для построения функции (1) за временной период 1960–2022 гг.³ Тогда модель (1) будет строиться в логарифмической форме для трех исторических отрезков: 1960–1975, 1976–2000 и 2001–2022 гг. соответственно:

$$\ln Y = -36,50 + 2,20 \ln E + 1,13 \ln P, \quad (20)$$

(–6,84) (2,84) (2,59)

$$R^2 = 0,996; n = 16; F = 1819,1.$$

$$\ln Y = -13,28 + 0,93 \ln E + 1,18 \ln P, \quad (21)$$

(–5,75) (2,24) (4,47)

$$R^2 = 0,995; n = 25; F = 2028,3.$$

$$\ln Y = -24,43 + 0,63 \ln E + 1,94 \ln P, \quad (22)$$

(–4,22) (0,58) (2,78)

$$R^2 = 0,992; n = 22; F = 1256,3,$$

где Y — объем мирового ВВП; E — численность населения США; P — численность населения мира без учета населения США; n — число наблюдений; F — значение F-статистики; R^2 — коэффициент детерминации.

Построенные модели (20)–(22) являются удовлетворительными для качественного анализа изучаемых явлений.

Модели (20)–(22) предполагают, что мировая хозяйственная система разделена на две неравные части — элита в лице мирового гегемона (США) и периферия (прочие страны). Тогда весь создаваемый мировой ВВП является результатом управленческих усилий элиты (американского населения) и масс (прочего населения мира). Каждый участник вносит свой вклад в соответствии с эластичностями α и β . Для

³ См.: Data from database of The World Bank: World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

Таблица 3. Эффективность американской элиты на разных исторических отрезках

Временной интервал	Параметры модели (1)		Условие эффективности элит	
	α	β	Наличие	Форма
1960–1975	2,201	1,133	+	$\alpha > \beta; \beta > 0$
1976–2005	0,939	1,177	+	$\alpha < \beta; \beta > 0$
2006–2022	0,633	1,938	–	$\alpha < \beta; \beta > 0;$ α не значимо

удобства результаты эконометрических расчетов можно представить в *таблице 3*. Ее анализ позволяет сделать некоторые важные выводы.

Во-первых, в ретроспективе прослеживается явный дрейф параметра α в сторону уменьшения. Следовательно, эффективность мировой правящей элиты в лице США постепенно снижалась, тогда как отдача периферии (β) имела столь же явную обратную тенденцию – к росту. Тем самым почти визуально просматривается процесс постепенной рокировки значимости центра и периферии в мирохозяйственной системе.

Во-вторых, начало XXI века ознаменовалось снижением эффективности мирового гегемона и потерей устойчивой связи в сопряжении с периферией. Так как параметр эластичности США в этот период стал незначимым, то можно утверждать, что глобальный лидер уже утратил свое системное организационное начало. С формальной точки зрения в этот период исходная модель центр – периферия начала разрушаться.

Разумеется, сделанные выводы нельзя абсолютизировать, однако модельные расчеты свидетельствуют именно о таком ходе событий и заставляют, по крайней мере, обратить внимание на характер пресловутого взаимодействия центр – периферия.

Учитывая, что на временном участке 2001–2022 гг. параметр α оказывается незначимым, то с формальной точки зрения это означает отсутствие влияния центра (т. е. $\alpha = 0$), что ставит под сомнение плодотворность мирового порядка, поддерживаемого США. Следовательно, к началу XXI века США исчерпали свой управленческий потенциал. Последовавшие затем негативные геополитические события подтверждают это.

Сделанный вывод подтверждается имеющимися эмпирическими данными (*табл. 4*). Например, на протяжении рассмотренного периода относительные показатели масштаба США уменьшались ($\mu = Y^*/Y$, где Y^* – ВВП США; Y – мировой ВВП), тогда как показатель мирового неравенства ($G = (Y^*/E)/[(Y - Y^*)/P]$) вел себя неоднозначно. Так, в 1998 году показатель G впервые за многие годы превысил отметку в 8 раз, а в 1999 году он установил исторический максимум – 8,27. Тем самым именно в эти годы США достигли высшей отметки в перераспределении мирового ВВП в свою пользу. Анализ ретроспективных данных за 1960–1975 гг., когда эффективность управления мирохозяйственной системой со стороны США была максимальной, показывает, что верхней границей неравенства можно считать отметку $G = 7,45$. Следовательно, в 1999 году индекс

Таблица 4. Относительные параметры США в мировой экономике

Год	Относительный масштаб		Относительное неравенство Душевой ВВП (G), число раз
	Население (ζ), %	ВВП (μ), %	
1960	6,0	31,6	7,28
1970	5,6	28,6	6,80
1980	5,1	26,8	6,79
1990	4,7	27,2	7,56
2000	4,6	28,4	8,23
2010	4,4	25,2	7,26
2022	4,2	23,3	6,93

социальной нетерпимости масс к неравенству составил $g = 1,11$, т. е. превысил критическую отметку. Такое положение дел говорит о том, что к началу XXI века в мировой системе наметилось антагонистическое противостояние центра и периферии и актуализировался вопрос о правомочности сложившегося социального порядка.

Помимо всего сказанного, приведенные цифры позволяют еще раз взглянуть на концепцию переполнения элит. Например, на историческом интервале 1960–2022 гг. относительный размер населения государства-гегемона сокращался, в связи с чем говорить о переполнении элиты в мировой экономике нельзя; даже относительное обогащение правящего класса в целом уменьшалось, несмотря на происходившие локальные всплески его роста. Однако главное заключается в том, что на этом фоне падала сама эффективность действий элит, особенно в начале нового столетия. Следовательно, кризис прежней модели геополитического лидерства вызван не столько ростом размера элиты и даже не ее «жадностью», сколько утратой ее управленческой эффективности в деле организации мирового производства. Именно эта идея и является центральной в предлагаемой теории элит.

Что касается причин, обусловивших падение эффективности американской элиты, то они связаны с постепенной эрозией институциональной системы США (Balatsky, 2023). Старая доктрина примата конкуренции, в которой раньше всегда побеждали США, постепенно перестала работать. Китай в старой институциональной парадигме конкуренции оказался в более выгодном положении. Старые силовые методы решения международных проблем также начали давать сбои в России, Иране и Северной Корее. Именно в начале XXI века наметилось разрушение асабии внутри американского государства – возникло антагонистическое противостояние двух политических партий и стоящих за ними бизнес-элит. Наиболее ярким внешним проявлением утраты стратегического единства США может служить эмиграционная политика, когда президент Дональд Трамп (Donald Trump) возводил стену на границе с Мексикой, а региональные власти мешали ему в этом начинании; после же прихода к власти Джозефа Байдена (Joseph Biden) построен-

ную стену начали разрушать, а местные власти, наоборот, стали возводить ограждения из колючей проволоки, войдя тем самым в конфликт с федеральными властями. Подобное отсутствие единства в условиях правления «политических временщиков» привело к избыточному проникновению на территорию страны мигрантов и невозможности эффективной работы «плавильного культурного котла», который с меньшим объемом переселенцев раньше прекрасно справлялся. Аналогичные процессы выхода ситуации из-под контроля охватили множество сфер общественной, деловой и политической жизни страны. Тем самым мирохозяйственная система переросла старую институциональную и политическую парадигму американской элиты, в результате чего она начала распадаться на отдельные кланы со своими интересами, постепенно ставшие выше общегосударственных. Иными словами, в умах американской элиты состоялся процесс перехода от холистической к индивидуалистической системной установке со всеми вытекающими отсюда последствиями. Разумеется, технологический прогресс усиливает все указанные явления, а нарушение закона Эшби провоцирует распад прежнего социального порядка и крушения государства, основанного на устаревших управленческих принципах.

Продолжая эмпирическую линию данного раздела, можно предположить, что в мирохозяйственной системе в начале этого века появился новый лидер – Китай, который уже заместил или замещает старого лидера. Для тестирования этой гипотезы была построена эконометрическая зависимость для отрезка 2001–2022 гг.:

$$\ln Y = -27,74 + 1,02 \ln E + 1,70 \ln P, \quad (23)$$

$\begin{matrix} & (-1,53) & (0,68) & (2,84) \end{matrix}$

$$R^2 = 0,992; n = 22; F = 1267,9,$$

где Y – объем мирового ВВП; E – численность населения Китая; P – численность населения мира без учета населения Китая; остальные обозначения прежние.

Однако параметры модели (23) не позволяют подтвердить нашу гипотезу. Модель взаимодействия Китая с остальным миром крайне неустойчива – два регрессора в уравнении незначимы. Это означает, что в настоящий мо-

мент сложилась ситуация отсутствия в мире явного государства-лидера, которое осуществляло бы эффективное управление глобальными геополитическими процессами. Возможно, в течение ближайших нескольких лет ситуация прояснится, однако пока имеет место геополитическая неопределенность.

Таким образом, приложение общей теории элит к мирохозяйственной системе дает вполне разумные результаты, что позволяет говорить о возможности расширения сферы прикладных исследований с ее использованием.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заполнить некоторые пустоты современных воззрений на элиты и их роль в государственном управлении. Главный акцент в предлагаемой теории делается на факте утраты элитами эффективности управления государством. При этом новый взгляд на проблему не приходит в конфликт с уже существующими концепциями, а вполне органично дополняет их. В частности, в отличие от теории перенакопления элит П. Турчина авторская версия рассматривает количественные и качественные изменения правящего класса в едином комплексе, что позволяет устранить некоторые неточности в интерпретации исторических событий. Обращает на себя внимание возможность перенесения авторской теории элит на мегауровень, когда рассматривается мирохозяйственная система центр — периферия. Верификация теоретических построений на основе статистических данных позволяет утверждать не только ее принци-

пиальную возможность, но и плодотворность дальнейших исследований в этом направлении.

Полученные результаты дают основания полагать, что в будущем сбор необходимых статистических данных может позволить перейти к упреждающей диагностике кризисных периодов в деятельности национальных элит с последующей корректировкой стратегии государственного управления. При этом, по всей видимости, может потребоваться более тщательная калибровка теории с точки зрения используемых системных переменных. В данном случае могут быть лучше учтены группы занятых, безработных, пенсионеров, молодежи и т. п. Это приведет к более разветвленной дихотомии политических режимов с одновременным повышением ее реалистичности.

Нельзя не упомянуть и вопрос о тиражировании прикладных расчетов по представленной модели в рамках отдельной страны. Этот вопрос является нетривиальным и на него нет простого ответа. Однако можно предложить следующий гипотетический базовый вариант: для разных регионов России построить функции типа (1), где в качестве элиты фигурируют работники региональной системы управления, а в качестве масс — остальное население; выходной переменной может выступать ВРП. Такой тотальный мониторинг мог бы позволить оценить обоснованность имеющейся численности управленческого состава регионов страны. Разумеется, возможны разные вариации базовой схемы, для которых необходима специальная калибровка используемых переменных.

Литература

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ. 672 с.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). Узкий коридор. М.: АСТ. 704 с.
- Аристотель (1984). Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль. 830 с.
- Ашин Г.К. (2010). Элитология: история, теория, современность. М.: МГИМО-Университет. 600 с.
- Балацкий Е.В. (2023). Концепция «узкого коридора»: история и современность // Мир России. Т. 32. № 3. С. 180–195.
- Балацкий Е.В., Плискевич Н.М. (2017). Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события // Мир России. № 4. С. 97–117.
- Бобровникова Т.А. (2006). Цицерон: Интеллигент в дни революции. М.: Молодая гвардия. 532 с.
- Валлерстайн И. (2006). Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего. 248 с.
- Веблен Т.Б. (2021). Теория праздного класса. М.: АСТ. 384 с.
- Ленин В.И. (2022). Детская болезнь «левизны» в коммунизме. М.: URSS. 136 с.

- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд. Института Гайдара. 480 с.
- Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. (2012). В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности: докл. к XIII апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3–5 апр. 2012 г. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 48 с.
- Парето В. (2009). *Компендиум по общей социологии*. М.: Изд. дом ВШЭ. 521 с.
- Пикетти Т. (2016). *Капитал в XXI веке*. М.: Ад Маргинем Пресс. 592 с.
- Тойнби А.Дж. (2011). *Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад*. М.: АСТ: Астрель. 318 с.
- Турчин П.В. (2020). *Историческая динамика: как возникают и рушатся государства. На пути к теоретической истории*. М.: Ленанд. 366 с.
- Эшби У. Росс (2021). *Введение в кибернетику*. М.: Ленанд. 432 с.
- Acemoglu D., Johnson S. (2023). *Power and Progress: Our Thousand-Year Struggle Over Technology and Prosperity*. Public Affairs.
- Balatsky E.V. (2023). Institutional erosion and economic growth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 81–101.
- Findlay R., Wilson J. (1984). *The Political Economy of Leviathan*. Stockholm: Institute for International Economic Studies (Seminar paper, no. 285).
- Mayor A. (2010). *The Poison King: The Life and Legend of Mithradates, Rome's Deadliest Enemy*. New Jersey: Princeton University Press.
- Mosca G. (1939). *The Ruling Class*. New York: McGraw Hill Book Company.
- Turchin P., Nefedov S. (2009). *Secular Cycles*. New Jersey: Princeton University Press.
- Turchin P. (2023). *End Times: Elites, Counter-Elites, and the Path of Political Disintegration*. Penguin Press.

Сведения об авторе

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, директор, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4); главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47; e-mail: EVBalatskij@fa.ru)

Balatsky E.V.

Elite Economics and Political Instability

Abstract. The article puts forward a new version of elite theory based on the use of a macroeconomic production function depending on the number of the elites and the masses. At the same time, the production function of the elites is complemented with the distribution function, which determines the income structure of social groups and the level of inequality. Combining the two sides of the activity of the elites allows us to design a simple typology of political situations in the country and highlight the regime of revolutionary situation. A formal analysis of the model of production activity of the elites has shown that the phenomenon of over-accumulation of the ruling class has a noticeable destructive impact on economic growth only after a severe drop in its functioning effectiveness. The very deterioration of the quality of the political elite allows an unjustified increase in its size to manifest itself. We consider generalizations of elite model in relation to the case of the middle class and show the invariance of the previously obtained conclusions. We provide an interpretation of the macro-theory of the elites for the mega-level, when studying the world economic system as a combination of the center, periphery and semi-periphery. We consider four dimensions of the elite, with system paradigms being a new element

within these dimensions. The influence of external historical events on the worldview of the elites and their actions is revealed using the examples of the transformation of the Roman Republic into the Roman Empire, the collapse of the USSR and the beginning of the fall of the U.S. hegemony. For the center – periphery system, we test the production model of the elites with the help of statistical data from the World Bank; we build econometric dependencies that show a decrease in the effectiveness of the United States in managing global production.

Key words: elites, state, political stability, economic growth, center–periphery model.

Information about the Author

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, director, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, Moscow, 109456, Russian Federation); Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: EVBalatskij@fa.ru)

Статья поступила 14.02.2024.

Роль элит в эволюционном процессе: концептуальные основы и современные интерпретации

**Наталья Александровна
ЕКИМОВА**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: NAEkimova@fa.ru
ORCID: 0000-0001-6873-7146; ResearcherID: D-8643-2018

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению влияния элит на эволюционный процесс и происходящие в настоящее время глобальные потрясения, которые приобрели масштаб конфронтации двух мегацивилизаций (Запада и Не-Запада), грозящей человечеству исчезновением. Целью исследования является попытка ответить на вопросы, насколько закономерны происходящие процессы; соответствуют ли они общим принципам общественного развития или являются случайным стечением обстоятельств. Изучение элит в рамках цивилизационного подхода и совмещение его с концепцией демократии Д. Дзолло позволило построить элитарную модель развития цивилизации, увязывающую три составляющих: этапы развития цивилизации, тип элиты и форму правления. Установлено, что по мере развития цивилизации (от её зарождения до гибели) происходит движение элиты от властных сил к её наднациональной форме, сопровождаемое трансформацией форм правления от анархии к тирании. Показано, что период расцвета цивилизации совпадает с периодом правления национальных элит; как только элита утрачивает качество национальной силы, становясь *наднациональной*, начинается этап упадка цивилизации. Источником эволюционного развития цивилизации является творческий потенциал элиты, жизненной энергией которого выступает пассионарность этноса, «запускаемая» действием механизма гиперкомпенсации, основанного на принципе А. Тойнби «Вызов-и-Ответ», который может не сработать в случае правления наднациональной элиты. Оценка современного состояния элиты Запада показала её наднациональный характер и усугубляющийся процесс деграда-

Для цитирования: Екимова Н.А. (2024). Роль элит в эволюционном процессе: концептуальные основы и современные интерпретации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 64–80. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.3

For citation: Ekimova N.A. (2024). The role of the elites in the evolutionary process: Conceptual framework and modern interpretations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(2), 64–80. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.3

ции, сопровождающий упадок западной цивилизации. Это соответствует парадоксу отставания, согласно которому более передовая с точки зрения технологического развития цивилизация раньше оказывается в состоянии духовного кризиса и распада. С этой точки зрения развернувшаяся конфронтация является столкновением наднациональной элиты с её национальными оппонентами, отстаивающими традиционные ценности и интересы собственных стран. Новизна исследования состоит в построении элитарной модели развития цивилизации, а также в рассмотрении структурной модели эволюционного скачка для случая правления наднациональных элит.

Ключевые слова: национальная элита, наднациональная элита, цивилизации, деградация элит, демократия, пассионарность.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2024 г. по теме «Социально-экономическое развитие в эпоху фундаментальной трансформации систем». Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за высказанные замечания и конструктивные предложения.

Введение

Начавшаяся в 2022 году специальная военная операция России на Украине вскрыла глубинные процессы, происходящие в мире. Деградация наднациональной элиты, олицетворяющей группу людей, обладающих большой властью, влиянием и привилегиями, превосходящими границы национальных государств, — один из таких процессов. Вчерашние «лучшие из лучших» превратились в политических марионеток, воспитываемых транснациональной системой власти (так называемым «глубинным государством», или *Deep State*) и ориентированных не на национальные интересы, а на интересы глобалистов и разрушение культурных кодов своих стран путём ведения ментальной войны против собственного народа. Параллельно с этим развязана глобальная прокси-война с традиционными национальными государствами, в первую очередь с Россией, которая, по словам В.В. Путина, в ходе спецоперации на Украине сражается «за свободу не только России, но и всего мира»¹.

Причиной деградации наднациональной элиты послужило совокупное влияние целого ряда факторов. В их числе можно выделить падение уровня знаний и качества кадров этой элиты, вызванное глобализацией и всеобщей доступностью информации; потерю доверия

со стороны населения вследствие отсутствия адекватных каналов коммуникаций и обратной связи между элитой и народом; снижение социальной ответственности элиты из-за превалирования личного обогащения над интересами общества; неспособность элиты адаптироваться к новым вызовам и требованиям общества, быстро реагировать на происходящие изменения.

Последствия происходящей трансформации правящей элиты являются катастрофичными для всего мира и уже приобрели масштаб глобальной конфронтации двух мегацивилизаций (Запада и Не-Запада), ставящей под угрозу дальнейшее существование всего человечества. Трагизм этому столкновению придаёт тот факт, что для каждой из мегацивилизаций борьба является экзистенциальной. Для коалиции США и их сателлитов (западная мегацивилизация) поражение означает утрату гегемонии, интересы которой и отстаивает западный истеблишмент; для незападной части мира — потерю суверенитета и национальной идентичности, формирование неокOLONIALного мира, «основанного на правилах».

На этом фоне возникают вопросы: является ли всё происходящее некоей закономерностью, соответствующей принципам общественного развития, или представляет собой некое стечение обстоятельств, возникающее под влиянием определённых факторов в конкретный исторический момент времени; какова роль элит в происходящих глобальных событиях? Целью

¹ Пленарное заседание Всемирного русского народного собора. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72863>

исследования является попытка найти на них ответ, для чего предлагается изучить роль элит в историческом процессе в контексте имеющихся теоретических знаний, совмещённых со сложившейся реальностью. Новизна авторского подхода состоит в построении элитарной модели развития цивилизации, а также в рассмотрении структурной модели эволюционного скачка для случая правления наднациональных элит.

Обзор литературы

Современная литература содержит немало исследований, посвящённых раскрытию исторических, методологических и теоретических аспектов элитологии. Существенная часть этих работ посвящена дискуссии вокруг определения понятия «элита», разночтения в отношении которого вызваны разными подходами к изучению элит. Часть исследователей, изучающих элиты с точки зрения ценностного подхода, делает акцент на их персональные характеристики, определяя элиту как носителей определённых личностных качеств, таких как интеллектуальное и нравственное превосходство над большинством, лидерство, богатство, уникальные социально-психологические качества, творческая составляющая и др. (Г. Моска, Ж. Боден, Л. Фройнд, Р. Уильямс, Л. Васильева, А. Наронская и др.), тогда как сторонники структурно-функционального подхода ориентируются на функциональные характеристики лидеров: способность профессионально заниматься государственным управлением, принимать стратегические решения и контролировать стратегические ресурсы власти (В. Парето, Р. Михельс, А. Этциони, Л. Санистебан, Г. Лассуэлл, Г. Ашин, О. Крыштановская, О. Гаман-Голутвина и др.). Наиболее полный анализ понятия «элита», этапов его становления и современных интерпретаций содержится в работах (Ашин, 2010; Гаман-Голутвина, 2000; Гаман-Голутвина, 2016; Криворученко и др., 2012; Ледяев, 2008; Мохов, 2008; Фазулов, Кирилов, 2019). Объектом нашего исследования выступает правящая (политическая) элита, для определения которой воспользуемся формулировкой О. Крыштановской: «элита — это правящая группа общества, являющаяся верхней стратой политического класса. Элита стоит на вершине государственной пирамиды, контро-

лируя основные, стратегические ресурсы власти, принимая решения общегосударственного уровня» (Крыштановская, 2005).

Другая группа работ ориентирована на исследование различных подходов к теории элит. Так, целая серия публикаций российского профессора В. Ледяева посвящена изучению классических и современных концепций власти (Ледяев, 2009; Ледяев, 2010; Ледяев, 2012). Сравнительный анализ функциональной и функционалистской концепций элит проведён в работе (Ryabchenko, 2021). Первая определяет элиту как индивидов, оказывающих стратегическое влияние на социальные процессы, тогда как с точки зрения второй элита рассматривается сквозь призму её вклада в сохранение социальной системы.

Существенный вклад в изучение процессов элитогенеза был внесён такими исследователями, как О. Гаман-Голутвина, А. Чирикова, А. Дука, В. Мохов, Г. Ашин. Они не только проанализировали феномен элит в зарубежной и отечественной науке и провели «инвентаризацию» сделанного в этиологии за несколько последних десятилетий, но и способствовали развитию российской науки об элитах в методическом и прикладном аспектах.

В рамках *циклических* концепций исторического развития элитная динамика изучается с позиции «циркуляции элит», основные положения которой были изложены в трудах В. Парето и Г. Моски, рассматривавших развитие элит как циклический процесс: возникшие в низших слоях общества элиты поднимаются до высших слоёв, расцветают и постепенно отмирают, а им на смену приходят новые элиты, проходящие те же фазы развития и упадка, что и их предшественники² (Zartman, 2019; Мохов, 2012).

Сторонники *цивилизационного* подхода исследуют становление элит в неразрывной взаимосвязи с развитием цивилизаций и считают духовно-культурные факторы основой их циклического воспроизводства (Мохов, 2014; Бадова, 2017).

Системный подход исследует в качестве основы социальной структуры любого общества дихотомию «элита — массы», разрушение взаи-

² См.: <https://libeldoc.bsuir.by/handle/123456789/50323>

мосвязей в которой способствует дестабилизации общества и может привести к его распаду (Наронская, 2019; Dekker, Willemse, 1996). При этом наибольшую опасность для общества представляет внутриэлитный распад на противоборствующие группы, преследующие свои особые цели. Отсутствие консенсуса между конкурирующими субэлитными группами относительно места и роли каждой из них во властной иерархии может привести к выходу за рамки внутриэлитного конфликта и распространиться на массы, способствуя тем самым нарастанию нестабильности в обществе. Особое внимание уделяется влиянию элит на политическое устройство страны, когда демократический режим представляет собой некий оптимум взаимоотношений масс и элит, работающих в интересах общества и повышающих тем самым активность населения (Кочетков, 2009; Попов, 2010; Gaxie, 2017). При этом отмечается, что «в современном мире господство переходит к глобальной транснациональной элите» (Кочетков, 2009, с. 152). Роль транснациональных элит в глобальном конфликте и их влияние на мировой политический процесс рассмотрено в работах (Иванова, 2015; Кочетков, 2017; Лэйн, 2023). Авторы отмечают, что разворот транснациональных элит от неолиберальной стратегии к неоконсервативной, сопровождаемый усилением военных расходов и ростом доходов американского ВПК на фоне сокращения социальных расходов и изменения принципов работы мировой финансовой системы за счёт утери гегемонии финансового капитала, встречает серьёзное сопротивление со стороны приверженцев старого подхода и вызывает масштабные волнения всей современной мирохозяйственной системы.

Демократические основы общества сквозь призму взаимодействия элит и масс были рассмотрены в концепции экономических истоков диктатуры и демократии Д. Асемоглу и Дж. Робинсона, где стабильность социально-экономической системы определяется долгосрочной «работоспособностью» её политических и экономических институтов (Acemoglu, Robinson, 2006). Экономическая теория элит нашла развитие в работах (Лавров и др., 2018; Plukhin, Plukhina, 2018). Авторы показали, что возраста-

ние роли элит в хозяйственных процессах экономики России приводит к появлению новых социально-экономических институтов (например, институт лидерства), которые в силу своего влияния на хозяйственные процессы и тенденции могут усиливать дифференциацию населения по уровню жизни.

К числу последних направлений относится изучение элит в рамках *институционального* и *синергетического* подходов. Первый связан со способностью властной элиты устанавливать «правила игры», утрата которых способствует ослаблению элиты и её попаданию под «пресс» установок, формируемых новыми властными структурами (Дука, 2001). Процессы трансформации элит в рамках синергетического подхода рассматриваются сквозь призму нарастания хаоса в замкнутой системе, требующего от элиты таких действий, которые позволили бы уменьшить энтропию системы и достичь максимального результата для общества. Если элита оказывается неспособной решать эти задачи, то к власти приходят новые команды, наиболее соответствующие установившемуся порядку (Васильева, 2011).

В методологическом отношении данная работа является продолжением серии работ, посвящённых изучению теории элит в контексте цивилизационного подхода. Рассмотрим его подробнее.

Цивилизационный подход к теории элит

В рамках цивилизационного подхода исторический процесс рассматривается сквозь призму локальных цивилизаций во всем их многообразии и уникальности. «Человеческая история — это история цивилизаций. Невозможно вообразить себе развитие человечества в отрыве от цивилизаций» (Хантингтон, 2003, с. 46). Каждая цивилизация развивается циклично, переживая фазы зарождения, роста, расцвета, упадка, распада. При этом движущей силой развития и основополагающими элементами любой цивилизации, по мнению сторонников цивилизационного подхода, являются духовный и культурный факторы, а причины её распада связываются преимущественно с внутренними процессами, основным среди которых выступает вырождение этноса (Сколота, 2008).

Первые представители цивилизационного подхода³, говоря о причинах гибели цивилизаций, рассматривали понятие «этнос» в широком значении слова, подразумевая народ в целом. Так, Н. Данилевский, сформулировавший теорию культурно-исторических типов, сравнивал развитие цивилизации с развитием любого организма на земле, в процессе которого происходит постепенное истощение его сил, приводящее в итоге к разложению и гибели этого организма. «*Гниение*» цивилизации Н. Данилевский связывал с исчерпанием творческого активного начала в народах, когда «они или успокаиваются на достигнутом ими ... и дряхлеют в апатии самодовольства (как, например, Китай); или достигают неразрешимых, с их точки зрения, антиномий, противоречий, доказывающих, что их идеал ... был неполон, односторонен, ошибочен ... — в этом случае наступает разочарование и народы впадают в апатию отчаяния. Так было в Римском мире, во время распространения христианства» (Данилевский, 2008, с. 131).

Со старением любого организма на земле, включая и народы, связывал гибель цивилизаций немецкий историк и философ О. Шпенглер. По его мнению, жизнь народа тесно взаимосвязана с жизнью культуры, поскольку культура — это внешнее проявление души, которая, исчерпав свои творческие силы, вступает в заключительный этап своего бытия — стадию цивилизации, когда происходит трансформация «являющего многообразие форм, сросшегося с землею народа» в «кочевника, паразита, обитателя большого города», оторванного от традиций, бесплодного и иррелигиозного; в этот момент наступают «самые крайние и самые искусственные состояния, на которые способен более высокий тип людей. Они — завершение ... Они — конец, без права обжалования...» (Шпенглер, 1993, с. 163).

³ В научной среде до сих пор не существует единого мнения, кого следует считать основоположником цивилизационного подхода. Несмотря на то, что большинство исследователей отдают пальму первенства русскому учёному Николаю Яковлевичу Данилевскому, существуют и другие точки зрения, относящие появление основ цивилизационной теории к более ранним периодам (Гранин, 2020). В данной работе будем придерживаться мнения большинства, признающего Н.Я. Данилевского основоположником цивилизационного подхода.

Несмотря на то, что в концепциях Н. Данилевского и О. Шпенглера нет прямого отсыла к элите как источнику творческого вдохновения и развития цивилизации, а идёт речь о народе в целом, идея элитаризма прослеживается в их учениях, поскольку развитие цивилизации оба мыслителя связывают с творческим потенциалом народа, который концентрировался в отдельных личностях, наделённых «превосходными качествами», а её гибель — с массовизацией и варваризацией общества, замещением «сплошь людьми незначительными». Наиболее ярко идея элитаризма представлена в концепциях П. Сорокина, Н. Гумилева и А. Тойнби.

П. Сорокин, автор трудов по социальной стратификации, представляющей собой дифференциацию «некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге» и выраженную «в существовании высших и низших слоев», возлагал всю ответственность за происходящие в обществе трансформации на высший слой (элиту). Сильная и талантливая аристократия является оплотом общества и двигателем её развития, однако «вырождение власти правящих классов», которое «рано или поздно становится неизбежным», оказывается причиной потрясений и революций. Одним из признаков такого вырождения автор считает разрушение «механизма социального распределения», когда бесталанная и слабая элита всевозможными методами препятствует «проникновению в их среду «головастиков» из низов», перекрывая тем самым приток талантливых «самородков», аккумулируя на вершине общества «бездарных правителей» и нарушая общественный баланс. «История «терпит» хищнические, жестокие, циничные правительства, но до поры до времени, пока они сильны... Но бессильные и «добрые», бессмысленные и паразитические, высокомерные и бесталанные правительства история долго не выносит» (Сорокин, 1992, с. 291). Таким образом, П. Сорокин, равно как и его предшественники, видит источник развития общества в талантливом творческом меньшинстве, деградация которого является главной причиной социальных потрясений, приводящих как к переформатированию общества, так и к его полному разрушению.

Автор приводит множество примеров из истории человечества, подтверждающих его теорию. Это и вырождение власти в Древнем Риме во II веке до н. э., приведшее к появлению движения братьев Гракхов; и правление во Франции «крайне бездарного, бесталанного вояки» Иоанна II накануне революции конца XIV века; и последовательное разложение аристократии при правительствах Людовика XIV, Людовика XV и Людовика XVI, закончившееся революцией 1789 года; и «превращение в социального паразита» российской аристократии в конце XIX века, которое в итоге привело к концу «нароста на теле России» (Сорокин, 1992).

Ответ на то, что является источником, позволяющим творческому меньшинству реализовать свой потенциал, даёт теория пассионарности Л. Гумилёва, полагавшего, что подъём пассионарности – жизненной энергии этноса – обеспечивает активность и творческий взлёт талантливых людей, которые в своей совокупности представляют элиту общества. В периоды снижения пассионарности деградирует и элита, поскольку начинает формироваться из «зловых ничтожеств» со сниженными качествами. В основе пассионарности лежат некие энергетические вибрации, называемые *этническим полем*, колебания которых вызваны планетарно-космическими процессами (излучение Солнца, электромагнитные бури, сейсмическая активность и т. п.) (Гумилев, 2016).

Расширяет концепцию Л. Гумилёва теория А. Тойнби, который полагал, что любое историческое событие – это внутренняя реакция общества на экзистенциальный вызов, брошенный извне. Основным принципом, постулирующим развитие цивилизации, по его мнению, является «*Вызов-и-Ответ*», суть которого заключается в способности общества реагировать на стоящие перед ним вызовы. Именно этот принцип определяет движение цивилизации на всех этапах её существования: от генезиса до гибели. Если общество принимает вызов и адекватно отвечает на него, то оно развивается; игнорирование вызова или неспособность на него ответить грозит обществу деградацией вплоть до полного его разрушения (Тойнби, 2011).

Достоинно отреагировать на вызов, свершить акт творения и обеспечить рост общества способны «редкие сверхлюди», охарактеризовать

которых «можно только одним словом: *Личность*». Именно такие Личности способны «преодолеть инертность или открытую враждебность социального окружения», нарушить установившееся общественное равновесие и установить новый порядок. «Сам факт, что рост цивилизаций – дело рук творческих личностей или творческих меньшинств, предполагает, что нетворческое большинство будет находиться позади, пока первооткрыватели не подтянут арьергарды до своего собственного уровня» (Тойнби, 2010, с. 268). В то же время именно эти Личности, утратившие способность к творчеству, способствуют распаду общества. «Ибо ... одним из симптомов социального распада и причиной социального раскола является вырождение меньшинства, ранее способного руководить благодаря своим творческим потенциалам, но теперь сохраняющего власть лишь благодаря грубой силе» (Тойнби, 2010, с. 464).

Помимо снижения пассионарности этноса, влияющего на вырождение элиты, современные учёные считают серьёзным фактором деградации высших слоёв утрату ими качества национальной силы, которая должна мобилизовать и общество, и власть на достижение национальных целей. Главным критерием «национальной элиты» является её способность реализовывать политику в интересах общества, направленную на укрепление суверенитета страны. При этом существуют ситуации, когда элита либо ещё не стала национальной, являясь некими *властными силами*, представляющими интересы отдельных территориальных социумов; либо уже не является таковой, инкорпорировавшись в «мировую элиту» или став компрадорской элитой (Мохов, 2014).

Элитарная модель развития цивилизации

Рассмотренные выше концептуальные подходы к роли элиты в историческом процессе позволяют синтезировать имеющиеся знания и оценить текущую геополитическую ситуацию с позиции теории элит. Прежде чем это сделать, обратимся ещё к одной современной концепции, которая рассматривает эволюционные процессы с точки зрения растущей сложности общества и вызванной этим трансформации его демократических основ. Речь идёт о концепции демократии Д. Дзоло, согласно которой поли-

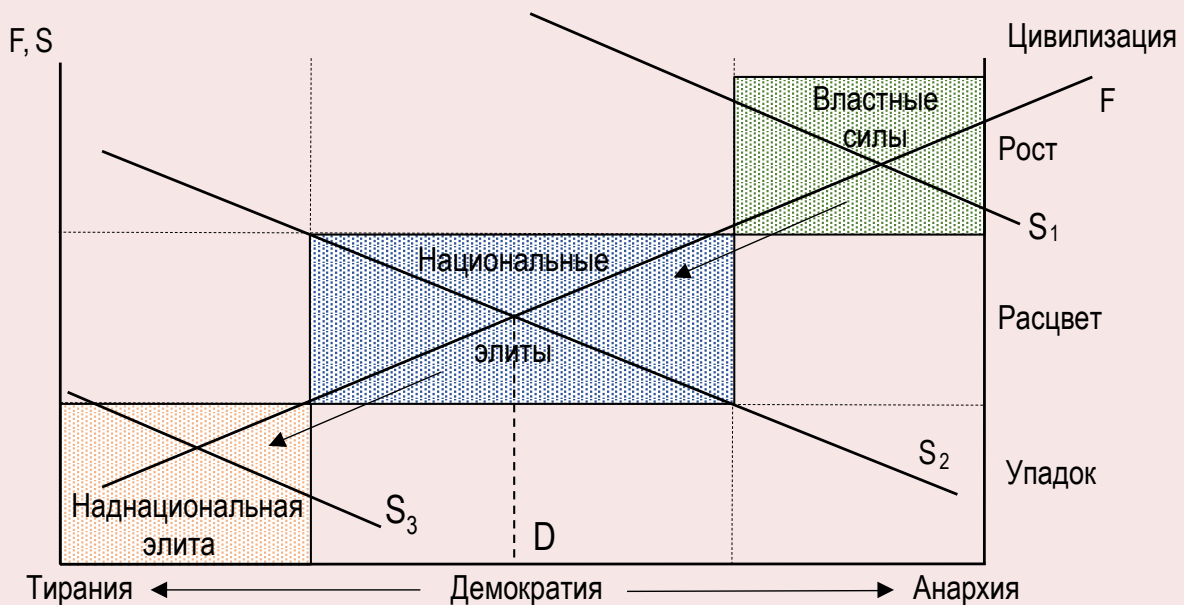
тика является селективным регулированием социальных рисков, а демократия представляет собой некий компромисс между безопасностью и свободой (Zolo, 2010).

Синтез концепции Д. Дзоло с концептуальными подходами к теории элит, рассмотренными выше, позволяет оценить роль элит не только в разрезе этапов развития цивилизации, но и в соответствии с формами правления. Геометрическая интерпретация концепции Д. Дзоло представляет демократию как механизм поиска равновесия между свободой и безопасностью, аналогичный универсальному механизму установления экономического равновесия. Отклонение от равновесия в сторону повышения безопасности характеризует движение к тирании, в сторону роста свобод – к анархии (Балацкий, 2013). Наложение на эту конструкцию постулатов цивилизационного подхода к теории элит позволяет построить *элитарную модель развития цивилизации* (рис. 1) и сделать следующие выводы.

Во-первых, развитие цивилизаций в общем случае коррелирует с развитием политической элиты, когда на разных этапах цивилизацион-

ной эволюции доминируют конкретные виды правящих элит. Так, на стадии зарождения и роста цивилизаций, которая характеризуется переходом от патриархальных семейных общин к протогосударственным объединениям со своими административными центрами, органами управления (советы старейшин, собрания), религиозными центрами и воинскими формированиями и их дальнейшим преобразованием в государства, власть принадлежит *властным силам*, которые осуществляют управление своими территориальными образованиями, обладают правами собственности на общинные земли и сохраняют независимость несмотря на усиливавшуюся власть царей (Борисов, 2021). Этап расцвета цивилизации, как правило, совпадает с периодом правления *национальных элит*, которые осуществляют политику, направленную на укрепление суверенитета и создание условий для развития государства и общества, интересы которых они представляют. Как только элита утрачивает качество национальной силы, становясь *наднациональной*, начинается этап упадка цивилизации, завершающей точкой которого является её гибель.

Рис. 1. Элитарная модель развития цивилизации

Источник: составлено автором.

Во-вторых, по мере развития цивилизаций происходит движение не только политической элиты по направлению от властных сил к наднациональной элите, но и форм правления — от анархии к тирании, которые хотя и выступают в качестве крайних форм государственного устройства, сопряжённых с генезисом и гибелью цивилизаций, но необязательно подразумевают их непереносимую реализацию. Скорее, они указывают некий вектор движения от одной крайности к другой. Так, если на заре любой цивилизации ей присуще наличие большого числа разрозненных общин (аналог анархии), то к своему закату любая цивилизация смещается в сторону жёсткой диктатуры, свойственной правлению наднациональной элиты, вопреки общепринятой риторике о демократичности её правления.

В-третьих, в соответствии с законами У. Эшби и Е. Седова, в процессе эволюции происходит усложнение социума, которое в свою очередь приводит к росту социальных рисков и понижению уровня общественной безопасности. На рисунке 1 это отображено в виде сдвига кривой безопасности вниз ($S_1 > S_2 > S_3$), сопровождающегося снижением уровня демократии и движением в сторону авторитарных режимов (Балацкий, 2013). Наложение на эту конструкцию цивилизационного подхода к теории элит показывает, что установление равновесия между свободами и безопасностью является необходимым условием достижения демократии, но явно не достаточным. Дрейф вокруг условной точки равновесия D, означающий преобладание в общественном устройстве демократических основ, возможен только при нахождении у власти национальной элиты, ориентированной на интересы государства и своего народа, что, как было установлено выше, в глобальном масштабе совпадает с периодом расцвета цивилизации.

Чтобы подтвердить сделанные выводы, обратимся к историческим фактам. Так, например, в истории *римской цивилизации* принято выделять следующие периоды: царский, республиканский, имперский. Царский период, связанный с зарождением римской цивилизации и формированием её государственности, характеризуется постепенным переходом от разрозненных племён (*латинян, сабинян, этрусков*), в

которых не было чётко оформленной власти, а господствующее положение занимала военно-жреческая знать, к римской «гражданской общине», состоящей из 30 курий по 10 родов в каждой, властно-общественные отношения в которой строились на принципах «военной демократии». В республиканский период, на который пришёлся расцвет римской цивилизации, в законодательных правах народных собраний был закреплён принцип верховенства римского народа. Несмотря на то, что народовластие носило опосредованный характер, политическое устройство Римской республики было достаточно демократичным: плебеи были уравнены с патрициями в гражданских правах, должность трибуна была выборной, существовала развитая система институтов власти. Период Римской империи характеризуется крушением республиканских институтов и наступлением времени диктатур, который закончился прекращением в V веке н. э. существования римской цивилизации⁴.

Ещё одним примером может служить *шумерская цивилизация*. На этапе её становления происходило объединение разрозненных селений южного Междуречья в города-государства (*номы*), в каждом из которых была собственная элита, царская власть, армия и культура. К началу третьего тысячелетия до н. э. насчитывалось более полутора десятков номов. Развернувшаяся между ними борьба за гегемонию способствовала установлению своеобразной конфедерации городов-государств с единым верховным правителем. Для решения военных вопросов был даже создан двухпалатный парламент. Верхняя палата (сенат) состояла из старейшин, в работе нижней палаты мог принимать участие любой способный носить оружие гражданин мужского пола. Таким образом, в эпоху расцвета в шумерском государстве существовало некое подобие демократического правительства, ограничивающего власть царя и признававшего права народного собрания. Завоевание Шумера аккадской армией и установление единовластия Саргона I, провозгласившего себя «царём Шумера и Аккада», ознаменовало начало упадка шумерской цивилизации.

⁴ См.: https://pnu.edu.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/lectures3/igpzlecture1/

Примечательно, что, утратив свою самостийность и находясь под гнётом аккадских царей, первоначально шумерское государство даже пережило период подъёма, связанный с возведением ирригационной системы, строительством дорог и портов. Однако постепенное истребление шумерского населения, исчезновение шумерского языка, распространение рабства — все это в конечном счёте привело к распаду шумерского государства и полному исчезновению шумерского этноса (Крамер, 1965).

Приведённая на рисунке 1 элитарная модель имеет ряд ограничений и допущений, которые в дальнейшем требуют дополнительного исследования и осмысления. Во-первых, жизнь цивилизаций гораздо длиннее жизни любой элиты и на протяжении жизни цивилизации много раз происходит смена элит под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. В результате этого представленный в модели цикл смены элит в реальности может неоднократно происходить за время существования цивилизаций, вызывая на каждом этапе развития цивилизации внутренние колебания, связанные со становлением (взлётом) и деградацией (падением) элит. В связи с этим представленная модель является динамической, поскольку демонстрирует *глобальный вектор* движения политической элиты (от властных сил к наднациональной элите) и задаваемых ею форм политического устройства общества (от анархии к тирании) в процессе жизненного цикла цивилизации (от её зарождения до гибели). Однако в реальности эволюционный процесс представляет собой неравномерное движение, на каждом этапе которого элита может трансформироваться в любой из рассматриваемых типов, вызывая тем самым колебания, направление которых определяется не только способностью правящих элит противостоять возникшему вызову, но и уровнем их пассионарности.

Во-вторых, существуют ситуации, когда создаётся впечатление, что связка национальная элита — расцвет цивилизации / наднациональная элита — упадок цивилизации даёт сбой. Например, идея построения социалистического общества в прошлом столетии распространялась советским правительством далеко за пределы СССР, в результате чего можно говорить, что советская элита вышла за рамки националь-

ных интересов и представляла собой элиту наднациональную. На этот же период приходится и пик активности советского общества. Т. е. можно констатировать, что период расцвета совпадает с периодом правления наднациональной элиты, что противоречит представленной выше логике. Однако это не совсем так, поскольку ранее было отмечено, что главным критерием идентификации наднациональной элиты является *утрата ею качества национальной силы*. Советская элита, даже распространяя своё влияние за пределы страны, оставалась национально ориентированной и выступала в качестве национальной силы, мобилизующей и общество, и власть на достижение внутренних интересов. Более того, утрата советской элитой качества национальной силы обернулась для великой державы распадом.

Структурная модель эволюционного скачка: случай наднациональных элит

Механизм рождения пассионарности этноса раскрывает структурная модель эволюционного скачка, разработанная в результате интеграции концепции А. Тойнби «Вызов-и-Ответ» и теории пассионарности Л. Гумилёва (Balatsky, 2022). Согласно этой модели весь процесс можно разбить на несколько стадий. На первом этапе, названном *периодом разогрева*, происходит последовательное возникновение неких внешних вызовов (стрессов), которые до определённого момента времени общество безболезненно игнорирует. Однако каскад внешних вызовов, растянутый во времени, в конечном счёте «переполняет чашу» и приводит ко второй стадии — *периоду рефлексии*. На этом этапе возникает эффект инвентаризации, когда происходит оценка потенциала системы и формируется вектор её возможных дальнейших преобразований для устранения возникших проблем. Третья стадия — *период обучения* — характеризуется концентрацией всех ресурсов общества на жизненно важных направлениях (эффект мобилизации) и формированием новой элиты, способной произвести преобразования и осуществить переход к *стадии инноваций*, обеспечивающей перестройку всей системы на основе новых управленческих и организационных структур. Совокупность этих стадий, которые по своей сути являются механизмом действия принципа А. Тойнби «Вызов-и-Ответ», обеспе-

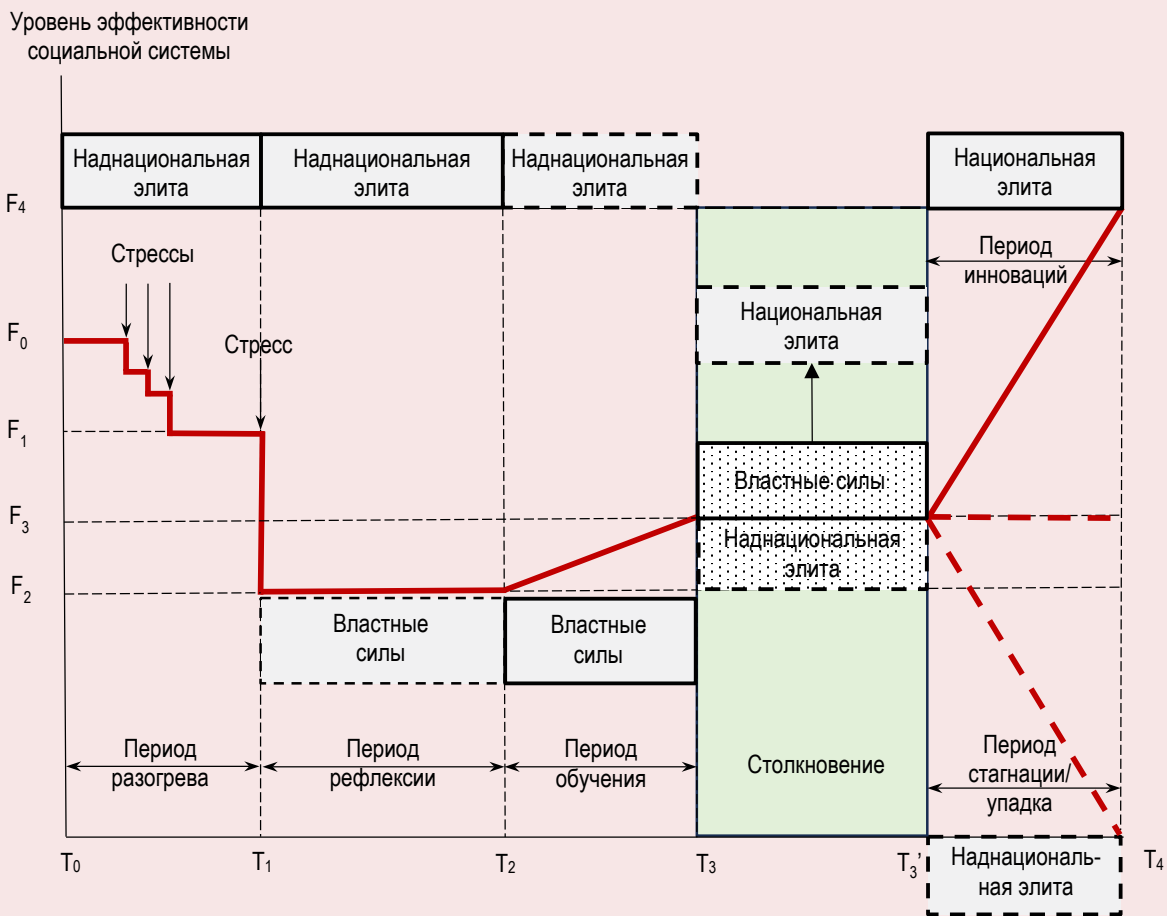
чивает эффект гиперкомпенсации Н. Талеба, запускающий «взрыв» пассионарности этноса Л. Гумилёва.

Данная модель представляет собой общую схему рождения пассионарности этноса, которая может трансформироваться в зависимости от типа правящих элит, принявших на себя каскад внешних вызовов. Рассмотрим наиболее содержательный и показательный случай, когда в период разогрева у власти находится наднациональная элита, не способная принимать решения, ориентированные на интересы собственного государства (рис. 2).

Через вызовы, брошенные извне в период разогрева ($T_0 - T_1$), нарушает сложившиеся устои и создаёт ситуацию, когда на фоне продолжающегося правления наднациональной элиты, интересы которой распространяют-

ся за пределы управляемой ими страны, формируются новые, патриотично настроенные властные силы, например некие политические партии, ориентированные на укрепление национального суверенитета и внутреннее развитие ($T_1 - T_2$). Следующий за этим этапом период обучения ($T_2 - T_3$) является решающим, поскольку завершается столкновением между слабеющей наднациональной элитой и укрепляющимися властными силами ($T_3 - T_3'$). Итог данного противостояния определяет дальнейшую траекторию общественного развития ($T_3 - T_4$). Согласно классической модели эволюционного скачка совокупное действие эффектов мобилизации (на этапе $T_2 - T_3$) и перестройки (на этапе $T_3 - T_4$) вызывает эффект гиперкомпенсации, запускающий «взрыв» пассионарности и обеспечивающий эволюционный рывок.

Рис. 2. Структурная модель эволюционного скачка для случая наднациональных элит

Источник: составлено автором.

Однако такая траектория движения реализуема в том случае, когда в результате противостояния наднациональная элита/властные силы последние одерживают верх и происходит формирование национальной элиты. Когда побеждает наднациональная элита, наступает либо период стагнации (в лучшем случае), либо стадия упадка.

Представленную логику достаточно наглядно демонстрирует современная Германия, которая после поражения во Второй мировой войне лишилась суверенитета и попала под англосаксонское (американское) влияние. Несмотря на то, что стране было разрешено вполне успешно развиваться экономически, политическая зависимость Германии не позволила сформировать национальную элиту, ориентированную на внутренние интересы. Глобальные события, запущенные в 2022 году, послужили для Германии той самой «шоковой встряской», которая должна была запустить механизм гиперкомпенсации в соответствии с рассматриваемой моделью. Однако нахождение у власти наднациональной элиты привело к тому, что внешние интересы оказались преобладающими по сравнению с национальными. Это очень наглядно выразила глава МИД ФРГ Анналена Бербок: «Если я пообещала народу Украины, что «мы будем с вами столько, сколько вам будет нужно», я хочу сдержать это обещание. Неважно, что думают мои немецкие избиратели, я хочу сдержать обещание народу Украины»⁵.

Отсутствие самостоятельности у правящей элиты Германии и невозможность в силу этого реализовывать какую-либо самостоятельную политику оборачивается катастрофическими последствиями для страны, противостоять которым находящаяся у власти элита абсолютно не способна. Так, отказ от российских энергоресурсов, являющихся основой конкурентоспособности германской экономики; подрыв газопровода «Северный поток» и нежелание стран-союзников Германии проводить расследование; бесчисленное количество антироссийских санкций, вредящих экономическим агентствам страны, — все это способствовало тому, что экономика ФРГ перестала быть крупнейшей, начала погружаться в рецессию, а падение ВВП

по итогам 2023 года составило 0,3%⁶. Промышленное производство Германии за 2023 год сократилось на 1,5%. При этом наиболее сильно пострадали энергоёмкие отрасли страны и химическая промышленность, производственный индекс которых с февраля 2022 по декабрь 2023 года снизился, согласно данным немецкой службы статистики *Destatis*, на 20 и 24% соответственно⁷. На этом фоне немецкие компании сокращают производство и переносят его в другие страны, как, например, автоконцерны Volkswagen AG и Mercedes-Benz, крупнейший производитель промышленного газа *Linde*, упаковочные заводы *Delkeskamp*, завод кровельной черепицы *Nelskamp* и др.; а иностранные гиганты, такие как французский и американский производители шин *Michelin* и *Good-year*, французский производитель бесшовных труб *Vallourec*, южноафриканская целлюлозно-бумажная группа Sappi, голландский цинковый завод *Bludel*, уходят из страны⁸.

Несмотря на то, что падение экономики наносит удар по благосостоянию немцев, правящая элита Германии продолжает антинациональную политику, утверждая, что нельзя «противопоставлять друг другу страдания Украины и социальные гарантии в Германии», поскольку «это стало бы насмешкой для жителей Украины»⁹, и населению страны необходимо терпеть, так как, по словам канцлера ФРГ О. Шольца, «я дал клятву [поддерживать Украину], и ради этой клятвы я буду работать день и ночь»¹⁰.

Результатом проводимой политики является катастрофичное падение доверия населения правящей элите. Так, по результатам опроса немецкого Института новых социальных решений (*Institute for New Social Answers, INSA*), проведенного в январе 2024 года, работой канцлера ФРГ и федерального правительства оказались недо-

⁶ См.: <https://russian.rt.com/business/article/1208792-germaniya-ekonomika-oslablenie>

⁷ См.: <https://expert.ru/news/promyshlennoe-proizvodstvo-germanii-upalo-nizhe-prognozov/>; https://www.pravda.ru/news/economics/1947172-germanija_perekhodit_na_import_plastika_khimproduzvodstvo/

⁸ См.: <https://www.fondsk.ru/news/2023/12/04/germaniya-teryat-svoyu-promyshlennost.html>

⁹ См.: <https://tass.ru/ekonomika/18281805>

¹⁰ См.: <https://ren.tv/news/v-mire/1119944-sholts-odobril-umenshenie-vyplat-maloimushchim-radi-biudzheta-na-oboronu>

⁵ См.: <https://business-swiss.ch/2022/09/berbok-nevazhno-chto-dumajut-moi-nemeckie-izbirateli/>

вольны 72 и 76% опрошенных соответственно. При этом рейтинг социал-демократической партии Германии (SPD) снизился до рекордных 13%, а совокупный показатель поддержки правящей «светофорной» коалиции – SPD, партии «Зелёные» и «Свободной демократической партии Германии» (FDP) – составляет только 30%. Это происходит на фоне роста популярности крайне правых партий «Альтернатива для Германии» (AfD; 22%) и «Союза Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» (BSW; 7%), выступающих за политику в интересах германского государства¹¹. Так, слова главы МИД ФРГ А. Бербок о поддержке Украины вопреки интересам собственных избирателей прокомментировали сопредседатель AfD А. Вайдель: *«Тому, кто явно плюет на интересы избирателей Германии, не место на министерском посту. Нам нужен дипломатичный министр иностранных дел, который будет отстаивать интересы граждан Германии и выступать за переговоры и мир между Россией и Украиной»*, и лидер BSW С. Вагенкнехт: *«Министр иностранных дел, которая заявляет, что представляет интересы не немецких избирателей, а избирателей Украины, и которая отвергает переговоры о прекращении войны в интересах правительства США, является не только вопиющей ошибкой, но и угрозой для нашей страны»*¹².

Возвращаясь к структурной модели эволюционного скачка, можно сказать, что в Германии сейчас отчётливо наблюдается период обучения, который на предстоящих федеральных выборах 2025 года выльется в столкновение элитных групп. Итог этого столкновения и определит дальнейшую судьбу страны.

Деструктивную роль наднациональной элиты можно проследить на примере СССР, когда западная элита, которая вела холодную войну с Советским Союзом, смогла запустить программу разрушения страны через правление М. Горбачёва и Б. Ельцина, предавших интересы своего народа. Результатом политики, нацеленной против национальных интересов, стал развал великой державы, осуществлённый властями,

проигнорировавшими результаты референдума о выходе из СССР, в котором около 80% населения страны проголосовали за её сохранение¹³. Почти десятилетие, во время которого у власти находился Б. Ельцин, который фактически принёс присягу своему заокеанскому хозяину в Конгрессе США в 1992 г., объявив о падении *«коммунистического идола»*, который *«сеял социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость»* и *«наводил страх на человеческое сообщество»*, и призвав Господа благословить Америку¹⁴, продолжался упадок страны и формирование наднациональной элиты. Приход к власти В. Путина «спутал» планы западных элит, которые, по словам экс-президента США Дж. Буша-младшего, ожидали, что *«Россия будет более сговорчивой. Но затем Путин резко изменился»*¹⁵. Страна вступила в период рефлексии, когда наряду с действующей олигархией начала формироваться новая сила, вступившая в борьбу за национальные интересы и которой понадобилось почти два десятка лет, чтобы стать той самой национальной силой, запустившей «взрыв» пассионарности русского народа, наблюдаемый сегодня в России.

Современная элита в контексте эволюционной модели развития цивилизаций

Развернувшаяся в настоящее время в мире глобальная конфронтация, катализатором которой послужило начало специальной военной операции России на Украине в 2022 году, является результатом эволюционного развития двух мегацивилизаций (Запада и Не-Запада) и роста их цивилизационного самосознания, происходивших в течение длительного времени, существенно превышающего двухлетний период. Основные характеристики двух мегацивилизаций и факторы, которые привели к их противостоянию, подробно раскрыты в (Valatsky, 2022). Сформулированная выше эволюционная модель развития цивилизаций позволяет дополнить и уточнить эти характеристики учётом оценки текущего состояния современной элиты.

¹¹ См.: <https://iz.ru/1634059/2024-01-14/opros-vyivilnedovolstvo-rabotoi-kantclera-sholtca-u-bolee-70-nemtcev>

¹² См.: <https://business-swiss.ch/2022/09/berboknevazhno-chto-dumajut-moi-nemeckie-izbirateli/>

¹³ См.: <https://tvzvezda.ru/news/201612080822-kdk8.htm>

¹⁴ См.: <https://mediamera.ru/post/25615>

¹⁵ См.: <https://ren.tv/news/v-rossii/977084-vovan-i-leksus-pokazali-prank-s-bushem-na-forume-novye-gorizonty>

К западной цивилизации, в соответствии с предложенным в работе (Balatsky, 2022) делением мира на две мегацивилизации по ценностному критерию, относятся США и страны, которые находятся в орбите их интересов (Канада, Австралия, страны Европы, Сингапур, Южная Корея, Япония и т. д.). Фактически речь идёт о коалиции недружественных стран, развязавших гибридную войну против России, ставшей олицетворением Не-Запада. В соответствии с эволюционной моделью развития цивилизаций нетрудно заметить, что страны Запада объединяет и другой признак: практически все они представляют собой государства, власть в которых находится в руках наднациональной элиты. А, как ранее было отмечено, утрата элитой качества национальной силы является важным признаком её деградации, которая в рамках цивилизационного подхода рассматривается как составная часть распада цивилизации. Т. е. можно констатировать, что это страны, управляемые элитой на стадии её деградации.

Катастрофические последствия процесса деградации наднациональной элиты сегодня очевидны как никогда. Пропагандируемая наднациональной элитой идея «европейского единства» на самом деле разрушает национальные государства, подрывая их экономику, энергетическую безопасность и суверенитет. Сегодня многие европейские страны переживают экономический кризис, сопровождаемый ростом безработицы и снижением качества жизни, в то время как элита продолжает равнодушно наращивать свою власть и богатство и строить своё «светлое будущее» на руинах национальных государств и принципов демократии. На этом фоне «трещит по швам» и сама идея европейского единства.

Следствием деградации правящей элиты в США является стремительный отказ от демократических принципов в пользу жёстких авторитарных мер, построенных на принципах геронтократии. Происходящие сегодня в США события казались невозможными ещё несколько лет назад: разрушение сакральности института президентства ради устранения конкурента на предвыборной гонке; снос памятников отцам-основателям страны под эгидой борьбы с расизмом; провальная миграционная политика, превращающая страну в «убежище» для криминала; ограничение свободы слова и пре-

следование журналистов за желание взять интервью у лидеров других стран; полное игнорирование смерти американского гражданина Гонсало Лира в украинской тюрьме; легализация различных психических отклонений, ставящих на грань сумасшествия людей со здоровой психикой, и т. п. Однако самым поразительным сегодня является стремительное старение правящей элиты, граничащее с утратой всяких разумных пределов. Сегодня президентом США является «пожилой человек с плохой памятью»¹⁶, поведение которого вызывает откровенное недоумение всего мира; в 2023 году на своём посту скончалась 90-летняя сенатор Диана Файнштейн, проработавшая в Сенате США с 1992 года¹⁷; лидер республиканцев в американском сенате 81-летний Митч Макконнелл впадает в прострацию на своих пресс-конференциях¹⁸; 83-летняя Нэнси Пелоси, объявившая о намерении переизбираться в конгресс в 2024 году, провоцирует конфликт США и Китая своими полётами на Тайвань, заявляя одновременно о приверженности принципу «единого Китая» и поддержке свободы Тайваня¹⁹; посетил Китай и 100-летний Генри Киссинджер, пытаясь выступить посредником в диалоге двух стран²⁰. Перечень можно продолжать бесконечно, однако даже этот далеко не полный список наглядно демонстрирует процесс деградации западной элиты.

При этом сегодняшняя американская элита, несмотря на все бравурные речи о своей открытости и демократичности, является примером строго иерархического закрытого общества, пробиться в которое практически невозможно. Не в последнюю очередь это связано с выстроенной системой образования. Так, путь на политический олимп как американской, так и мировой элиты начинается с объединения самых

¹⁶ См.: https://www.ltv.ru/news/2024-02-09/470533-amerikanskiy_spetsprokuror_nazval_dzho_baydena_pozhilym_chelovekom_s_plohoy_pamyatyu

¹⁷ См.: <https://topwar.ru/227089-prestarelaya-imperija-v-ssha-skonchalas-senator-rekordsmen-kotoraja-i-v-90-letne-sobiralas-pokidat-dolzhnost.html>

¹⁸ См.: <https://ria.ru/20230830/makkonnell-1893276227.html#:~:text=Макконнелл%20которому%2081%20год%20%20замолчал,разгар%20пресс-конференции%20на%2019%20секунд>

¹⁹ См.: <https://ria.ru/20230908/nensi-1895098320.html>

²⁰ См.: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/07/20/986103-genri-kissindzher-priehal-v-kitai>

престижных университетов, которое принято называть «Лига плюща». Первенство в ней принадлежит Гарвардскому (*Harvard University*) и Йельскому университету (*Yale University*), из которых вышло тринадцать американских президентов. Извечный спор между демократами и республиканцами зачастую сравнивают с противостоянием Гарварда и Йеля²¹.

Несмотря на существующую систему грантов на обучение для одарённых, но небогатых талантов, университеты «Лиги плюща» остаются обителью неприлично богатой молодёжи из самых элитных семей, объединённых в тайные университетские братства, такие как, например, «Череп и кости» (*Skull & Bones*), «Свиток и Ключ» (*Scroll and Key*) и «Волчья голова» (*Wolfs Head*) Йельского университета (*Yale University*). Приверженность институту братства, который по своей сути уже давно превратился в некую транснациональную корпорацию, опекающую своих членов, сохраняется на протяжении всей жизни и является гарантией успешной карьеры после окончания университета. Поэтому почти половина президентов США, 42% всех сенаторов США, 30% всех верховных судей и 85% глав крупных компаний состояли в различных братствах²². При этом ни вхождение в различные братства, ни окончание престижных университетов не гарантируют высокого уровня образованности и компетентности современной элиты (Балацкий, Екимова, 2022).

Приведённые факты являются ярким доказательством того, что западная цивилизация, преодолев период своего расцвета, уверенно вошла в стадию упадка с сопутствующими ей формой правления (олигархия) и наднациональной элитой (см. рис. 1), тогда как Не-Запад в соответствии с *парадоксом отставания*, согласно которому более передовая с точки зрения технологического развития цивилизация раньше оказывается в состоянии духовного кризиса и распада, выступает в роли защитника традиционных ценностей и духовности (Balatsky, 2022). Трудно предсказать, чем закончится это противостояние, поскольку чередой принимаемых сегодня западной элитой реше-

ний, по словам В. Путина, «...реально грозит конфликтом с использованием ядерного оружия, а значит уничтожением цивилизации»²³.

Заключение

Рассмотрение роли элит в рамках цивилизационного подхода тесным образом взаимосвязывает развитие цивилизации с развитием элит, которые на разных этапах цивилизационного развития могут существовать в виде властной силы, национальной или наднациональной элиты. Совмещение данного подхода с концепцией демократии Д. Дзолло позволило построить элитарную модель развития цивилизации, объединив между собой три фактора: тип элиты, форму правления и этап развития цивилизации, и показав, что по мере развития цивилизации (от её зарождения до гибели) происходит движение элиты от властных сил к её наднациональной форме, сопровождаемое изменением форм правления от анархии к тирании. Представленная модель является теоретической конструкцией, которая в дальнейшем может быть использована для эмпирических расчётов по отдельным странам и цивилизациям.

Источником эволюции на любом этапе развития цивилизации является творческое меньшинство (элита), реализация потенциала которого обусловлена действием механизма эволюционного скачка, основанного на принципе «Вызов-и-Ответ» и свойстве пассионарности этноса. Нахождение власти в руках наднациональной элиты в момент запуска механизма гиперкомпенсации, рождающего пассионарность этноса, может не сработать и привести к обратному эффекту. Это связано с тем, что вырождение элиты, важным признаком которого является утрата ею национальной идентичности, ведёт к упадку общества. Крайней точкой может стать полное разрушение и исчезновение цивилизации.

Развернувшаяся в мире глобальная конфронтация Запада и Не-Запада фактически является противостоянием между наднациональной и национальной элитами, деградацией и развитием, порядком, «основанным на правилах», и миром, основанным на международном праве, злом и добром. Итог этого противостояния ещё предстоит узнать, но вектор движения цивилизации в глобальном масштабе это не изменит.

²¹ См.: <https://www.mk.ru/politics/2017/09/08/cherepi-kosti-liga-plyushha-kak-v-universitetakh-mira-gotovyat-mirovuyu-elitu.html>

²² См.: <https://russian7.ru/post/studencheskie-bratstva-ssha-kak-kuetsya/>

²³ См.: <https://ria.ru/20240229/zapad-1930211871.html>

Литература

- Ашин Г.К. (2010). Элитология: история, теория, современность. М.: МГИМО. 600 с.
- Бадова Л.А. (2017). Траектория цивилизационного подхода и его роль в исследовании динамики элит // *Власть*. Т. 25. № 1. С. 28–32.
- Балацкий Е.В. (2013). Концепция сложности и экономическая теория демократии // *Общество и экономика*. № 5. С. 5–24.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022). Идентификация университетов мирового класса: деструктивный плюрализм // *Мир новой экономики*. Т. 16. № 3. С. 6–19. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-6-19
- Борисов А.М. (2021). Обычай и правовые установления первых древних цивилизаций земли о сообществах людей // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. № 4. С. 5–17. DOI 10.24412/2309-1592-2021-4-5-17
- Васильева Л.Н. (2011). Теория элит: социология политики. Москва: Социум. 207 с.
- Гаман-Голутвина О.В. (2000). Определение основных понятий элитологии // *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 97–103.
- Гаман-Голутвина О.В. (2016). Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // *Политическая наука*. № 2. С. 38–73.
- Гранин Ю.Д. (2020). «Цивилизационный подход». Становление и эволюция // *Проблемы цивилизационного развития*. Т. 2. № 2. С. 65–85. DOI: 10.21146/2713-1483-2020-2-2-65-85
- Гумилёв Л.Н. (2016). Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс. 560 с.
- Данилевский Н.Я. (2008). Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации. 816 с.
- Дука А.В. (2001). Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации. СПб.: Алетейя. 352 с.
- Иванова М. (2015). Наднациональная элита Европейского союза: от «вечной войны» к «вечному миру» // *Право и управление. XXI век*. № 4 (37). С. 105–111.
- Кочетков А.П. (2009). Демократия и элиты. М.: РИЦ «ПрофЭко». 176 с.
- Кочетков А.П. (2017). Влияние транснациональных элит на мировой политический процесс // *Власть*. Т. 25. № 8. С. 10–17.
- Крамер С.Н. (1965). История начинается в Шумере. Москва: Наука. 256 с.
- Криворученко В.К., Мацуев А.Н., Плотников А.Д., Сыздыкова Ж.С. (2012). Элита: к вопросу о понятии // *Знание. Понимание. Умение*. № 3. С. 131–138.
- Крыштановская О. (2005). Анатомия российской элиты. М.: Захаров. 384 с.
- Лавров И.В., Илюхин А.А., Илюхина С.В. (2018). Теория элиты и развитие методологии исследования экономики благосостояния в массовом обществе // *Известия Уральского государственного экономического университета*. Т. 19. № 4. С. 19–33. DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-4-2
- Ледаев В.Г. (2008). Кого относить к элите? // *Общество и экономика*. № 3-4. С. 121–129.
- Ледаев В.Г. (2009). Политическая власть: концептуальный анализ // *Управленческое консультирование*. № 4. С. 27–45.
- Ледаев В.Г. (2010). Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. № 2 (70). С. 23–51.
- Ледаев В.Г. (2012). Социология власти: Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ. 472 с.
- Лэйн Д. (2023). От национальной властвующей элиты к глобальному политическому классу // *Россия в глобальной политике*. Т. 21. № 6. С. 217–221. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-6-217-221
- Мохов В.П. (2008). Об определении понятия «элита» // *Общество и экономика*. № 3-4. С. 130–143.
- Мохов В.П. (2012). Циркуляция элит как социальный процесс // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 10-2 (24). С. 139–142.
- Мохов В.П. (2014). Деградация элит: проблема анализа // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 12-2 (50). С. 134–138.

- Наронская А.Г. (2019). Концептуальные подходы к изучению политических элит (мировой и отечественный опыт) // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. Т. 14. № 1(185). С. 86–91.
- Попов А. (2010). Рецензия на монографию // Власть. № 3. С. 141–143.
- Сколота З.Н. (2008). Интерпретация гибели цивилизаций в различных исследовательских контекстах // Вестник Оренбургского государственного университета. № 7 (89). С. 135–140.
- Сорокин П.А. (1992). Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат. 543 с.
- Тойнби А. (2010). Постигание истории. М.: Айрис-пресс. 640 с.
- Тойнби А.Дж. (2011). Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ: Астрель. 318 с.
- Фазулов А.Р., Кирилов М.В. (2019). Генезис понятия «политическая элита» // Социально-политические науки. № 2. С. 15–19.
- Хантингтон С. (2003). Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ. 603 с.
- Шпенглер О. (1993). Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том I. Гештальт и действительность. М.: Мысль. 663 с.
- Acemoglu D., Robinson D.A. (2006). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.
- Balatsky E.V. (2022). Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: The hybrid war of civilizations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 52–78. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.3
- Dekker H., Willemse R. (1996). Elite-mass linkages and the European community. In: Farnen R.F., Dekker H., Meyenberg R., German D.B. (Eds). *Democracy, Socialization and Conflicting Loyalties in East and West*. London: Palgrave Macmillan. DOI:10.1007/978-1-349-14059-6_16
- Ilukhin A.A., Ilukhina S.V. (2018). Happiness economics: The role, opinions and evaluations by young people. *Upravlenets*, 9(2), 12–17. DOI: 10.29141/2218-50032018-9-2-2
- Gaxie D. (2017). Democracy and elites. *Corvinus Journal of Sociology and Social Policy*, 8(3s), 17–37. DOI: 10.14267/Cjssp.2017.3s.02
- Ryabchenko D.O. (2021). On the issue of the functional theory of elites: Losses and possibilities of a new approach. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 43, 147–154. DOI: 10.17223/22220836/43/11
- Zartman W. (2019). A theory of elite circulation. In: *I William Zartman: A Pioneer in Conflict Management and Area Studies, Essays on Contention and Governance*. Switzerland: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-06079-4
- Zolo D. (1992). *Democracy and Complexity: A Realist Approach*. USA: Penn State University Press.

Сведения об авторе

Наталья Александровна Екимова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: NAEkimova@fa.ru)

Ekimova N.A.

The Role of the Elites in the Evolutionary Process: Conceptual Framework and Modern Interpretations

Abstract. The article considers the influence of the elites on the evolutionary process and the current global upheavals that have evolved into a confrontation between two megacivilizations (West and Non-West), which threatens humanity with extinction. The aim of the study is to try and answer the questions whether these processes were to be expected; whether they correspond to the general principles of social development or are a coincidence. The research on the elites in the context of a civilizational approach and combining it with the concept of democracy allowed D. Zolo to build an elite model of civilization development, linking three components: stages of civilization development, type of elite, and form

of government. It has been established that as civilization develops (from its inception to its demise), the elite moves from power forces to its supranational form, and this movement is accompanied by the transformation of forms of government from anarchy to tyranny. It is shown that the period of the heyday of a civilization coincides with the period of the rule of national elites; as soon as the elite loses the quality of national power and becomes supranational, the civilization starts declining. The source of the evolutionary development of a civilization is the creative potential of the elite, the vital energy of which is found in the passionarity of the ethnic group, “triggered” by the action of the hypercompensation mechanism based on A. Toynbee’s “Challenge-and-Response” principle, which may not work in the case of the rule of the supranational elite. An assessment of the current state of the Western elite has shown its supranational nature and the worsening process of degradation accompanying the decline of Western civilization. This corresponds to the paradox of lagging behind, according to which a civilization that is more advanced in terms of technological development finds itself in a state of spiritual crisis and disintegration earlier. From this point of view, the unfolding confrontation is a clash between the supranational elite and its national opponents, who defend the traditional values and interests of their own countries. The novelty of the research lies in the construction of an elite model of the development of civilization, and in the consideration of a structural model of an evolutionary leap in the case of the rule of supranational elites.

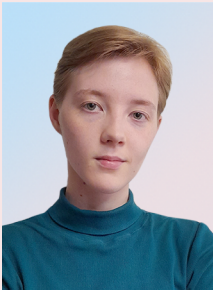
Key words: national elite, supranational elite, civilizations, elite degradation, democracy, passionarity.

Information about the Author

Natal'ya A. Ekimova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Avenue, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: NAEkimova@fa.ru)

Статья поступила 05.03.2024.

Особенности экспортной специализации регионов СЗФО в рамках концепции экономической сложности

**Инна Ричардовна
ЧЕПЛИНСКИТЕ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: inna.cheplinskite@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6546-1164; ResearcherID: GZL-6208-2022

**Евгений Владимирович
ЛУКИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: lukin_ev@list.ru
ORCID: 0000-0002-1159-281X; ResearcherID: I-8183-2016

Аннотация. Вопрос достижения развития экономики, особенно остро встающий в условиях геополитической турбулентности, интересует представителей органов власти и учёных, как отечественных, так и зарубежных. Один из способов его разрешения состоит в усложнении экономики, выявлении наиболее и наименее развитых сегментов. Последнее осуществимо в рамках концепции экономической сложности. Цель исследования заключается в изучении особенностей экспортной специализации регионов Северо-Западного федерального округа. Для достижения поставленной цели были решены такие задачи, как определение товаров экспортной специализации регионов Северо-Запада России, выявление товарной структуры полученных специализаций, а также определение микроспециализаций регионов округа. На основе статистических данных федеральных таможенных управлений о внешней торговле субъектов страны произведён

Для цитирования: Чеплинските И.Р., Лукин Е.В. (2024). Особенности экспортной специализации регионов СЗФО в рамках концепции экономической сложности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 81–95. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.4

For citation: Cheplinskite I.R., Lukin E.V. (2024). Characterizing export specialization of Northwestern Federal District regions within the framework of the economic complexity concept. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(2), 81–95. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.4

расчёт индекса выявленных сравнительных преимуществ. Через оценку значений индекса и вклада товаров в общий объём экспорта регионов определены товары экспортной специализации регионов, выявлена основная специализация округа. Среди товаров, характеризующихся малым вкладом в общий объём экспорта регионов, двумя способами произведён поиск перспективных микроспециализаций. В рамках первого способа среди экспортируемых регионами товаров выделены те, в поставках которых Россия занимает лидирующие позиции в мире. Второй способ состоит в оценке рынков развивающихся стран. Новизна проведённого исследования состоит в определении товаров экспортной специализации регионов Северо-Западного федерального округа с использованием инструментария концепции экономической сложности. Информационную базу составили данные федеральных таможенных управлений, финансовой компании MSCI, базы данных Trade Map и The Observatory of Economic Complexity, а также отечественные и зарубежные исследования в области отраслевых специализаций. Результаты могут быть учтены региональными органами власти при разработке стратегических документов, для обоснования экономической политики в области поиска перспективных экономических специализаций и рыночных ниш.

Ключевые слова: экспортная специализация, отрасли специализации, экономическая сложность, микроспециализации, Северо-Западный федеральный округ.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01862, <https://rscf.ru/project/23-28-01862/>.

Введение

Вопрос достижения роста экономики не теряет своей актуальности. Особенно он обострился в условиях геополитической турбулентности, подкрепляемой усиленными с февраля 2022 года санкциями, вызвавшими замедление темпов развития хозяйства страны. Исследования, направленные на поиск возможностей его обеспечения, имеют высокую значимость с разных позиций – не только теоретической экономики, но и в контексте повышения качества управленческих решений (Баранов, Скуфьина, 2018; Лукин, Ускова, 2018). Однако это требует изучения множества различных аспектов, среди которых исследование специфики экономик стран или отдельных регионов, их отраслевой специализации, выявление наиболее и наименее развитых сегментов (Любимов и др., 2017).

Одним из направлений обеспечения экономического роста была и остаётся экспортная деятельность, влияющая на внешнеэкономическую конъюнктуру рынка страны и способствующая экономическому развитию территорий. При этом большое значение имеет несырьевой экспорт. При низкой доле продукции высокотехнологичных отраслей промышленности в общем объёме поставляемых за рубеж товаров и услуг полноценная интеграция

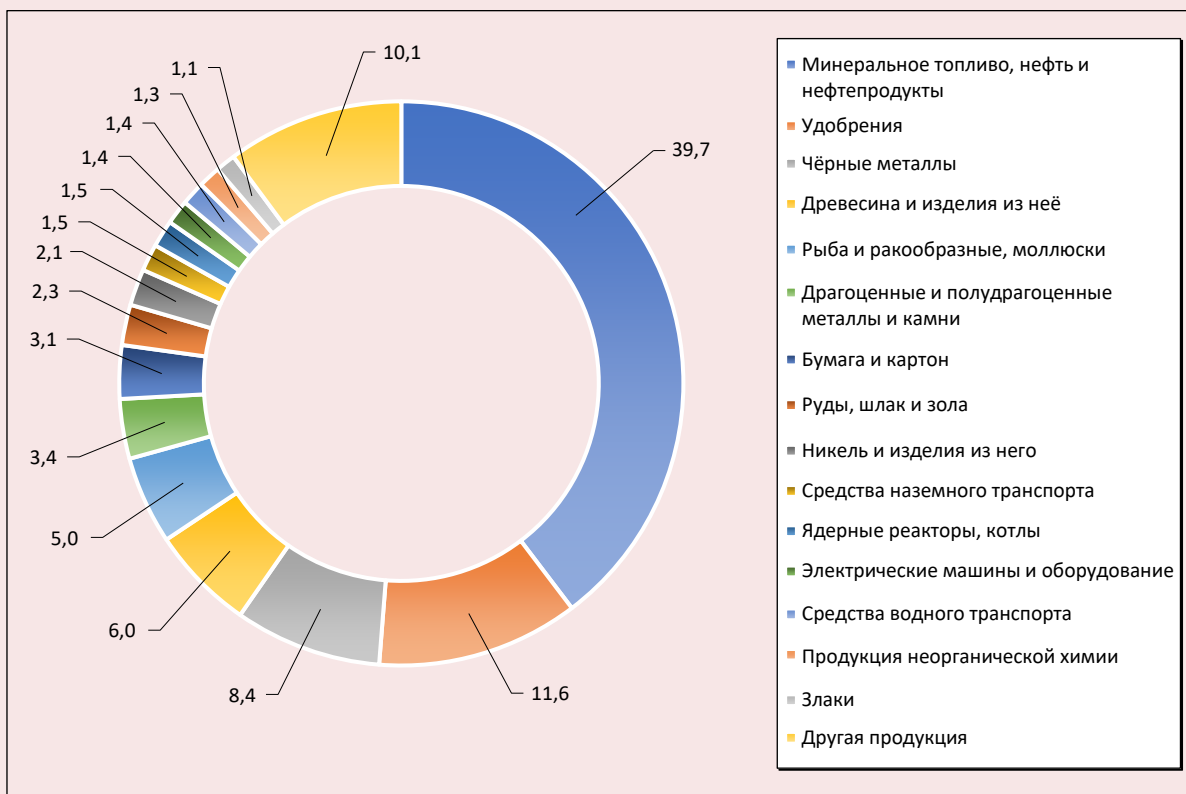
в мировое экономическое пространство, а вместе с тем и эффективное развитие страны значительно затруднены (Гулин и др., 2018; Коптсева, Salimonenko, 2020).

Потребность наращивания экспорта несырьевой продукции встаёт и перед регионами Северо-Западного федерального округа (СЗФО; рисунок). По данным 2021 года в структуре товаров, поставляемых округом за границу, на долю изделий низкого передела, к которым здесь относятся нефть и нефтепродукты, удобрения, драгоценные и полудрагоценные камни, руды, никель, злаки, часть изделий из чёрных металлов¹, приходилось более 50% от общего объёма экспорта.

Данные опроса руководителей промышленных предприятий на Северо-Западе России, проведённого сотрудниками Вологодского научного центра РАН в 2023 году (Широкова, Лукин, 2023), показывают, что 20% респондентов намерены нарастить глубину переработки выпускаемой продукции, а максимальной глубины

¹ Классификация экспортных товаров. Российский экспортный центр. URL: https://www.exportcenter.ru/international_markets/classification/ (дата обращения 02.04.2024).

Товарная структура экспорта СЗФО в 2021 году, % к итогу

Источник: составлено авторами на основе данных ФТС.

переработки достигли только 20% предприятий. В связи с ограничениями на торговлю с недружественными странами перед промышленными компаниями встал ряд проблем, ограничивающих их функционирование. Среди самых острых, по мнению 85% респондентов, – трудности с получением импортных комплектующих и сырья. Часть предприятий (16%) уже наладила выпуск импортозамещающей продукции, ещё 13% планируют запуск подобного производства. Однако одной из основных мер адаптации к новым условиям стал поиск новых рынков сбыта изготавливаемых товаров как внутри страны (72%), так и за рубежом (42%). Вместе с тем большинство опрошенных (65%) намерены продолжить выпуск той же продукции, что и ранее, только с изменением основного потребителя.

В сложившихся условиях необходимым является усложнение экономики, однако для

этого следует установить сложившиеся специализации регионов, что осуществимо через концепцию экономической сложности, в рамках которой производится оценка экспортных корзин стран и отдельных территорий внутри них. В связи со всем обозначенным выше цель нашего исследования заключается в изучении особенностей экспортной специализации регионов СЗФО. Достижение цели требует выполнения следующих задач: определить товары экспортной специализации регионов СЗФО; выявить товарную структуру экспортной специализации регионов СЗФО; определить товары микроспециализации регионов СЗФО.

Под регионами в данном исследовании подразумеваются единицы административно-территориального деления России. Объект исследования – экономика СЗФО, предмет – экспортная специализация регионов округа.

Теоретические предпосылки исследования

В международной и российской практике существует множество подходов к определению экономической специализации отдельных территорий, основывающихся на расчёте различных показателей, соответствующих методов. Наиболее широкое применение получил коэффициент локализации (Korczevska et al., 2017; Fracasso, Marzetti, 2018), называемый по-другому коэффициентом Гувера – Баласса или индексом специализации Гувера (Hoover, 1936). С его помощью с опорой на такие показатели, как, например, выпуск продукции или численность занятых, рассчитывается концентрация отрасли в регионе, что позволяет оценить её значимость для экономики в настоящий момент, а также изучить её развитие в динамике (Куценко и др., 2019). Индикатором специализации выступает значение индекса, при котором за пороговую величину чаще всего принимается единица, реже – интервал от 0,8 до 1,25 (Kutsenko, Eferin, 2019).

В ряде исследований применяются такие показатели, как коэффициенты душевого производства, межрайонной товарности (Барсуков и др., 2019), индексы Херфиндаля – Хиршмана, уровень специализации (Белов, 2012), концентрации Джини (Devereux et al., 1999; Колмаков и др., 2019) и ряд других. Они опираются на данные об объёмах выпуска или вывоза продукции, уровне потребления, доле региона в страновом или отраслевом производстве и т. д. Как и коэффициент локализации, они свидетельствуют о наличии у региона специализации в отрасли, если численное значение показателя превышает тот или иной порог – от 0,5 до 1 (Прокопьев, 2015).

Среди перечисленных показателей на данные о внешней торговле регионов опирается коэффициент межрайонной товарности. Он представляет собой отношение объёма вывоза товара из региона к объёму его производства. Использование обозначенного коэффициента затрудняется из-за несоответствия товарной номенклатуры и общего классификатора видов экономической деятельности в статистических данных об экспорте и отгрузке регионов как основных источника для его расчёта. Это требует поиска другого индикатора для выявления перспективных экономических специализаций на основе данных об экспорте.

Кроме ограничений, связанных с поиском необходимой для расчётов информации, обозначенные выше показатели имеют другой недостаток. Он заключается в том, что получаемые итоговые значения могут приводить к переоценке отраслевой специализации или наоборот, что характерно для регионов с крупными агломерациями, производящими широкий круг товаров. Для избегания неточностей исследователями вводятся дополнительные показатели, корректируются существующие или разрабатываются авторские методики определения специализации региона. Так, в 2014 году Европейской кластерной обсерваторией была предложена методология выявления отраслей специализации, в которой последние распределялись по уровню их развития в регионе, а также разбивались на кластеры (Ketels, Protsiv, 2014). Эта методика апробировалась российскими исследователями (Куценко и др., 2019; Симачёв и др., 2014), подвергалась корректировкам, которые, в целях минимизации ошибок, направлены на ужесточение условий отнесения отрасли к специализации региона, что позволило исключить регионы, характеризующиеся односторонней концентрацией или специализацией (Kutsenko, Eferin, 2019).

Ряд исследований направлен не только на выявление текущих отраслей специализации регионов, но и на поиск перспективных. Так, примером служит авторская методика А.В. Котова и соавторов, разработанная по заказу Министерства экономического развития РФ. В её основе лежит матрица компетенций региона, построенная на ряде рассчитываемых индикаторов, характеризующих эффективность текущей специализации, оценивающих инновационный и научно-технологический потенциал территории (Котов и др., 2019).

Авторская методика для выявления перспективных экономических специализаций Вологодской области разработана коллективом исследователей из Вологодского научного центра РАН и Вологодского государственного университета (Румянцев и др., 2022). В ней с опорой на упомянутое выше исследование А.В. Котова и соавторов отобран ряд компонентов, среди которых эффективность сложившейся в регионе отраслевой специализации, рыночный потенциал, инновационная активность, а также наличие соответствующих

видам экономической деятельности публикаций. Кроме того, авторами учтены потребность в технологическом суверенитете экономики и аспекты, связанные с трансформацией существующих цепочек создания стоимости. В каждом компоненте выделены индикаторы, которым после расчёта в соответствии с определёнными интервалами присвоена балльная оценка. Итоговый балл составляет интегральную оценку потенциала перспективной специализации.

Методики выявления перспективных специализаций, описанные выше, опираются на широкий круг показателей и индикаторов, в том числе учитывающих инновационную и научную составляющую потенциала регионов, однако наше исследование предполагает более узкую направленность на внешнюю торговлю регионов, в связи с чем требуется поиск других методик и выбор других показателей. В контексте выявления отраслей специализации широкое применение получила концепция экономической сложности, опирающаяся на индекс выявленных сравнительных преимуществ и ряд других показателей, среди которых центральное место занимает индекс экономической сложности ECI (Economic Complexity Index) (Hausmann, Klinger, 2006; Hidalgo, et al., 2007; Tacchella et al., 2012). Он позволяет оценить структуру, ширину и глубину экономики, учесть разнообразие и уникальность её секторов. Индекс также используется для прогноза экономического роста, установления направлений диверсификации и развития экономик стран (Кудров, 2023).

Материалы и методы исследования

Для выявления отраслей экспортной специализации регионов СЗФО нами использовался индекс выявленных сравнительных преимуществ RCA (Revealed comparative advantage) (Balassa, 1965), рассчитываемый следующим образом:

$$RCA_{cp} = (EX_{cp} / \sum cEX_{cp}) / (\sum pEX_{cp} / \sum p \sum cEX_{cp}), (1)$$

где EX_{cp} – объём экспорта товара p страной c ;

$\sum cEX_{cp}$ – сумма всего экспорта страны c ;

$\sum pEX_{cp}$ – мировой экспорт товара p ;

$\sum p \sum cEX_{cp}$ – суммарный мировой экспорт.

Описанная выше формула применяется для расчёта сравнительных преимуществ на уровне стран. В нашем исследовании изучается сложность на уровне отдельных регионов, в связи с чем выражение (1) требует внесения некоторых корректировок. Так, за EX_{cp} взят объём экспорта конкретного товара p регионом c ; $\sum cEX_{cp}$ – общий объём экспорта региона c ; $\sum pEX_{cp}$ – объём экспорта товара p всей страной; $\sum p \sum cEX_{cp}$ – суммарный экспорт страны. В числителе рассчитывается доля товара p от общего объёма экспорта региона c , в знаменателе – доля того же товара в структуре хозяйственной деятельности всей страны. Таким образом, в данном выражении производится сравнение долей товара p от общего объёма экспорта региона и страны.

Для установления факта наличия выявленного сравнительного преимущества в экспорте товара p рассчитанные индексы проверяются на условие типа ограничения снизу: если его величина больше определённого значения, то регион обладает преимуществами, если меньше – таковых не имеется (Афанасьев, Кудров, 2021). В рамках изученных нами исследований за пороговое значение в большинстве случаев выбиралась единица, поэтому нами по аналогии была введена такая же величина.

Информационная база исследования включает статистические данные таможенных управлений по федеральным округам и Калининградской областной таможни, зарубежные базы данных, содержащие информацию об объёмах и структуре мирового экспорта, такие как Trade Map и The Observatory of Economic Complexity, данные финансовой компании MSCІ в области рынков развивающихся стран. Также использовались отечественные и зарубежные исследования в области отраслевых специализаций.

Основная часть

В ходе работы нами были собраны данные о внешней торговле 85 субъектов страны за 2021 год, полученные на сайтах таможенных управлений по федеральным округам. На их основе произведены расчёты индексов RCA для каждого субъекта. С установленным ограничением величины индекса на уровне единицы нами было получено следующее количество товаров, в экспорте которых регионы СЗФО имеют выявленные сравнительные преимущества:

Республика Карелия – 60, Республика Коми – 25, Архангельская область (вместе с Ненецким автономным округом) – 60, Вологодская область – 55, Калининградская область – 22, Ленинградская область – 200, Мурманская область – 26, Новгородская область – 101, Псковская область – 194, Санкт-Петербург – 351. Сокращение их количества требует введения дополнительного ограничения, за которое был взят вклад этих товаров в общий объём экспорта каждого региона. Так, к товарам экспортной специализации отнесены те позиции, доля которых в общем объёме составила не менее 1%. Итоговое количество товарных позиций представлено в *таблице 1*.

Таким образом, лидирующую позицию по числу товаров с выявленными сравнительными преимуществами в экспорте занимает Псковская область. Также большим количеством

таких товаров характеризуются Вологодская область и Республика Карелия, а наименьшим – Калининградская и Новгородская области, Санкт-Петербург. Последний отличается большим количеством товаров с имеющимся сравнительным преимуществом из разных отраслей производства, однако их доля от общего объёма поставок невелика.

В результате расчётов для каждого региона получен перечень товаров, в экспорте которых имеется выявленное сравнительное преимущество (*табл. 2*).

Полученные значения индекса сравнительных преимуществ варьируют от нескольких единиц (например, 1,72 для нефти и нефтепродуктов в Республике Коми или 3,58 для пшеницы и меслина в Калининградской области) до нескольких сотен и тысяч (1186,97 для судовых деррик-кранов в Псковской области).

Таблица 1. Количество товаров, в экспорте которых регионы СЗФО имеют выявленные сравнительные преимущества, шт.

Субъект СЗФО	Количество товаров
Псковская область	16
Республика Карелия	12
Вологодская область	12
Архангельская область (с Ненецким АО)	11
Ленинградская область	11
Мурманская область	11
Республика Коми	10
Новгородская область	6
Санкт-Петербург	6
Калининградская область	3

Источник: рассчитано авторами на основе данных ФТС.

Таблица 2. Экспортные приоритеты регионов СЗФО в соответствии с индексом выявленных сравнительных преимуществ, 2021 год

Специализация	RCA	Специализация	RCA
Республика Карелия			
Руды и концентраты железные	33,91	ДСП	24,52
Распилованные лесоматериалы	16,57	Рыба мороженая	5,93
Крафт-бумага и крафт-картон	101,05	Лесоматериалы необработанные	11,12
Газетная бумага	66,99	Филе рыбное и прочее мясо рыбы	16,22
Целлюлоза древесная	19,31	Реакторы ядерные	7,30
Производство топливной древесины	41,26	Пиломатериалы в виде профилированного погонажа	44,36
Республика Коми			
Нефть и нефтепродукты	1,72	Бумага газетная	50,50
Фанера клееная	44,34	Целлюлоза древесная	12,36
Распилованные лесоматериалы	10,51	Углерод	366,28
Крафт-бумага и крафт-картон	72,30	Линолеум	279,15
Бумага и картон немелованные	75,99	Пиломатериалы в виде профилированного погонажа	39,94

Окончание таблицы 2

Специализация	RCA	Специализация	RCA
Архангельская область (с Ненецким АО)			
Распилованные лесоматериалы	26,30	Рыба мороженая	7,38
Алмазы обработанные или необработанные	234,76	Древесина топливная	35,38
Бумага и картон немелованные	84,87	Бумага и картон немелованные	34,14
Крафт-бумага и крафт-картон	55,79	Филе рыбное и прочее мясо рыбы	15,98
Производство целлюлозы	31,49	Фанера клееная	26,30
Ракообразные	7,80		
Вологодская область			
Горячекатаный прокат из железа и нелегированной стали	25,26	Полуфабрикаты из железа или нелегированной стали	2,25
Сложные химические удобрения	23,40	Передельный и зеркальный чугуны	5,15
Азотные удобрения	10,49	Фанера клееная	4,26
Плакированный прокат из железа и нелегированной стали	34,31	Холоднокатаный прокат из железа и нелегированной стали	8,99
Руды и концентраты железные	7,34	Лесоматериалы необработанные	6,79
Распилованные лесоматериалы	3,43	Трубы из черных металлов	8,76
Калининградская область			
Пшеница и меслин	3,58	Автомобили легковые	5,33
Отходы и лом черных металлов	9,12		
Ленинградская область			
Нефть и нефтепродукты	3,14	Промышленный табак	44,88
Сложные химические удобрения	8,87	Ферросплавы	7,09
Шины и пневматические резиновые покрышки	20,03	Аммиак, безводный или в водном растворе	54,96
Отходы и лом черных металлов	4,94	Бумага и картон немелованные	25,91
Газы нефтяные и углеводороды газообразные прочие	17,03	Фосфинаты (гипофосфиты), фосфонаты (фосфиты) и фосфаты	29,06
Распилованные лесоматериалы	2,31		
Мурманская область			
Штейн никелевый	105,03	Филе рыбное и прочее мясо рыбы	32,45
Ракообразные, в панцире или без панциря	35,89	Рыба мороженая, за исключением рыбного филе	11,45
Никель необработанный	103,40	Нефть и нефтепродукты	2,40
Руды и концентраты железные	17,10	Штейн кобальтовый	2,89
Руды и концентраты алюминиевые	104,97	Медь рафинированная и сплавы медные необработанные	104,59
Фосфаты кальция	93,51		
Новгородская область			
Азотные удобрения	49,54	Распилованные лесоматериалы	3,19
Сложные химические удобрения	35,65	ДСП	9,41
Фанера клееная	11,40	Древесина топливная	11,63
Псковская область			
Отходы и лом черных металлов	61,11	Судовые деррик-краны	1186,97
Распилованные лесоматериалы	13,30	Молочная сыворотка	1727,55
Свинина свежая, охлажденная или замороженная	739,44	Готовая или консервированная рыба, икра	75,89
Бумага папиросная	1643,65	Провода изолированные	14,13
Филе рыбное и прочее мясо рыбы	22,40	Газы нефтяные и газообразные углеводороды	6,25
Древесина топливная	26,35	Проволока медная	3,42
Пищевые субпродукты животного происхождения	910,46	Пиломатериалы в виде профилированного погонажа	52,04
Лесоматериалы необработанные	10,38	Мебель и ее части	23,85
Санкт-Петербург			
Нефть и нефтепродукты	2,40	Отходы и лом черных металлов	6,59
Нефть сырая и сырые нефтепродукты	1,49	Суда круизные, экскурсионные, паромы, грузовые суда	9,37
Золото необработанное или полуобработанное	16,39	Автомобили легковые	4,83

Источник: рассчитано авторами на основе данных ФТС.

Наименьшие значения характерны для товаров, которые широко распространены в экспортных корзинах регионов не только Северо-Запада России, но и страны в целом, то есть торгуются многими субъектами РФ. Товары с наибольшими значениями, напротив, в меньшем объёме или практически не экспортируются другими регионами, что указывает на уникальность и высокое значение экспорта данных товаров для экономики таких регионов.

Полученный нами список экспортных приоритетов имеет сходства и отличия с похожими перечнями, представленными в других исследованиях. Так, в работе (Лукин, 2023) дан список рыночных специализаций экономики регионов СЗФО за 2021 год, сформированный на основе размера коэффициента специализации различных видов деятельности для каждого региона округа. Список в таблице 1 отличается от него тем, что в число экспортных специализаций входит больше изделий из дерева, рыбы и ракообразных, продукции химической и добывающей промышленности, в то же время в меньшей степени представлен грузовой и пассажирский транспорт, продукция животноводства. В исследовании (Румянцев, 2023) также определены текущие и перспективные рыночные специализации регионов Северо-Запада. В текущих специализациях для большинства субъектов округа, в сравнении с полученным

нами перечнем, представлено меньшее количество видов экономической деятельности, связанных с ловлей и переработкой рыбы, ракообразных и моллюсков, изготовлением продукции химической промышленности, в том числе удобрений, однако, как и в предыдущем случае, в специализации входит больше отраслей по производству транспортных средств и различного оборудования. Перспективные специализации также больше ориентированы на изготовление машин и оборудования, изделий из чёрных металлов, из дерева, химических продуктов и т. д.

Нами была оценена товарная структура продукции составленного перечня. Товарные группы определены в соответствии с формой 2-ТС статистической отчётности федеральных таможенных управлений (табл. 3).

На основании представленных в таблице 3 данных можно судить о том, что наиболее диверсифицированным экспортом характеризуются Ленинградская и Псковская области, товары с выявленным преимуществом которых объединяются в максимальное количество групп, а именно пять. Товары четырёх групп представлены в республиках Коми и Карелия, а также в Вологодской области. Наименее диверсифицированным экспортом характеризуются Архангельская и Новгородская области (по две товарные группы в каждой).

Таблица 3. Распределение товаров, в экспорте которых регионы СЗФО имеют выявленные сравнительные преимущества, по товарным группам, шт.

Группа товаров	Республика Карелия	Республика Коми	Архангельская область	Вологодская область	Калининградская область	Ленинградская область	Мурманская область	Новгородская область	Псковская область	Санкт-Петербург	Итого
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	2	-	3	-	1	1	3	-	5	-	15
Минеральные продукты	1	-	-	1	-	-	3	-	-	-	5
Топливо-энергетические товары	-	1	-	-	-	2	-	-	1	2	6
Продукция химической промышленности, каучук	-	1	-	2	-	4	-	2	-	-	9
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	8	7	7	3	-	2	-	4	5	-	36
Текстиль, текстильные изделия и обувь	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Металлы и изделия из них	-	-	-	6	1	2	5	-	2	1	17
Машины, оборудование и транспортные средства	1	-	-	-	1	-	-	-	2	2	6
Источник: составлено авторами.											

Наиболее широко среди товаров экспортной специализации СЗФО представлены те, которые относятся к лесопромышленному комплексу (ЛПК), на их долю приходится 36,7% от общего количества товаров. Вторую позицию занимает группа изделий из металлов (17,3%), третью – продовольственная и сельскохозяйственная продукция (15,3%). Меньше всего регионы СЗФО экспортируют текстильных изделий и минеральной продукции – 1 и 5,1% соответственно. Кроме того, полностью отсутствует такая группа, как «кожевенное сырьё, пушнина и изделия из них».

Товарные позиции, исключённые из перечня товаров экспортной специализации по причине небольшого объёма их продаж, также представляют собой объект исследовательского интереса. Несмотря на малый вклад в общий объём экспорта регионов, они играют важную роль в экономике, обладают потенциалом развития. Наиболее значимые из них были опреде-

лены как перспективные микроспециализации. Они выявлялись двумя способами: через оценку общероссийского экспорта товаров, а также через оценку рынков развивающихся дружественных России стран. В рамках первого способа в первую очередь были выделены товары, в экспорте которых Россия занимает лидирующие позиции в мире. С использованием информации, представленной в базе данных Trade Map², через сопоставление товарной номенклатуры были определены позиции, в объёме поставок которых на РФ в 2021 году приходилось не менее 1%. Затем полученный перечень был соотнесён со списком экспортируемых регионами СЗФО товаров, которые характеризуются величиной индекса RCA не менее единицы. При исключении товарных позиций, уже включённых в перечень товаров с выявленными сравнительными преимуществами, был получен список микроспециализаций регионов СЗФО (табл. 4).

Таблица 4. Товары экспортных микроспециализаций регионов СЗФО, полученные в результате оценки общероссийского экспорта

Регион	Микроспециализации
Республика Карелия	Талловое масло; взрывчатые вещества кроме пороха; зерно злаков кроме риса, зародыши зерна злаков; бумага и картон немелованные
Республика Коми	Талловое масло; бумага и картон немелованные; ДСП с ориентированной стружкой; ДВП, топливная древесина
Архангельская область	Талловое масло; пиломатериалы в виде профилированного погонажа
Вологодская область	Проволока из легированных сталей; спички; проволока из железа; фосфаты кальциевые и алюминиевые; плотницкие и столярные изделия; бумага и картон немелованные; ДСП с ориентированной стружкой; пиломатериалы в виде профилированного погонажа; прочие прутки; плоский прокат; необработанный свинец; хлеб, мучные и кондитерские изделия; бутылки; ДВП
Калининградская область	Пушно-меховое сырьё; рыболовные суда и плавучие базы; топливная древесина; бобовые овощи
Ленинградская область	Древесная масса; экстракты, эссенции и концентраты кофе и чая; вата и изделия из нее; бутылки; обои; линолеум; топливная древесина; карбонаты; необработанный свинец; бумага и картон немелованные; жгут искусственных нитей; талловое масло; части железнодорожных локомотивов; пиломатериалы в виде профилированного погонажа; металлоконструкции из черных металлов и др.
Мурманская область	Никелевые порошки и чешуйки; ниобиевые, танталовые, ванадиевые или циркониевые руды и концентраты; алюминиевая проволока
Новгородская область	Огнеупорные керамические строительные материалы; пиломатериалы в виде профилированного погонажа; линолеум; крупа, мука грубого помола; бумага и картон немелованные
Псковская область	Амбра серая, струя бобровая, циветта и мускус; семена рапса или кользы
Санкт-Петербург	Гидравлические турбины, водяные колёса; пушно-меховое сырьё; спички; вата и изделия из нее; чай; бритвы и лезвия для них; кузова для моторных транспортных средств; серы; прочий промышленно-изготовленный табак; плотницкие и столярные изделия; газетная бумага; средства для бритья, дезодоранты; медная проволока; ДСП с ориентированной стружкой; паровые турбины; клееная фанера и др.
Источник: составлено авторами.	

² ITC. Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения 07.02.2024).

Таблица 5. Количество микроспециализаций регионов СЗФО, полученных в результате оценки общероссийского экспорта, по товарным группам, шт.

Группа товаров	Республика Карелия	Республика Коми	Архангельская область	Вологодская область	Калининградская область	Ленинградская область	Мурманская область	Новгородская область	Псковская область	Санкт-Петербург	Итого
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	2	-	-	1	1	3	-	1	2	14	24
Минеральные продукты	-	-	-	1	-	-	1	-	-	1	3
Топливо-энергетические товары	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
Продукция химической промышленности, каучук	2	1	1	1	-	3	-	-	-	7	15
Кожевенное сырьё, пушнина и изделия из них	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	2
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	1	4	1	5	1	8	-	2	-	9	31
Текстиль, текстильные изделия и обувь	-	-	-	-	-	3	-	1	-	2	6
Металлы и изделия из них	-	-	-	5	-	1	2	-	-	5	13
Машины, оборудование и транспортные средства	-	-	-	-	1	1	-	-	-	3	5
Другие товары	-	-	-	1	-	3	-	1	-	1	6
Всего товаров	5	5	2	14	4	22	3	5	2	44	106

Источник: составлено авторами.

Представленный список является сокращённым ввиду большого количества товаров. Позиции данного перечня также были объединены в аналогичные обозначенным в таблице 2 товарные группы, позволяющие оценить структуру полученных микроспециализаций (табл. 5).

Самой диверсифицированной структурой характеризуется Санкт-Петербург, в котором представлены все десять товарных групп. Второе место занимает Ленинградская область (семь групп), затем следует Вологодская область (шесть групп). Минимум характерен для Псковской области – всего одна товарная группа. В целом по СЗФО наиболее широко представлены товары, относящиеся к ЛПК (29,2%), а также к группе продовольственных товаров (22,6%), меньше всего – топливо-энергетических товаров (0,9%) и кожевенного сырья (2,8%).

В рамках второго способа была произведена оценка товаров, поставляемых на рынки развивающихся стран³. Выбор данной категории торговых партнёров обусловлен высоким потенциалом развития их экономик, а также ра-

³ В выборку попали следующие страны: Ближний Восток – Турция, Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Кувейт; Африка – Египет, ЮАР; АТР – Китай, Индия, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Тайвань, Тайланд; Латинская Америка – Бразилия, Чили, Мексика, Колумбия, Перу.

стущим от года к году объёмом их товарооборота с Россией, в том числе ввиду санкционных ограничений. Регионы СЗФО тоже наращивают экономическое сотрудничество с развивающимися странами, власти высказывают намерения поддерживать и укреплять установившиеся связи⁴. В данном контексте нами была изучена торговля с теми странами, которые относятся к числу развивающихся исходя из соответствующего индекса MSCI⁵, а также входят в число дружественных государств⁶. Для каждого региона СЗФО нами были определены товары, экспортирующиеся в данные страны в наибольшем объёме. Не включенные в предыдущие два перечня товарные позиции были занесены в список перспективных микроспециализаций (табл. 6, 7).

⁴ За квартал объём торговли Карелии с Индией вырос в восемь раз. URL: https://karel.aif.ru/money/details/za_kvartal_obyom_torgovli_karelii_s_indiey_vyros_v_vosem_raz (дата обращения 28.02.2024); Калининградская область установит более тесные экономические и культурные связи с Бразилией. URL: <https://kaliningrad.sm.news/news/20230912/448036/> (дата обращения 28.02.2024); Экспорт вологодской продукции в Китай вырос в 2,5 раза за полугодие 2023 года. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18324849> (дата обращения 28.02.2024).

⁵ MSCI. Emerging Market Indexes. Available at: <https://www.msci.com/our-solutions/indexes/emerging-markets>

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р.

Таблица 6. Товары экспортных микроспециализаций регионов СЗФО, полученные в результате оценки рынков развивающихся стран

Регион	Микроспециализации
Республика Карелия	Замороженные фрукты и орехи; машины для дозирования жидкости; шифер обработанный; скипидар; шпон; канифоль; продукция из алюминия; оборудование для защиты от низкого напряжения; насосы для перекачки воздуха; электрическая нить накаливания; звуковая сигнализация; каучук
Республика Коми	Целлюлоза; рентгеновское оборудование
Архангельская область	Сырая нефть; профилированная древесина; суда для утилизации металлолома; электрические трансформаторы; клапаны; оборудование для защиты от низкого давления; компьютеры; паровые турбины; моторы; коробки передач; изолированные провода; компасы; изделия из меди и железа; сырые кости
Вологодская область	Жидкокристаллические дисплеи; компьютеры; целлюлоза; шпон; рафинированная медь; мука и гранулы для животных; мороженое; различные измерительные приборы
Калининградская область	Фуфуратура; овощной пергамент; рыбное масло; автомобили; тракторы
Ленинградская область	Масло соевое; масло рапсовое; янтарь-сырец; замороженное мясо крупного рогатого скота; полимерные ёмкости; семена рапса; сплавы меди; трубы, трубки и профили полые; цепи из чёрных металлов; ёмкости для сжатого или сжиженного газа; столовые изделия; соевый шрот; подсолнечный шрот; соевый белковый концентрат
Мурманская область	Очищенная медь; плоский стальной прокат; изделия из железа; шпон; сульфатная химическая древесная масса; мясо птицы; фурнитура; железные трубы; алюминиевые банки; каолиновый картон; насосы для перекачки жидкости; двигатели; угольные брикеты; связующие для литейного производства; стиральные и разливочные машины; газовые турбины и др.
Новгородская область	Железный лом; чугунный полуфабрикат; фитинги для железных труб; пассажирские и грузовые судна
Псковская область	Стоматологическое оборудование; стеклянные волокна; крафт-бумага; электродвигатели; изделия из алюминия; кобальт; профилированная древесина; обработанные ракообразные; мётлы; маргарин; необработанная пластиковая плёнка
Санкт-Петербург	Торф; электрическое паяльное оборудование; оборудование для электроснабжения; полупроводниковые устройства; мётлы; пластиковый лом; высоковольтное защитное оборудование; фрезерные камни; землеройная техника; железные цепи; резиновые трубы
	Рафинированная медь; необработанный алюминий; алюминиевое покрытие; деревянные ящики; шпон; деревянная кухонная утварь; бумага без покрытия; гречиха; электрические печи; электрическое паяльное оборудование; электродвигатели; отруби; мясо птицы; термостаты; синтетический каучук; машины для дозирования жидкости; большие строительные машины; электрические трансформаторы; изолированные провода и др.
Источник: составлено авторами.	

Таблица 7. Количество микроспециализаций регионов СЗФО, полученных в результате оценки рынков развивающихся стран, по товарным группам, шт.

Группа товаров	Республика Карелия	Республика Коми	Архангельская область	Вологодская область	Калининградская область	Ленинградская область	Мурманская область	Новгородская область	Псковская область	Санкт-Петербург	Итого
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	1	-	1	4	7	1	-	2	-	5	21
Минеральные продукты	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	2
Топливо-энергетические товары	-	-	1	-	-	1	-	1	-	-	3
Продукция химической промышленности, каучук	3	-	-	-	1	3	-	1	2	7	17
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	1	1	1	2	-	3	-	2	-	4	14
Металлы и изделия из них	2	-	1	1	3	5	3	1	1	4	21
Машины, оборудование и транспортные средства	4	1	10	5	1	8	1	2	5	16	53
Другие товары	1	-	-	1	1	1	-	2	2	2	10
Всего товаров	12	2	14	13	14	22	4	11	11	38	141
Источник: составлено авторами.											

Сформированный таким способом перечень отличается преобладанием в нём групп товаров, характеризующихся большей технической и технологической сложностью изготовления, высокой степенью передела. Так, значительную долю в 37,6% занимают товары, относящиеся к категории машин и оборудования, что является максимумом среди всех трёх перечней, составленных в ходе исследования. Второе и третье место с одинаковым количеством товаров разделяют изделия из металла и продовольственная продукция (по 14,9%). ЛПК здесь теряет лидирующие позиции, занимая лишь пятое место (9,9% от общего количества товаров). Наименьшие доли по-прежнему приходятся на минеральную продукцию (1,4%) и топливно-энергетические товары (2,1%). Также товарная структура полученного данным способом перечня характеризуется наибольшим количеством товарных групп на каждый регион, то есть экспортные микроспециализации наиболее диверсифицированы. Так, на субъект в среднем приходится 5,1 товарной группы, в то время как в рамках первого метода поиска микроспециализаций значение составляет 4,1, а в экспортных специализациях — 3,8.

Заключение

Таким образом, в рамках концепции экономической сложности нами были установлены товары, составляющие экспортные специализации регионов СЗФО. С использованием индекса выявленных сравнительных преимуществ RCA и через оценку вклада товарных позиций в общий объём экспорта составлен перечень, в состав которого вошли 98 позиций. Наибольшим количеством товаров характеризуются Псковская и Вологодская области, Республика Карелия, наименьшим — Калининградская область и Санкт-Петербург. При этом Ленинградская и Псковская области характеризуются наиболее диверсифицированным экспортом, а Архангельская и Новгородская — наименьшим. Основными экспортными специализациями регионов СЗФО выступают продукция ЛПК, изделия из металла, а также продовольственные и сельскохозяйственные товары.

В ходе исследования выявлены микроспециализации регионов СЗФО. Посредством оценки наиболее значимых в общероссийском

экспорте товаров и изучения поставляемой на рынки развивающихся стран продукции нами составлено два перечня. Наибольшее количество товарных позиций в них приходится на Санкт-Петербург и Ленинградскую область, меньше всего — на Мурманскую область и Республику Коми. В отраслевой структуре помимо обозначенных в основной экспортной специализации товаров, относящихся к ЛПК и продовольственной продукции, большое значение имеют товарные позиции группы машин и оборудования, продукции химической промышленности и изделий из металлов. Товары высокого передела главным образом относятся к группе машин и оборудования. Примерами конкретных товаров являются транспортные и грузовые суда, рентгеновское оборудование, турбины, моторы, защитное оборудование, насосы для перекачки воздуха, измерительные приборы, бытовая техника и т. д. Среди выделенных групп товаров во всех полученных экспортных специализациях и микроспециализациях реже всего встречаются минеральные продукты, топливно-энергетические товары, кожевенное сырьё, пушнина и изделия из них. Это свидетельствует о высоком потенциале поставок регионами СЗФО товаров высоких переделов, возможности получения выгод от наращивания объёмов их производства и поставок на международный рынок.

Развитие выявленных нами экспортных специализаций, как и преодоление экономического спада в отраслях, пострадавших в результате введения санкций, затруднительно без надлежащей поддержки со стороны государства. Целесообразно принять следующий комплекс мер, направленных на увеличение объёмов экспорта:

- установка специальных тарифов на вывоз обозначенной нами продукции в дружественные страны;
- льготное кредитование организаций, а также выдача государственных гарантий для региональных экспортёров и иностранных покупателей данной продукции;
- выдача лицензий и предоставление организациям специальных прав на экспорт;
- развитие международной транспортно-логистической инфраструктуры;

– предоставление специальными органами, такими как бизнес-инкубаторы, информационной и консультативной помощи предпринимателям, особенно малому и среднему бизнесу;

– оказание поддержки в продвижении региональных производителей, в том числе за счёт участия в международных выставках и ярмарках;

– содействие встраиванию предприятий в межрегиональные и глобальные цепочки поставщиков экспортной продукции;

– формирование системы эффективного взаимодействия представителей бизнеса и органов государственной власти, защита интересов предпринимательства (Архипова, 2020; Ускова и др., 2020).

Руководители промышленных предприятий, согласно данным упомянутого ранее опроса (Широкова, Лукин, 2023), наиболее эффективными мерами государственной поддержки называют низкопроцентные инвестиционные кредиты и возмещение части затрат. Развитие

производственного сектора, согласно их мнению, требует упрощения системы налогообложения, общего снижения величины налогов на производителей, ограничения роста цен на топливо, энергию и услуги транспорта, снижения уровня бюрократической нагрузки, формирования условий для роста платёжеспособного спроса и др.

Новизна исследования заключается в определении товаров экспортной специализации регионов СЗФО с использованием инструментария концепции экономической сложности. Практическая значимость состоит в возможности использования его результатов региональными органами власти при разработке стратегических документов, для обоснования экономической политики в области поиска перспективных экономических специализаций и рыночных ниш. Перспективы дальнейших исследований связаны с расчётом индексов экономической сложности регионов СЗФО, обоснованием направлений трансформации экспортных корзин.

Литература

- Архипова В.А. (2020). Реализация государственной поддержки экспорта в Российской Федерации // Инновационное развитие экономики. № 4-5 (58-59). С. 67–77.
- Афанасьев М.Ю., Кудров А.В. (2021). Экономическая сложность и вложенность структур региональных экономик // Экономика и математические методы. Т. 57. № 3. С. 67–78. DOI: 10.31857/S042473880016410-0
- Баранов С.В., Скуфьина Т.П. (2018). Возможности обеспечения экономического роста России с темпами не ниже мировых // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 5. С. 49–60. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.3
- Барсуков Д. П., Караева Ф. Е., Шогенова И. Б. (2019). Организационно-экономические аспекты развития региона в условиях кластеризации // Петербургский экономический журнал. № 1. С. 57–71.
- Белов А.В. (2012). К вопросу о пространственном размещении факторов производства в современной России // Пространственная экономика. № 2. С. 9–28.
- Гулин К.А., Якушев Н.О., Мазилев Е.А. (2018). Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 3. С. 57–70. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.4
- Колмаков В.В., Полякова А.Г., Карпова С.В., Головина А.Н. (2019). Развитие кластеров на основе конкурентной специализации регионов // Экономика региона. Т. 15. № 1. С. 270–284. DOI: 10.17059/2019-1-21
- Котов А.В., Гришина И.В., Польшев А.О. (2019). Умная специализация региона – вариант решения для России: научный очерк. М.: Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации. 60 с.
- Кудров А.В. (2023). Влияние экономической сложности и отраслевой специализации на валовый региональный продукт регионов РФ // Бизнес-информатика. Т. 17. № 4. С. 25–40. DOI: 10.17323/2587-814X.2023.4.25.40

- Кущенко Е.С., Абашкин В.Л., Исланкина Е.А. (2019). Фокусировка региональной промышленной политики через отраслевую специализацию // Вопросы экономики. № 5. С. 65–89. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-65-89
- Лукин Е.В. (2023). Экономика Северо-Запада России: в поисках перспективных специализаций // ЭКО. № 8 (590). С. 8–34. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-8-8-34
- Лукин Е.В., Ускова Т.В. (2018). Проблемы структурной трансформации региональной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 6. С. 26–40. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2
- Любимов И.Л., Гвоздева М.А., Казакова М.В., Нестерова К.В. (2017). Сложность экономики и возможность диверсификации экспорта в российских регионах // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (34). С. 94–123. DOI: 10.31737/2221-2264-2017-34-2-4
- Прокопьев Е.А. (2015). К вопросу о выборе данных для определения специализации региона // Друkerовский вестник. № 2. С. 236–245.
- Румянцев Н.М. (2023). Перспективные экономические специализации внутри макрорегиона (на материалах Северо-Западного федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 74–90. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.4
- Румянцев Н.М., Леонидова Е.Г., Губанова Е.С. (2022). Определение отраслевых приоритетов структурной трансформации региона на основе поиска перспективных экономических специализаций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 94–109. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.5
- Симачёв Ю., Кузык М., Кузнецов Б., Погребняк Е. (2014). Россия на пути к новой технологической промышленной политике: среди манящих перспектив и фатальных ловушек // Форсайт. Т. 8. № 4. С. 6–23.
- Ускова Т.В., Лукин Е.В., Леонидова Е.Г. [и др.] (2020). Структурная трансформация региональной экономики. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук. 232 с.
- Широкова Е.Ю., Лукин Е.В. (2023). Функционирование производственного сектора экономики Северо-Запада России в 2022–2023 годах: ожидания и реальность // Проблемы развития территории. Т. 27. № 6. С. 44–63. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.4
- Balassa B. (1965). Trade liberalisation and “revealed” comparative advantage. *The Manchester School*, 33, 99–123. <http://dx.doi.org/1-.1111/j.1467-9957.1965.tb---5-.x>
- Devereux M., Griffith R., Simpson H. (1999). The Geographic Distribution of Production Activity in the UK. *IFS Working Paper* 26/99. London: Institute for Fiscal Studies.
- Fracasso A., Marzetti G.V. (2018). Estimating dynamic localization economies: The inadvertent success of the specialization index and the location quotient. *Regional Studies*, 52, 119–132.
- Hausmann R., Klinger B. (2006). Structural transformation and patterns of comparative advantage in the product space. *Ricardo Hausmann and Bailey Klinger CID Working Paper*, 128.
- Hidalgo C.A., Klinger B., Barabási A., Hausmann R. (2007). The product space conditions the development of nations. *Science*, 317, 482–487.
- Hoover E.M. (1936). The measurement of industrial localization. *The Review of Economic Statistics*, 18, 4, 162–171.
- Ketels C., Protsiv S. (2014). *Methodology and Findings Report for a Cluster Mapping of Related Sectors*. Stockholm: Stockholm School of Economics.
- Kopczewska K., Churski P., Ochojski A., Polko A. (2017). *Measuring Regional Specialisation: A New Approach*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-319-51505-2
- Koptseva E., Salimonenko E. (2020). Current trends in Russian exports and its focus on non-commodity goods. *Economics. Law. Innovations*, 4, 25–33.
- Kutsenko E., Eferin Y. (2019). “Whirlpools” and “safe harbors” in the dynamics of industrial specialization in Russian regions. *Foresight and STI Governance*, 13(3), 24–40. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.3.24.40
- Tacchella A., Cristelli M., Caldarelli G., Gabrielli A., Pietronero L. (2012). A new metrics for countries’ fitness and products’ complexity, *Sci Rep*, 2, 723.

Сведения об авторах

Инна Ричардовна Чеплинските – инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: inna.cheplinskite@mail.ru)

Евгений Владимирович Лукин – кандидат экономических наук, заведующий центром, ведущий научный сотрудник, Центр структурных исследований и прогнозирования территориального развития, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Cheplinskite I.R., Lukin E.V.

Characterizing Export Specialization of Northwestern Federal District Regions within the Framework of the Economic Complexity Concept

Abstract. The issue of achieving economic development, which is especially acute in the context of geopolitical turbulence, is of interest to government representatives and scientists, both Russian and foreign. One of the ways to resolve it is to make the economy more complex, and identify the most and least developed segments. The latter is implemented within the framework of the concept of economic complexity. The aim of the work is to study specifics of the export specialization of Northwestern Federal District regions. To achieve the goal, we address tasks such as determining the export specialization of the regions of the Northwest of Russia, identifying the commodity structure of the received specializations, and determining the micro-specializations of the regions within the district. Based on the statistical data of the federal customs administrations on foreign trade of the country's constituent entities, we calculate the index of identified comparative advantages. Through the assessment of the index values and the contribution of goods to the total volume of exports of the regions, we determine the goods of the export specialization of Northwestern Federal District regions and reveal the main specialization of the district. Among the goods characterized by a small contribution to the total volume of exports of the regions, the search for promising micro-specializations is carried out in two ways. As part of the first method, among the goods exported by Northwestern Federal District regions, we highlight those in whose supplies Russia occupies a leading position in the world. The second way is to assess the markets of developing countries. Scientific novelty of the research lies in the definition of goods of export specialization of Northwestern Federal District regions using the tools of the concept of economic complexity. Information base of the study includes data from federal customs administrations, the financial company MSCI, foreign databases Trade Map and The Observatory of Economic Complexity, as well as Russian and foreign research in the field of industry specializations. The results of the study can be used by regional authorities in the development of strategic documents, to substantiate economic policy in the search for promising economic specializations and market niches.

Key words: export specialization, specialization industries, economic complexity, micro-specializations, Northwestern Federal District.

Information about the Authors

Inna R. Cheplinskite – Research Engineer, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: inna.cheplinskite@mail.ru)

Evgenii V. Lukin – Candidate of Sciences (Economics), head of center, Leading Researcher, Center for Structural Research and Territorial Development Forecasting, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Статья поступила 04.03.2024.

DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.5

УДК 332.12, ББК 65.9(2Рос)-98

© Беркович М.И., Закревская (Хахина) Е.С.

Экспортная деятельность регионов как объект государственной поддержки

**Маргарита Израйлевна
БЕРКОВИЧ**

Костромской государственный университет
Кострома, Российская Федерация
e-mail: m_berkovich@ksu.edu.ru
ORCID: 0000-0003-3330-6009

**Екатерина Сергеевна
ЗАКРЕВСКАЯ (Хахина)**

Костромской государственный университет
Кострома, Российская Федерация
e-mail: ryakovlev@inbox.ru
ORCID: 0009-0005-9587-5436

Аннотация. В статье выявлены формы изменения системы государственной поддержки экспортной деятельности на мезо-экономическом уровне, как общие (субъектный состав участников внешнеторговых отношений, порядок их государственного регулирования и развития), так и специфические (методы поддержки предприятий-экспортеров, способы оценки реализации данных методов). Систематизированы меры государственной поддержки экспорта по функциональному назначению, структурированные в многоуровневую схему, определены узкие места в ее реализации. Сформирован авторский подход к оценке институционально-организационного обеспечения внешнеторговой деятельности регионов. Предложен метод расчета оценки нормативного правового обеспечения этой деятельности, основанный на установлении критериев

Для цитирования: Беркович М.И., Закревская (Хахина) Е.С. (2024). Экспортная деятельность регионов как объект государственной поддержки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 96–112. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.5

For citation: Berkovich M.I., Zakrevskaya (Khakhina) E.S. (2024). Regions' export activity as an object of state support. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(2), 96–112. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.5

эффективности форм развития экспортной деятельности регионов. Осуществлена сравнительная оценка каждой формы поддержки, что позволило выделить ключевые направления формирования нормативного правового обеспечения внешнеэкономической деятельности, оказывающие значимое влияние на экспортную деятельность в регионах России. Применение предлагаемого метода управления системой государственной поддержки экспорта поможет смягчить наиболее острые проблемы в сфере международного сотрудничества и внешнеторговых отношений. Представленная система обеспечит создание условий для развития экспортоориентированных отраслей и предприятий, большую доступность финансовых ресурсов для организаций всех уровней, увеличение объемов экспорта путем формирования новых механизмов их поддержки. Реализация предлагаемых мероприятий позволит стимулировать производство товаров в целом, что будет способствовать увеличению добавленной стоимости региональной экономики, росту налогооблагаемой базы, наращиванию внешнеторгового оборота, увеличению количества рабочих мест и создаст наиболее благоприятные условия для развития экспортной деятельности субъектов Федерации.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, нормативное правовое обеспечение, региональный экспортный центр, государственная поддержка экспорта, региональная экономика, институционально-организационные аспекты.

Введение

Внешнеторговая деятельность как важная составная часть вовлеченности страны в международные экономические отношения оказывает заметное воздействие на ее социально-экономическое развитие. При этом особое внимание следует уделить трансформации мер поддержки экспортной деятельности в кардинально изменившихся геополитических условиях во всех звеньях социально-экономической системы как неотъемлемой части политики импортозамещения.

Изучение этапов развития международных экономических отношений позволило установить, что в период до начала проведения специальной военной операции была сформирована мощная многоуровневая система поддержки развития экспортной деятельности, включающая в себя вхождение России во Всемирную торговую организацию, развитие крупных индустриальных парков в регионах, создание новых интегрированных форм международных экономических отношений и многое другое.

Разрыв многолетних внешнеэкономических связей, беспрецедентное санкционное давление стали триггером перестройки экономических отношений в стране, в том числе экспортной деятельности. Существенное изменение конъюнктуры внешнеторгового рынка, постоянно растущая важность создания и расширения

экспортного потенциала потребовали реализации системы мер его поддержки на макро- и мезоэкономическом уровнях, в связи с чем изучение и систематизация самих мер, их институционального и организационного обеспечения приобретают особую актуальность. Выстроенная адекватная оценка институционально-функциональной инфраструктуры государственной поддержки экспортной деятельности, ее состояния и разработка мер финансовой и организационной поддержки позволят оптимизировать эти важные процессы.

В рамках исследования под институционально-организационными аспектами понимается совокупность инструментов развития экспорта, включающая нормативно-правовое обеспечение стимулирования внешнеторговых отношений, институты поддержки экспорта, а также порядок функционирования и оценки эффективности их деятельности.

В связи со стремительностью происходящих перемен важные теоретические и практические вопросы, относящиеся к методам поддержки экспортной деятельности и адекватной оценки эффективности их реализации на региональном уровне, пока остались за рамками исследований отечественных экономистов. Прежде всего речь идет об уточнении субъектов экспортных отношений, в качестве которых выступают органы исполнительной власти и специализированные

подведомственные учреждения, предприятия-экспортеры, кредитные, лизинговые, консалтинговые и страховые организации, являющиеся элементами системы поддержки экспортной деятельности.

В прикладном аспекте следует выделить ряд взаимосвязанных обстоятельств, негативно воздействующих на внешнеторговые отношения на региональном уровне:

- отсутствие нормативно-правовых актов регионального значения, регламентирующих систему государственной поддержки экспортной деятельности;

- отсутствие достаточных полномочий у субъектов для заключения юридически значимых документов международного взаимодействия (при том что выбор потенциальных партнеров осуществляется с учетом коридора возможностей, сформированного на уровне федерального центра);

- слабое развитие региональной институциональной инфраструктуры государственной поддержки экспортной деятельности, сильная зависимость от федерального центра;

- отсутствие прозрачной системы государственного финансирования регионов в целях оказания содействия развитию экспортной деятельности с учетом обоснованных показателей ее эффективности;

- отсутствие экономических механизмов для обеспечения устойчивой финансовой базы развития экспорта исходя из имеющихся внутренних ресурсов (сочетание нескольких финансовых источников, субсидирование различных категорий экспортеров);

- острая потребность в выстраивании отношений с территориальными делениями новых иностранных партнеров, формировании новых логистических цепочек, поиске альтернативных рынков сбыта, необходимости усиления работы на внутреннем рынке, в том числе переориентация на сферу государственных закупок, изменение структуры регионального внешнеторгового оборота.

Однако, несмотря на то что субъекты Российской Федерации не имеют достаточных полномочий и ресурсов для заключения юридически значимых документов международного взаимодействия и внедрения собственных мер

поддержки экспорта, наблюдается активизация попыток наладить двусторонние отношения с новыми участниками рынка, в том числе в рамках международных мероприятий.

Все вышесказанное актуализирует необходимость анализа системы государственной поддержки экспортной деятельности в контексте повышения ее эффективности на региональном уровне, что и составляет цель исследования.

Обзор научной литературы по теме исследования

Экономические исследования, посвященные международному сотрудничеству на уровне регионов России, проводятся гораздо реже в сравнении с научными изысканиями макроэкономического уровня, поскольку роль субъектов во внешнеэкономической деятельности ограничена ресурсами и полномочиями. В связи с этим в концептуальных нормативных правовых документах, отражающих социально-экономическую стратегию развития регионов, внешнеэкономическая деятельность не является приоритетом. Гораздо больше внимания уделяется формированию новых рынков сбыта, перспективам использования параллельного импорта и влиянию санкционного давления на внешнеэкономическую деятельность. (Азиева, 2023, Бабанов и др., 2023, Гасиловский и др., 2022, Городнова, Домников, 2022, Кулаговская и др., 2022, Куликова и др., 2023).

В частности, в статье А.Е. Гасиловского основное внимание уделяется проблемам, связанным с развитием в Российской Федерации нестабильной экономической и политической ситуации в рамках рассматриваемого временного промежутка, повлекших за собой сдвиги в структуре внешнеторгового оборота страны. Автором сделан вывод об основных направлениях экспорта и импорта товаров в страну, крупнейших торговых партнерах Российской Федерации на международной арене, а также сформулированы современные тенденции развития внешнеэкономического сектора в стране, на основании которых рассмотрены возможные перспективы и проблемы развития внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации.

В то же время в трудах ряда ученых отражено влияние государственной поддержки на экс-

порт. Например, оценка влияния программы содействия экспорту FAMEX в Тунисе на результаты деятельности фирм-бенефициаров представлена О. Кадотом и соавторами. В рамках исследования авторы предположили, что бенефициары изначально показывают более быстрый рост экспорта и большую диверсификацию между целевыми рынками и продуктами. Однако через три года после оказания поддержки темпы роста и уровень экспорта бенефициаров существенно не отличаются от темпов роста компаний-небенефициаров (Cadot et al., 2015). В работах других зарубежных авторов также подробно изучены вопросы государственной поддержки экспортной деятельности, прежде всего в странах со свободной рыночной экономикой (Kovner et al., 2020; Leonidou et al., 2007; Malca et al., 2019). При этом ряд ученых сконцентрированы на разработке модели прямого и косвенного влияния государственной поддержки экспорта на показатели предприятий (Shamsuddoha, Yunus, 2006). Анализу внутриотраслевых эффектов международной торговли посвящена работа Марка Дж. Мелитца, в рамках которой показано, как совокупный рост производительности промышленности, вызванный перераспределением средств, способствует повышению благосостояния, тем самым подчеркивая выгоду от международной торговли (Melitz, 2019). Более детально поведение фирм на международных торговых ярмарках изучено в трудах Рольфа Серингхауса (Seringhaus, Rosson, 2001). Ревиндо в своем исследовании пришел к выводу, что малые и средние предприятия в развивающихся странах имеют меньше возможностей участвовать в экспортных рынках, чем их более крупные коллеги, несмотря на различные положения о помощи экспорту со стороны их правительств (Revindo et al., 2019).

В работе Т. Вилкинсона отражен международный взгляд на малые и средние предприятия, основанный на ресурсах, путем изучения эффективности набора услуг по продвижению экспорта. В частности, исследовано влияние государственной поддержки экспорта в США на выход малых и средних предприятий на международные рынки. Выдвинута и доказана гипотеза о том, что использование торговых

выставок и программ по формированию сети дистрибьюторов положительно влияет на удовлетворенность малых и средних предприятий результатами экспорта (Wilkinson, Brouthers, 2006).

В исследовании Т.Р. Урумова проанализированы институты государственной поддержки в отношении экспорта продукции организаций среднего и малого бизнеса в США и Индии. Выявлено, что в США основным инструментом поддержки являются экспортные кредиты и гарантии, в то время как в Индии упор делается на продвижение продукции на мировые рынки (Урумов, 2017).

Результаты исследования Е. Катанзаро свидетельствуют, что финансовая поддержка эффективна для деятельности фирмы только с точки зрения количества иностранных рынков, но не с точки зрения экономических показателей (Catanzaro et al., 2018).

Вместе с тем оценка эффективности российской системы государственных мер поддержки экспорта и ее организационно-институционального обеспечения остается за рамками исследований отечественных экономистов. В работах ученых больше внимания уделяется финансовой составляющей системы поддержки внешнеторговой деятельности. Так, в статье А.Ю. Кнобеля, А. Лощенковой представлена эконометрическая оценка влияния расходов на поддержку экспорта в рамках региональных программ развития предпринимательства на объемы регионального экспорта и определены приоритетные регионы с точки зрения объемов финансирования поддержки экспорта. Авторы пришли к выводу, что региональная поддержка экспорта, осуществляемая в РФ в рамках программ по поддержке малого и среднего предпринимательства, оказывает стимулирующее влияние на объемы регионального экспорта только в краткосрочном периоде. Отдельное внимание следует уделить позиции авторов относительно эффективности работы центров поддержки экспорта, согласно которой работа центров содействия экспорту в регионах неэффективна, прежде всего из-за низкой компетенции их сотрудников в вопросах поддержки экспорта (Кнобель, Лощенкова, 2018, Кузнецов, Кнобель, 2017).

В других работах, посвященных анализу эффективности мер поддержки экспорта в России, исследователи в основном концентрируются на изучении эффективности финансовых мер поддержки. Например, в статье Е.С. Соколовой и соавторов рассматриваются вопросы, связанные с развитием системы господдержки экспорта российских товаров. Установлено, что на эффективность мер поддержки оказывают влияние особенности российского частного бизнеса. Авторы констатируют, что в последние годы в целом по России отмечена положительная динамика роста расходов на поддержку экспорта, однако объем ресурсов, выделяемых на эти цели, существенно ниже, чем в ряде других развивающихся стран. Имеет место и некая территориальная ограниченность поддержки компаний-экспортеров: большая часть выделяемых средств приходится на компании-экспортеры, расположенные в Центральном федеральном округе (Соколова и др., 2019).

Методика исследования

В статье предлагается авторский подход к оценке и совершенствованию системы государственной поддержки экспортной деятельности, состоящий из трех основных этапов и определяющий задачи исследования.

1. Анализ институциональной и инфраструктурной системы поддержки экспорта и ее функционала — выделение, структурирование и систематизация институционально-функциональной структуры поддержки российских экспортеров на макро- и мезоэкономическом уровнях. На этом этапе исследуются ключевые направления поддержки экспортной деятельности в России; выделяются субъекты государственной поддержки экспорта и определяется их правовой статус; происходит систематизация функциональной структуры поддержки российских экспортеров; выявляется инструментарий реализации государственной политики, связанной с поддержкой экспортной деятельности на мезоэкономическом уровне; осуществляется систематизация мер государственной поддержки экспорта по функциональному назначению и структурирование их в многоуровневую схему; определяются узкие места в реализации мер государственной поддержки экспортной деятельности.

2. Анализ существующих методов для оценки эффективности инфраструктуры поддержки экспорта на региональном уровне — изучение системы и процесса оценки эффективности реализации мер государственной поддержки экспортной деятельности, анализ существующей методики определения результата работы региональных экспортных центров как ключевых инфраструктурных звеньев системы государственной поддержки внешнеторговой деятельности на уровне субъектов РФ. На этом этапе исследуются направления работы по развитию экспортного потенциала в рамках реализации национального проекта «Международная кооперация и экспорт»; систематизация мер поддержки экспорта в рамках Регионального экспортного стандарта 2.0 (РЭС), исследование методов оценки их выполнения; определяются узкие места в методах оценки реализации мер государственной поддержки экспортной деятельности; рассматривается нормативно-правовая база по определению совокупного результата работы региональных экспортных центров; определяются узкие места в методах оценки эффективности работы региональных экспортных центров.

3. Оценка нормативного правового обеспечения внешнеэкономической деятельности в целях выработки наиболее перспективных направлений его развития, проведенная в баллах (с использованием весовых коэффициентов), на основе метода экспертных оценок.

Результаты исследования

Исследование нормативной правовой базы развития экспортной деятельности показало, что основным ее институциональным инструментом на федеральном уровне является национальный проект «Международная кооперация и экспорт», разработанный Минпромторгом России во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и включающий в себя пять федеральных проектов: «Промышленный экспорт», «Экспорт продукции АПК», «Логистика международной торговли», «Экспорт услуг» и «Системные меры развития международной кооперации и экспорта» (табл. 1).

Таблица 1. Структура национального проекта «Международная кооперация и экспорт»

№	Наименование федерального проекта	Объем финансирования, млрд рублей	Ожидаемый результат
1	Промышленный экспорт	420	Объем экспорта промышленных услуг 205 млрд долл.
2	Экспорт продукции АПК	350	Объем экспорта продукции АПК 45 млрд долл.
3	Системные меры развития международной кооперации и экспорта	158	Количество компаний экспортеров, охваченных мерами поддержки экспорта, 12.000; Объем поддержанного экспорта за счет инструментов РЭЦ 25 млрд долл.
4	Логистика международной торговли	22	Строительство и модернизация 24 пунктов пропуска
5	Экспорт услуг	6	Объем экспорта услуг 100 млрд долл.

Источник: составлено авторами по данным НП «Международная кооперация и экспорт».

Из таблицы 1 видно, что самой высокой бюджетной эффективностью обладает федеральный проект «Экспорт услуг», т. к. на каждый вложенный рубль объем экспорта составит 17 долл., самой низкой – «Экспорт продукции АПК», где ожидаемый эффект составляет 13 центов на каждый вложенный рубль, что связано с низкой рентабельностью продукции сельского хозяйства.

Что касается инфраструктурных инструментов содействия развитию экспортной деятельности, то они определены нормативными документами, прежде всего федеральным законом от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (Закон № 164-ФЗ) и рядом подзаконных актов Правительства РФ. Данные нормативные акты детализируют и конкретизируют каждый способ поддержки с привязкой к институтам поддержки экспорта, включающим четыре института на макроэкономическом уровне.

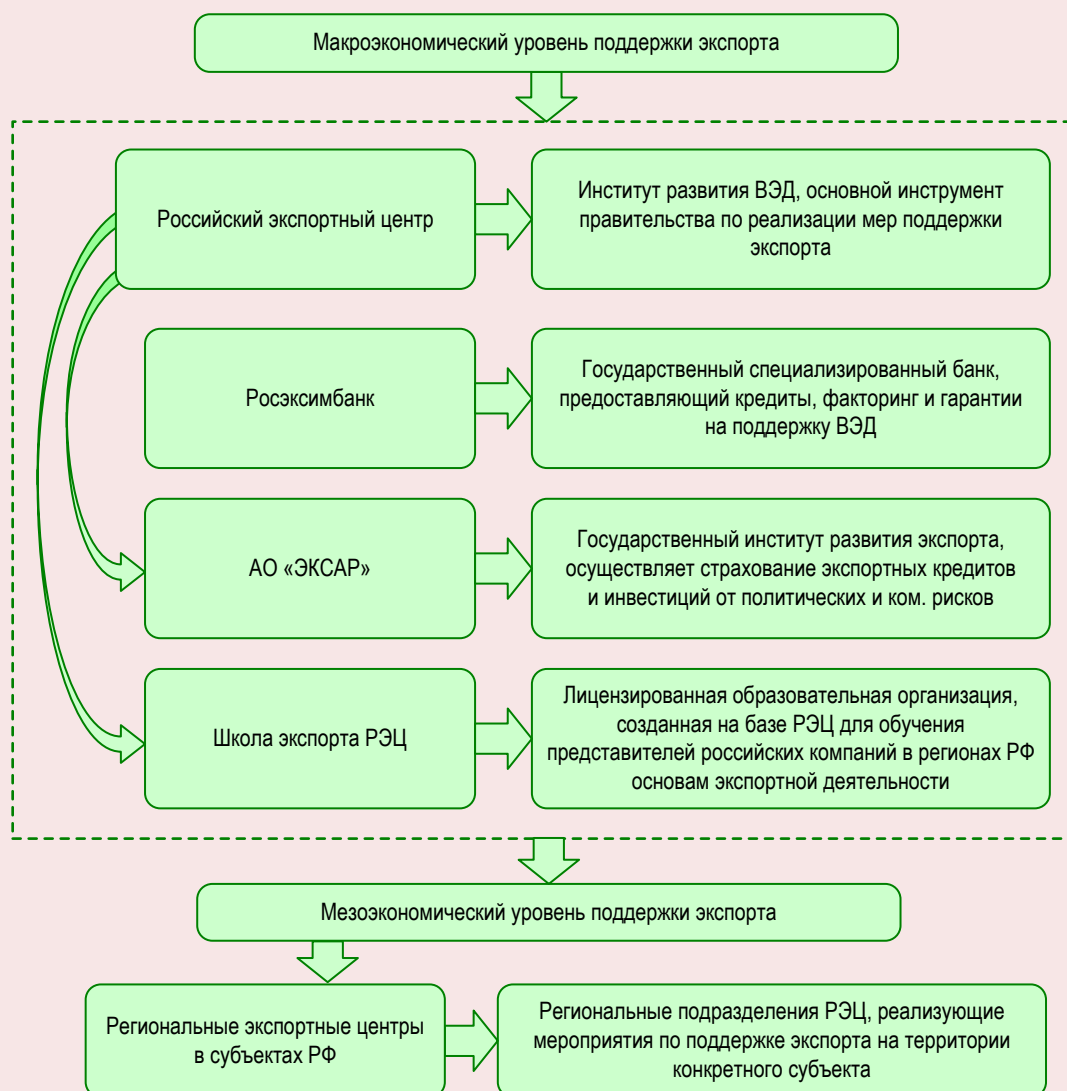
Следует отметить, что, несмотря на двадцатилетний период существования Закона № 164-ФЗ, указанная нормативная правовая база начиная с марта 2022 года подверглась очень серьезным доработкам в части формирования ее инфраструктурной составляющей. В частности, были конкретизированы функции и полномочия институтов поддержки развития экспорта (Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций, государственный специализированный Российский экспортно-импортный банк). В декабре 2022 года в целях оказания господдержки закреплено понятие несырьевого неэнергетического

экспорта, при этом перечень кодов продукции, подпадающей под несырьевой неэнергетический экспорт, определяет Правительство РФ. Триггером начала фактической реализации нормативно-правовой базы по содействию развитию экспортной деятельности стали санкционная политика недружественных стран и необходимость принятия ответных мер Правительством России.

Анализ существующей системы реализации государственной политики в области поддержки экспортной деятельности, инструментов реализации данной политики на мезоэкономическом уровне позволил структурировать данную систему по функциональному назначению и по уровням поддержки экспорта (рисунки). Так, согласно статье 46.1 Закона № 164-ФЗ функции по осуществлению финансовой, страховой, гарантийной и иной поддержки экспорта и импорта реализуются следующими институтами поддержки экспорта:

- акционерное общество «Российский экспортный центр»;
- акционерное общество «Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций»;
- государственный специализированный Российский экспортно-импортный банк (акционерное общество);
- дочерние хозяйственные общества вышестоящих институтов в соответствии с настоящим Федеральным законом, актами Правительства Российской Федерации, решениями уполномоченных органов управления этих организаций.

Многоуровневая схема операторов поддержки экспорта

Источник: составлено авторами на основании Закона № 164-ФЗ.

Из рисунка видно, что ключевая роль в институциональной инфраструктуре поддержки экспортеров, оказывающей комплексное содействие, отведена АО «Российский экспортный центр» – государственному институту поддержки несырьевого экспорта, консолидирующему группу компаний, предоставляющих российским экспортерам широкий спектр финансовых и нефинансовых мер поддержки, что подтверждается нормативным правовым обеспечением.

В то же время мезоэкономический уровень поддержки экспорта представлен единственной

организацией – Региональным экспортным центром, который находится под управлением федерального центра, что ограничивает возможности экспортеров по финансированию (либо обеспечению) сделок, поскольку не предусматривает альтернативы реализации экспортных программ, например, через региональные банки. Так, согласно годовому отчету Центрального банка России, ключевым направлением деятельности является расширение корреспондентской сети российских банков в рамках внешнеторговых отношений, при этом большинство российских банков (88%) в 2024

году намерено развивать продукты, связанные с валютными операциями, внешнеэкономической деятельностью и трансграничными переводами. Таким образом, с одной стороны, финансирование внешнеторговой деятельности может стать одним из основных направлений для региональных банков, с другой стороны, для предприятий мезоэкономического уровня будут созданы альтернативные денежные источники.

Другим узким местом существующей системы является недостаточно развитая муниципальная инфраструктура на территории самих регионов, что затрудняет реализацию экспортных проектов предприятий в городах и районах, особенно находящихся в отдалении от областных центров. Так, например, в Костромской области создан один Региональный экспортный центр, не имеющий какого-либо представительства на территории региона, при этом значительная часть субъектов предпринимательства сосредоточена в существенном отдалении от областного центра (ОАО «Галичский автокрановый завод», г. Галич; крупнейший в России производитель древесных плит ООО «Кроностар», г. Шарья; АО «Газпромтрубинвест», г. Волгореченск, и многие другие). Аналогичная ситуация сложилась в других регионах Центрального федерального округа, где самая большая выручка была получена организациями, находящимися вне областного центра (Владимирская область: самая крупная компания по выручке ООО «Мон'дэлис Русь», г. Покров, «Ферреро Руссия, с. Ворша, ООО «Торговый дом «Аскона», г. Ковров; Ивановская область: крупный производитель строительных металлических конструкций ООО «Верхневолжский сервисный металло-центр», с. Ново-Талицы, ООО «Союз Автодор», д. Гулиха, ООО «Эггер древпродукт Шуя»; Ярославская область: ООО «Медведь», г. Данилов, ПАО «Одк-Сатурн», г. Рыбинск). Отсутствие представительств региональных экспортных центров вне областных центров осложняется относительно небольшой штатной численностью сотрудников самих РЭЦ. В частности, в регионах Центрального федерального округа, за исключением Москвы и Московской области, развитием экспорта занимается от трех до шести человек (например, Костромская и Тамбовская области — по три человека, Ивановская, Курская, Брянская области — по четыре

человека), что делает затруднительным применение проактивного подхода в содействии экспансии региональных экспортоориентированных предприятий на зарубежный рынок. Следствием указанных проблем РЭЦ является формирование преимущественно формального подхода в реализации государственной экономической политики в области внешнеторговой деятельности, основанный, в большинстве случаев, на заявительном характере.

Государственная поддержка экспорта на мезоэкономическом уровне, особенно в условиях новой геополитической обстановки, играет ключевую роль в развитии международных экономических отношений и позволяет нивелировать результат санкционного давления. В связи с этим анализ направлений поддержки экспорта и существующих методик оценки ее результата на региональном уровне, а также использование указанных результатов для стимулирования субъектов РФ к реализации программ поддержки экспорта становятся все более актуальными.

Так, национальный проект «Международная кооперация и экспорт» содержит большое количество форм поддержки на федеральном уровне и единственный формальный показатель для регионов — внедрение регионального экспортного стандарта. Это набор из 15 инструментов, внедрение которых позволит регионам реализовывать экспортную стратегию на уровне лучших практик. Данный инструмент систематизирован по трем блокам:

- создание платформы для развития экспорта в субъекте Российской Федерации;
- обеспечение доступа к необходимым мерам поддержки экспортной деятельности в субъекте Российской Федерации;
- создание механизмов продвижения региона на зарубежных рынках и популяризация экспортной деятельности в субъекте Российской Федерации.

Их внедрение позволяет регионам обеспечить развитие экспортной деятельности, а также тиражирование лучших практик внешнеэкономических стратегий на мезоэкономическом уровне. Ключевыми звеньями, посредством которых органы власти субъектов России реализуют меры поддержки в рамках регионального экспортного стандарта, являются региональные экспортные центры.

Изучение регионального экспортного стандарта как основного элемента институционально-организационного обеспечения развития экспортной деятельности позволило систематизировать меры поддержки и сопоставить их с методами оценки их выполнения (табл. 2).

Таблица 2. Меры поддержки экспорта и методы оценки их выполнения

Направление поддержки	Способ реализации направления поддержки	Метод оценки внедрения инструментов РЭС
1. Создание платформы для развития экспорта в субъекте РФ		
1.1. Закрепление развития экспорта, в том числе экспорта услуг в документах стратегического планирования региона	Разработка Стратегии по обеспечению благоприятных условий для развития экспорта товаров, работ и услуг региона до 2030 года в виде отдельного документа или в рамках Стратегии социально-экономического развития субъекта России	Разработка и принятие указанного документа
1.2. Определение органа исполнительной власти субъекта РФ, ответственного за развитие несырьевого экспорта и экспорта услуг	Определение или создание органа исполнительной власти, в компетенции которого входят координация мер поддержки экспорта в регионе и развитие несырьевого экспорта и экспорта услуг	Создание советующего органа, наделение его функциями, закрепление их в соответствующих нормативно-правовых актах
1.3. Формирование и обучение управленческой команды региона	Формирование управленческой команды, определение роли каждого члена команды в развитии экспорта в регионе	В первый год считается внедренным, если управленческая команда сформирована и прошла обучение, во второй и третий год – если по итогам календарного года предоставлен отчет о реализации мероприятий по профессиональному развитию управленческой команды, в четвертый год – если проведено подтверждение квалификации управленческой команды
1.4. Разработка и реализация региональной программы развития экспорта субъекта Российской Федерации	Разработка и утверждение программы развития экспорта региона как комплексного плана развития экспорта региона на период до 2024 года с прогнозом до 2030 года, содержащего ключевые цели, показатели и мероприятия, в которых присутствует экспортная составляющая	В первый год считается внедренным, если разработана и утверждена региональная программа, предусмотрено необходимое финансирование; во второй год и далее – если достигнуты целевые показатели, а мероприятия, предусмотренные в рамках программы, выполнены не менее чем на 80%
1.5. Создание экспортного совета при высшем должностном лице субъекта Российской Федерации	Совет – экспертный совещательный координационный орган, действующий на постоянной основе, в состав которого входят представители исполнительных органов государственной власти, РЭЦ, институтов развития, объектов инфраструктуры поддержки предпринимательства, центра поддержки экспорта региона, общественных организаций и объединений предпринимателей, действующих экспортеров, планирующих осуществлять экспортную деятельность, из различных отраслей	В первый год считается внедренным, если создан Экспортный совет и проведено не менее двух заседаний; во второй год и далее ежегодно – если создан Экспортный совет и проведено не менее четырех заседаний
1.6. Создание и развитие Центра поддержки экспорта	Создание и обеспечение функционирования на регулярной основе центра поддержки экспорта с учетом рекомендаций, разработанных РЭЦ, и требований, утвержденных Минэкономразвития России	Считается внедренным, если в регионе создан центр поддержки экспорта, соответствующий требованиям Минэкономразвития России, утвержденные ключевые показатели эффективности исполнены на 100%
1.7. Обеспечение присутствия региона на зарубежных рынках	Оказание содействия в поиске партнеров, обеспечение возможности проведения переговоров с иностранными контрагентами, продвижение бренда региона, оказание содействия субъектам предпринимательства в открытии собственных представительств за рубежом и создании совместных предприятий на территории другого государства	В первый год считается внедренным, если сформирован план по обеспечению международного присутствия региона в любом из вышеуказанных форматов, во второй год и далее – если обеспечено присутствие в приоритетных странах развития экспорта

Окончание таблицы 2

Направление поддержки	Способ реализации направления поддержки	Метод оценки внедрения инструментов РЭС
1.8. Создание и развитие системы подготовки кадров в сфере внешнеэкономической деятельности на базе высших учебных заведений региона	Формирование Плана мероприятий по развитию системы подготовки кадров в сфере ВЭД, включая туда мероприятия по оценке и прогнозированию потребности в специалистах по ВЭД и расчету плановых показателей по подготовке кадров на срок до 2030 года на основе изучения потребности действующих экспортеров, а также прогнозов социально-экономического развития региона	В первый год считается внедренным, если в регионе разработан план мероприятий, разработана система направления студентов на целевые программы в другие регионы, во второй год и далее ежегодно – если обучено не менее планового количества человек в год и не менее 30% от числа обученных в год проходят стажировку в РОИВ-координаторе и/или инфраструктуре поддержки экспорта, а также на региональных предприятиях-экспортерах
1.9. Формирование и анализ базы экспортеров и базы потенциальных экспортеров в регионе, проведение экспортного аудита	Проведение системной работы по формированию базы экспортеров, а также потенциальных экспортеров, определению их готовности к выходу на экспорт, выявлению потребностей в поддержке и барьеров для роста	Считается внедренным, если сформирована база экспортеров, проведен анализ потребностей и барьеров, результаты анализа переданы в профильный федеральный орган исполнительной власти
2. Обеспечение доступа к необходимым мерам поддержки экспортной деятельности в субъекте Российской Федерации		
2.1. Организация обучения экспортно-ориентированных субъектов предпринимательства основам экспортной деятельности	Проведение информационно-образовательных мероприятий по вопросам экспортной деятельности, включая информацию о существующих мерах государственной поддержки, создание образовательной площадки	Считается внедренным, если в регионе проводятся образовательные и/или информационно-консультационные мероприятия
2.2. Организация комплекса мероприятий по расширению деловых связей предпринимателей с потенциальными зарубежными контрагентами	Разработка и утверждение Экспортным советом плана международных мероприятий, включающего в себя международные бизнес-миссии и обеспечение участия бизнес-делегаций в визитах руководства региона за рубеж, привлечение иностранных покупателей	Считается внедренным, если на заседании Экспортного совета утвержден план мероприятий, и реализация плана в регионе в отчетном году составила не менее 80%
2.3. Развитие экспортной деятельности через каналы электронной торговли	Проведение ежегодных мероприятий, направленных на продвижение информации о преимуществах электронной торговли, отбор перспективных компаний для выхода на международные электронные торговые площадки	Определяется системой онлайн-мониторинга внедрения Регионального экспортного стандарта (100%)
2.4. Реализация акселерационных программ и других комплексных инструментов развития экспорта	Разработка плана и индивидуальной дорожной карты выхода на внешние рынки, бизнес-плана по повышению объемов экспортной выручки, сопровождение и предоставление мер поддержки	Определяется системой онлайн-мониторинга внедрения Регионального экспортного стандарта (100% ежегодно)
3. Механизмы продвижения региона на зарубежных рынках и популяризация экспортной деятельности в субъекте Российской Федерации		
3.1. Создание и развитие механизмов популяризации экспортной деятельности среди экономически активного населения	Проведение масштабной кампании по популяризации экспортной деятельности среди экономически активного населения, проведение конкурса «Экспортер года» с авансированием или компенсацией затрат победителей номинаций конкурса на участие в акселерационных программах	Считается внедренным, если мероприятия по популяризации экспорта среди экономически активного населения проводятся на ежегодной основе, создан специализированный раздел на интернет-ресурсе, проводится конкурс «Экспортер года»
3.2. Создание и развитие механизмов продвижения продукции региональных компаний за рубежом	Обеспечение презентаций региональных товаров/услуг в торговых представительствах РФ за рубежом, трансляция информации о региональных товарах на зарубежных каналах, оказание содействия региональным компаниям во встраивании в производственные цепочки крупных международных компаний	Инструмент считается внедренным, если мероприятия, направленные на продвижение товаров (услуг) региона на зарубежных рынках, проводятся на ежегодной основе
Источник: составлено авторами на основе Регионального экспортного стандарта 2.0.		

Кроме названных унифицированных мер поддержки внешнеэкономической деятельности, региональный экспортный стандарт предусматривает дополнительные мероприятия по обеспечению благоприятных условий для развития экспортной деятельности в субъекте Российской Федерации в части разработки и внедрения инициативных инструментов по обеспечению благоприятных условий для развития экспортной деятельности.

Однако методы оценки выполнения Регионального экспортного стандарта, представленные в таблице 2, в части методов фиксации внедрения инструментов РЭС указывают на то, что оценка внедрения осуществляется по исключительно по формальному признаку (наличие документа, органа, проведение мероприятия и т. д.) без учета эффективности мероприятий и значимости каждого конкретного инструмента для развития несырьевого экспорта на мезоэкономическом уровне. Подробный подход нивелирует возможность рационального использования ограниченных финансовых и организационных ресурсов при учете достижения высокого уровня бюджетного эффекта. В связи с этим возникает необходимость сформировать комплекс методов управления системой государственной поддержки экспортной деятельности на мезоэкономическом уровне.

Поскольку внедрение Регионального экспортного стандарта 2.0 является целевым показателем национального проекта «Международная кооперация и экспорт», который декомпозирован для всех субъектов и включен в региональные проекты, входящие в состав федерального проекта, то обоснован научный интерес к системе и процессу оценки его внедрения в регионах России.

В рамках экспортного стандарта во всех российских регионах разрабатывается собственная нормативная правовая база разного наполнения, которая регулирует осуществление внешнеэкономической деятельности. Анализ ее наличия и эффективности проведен далее на примере 18 регионов ЦФО.

Нормативные правовые акты и иные документы регионов структурированы по аналогии с Региональным экспортным стандартом по трем основным направлениям:

- обеспечение базы для развития экспорта в субъекте Российской Федерации;
- реализация необходимых мер поддержки экспортной деятельности в субъекте Российской Федерации;
- продвижение бренда региона на зарубежных рынках и популяризация экспортной деятельности в субъекте РФ.

Оценка нормативного правового обеспечения внешнеэкономической деятельности в целях выработки наиболее перспективных направлений развития нормативно-правовой базы экспортной деятельности проведена в баллах (с использованием весовых коэффициентов) на основе метода экспертных оценок. В качестве экспертов привлечены ведущие специалисты органов исполнительной власти региона, занимающиеся разработкой внешнеэкономической политики, а также руководители действующих экспортно-ориентированных предприятий, представители научного сообщества (кандидаты и доктора экономических наук).

Так, восьми экспертам было предложено оценить 10 инструментов институционального обеспечения развития экспортной деятельности по степени их влияния на внешнеторговый потенциал региона путем проставления рейтингов, распределив данные инструменты по местам от большего к меньшему.

Обобщенные экспертные оценки на основании коэффициента весомости показывают, что наиболее значимыми формами нормативного правового обеспечения экспортной деятельности являются следующие:

- постановление/распоряжение, утверждающее план по оказанию содействия в поиске партнеров, обеспечение возможности проведения переговоров с иностранными контрагентами, продвижение бренда региона, оказание содействия субъектам предпринимательства в открытии собственных представительств за рубежом и создании совместных предприятий на территории другого государства (0,186);
- разработка и утверждение программы развития экспорта региона как комплексного плана развития экспорта субъекта Российской Федерации на период до 2024 года с прогнозом до 2030 года, включающий ключевые цели,

показатели и мероприятия субъекта Российской Федерации, в которых присутствует экспортная составляющая (0,175);

- разработка и утверждение Экспортным советом плана международных мероприятий субъекта Российской Федерации, включающего в себя международные бизнес-миссии (0,167);

- правовые инструменты, регламентирующие создание и развитие механизмов популяризации экспортной деятельности среди экономически активного населения и молодежи субъекта Российской Федерации (0,119);

- наличие нормативного правового документа, предусматривающего проведение системной работы по формированию базы экспортеров товаров и услуг (0,114);

- разработка Стратегии по обеспечению благоприятных условий для развития экспорта товаров, работ и услуг региона до 2030 года в виде отдельного документа или в рамках Стратегии социально-экономического развития субъекта России (0,1).

Вместе с тем наименее значимыми формами нормативного правового обеспечения экспортной деятельности являются:

- наличие документа, регламентирующего деятельность органа исполнительной власти субъекта РФ, ответственного за развитие экспорта (0,069);

- разработка Плана мероприятий по профессиональному развитию управленческой команды (0,036);

- утверждение Положения об Экспортном совете при высшем должностном лице субъекта Российской Федерации (0,022);

- наличие Плана мероприятий по развитию системы подготовки кадров в сфере внешнеэкономической деятельности (0,011).

В рамках исследования рассчитан коэффициент конкордации $W = 0,909$, что свидетельствует о наличии высокой степени согласованности мнений экспертов.

В соответствии с предлагаемым методом рейтинг институционального обеспечения региона будет складываться исходя из суммы коэффициентов весомости рангов соответствующих методов развития экспортной деятельности, апробированных на примере регионов ЦФО.

Выбор регионов ЦФО для апробации авторского метода обусловлен особенностью территориального деления страны на федеральные округа, а также самой высокой долей экспорта продукции центральной России в итоговых показателях внешнеторговой деятельности (50,9% в общем объеме экспорта и 63,2% в общем объеме импорта).

Результаты рейтинговой оценки показали, что институциональное обеспечение экспортной деятельности наиболее развито в Курской (0,641), Брянской (0,628) и Белгородской областях (0,530). Это подтверждается реальными достижениями.

Так, согласно Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2030 года развитие экспорта выделено в качестве приоритетного направления развития региона и включает в себя большинство инструментов содействия действующим и потенциальным экспортерам в рамках основных направлений: организационно-коммуникационного, образовательного, информационно-консультационного. В Курской области реализуются региональные проекты национального проекта «Международная кооперация и экспорт»: «Развитие экспорта продукции АПК Курской области», «Экспорт услуг», «Системные меры развития международной кооперации и экспорта»; а также региональный проект «Развитие экспорта медицинских услуг в Курской области» как составляющая национального проекта «Здравоохранение». Вместе с тем в регионе в 2023 году представителями малого и среднего бизнеса заключено 67 экспортных контрактов на общую сумму 8 млн долларов при содействии Центра поддержки экспорта.

В Брянской области утверждены и реализуются Экспортная стратегия Брянской области до 2030 года и региональная программа развития экспорта Брянской области до 2024 года, в рамках которых предусмотрены институциональные инструменты, обеспечивающие расширение географии и структуры несырьевого неэнергетического экспорта Брянской области, увеличение количества компаний-экспортеров и объема экспортной продукции. Также разработан План мероприятий по развитию системы подготовки кадров в сфере внешнеэкономической деятельности в Брянской области. При со-

действии Центра поддержки экспорта подписано 34 международных контракта. На поддержку экспортных предприятий направлено более 37 миллионов рублей.

В Белгородской области утверждена Программа развития экспортного потенциала Белгородской области на 2021–2024 годы, предусматривающая комплекс мер нормативного характера, включая создание Экспортного совета, ведение реестра экспортеров, дорожные карты по выводу продукции предприятий региона на внешние рынки. В 2023 году Центр поддержки экспорта Белгородской области оказал поддержку 482 субъектам малого и среднего предпринимательства. Заключено 43 экспортных контракта, 9 из них – компаниями, которые ранее не осуществляли экспортную деятельность. Объём поддержанного экспорта за 2023 год составил более 15,7 млн долларов.

В то же время существующий подход к оценке эффективности результатов деятельности центров поддержки экспорта носит в значительной степени формальный характер, что проявляется в прямой зависимости итогового рейтинга центра поддержки экспорта в регионе от плановых показателей его деятельности, то есть соотношения плановых и фактических показателей, вне зависимости от реальной эффективности мер государственной поддержки, реализуемых посредством данного институционального субъекта.

По итогам 2022 года в топ-10 регионов эффективности деятельности центра поддержки экспорта вошли Московская область (без изменений по сравнению с прошлым годом), Омская область (+1 позиция по сравнению с 2021 годом), Смоленская область (+10 позиций), Калужская область (+3 позиции); далее следуют Республика Башкортостан (-3 позиции), Краснодарский край (+20 позиций), Свердловская область (-2 позиции), Самарская область (без изменений), Ивановская область (+5 позиций), замыкает десятку Рязанская область (+6 позиций).

Анализ итогов работы региональных центров поддержки экспорта за I квартал 2023 года показал, что более 6,7 тыс. предприятий малого и среднего бизнеса получили услуги центров, а 765 компаний заключили экспортные контрак-

ты на общую сумму в 211 млн долл. США на поставку продукции в 66 стран мира.

Подобная тенденция свидетельствует о том, что, несмотря на сложившуюся политическую ситуацию, бизнес весьма активно адаптируется к новым условиям работы на международных рынках, а центры поддержки экспорта играют в этом значительную роль.

Институционально-функциональный анализ показал определенную бессистемность реализации государственной политики в области поддержки внешнеторговых отношений, наличие большого количества узких мест ее реализации на мезоэкономическом уровне и отсутствие ее ориентации на реальный результат, а именно рост внешнеторгового оборота каждого конкретного субъекта РФ.

В качестве метода выявления взаимосвязи эффективности работы региональных экспортных центров и внедрения регионального экспортного стандарта выбран корреляционный анализ количественных признаков с установлением тесноты связи между данными показателями.

В качестве показателя использован выборочный коэффициент корреляции, который рассчитывается по формуле:

$$r = (\overline{xy} - \bar{x} \times \bar{y}) / S_x \times S_y,$$

где:

x – ранг по эффективности РЭЦ;

y – ранг по внедрению регионального экспортного стандарта;

S_x, S_y – средние квадратические отклонения x, y .

Исследуемая совокупность обусловлена лидирующими позициями десяти регионов по показателю эффективности деятельности региональных экспортных центров и наличием сопоставимой информации по данным регионам по показателю внедрения регионального экспортного стандарта ($n = 10$; табл. 3). Для оценки тесноты (силы) корреляционной связи обычно используют общепринятые критерии, согласно которым абсолютные значения $rxu < 0,3$ свидетельствуют о слабой связи, значения rxu от 0,3 до 0,7 – о связи средней тесноты, значения $rxu > 0,7$ – о сильной связи.

Таблица 3. Оценка взаимосвязи внедрения регионального экспортного стандарта и эффективности регионального экспортного центра

Наименование субъекта	Ранг по эффективности РЭЦ	Ранг по внедрению регионального экспортного стандарта
Московская область	1	62
Омская область	2	1
Смоленская область	3	43
Калужская область	4	8
Республика Башкортостан	5	4
Краснодарский край	6	9
Свердловская область	7	3
Самарская область	8	49
Ивановская область	9	25
Рязанская область	10	5

Источник: составлено авторами по данным РЭЦ.

Полученный на основе данных таблицы 3 коэффициент Пирсона $-0,265$ свидетельствует о наличии слабой обратной взаимосвязи между эффективностью работы региональных экспортных центров и внедрением регионального экспортного стандарта на территории региона. То есть эффективность деятельности региональных экспортных центров, оцениваемая исходя из плановых показателей, недостаточно отражает реальную эффективность государственной поддержки экспорта, что вызывает необходимость реформирования комплекса методов управления системой государственной поддержки экспортной деятельности на мезоэкономическом уровне. Перспективным направлением представляется разработка метода распределения субсидий на развитие системы государственной поддержки экспортной деятельности между регионами, основанного на оценке уровня состояния и потенциала развития внешнеторговых отношений в них, с учетом эффективности предоставленной поддержки экспорта, объема экспорта предприятий региона, объема поддержанного экспорта и ряда других критериев.

Заключение

В результате исследования институционального обеспечения развития экспортной деятельности в стране и регионах сформулированы несколько обобщающих положений:

- актуализирована необходимость трансформации институционального и организационного обеспечения мер государственной поддержки экспортной деятельности;

- отмечены формальный подход к оценке выполнения Регионального экспортного стандарта, необъективный метод расчета эффективности результатов деятельности центров поддержки экспорта, определенная бессистемность инструментов государственной политики развития экспорта в условиях жесткой ограниченности финансовых и организационных ресурсов, необходимость реформирования комплекса методов управления системой государственной поддержки экспортной деятельности на мезоэкономическом уровне в части применения таргетированного подхода и учета бюджетной эффективности;

- выявлены общие (субъектный состав участников внешнеторговых отношений, порядок их государственного регулирования и развития) и специфические (методы поддержки предприятий-экспортеров, способы оценки реализации данных методов на мезоэкономическом уровне) формы управления системой государственной поддержки экспортной деятельности на основе анализа существующих механизмов развития международных отношений; система мер государственной поддержки экспорта структурирована по их функциональному назначению в многоуровневую схему, определены узкие места в ее реализации;

- разработан метод управления системой государственной поддержки экспортной деятельности в регионе, в его рамках предложен способ комплексной оценки институционально-организационного обеспечения развития экспортной деятельности в регионе, особенность

которого состоит в учете и ранжировании десяти разнообразных форм поддержки внешнеэкономической деятельности;

— установлена слабая обратная корреляция между эффективностью работы региональных экспортных центров и внедрением регионального экспортного стандарта на территории региона, что свидетельствует об отсутствии взаимосвязи между институциональными и организационными инструментами развития экспорта на мезоэкономическом уровне;

— обоснованы необходимость и актуальность разработки метода распределения суб-

сидий на развитие системы государственной поддержки экспортной деятельности между регионами, основанного на оценке уровня состояния и потенциала развития внешне-торговых отношений в них, с учетом эффективности предоставленной поддержки экспорта, объема экспорта предприятий региона, объема поддержанного экспорта и ряда других критериев.

Результаты работы могут быть использованы органами власти субъектов РФ для развития экспортной деятельности и совершенствования форм ее государственной поддержки.

Литература

- Азиева Р.Х. (2023). Перспективы сотрудничества России и Китая в контексте развития топливно-энергетического комплекса // *Прогрессивная экономика*. № 9. С. 49–67.
- Бабанов А.Б., Бохан П.А., Шетов А.А. (2023). Перспективы использования параллельного импорта в Российской Федерации // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. № 1. С. 54–60.
- Гасиловский А.Е., Павлюк В.П., Чикалова А.Е. (2022). Основные тенденции и перспективы развития внешнеэкономической деятельности Российской Федерации // *Фундаментальные исследования*. № 7. С. 30–34.
- Городнова Н.В., Домников А.Ю. (2022). Влияние финансовых санкций на регулирование внешнеэкономической деятельности России // *Экономические отношения*. Т. 12. № 2. С. 215–234.
- Кнобель А.Ю., Лощенкова А. (2018). Оценка эффективности региональной системы поддержки экспорта // *Экономическое развитие России*. Т. 25. № 11. С. 80–85.
- Кузнецов Д., Кнобель А. (2017). Детерминанты выхода на экспортные рынки и поведения российских фирм в международной торговле. М.: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации».
- Кулаговская Т.А., Григорьев Д.С., Левченко В.А., Шаповалова А.В. (2022). Оценка влияния санкций на внешнеэкономическую деятельность Российской Федерации // *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. № 5 (92). С. 91–102.
- Куликова И.В., Украинцева И.В., Рощина Л.Н. (2023). Развитие экономических отношений России с Китаем и Индией: перспективы и прогнозы // *Прогрессивная экономика*. № 9. С. 68–80.
- Соколова Е., Поспелов В., Торопова Н., Мехдиев Э. (2019). Анализ эффективности мер финансовой поддержки экспорта в России // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. Т. 9, № 6а. С. 343–353.
- Урумов Т.Р. (2017). Эффективность государственной финансовой поддержки экспортной деятельности малых и средних предприятий // *Актуальные проблемы экономики и права*. Т. 11. № 1. С. 67–78.
- Cadot O., Fernandes A., Gourdon J., Mattoo A. (2015). Are the benefits of export support durable? Evidence from Tunisia. *Journal of International Economics*, 97, 310–324.
- Catanzaro A., Messeghem K., Sammut S. (2018). Effectiveness of export support programs: Impact on the relational capital and international performance of early internationalizing small businesses. *Journal of Small Business Management*, 1–26.
- Kovner A., Martin A. (2020). Market failures and official sector interventions. *Federal Reserve Bank of New York*. Available at: <https://libertystreeteconomics.newyorkfed.org/2020/09/market-failures-and-official-sector-interventions.html>
- Leonidou L., Katsikeas C., Palihawadana D., Spyropoulou S. (2007). An analytical review of the factors stimulating smaller firms to export: Implications for policy-makers. *International Marketing Review*, 24(6), 735–770.

- Malca O., Peña-Vinces J., Acedo F. (2019). Export promotion programmes as export performance catalysts for SMEs: Insights from an emerging economy. *Small Business Economics*.
- Melitz M. (2003). The impact of trade on intra-industry reallocation and aggregate industry productivity. *Econometrica*, 71, 1695–1725.
- Munch J., Schaur G. (2018). The effect of export promotion on firm-level performance. *American Economic Journal: Economic Policy*, 10(1), 357–387.
- Revindo M., Gan C., Massie N. (2019). Factors affecting propensity to export: The case of Indonesian SMEs. *Gadjah Mada International Journal of Business*, 21(3), 263–288.
- Seringhaus R., Rosson P. (2001). Firm experience and international trade fairs. *Journal of Marketing Management*, 505–516.
- Shamsuddoha A., Yunus Ali M. (2006). Mediated effects of export promotion programs on firm export performance. *Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics*, 18(2), 93–110.
- Wilkinson T., Brouthers L.E. (2006). Trade promotion and SME export performance. *International Business Review*, 15, 233–252.

Сведения об авторах

Маргарита Израйлевна Беркович — доктор экономических наук, профессор, директор Института управления, экономики и финансов, Костромской государственной университет (156005, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17; e-mail: m_berkovich@ksu.edu.ru)

Екатерина Сергеевна Закревская (Хахина) — аспирант, Костромской государственной университет (156005, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17; e-mail: ryakovlev@inbox.ru)

Berkovich M.I., Zakrevskaya (Khakhina) E.S.

Regions' Export Activity as an Object of State Support

Abstract. The article reveals the forms of changing the system of state support for export activities at the meso-economic level. The forms are general (subject composition of participants in foreign trade relations, procedure for their state regulation and development) and specific (methods for providing support to exporting enterprises, ways to assess the implementation of these methods). We systematize measures of government support for export according to functional purposes, arrange them into a multi-level scheme, and identify bottlenecks in its implementation. We develop our own approach to assessing the institutional and organizational support of regions' foreign trade activities. We put forward a method for calculating the assessment of regulatory legal support for this activity, based on the establishment of criteria reflecting the effectiveness of forms of development of regions' export activities. We carry out a comparative assessment of each form of support, which makes it possible to identify key areas of formation of regulatory legal support for foreign economic activity that have a significant impact on export activities in Russia's regions. The application of the proposed method for managing the system of government support for export will help to address the most critical issues in the field of international cooperation and foreign trade relations. The system will help to create conditions for the development of export-oriented industries and enterprises, ensure greater availability of financial resources for organizations at all levels and an increase in export volumes through the formation of new mechanisms to support them. The implementation of the proposed measures will stimulate the production of goods in general, which will contribute to an increase in the added value of the regional economy, an increase in the tax base, foreign trade turnover and the number of jobs, and create the most favorable conditions for the development of export activities in Russia's constituent entities.

Key words: foreign economic activity, legal and regulatory support, regional export center, government support for export, regional economy, institutional and organizational aspects.

Information about the Authors

Margarita I. Berkovich – Doctor of Sciences (Economics), Professor, director, Institute of Management, Economics and Finance, Kostroma State University (17, Dzerzhinskiy Street, Kostroma, 156005, Russian Federation; e-mail: m_berkovich@ksu.edu.ru)

Ekaterina S. Zakrevskaya (Khakhina) – postgraduate student, Kostroma State University (17, Dzerzhinskiy Street, Kostroma, 156005, Russian Federation; e-mail: ryakovlev@inbox.ru)

Статья поступила 12.03.2024.

Пространственный потенциал агломерационных эффектов: методика определения на материалах Санкт-Петербургской агломерации

Денис Игоревич

ОЛИФИР

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Санкт-Петербург, Пушкин, Российская Федерация

e-mail: denis-olifir@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0784-7699; ResearcherID: J-9487-2017

Аннотация. Современные методологические подходы и методики исследования агломерационных эффектов направлены на определение и оценку пространственных потенциалов развития и взаимодействия территорий различного иерархического уровня. При этом не учитываются возможности современного программного обеспечения, позволяющего обнаруживать на картографических моделях внутриагломерационные пространственные резервы – пространственные потенциалы. В работе используются пространственно-функциональный и синергетический (агломерационный) подходы, а также метод потенциалов, статистический метод и картографическое моделирование. Раскрыта теоретическая основа образования пространственных потенциалов во внутриагломерационной среде и предложен методический подход к их определению на основе агломерационных эффектов демографо-расселенческой и экономической структур Санкт-Петербургской агломерации. Согласно полученным расчётам были построены картографические модели, соответствующие исследуемым структурам, отражающие пространственные потенциалы агломерационных эффектов, которые представлены группами из пяти кластеров. Уровни кластеров пространственных потенциалов и их конфигурации получены через нейросетевое программное обеспечение «Surfer Golden Software». Выявлено, что группы кластеров потенциалов демографо-расселенческой структуры – гравитационный, высокопотенциальный, среднепотенциальный и низкопотенциальный – имеют меньшие территориальные площади

Для цитирования: Олифир Д.И. (2024). Пространственный потенциал агломерационных эффектов: методика определения на материалах Санкт-Петербургской агломерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 113–128. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.6

For citation: Olifir D.I. (2024). A methodology for determining the spatial potential of agglomeration effects: The case of the Saint Petersburg agglomeration. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(2), 113–128. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.6

воздействия в отличие от аналогичных групп кластеров экономической структуры. При этом очень низкопотенциальный кластер демографо-расселенческой структуры значительно превосходит по площади аналогичный кластер экономической структуры, распространяясь за пределы городов, расположенных в восточной и юго-восточной частях периферии Санкт-Петербургской агломерации. Направления будущих исследований связаны с разработками новых методологических и методических подходов, нацеленных на поиск и моделирование агломерационных эффектов и их пространственных потенциалов в функциональных структурах отдельных городов, городских агломераций или регионов (инвестиционных, инновационных, экологических, транспортных, сервисных, культурных и прочих структур). Также перспективным направлением является определение пространственных потенциалов на основе агломерационных эффектов отдельных крупных предприятий по количественным показателям эффективности их функциональной деятельности, что затруднено в силу отсутствия открытых статистических данных.

Ключевые слова: городская агломерация, Санкт-Петербургская агломерация, внутриагломерационная среда, агломерационный эффект, потенциал, демографо-расселенческая структура, экономическая структура, кластер.

Введение

Представители региональной экономической науки проявляют повышенный интерес к пространственному аспекту развития городов, городских агломераций и регионов. При этом отдельно взятые городские агломерации, обладая уникальными пространственными свойствами концентрации, локализации, полифункциональности, конкурентоспособности, инновационности, коммуникационности, социально-деловой активности, многовекторности и динамичности развития, формируют агломерационные эффекты, оказывающие положительное воздействие на окружающие территории. Агломерационные эффекты выступают фундаментальной основой определения пространственных потенциалов развития территорий, базирующихся на взаимосвязях и взаимодействиях исследуемых объектов, относящихся к определённым функциональным структурам. Подобные исследования проводятся на различных территориально-иерархических уровнях — от промышленных агломераций, сформированных в пределах отдельных городов или городских агломераций, до групп соседних регионов.

В зависимости от масштаба территориально-иерархического уровня агломерационные эффекты подразделяются на два типа: эффекты локализации и эффекты урбанизации. Первый тип, исходя из его названия, основывается на локализации в отдельных очагах пространства предприятий, принадлежащих к одному или взаимосвязанному (взаимозависимому)

виду экономической деятельности (отрасли). Следовательно, для него характерен уровень отдельных городов, городских и промышленных агломераций. Второй тип, являясь следствием первого, проявляется за счёт концентрации населения и разнообразия видов деятельности (специализаций) прежде всего в городских агломерациях. В данном случае городские агломерации служат источниками агломерационных эффектов на межрегиональном уровне, а их ядра — на региональном (в рамках отдельного региона).

Актуальность проблематики исследования заключается в том, что крупнейшие городские агломерации моноцентрического типа достигли критической точки поляризации ядра — концентрации населения и видов экономической деятельности, способствующей дальнейшей «интенсификации асимметричности внутриагломерационной пространственной структуры» (Макарова, 2021). В них необходим переход к полицентрической модели пространственного внутриагломерационного развития, основанного на выявлении потенциальных возможностей периферийных территорий максимально использовать преимущества агломерационного эффекта. Данное обстоятельство определяет необходимость разработки нового методического подхода, направленного на поиск конкурентоспособных возможностей и резервов внутриагломерационного пространства, которые могут быть использованы в практике пространственного и социально-экономического

развития городской агломерации. Современные нейросетевые возможности специализированных компьютерных программных обеспечений позволяют вскрывать пространственные свойства за счёт построения картографических моделей, базирующихся на числовых значениях определённых показателей и учитывающих их нелинейность в процессе обработки данных на основе общих свойств, что, в отличие от механических способов, является наиболее точным и результативным.

Выбор Санкт-Петербургской агломерации в качестве территориальной основы обусловлен тем, что она является второй по величине (после Московской) крупнейшей агломерацией России, в которой, как показали проведённые автором исследования (Олифир, 2022; Olifir, 2023; Mezhevich, Olifir, 2023), наиболее ярко выражен моноцентрический тип. В связи с этим предлагаемый методический подход и его инструментарий могут быть использованы в городских агломерациях аналогичного типа. Пространственная структура Санкт-Петербургской агломерации представлена ядром – г. Санкт-Петербургом в границах субъекта РФ и периферией – районами Ленинградской области, административные центры которых располагаются на расстоянии в пределах двухчасовой доступности по линиям автомобильных дорог от центральной точки ядра (Дворцовая площадь).

Гипотеза исследования заключается в том, что определяемые пространственные потенциалы агломерационных эффектов в демографо-расселенческой и экономической структурах Санкт-Петербургской агломерации позволят вскрыть резервы исследуемого внутриагломерационного пространства, которые могут быть эффективно использованы в процессе оптимизации и снижении диспропорций между ядром и периферией.

Цель работы – развитие теоретических основ и методических подходов, направленных на определение пространственных потенциалов на основе сложившейся организации и уровня развития агломерационных эффектов демографо-расселенческой и экономической структур во внутриагломерационной среде крупнейшей городской агломерации России – Санкт-Петербургской.

Задачи исследования:

– предложить методический подход к определению пространственных потенциалов на основе агломерационных эффектов демографо-расселенческой и экономической структур городской агломерации;

– сформулировать теоретическую основу образования пространственных потенциалов во внутриагломерационной среде;

– построить картографические модели, отражающие пространственные потенциалы агломерационных эффектов демографо-расселенческой и экономической структур Санкт-Петербургской агломерации, и проанализировать полученные результаты.

Литературный обзор

Из отечественных региональных экономических исследований последних пяти лет, посвящённых рассматриваемой тематике, отметим работу С.Н. Растворцевой и Л.Т. Снитко, в которой по значениям (уровням) индекса специализации регионов России в сельском хозяйстве и сфере услуг (35 субъектов РФ), добывающей и обрабатывающей промышленности (по 24 субъекта РФ в каждой отрасли) были построены соответствующие эконометрические модели агломерационных эффектов, позволившие выявить потенциал их влияния на социально-экономическое развитие регионов (Растворцева, Снитко, 2020). Методология моделирования потенциалов экономического роста регионов России, города которых имеют численность населения от 1 млн человек, предложена Н.А. Бураковым и А.Я. Рубинштейном. В нее включены показатели, характеризующие инновационный, инвестиционный и человеческий потенциалы, с определением для каждого из них вектора нормированных весов по модели Мэнкью – Ромера – Вейла, послужившей методической основой для проведения структурного анализа динамики экономического развития 12 исследуемых регионов РФ (Бураков, Рубинштейн, 2020). Подход к оценке потенциала социально-экономической среды для формирования кластеров в регионах РФ предложен А.А. Панкратовым, Р.А. Мусаевым и С.В. Бадиной. В его рамках учёными выделены шесть тематических блоков – субиндексов (экономическое развитие, технологическое развитие, НИОКР, малое и среднее предприниматель-

ство, инфраструктура, пространственное развитие) с соответствующими нормированными статистическими показателями, среднее арифметическое которых образует значение интегрального индекса, позволившего определить регионы РФ, обладающие наибольшими потенциалами для формирования в них кластеров, а также перспективные регионы для создания новых кластеров (Панкратов и др., 2021). Модель оценивания агломерационных эффектов на примере регионов юга Сибири, базирующаяся на расчёте двух регрессионных уравнений – в зависимости от выручки i -предприятия в t -году и в зависимости от прибыли i -предприятия в t -году, представлена в исследовании Е.А. Коломак и А.И. Шерубнёвой. В основе регрессионных уравнений лежат такие переменные, как активы предприятия, заработная плата, возраст предприятия, отраслевая принадлежность (ОКВЭД), форма собственности, расстояние от i -предприятия до регионального центра. Полученные результаты показали значимость агломерационных эффектов для исследуемых регионов: «Расчёты показали увеличение средней выручки и прибыли предприятий в результате сокращения расстояния и, соответственно, снижения барьеров выхода на крупные рынки региональных столиц» (Коломак, Шерубнёва, 2023).

В рамках зарубежных исследований Р. Целлмером на основе показателей плотности населения и плотности розничных магазинов проведена пространственная картографическая оценка рыночного потенциала в польских городах Лодзь, Познань и Вроцлав (Cellmer, 2023). Ю. Ян, Ф. Касет и Б. Деруддер в ходе анализа региональных стратегий экономического и городского развития в Китае пришли к выводу о том, что города, заимствуя размеры у крупных городских агломераций, способствуют региональному экономическому росту (Yang et al., 2023). Л. Чен с соавторами, проанализировав влияние плотности населения на экономический рост в городской агломерации равнины Гуаньчжун (Китай), определили, что плотность населения может существенно и устойчиво способствовать экономическому росту периферийных районов и узлов агломерации. При этом скопление населения вблизи железнодорожных станций оказывает более сильное влияние на экономический рост (Chen et al., 2023).

В исследовании С. Чжан с соавторами показано, как пространственно-функциональное разделение в городских агломерациях Китая оказывает сильное смягчающее воздействие на негативные внешние эффекты (Zhang et al., 2023). Л. Лима с соавторами на примере 35 городов США выявили взаимосвязи между пространственной конфигурацией города и расположением в нём магазинов. Полученный результат свидетельствует о том, что города с более высокими значениями веса контактов (количество кратчайших путей, взвешенных по плотности жителей, в сети, загруженной розничной торговлей), демонстрируют больший объем розничных продаж в пределах меньших радиусов (до 1000 м) (Lima et al., 2023).

Одним из наиболее распространённых методов эконометрики, используемым как в отечественных, так и в зарубежных региональных (пространственных) экономических исследованиях, является метод пространственной автокорреляции Морана. Расчёт производится с помощью глобального и/или локального индекса Морана, позволяющего определить диспропорции, связи и взаимовлияния между изучаемыми территориальными образованиями различных административных иерархий. Так, И.В. Наумовым определены направления формирования инвестиционного потенциала в регионах России и выявлены четыре взаимосвязанных региональных кластера (Наумов, 2019). А.В. Рыбкиным и В.Л. Бабуриным представлена оценка потенциала агломерационных процессов в Иркутской агломерации. Рассматривая агломерационные процессы через предпосылки возникновения агломерационных эффектов (эффектов локализации и урбанизации), исследователи оценивают их параметры для определения территориальных кластеров исследуемой агломерации (эффект локализации) через индекс Морана и для выявления разнообразия видов экономической деятельности (эффект урбанизации) – через индекс Шеннона (Рыбкин, Бабурин, 2019). Ю.Г. Лавриковой и А.В. Суворовой оценена связь между индикаторами развития «численность постоянного населения» и «отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами» соседних (близкорасположенных) территорий в границах четырёх субъектов РФ: Челябинской области, Краснодарского края,

Республики Татарстан и Кемеровской области (Лаврикова, Суворова, 2020). М.Н. Макаровой в системе расселения муниципальных образований Свердловской области определены ключевые точки притяжения, а также прямые и обратные пространственные взаимосвязи между ними (Макарова, 2021). Оценка взаимосвязей между отдельными субъектами РФ представлена в исследовании А.В. Суворовой. В нём выявлена прямая связь между значениями показателя численности населения в расположенных вблизи друг от друга регионах РФ: «Изменение значения рассмотренного показателя при переходе от региона к региону происходит постепенно» (Суворова, 2019).

В зарубежных публикациях на основе метода пространственной автокорреляции Морана Й. Спайкером с соавторами по данным стандартизированных показателей смертности в Колумбии были получены географические кластеры высокой и низкой смертности (Spijker et al., 2021). Пространственные закономерности в штатах США, связанные с состоянием гендерного разрыва в заработной плате в строительных профессиях, представлены в работе С.Н. Манеш с соавторами (Manesh et al., 2020). Пространственные кластеры уровня разводов в Омане определены в исследовании Ш. Мансур, Э.Ф. Салех и Т. Аль-Авади (Mansour et al., 2020). Р. Энкарнасьон, Д. Магней и А.Ж. Кастро, рассматривая конкурентоспособность крупных мегаполисов Филиппин, выявили в них структуру кластеризации городов и муниципалитетов, между которыми существует «дополнение», а не конкуренция (Encarnacion et al., 2023).

Проведённый литературный обзор позволяет говорить о большом количестве методологических подходов и методик исследования, направленных на определение и оценку пространственных потенциалов развития и взаимодействия, в т. ч. базирующихся на агломерационных эффектах. Результаты имеющихся исследований представлены, с одной стороны, математическими моделями с оценочными расчётами между зависимыми переменными показателями, с другой стороны, группами географических кластеров, выделенных согласно результатам производимых расчётов с учётом административно-территориальных границ. При этом в научно-исследовательском поле отсутствуют работы, посвящённые поиску

(вскрытию) внутриагломерационных пространственных резервов (потенциалов), которые положительно могут быть использованы прежде всего на периферийных территориях крупнейших городских агломераций моноцентрического типа.

Методы исследования

В работе используются *пространственно-функциональный* и *синергетический (агломерационный)* подходы к исследованию. Первый подход учитывает пространственную внутриагломерационную организацию структур, включая кратчайшие расстояния по линиям автомобильных транспортных коммуникаций между всеми городами агломерации для демографо-расселенческой структуры и между административными центрами агломерации для экономической структуры. Второй подход направлен на определение эффекта отдачи на окружающее пространство за счёт концентрации населения в отдельных очагах (городах) агломерации — демографо-расселенческая структура и результативности хозяйственной деятельности, приуроченной к административным центрам агломерации, экономическая структура.

В представленном исследовании нашли отражение следующие специализированные научные методы: метод *потенциалов*, *статистический* и *картографическое моделирование*.

Метод потенциалов позволяет определить ареал пространственного потенциала воздействия агломерационных эффектов в зависимости от месторасположения городов и расстояний по отношению к другим городам, входящим в состав агломерации. Он заимствован из физических законов гравитации И. Ньютона и взаимодействия точечных электрических зарядов Ш. Кулона. Основоположником его применения в региональных (пространственных) экономических исследованиях принято считать астрофизика Дж.К. Стюарта, предложившего в 1941 году закон пространственного взаимодействия населения двух регионов, «демографическая сила» притяжения которых выражается, по аналогии с гравитационной постоянной, постоянной величиной миграционного потока (k), умноженной на произведение численности населения исследуемых городов ($N_1 N_2$) обратно пропорциональных квадрату расстояния между ними (d^2) (Stewart, 1941). Формула демографического

потенциала Дж.К. Стюарта имеет ограничение в практическом применении, связанное с постоянной величиной миграционного потока между исследуемыми городами (k), которая может быть определена со значительными оценочными погрешностями. Поэтому в дальнейшем данная формула была модифицирована, например, в трудах советских экономико-географов Ю.В. Медведкова (Медведков, 1965) и О.А. Евтеева (Евтеев, 1969), в которых гравитационная постоянная отсутствовала. Последующие модификации формулы потенциалов привели к определению демографического потенциала исследуемого города, на основе показателя численности населения в нём, суммируемого к отношению сумм численности населения всех городов, включенных в исследование, и расстояний между ними (Гусейн-Заде и др., 1988):

$$Dpi = Pi + \sum_{j=1}^{i=n} \frac{Pj}{Dij}, \quad (1)$$

где Dpi – демографический потенциал i -го города; Pi – численность населения в i -м городе, для которого определяется потенциал; Pj – численность населения в других исследуемых j -городах; Dij – кратчайшее расстояние по линиям автомобильных дорог от i -го города, для которого определяется потенциал, до других исследуемых j -городов; n – общее число исследуемых городов.

Статистический метод включает *метод сводного индекса*, представляющего собой суммарный среднеарифметический показатель частных значений абсолютных показателей, применение которого позволяет определить средний эффект (уровень) развития экономических структур в административных единицах городской агломерации. В данном исследовании уровень развития экономических структур определим с помощью сводного *индекса экономического развития (EDI)*, предложенного и апробированного автором в одном из предыдущих исследований (Olifir, 2023):

$$EDI = \frac{VIP + PO + RT + VPS + VIC}{5}, \quad (2)$$

где VIP – объём отгруженной промышленной продукции, млн руб.; PO – прибыль орга-

низаций (предприятий), млн руб.; RT – оборот розничной торговли на душу населения, млн руб.; VPS – объём платных услуг на душу населения, млн руб.; VIC – объём инвестиций в основной капитал по организациям, млн руб.

Индекс экономического развития основывается на учёте абсолютных значений показателей трёх сфер хозяйственной деятельности: производство (объём отгруженной промышленной продукции на душу населения; прибыль организаций); потребительский рынок (оборот розничной торговли на душу населения; объём платных услуг на душу населения) и инвестиции (объём инвестиций в основной капитал по организациям на душу населения).

Для определения пространственного потенциала на основе агломерационного эффекта экономической структуры полученные результаты расчётов индекса экономического развития проводятся через формулу потенциала, которая будет представлена в следующем виде:

$$Dpi = Pi + \sum_{j=1}^{i=n} \frac{Pj}{Dij}, \quad (3)$$

где Epi – экономический потенциал i -го административного центра; $EDIi$ – индекс экономического развития в i -м административном центре, для которого определяется потенциал; $SEDIj$ – индекс экономического развития в других исследуемых j -административных центрах; Dij – кратчайшее расстояние по линиям автомобильных дорог от i -го административного центра, для которого определяется потенциал, до других исследуемых j -административных центров; n – общее число исследуемых административных центров.

В отличие от демографического потенциала, который рассчитывается на основе показателя численности населения в городах, включенных в состав Санкт-Петербургской агломерации, расчёт лежащего в основе экономического потенциала сводного индекса экономического развития проводится по г. Санкт-Петербургу (ядру) и муниципальным районам периферии (Ленинградской области), что связано с отсутствием статистических данных по показателям, составляющим его основу в разрезе городов.

Статистическую базу абсолютных показателей, лежащих в основе определения потенциалов, составили данные Управления Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат) и Комитета экономического развития и инвестиционной деятельности Ленинградской области (последний – для расчёта индекса экономического развития в муниципальных районах периферии).

Метод картографического моделирования является средством информации и инструментом познания действительности, позволяющим на основе количественных значений показателей исследуемых структур и их пространственной привязки к географическим координатам, отобразить (визуализировать) свойства пространственных закономерностей внутриагломерационного развития на картографической плоскости. Современное компьютерное программное обеспечение, базирующееся на нейронных сетях, наиболее точно и эффективно осуществляет построение картографических моделей. К такому программному обеспечению относится «Surfer Golden Software», в котором заложены нейросетевые функции интерполяции, позволяющие получать картографические модели высокого качества и точности исходя из пространственных числовых данных. С его помощью будет проведено картографическое моделирование результатов, полученных при расчётах потенциалов демографо-расселенческой и экономической структур, и построены соответствующие картосхемы, демонстрирующие кластеры пространственных потенциалов различных уровней и конфигурационных форм в Санкт-Петербургской агломерации. Построение картографических моделей осуществляется следующим образом: уровень развития агломерационного эффекта исследуемой функциональной структуры, определяемый величиной показателя Z , привязывается к географическим координатам X и Y , т. е. непространственные данные переводятся в пространственные. Величина Z в демографо-расселенческой структуре привязывается к координатам городов агломерации, а величина Z в экономической структуре – к координатам административных центров агломерации. Дальнейший преобразовательный

процесс используемого программного обеспечения интерпретирует полученный результат в рамках замкнутой системы – внешней границы городской агломерации с выделением кластеров различных уровней и конфигураций.

Результаты исследования

В региональной экономической науке классическая модель «центр – периферия» появилась в 1966 году, когда её автор Дж. Фридман опубликовал работу под названием «Политика регионального развития: опыт Венесуэлы» (Friedmann, 1966). Ключевое положение его теории заключается в том, что дифференциация агломерационного пространства порождается за счёт концентрации населения и видов экономической деятельности (хозяйствующих субъектов) в центральном крупном городе (ядре) и снижается от него на периферии по мере увеличения расстояния. При этом между центром (ядром) и периферией формируется тесная взаимосвязь. Представленное положение послужило фундаментальной основой *авторского теоретического обоснования генезиса пространственных потенциалов в пределах отдельно взятой городской агломерации (внутриагломерационной среды)*.

Отметим, что ядро и периферия образуют две внутриагломерационные *силы гравитации* – *центробежную («ядерную»)* и *центростремительную («периферийную»)*. Ядро агломерации выступает в качестве агломерационного (синергетического) источника и «реактора» внутриагломерационного развития и характеризуется ограниченностью земельных ресурсов, относительно высокой стоимостью земельной ренты, насыщенностью (концентрацией) селитебных и инфраструктурных объектов различного функционального назначения (деловых, социальных, торговых, культурных, производственных и пр.), плотной и перегруженной сетью автомобильных транспортных коммуникаций, высокой экологической нагрузкой. Величина, свойства и уровень пространственного и социально-экономического развития ядра агломерации способствуют его постоянному воздействию на периферийные территории, т. е. проявлению *центробежной силы гравитации*. При этом сила центробежного воздействия (гравитации) имеет прямую зависимость от

расстояния и развитости транспортно-коммуникационной сети, снижаясь при движении в направлении от ядра к дальней периферии. *Центростремительная сила гравитации* выступает следствием вторичного проявления действия центробежной силы и характеризуется противоположным вектором направленности — от периферийных территорий к ядру агломерации. В результате во внутриагломерационном пространстве мы наблюдаем одновременное действие центробежных и центростремительных сил гравитации. Совокупность их действия способствует проявлению *пространственного потенциала*¹.

В теоретико-методологическом отношении условимся, что под *пространственным потенциалом* следует понимать скрытые возможности (резервы) внутриагломерационного пространства, результативность которых может проявляться за счёт сложившихся очагов концентрации определённых функциональных структур, выступающих в качестве источников агломерационного эффекта. Из представленной формулировки видно, что источником пространственного потенциала выступают агломерационные эффекты, которые рассматриваются учёными, как правило, с позиции воздействия ядра на периферийные территории, если это агломерации моноцентрического типа (Суворова, 2019; Коломак, Шерубнёва, 2023), за счёт представленных выше характеристик. При определённых условиях организации внутриагломерационного пространства агломерационный эффект также могут образовывать отдельные локальные периферийные центры, расположенные на относительно большом расстоянии от ядра, т. е. на территориях, где агломерационный эффект ядра теряет или начинает терять свое влияние. Кроме того, при условии расположения двух локальных периферийных центров на относительно небольших расстояниях друг от друга, на которые слабо распространяется воздействие агломерационного эффекта ядра, агломерационный эффект будет образовывать более крупный локальный периферийный центр (город). Другими словами, агломерационный эффект образуют (формируют) города

агломерации, имеющие более высокую численность населения. В частности, чем крупнее ядро агломерации, тем сильнее его агломерационный эффект и тем выше пространственный потенциал его воздействия на окружающие периферийные территории. Например, город А образует ядро агломерации за счёт высокой концентрации населения и видов экономической деятельности, превосходящей аналогичные величины периферийных городов В, С, D, Е и т. д. Несмотря на то, что периферийные города В, С, D, Е могут образовывать свои источники агломерационного эффекта и оказывать пространственный потенциал воздействия, они будут «поглощены» агломерационным эффектом пространственного потенциала, исходящего из ядра агломерации. Если, к примеру, взять многоядерную агломерацию, состоящую из двух ядер, или же не учитывать агломерационный эффект ядра в моноцентрической агломерации, то в первом случае мы получим, а во втором зададим условия, согласно которым города исследуемой агломерации будут характеризоваться примерно одинаковым уровнем развития (агломерационным эффектом). В таком случае пространственные потенциалы, исходящие от двух и/или более источников агломерационных эффектов (городов агломерации), взаимодействуют друг с другом и распространяют своё влияние на окружающее пространство в виде однородного пространственного потенциала. Таким образом, во внутриагломерационном пространстве величины городов оказывают ключевое влияние на проявление пространственного потенциала агломерационного эффекта, что подтверждается результатами проведённых исследований (Олифир, 2022; Mezhevich, Olifir, 2023).

С учетом вышеизложенных теоретических основ образования пространственных потенциалов во внутриагломерационной среде и согласно принятому методическому подходу проведём практическую апробацию на примере демографо-расселенческой и экономической структур Санкт-Петербургской агломерации.

Результаты произведённых расчётов потенциала агломерационного эффекта демографо-расселенческой структуры в городах Санкт-Петербургской агломерации представлены в *таблице 1*.

¹ Возможно использование равнозначного понятия «пространственное силовое поле потенциала».

Таблица 1. Определение потенциала агломерационного эффекта демографо-расселенческой структуры в городах Санкт-Петербургской агломерации на 1 января 2023 г.

Город агломерации	Численность населения на 1 января 2023 г., тыс. чел.	Суммарное кратчайшее расстояние по линиям автомобильных дорог между исследуемым городом и центральной точкой ядра, км	D_{pi}
Санкт-Петербург (ядро)	5600,1	746*	5601,01
Волосово	11,6	1395	16,09
Всеволожск	78,8	989	85,07
Гатчина	92,7	944	99,25
Кировск	27,1	915	33,93
Коммунар	25,8	874	32,95
Кудрово	64,9	736	73,34
Ломоносов	39,1	1052	45,03
Любань	4,4	1388	8,92
Мурино	104,6	927	111,26
Никольское	21,9	793	29,79
Отрадное	25,4	795	33,27
Сертолово	70,9	1066	76,72
Сосновый Бор	64,1	1652	67,86
Тосно	33	973	39,42
Шлиссельбург	13,9	981	20,29

* Взято расстояние от центральной точки ядра (Дворцовая площадь) до городов периферии.
Источник: рассчитано автором по данным Управления Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат) и на основе поисково-информационной картографической службы «Яндекс Карты».

На основе полученных результатов построим картографическую модель, отражающую распределение пространственных потенциалов агломерационного эффекта демографо-расселенческой структуры Санкт-Петербургской агломерации, уровни воздействия которых представлены пятью группами кластеров, полученных с помощью нейросети используемого программного обеспечения (рис. 1).

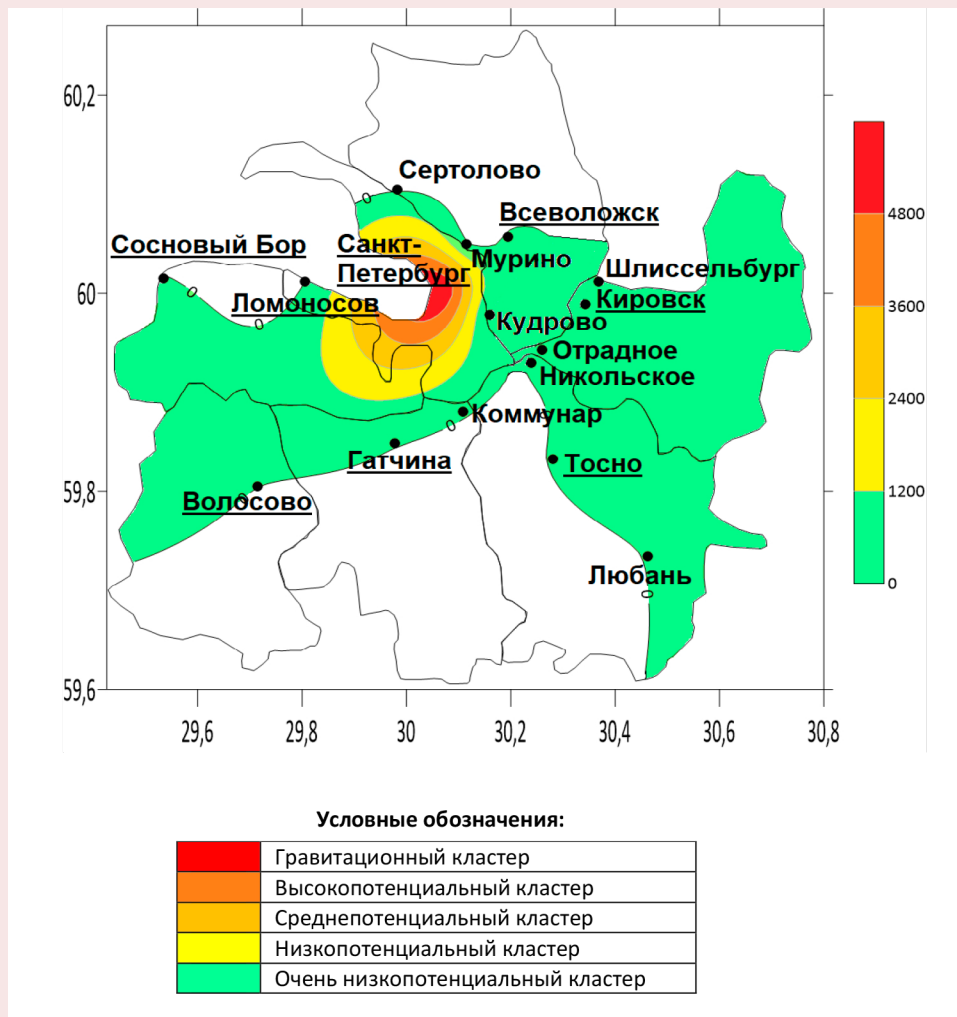
Как видим, центральная часть ядра Санкт-Петербургской агломерации образует *гравитационный кластер*, который окружают *высокопотенциальный, среднепотенциальный и низкопотенциальный кластеры*. Их пространственные конфигурации представлены кольцевыми формами (ограничены с запада «морским фасадом»), что обусловлено ярко выраженной моноцентричностью Санкт-Петербургской агломерации и концентрацией наибольшей части населения. В юго-западном направлении кольцевые конфигурации *среднепотенциального и низкопотенциального кластеров* расширяются и выходят за границу ядра, охватывая восточную и северо-восточную части перифе-

рийного Ломоносовского района². В пределах *среднеконцентрированного кластера*, в восточной части Ломоносовского района (примыкающей к юго-западу ядра), располагается Аннинское городское поселение, а в северо-восточной части (примыкающей к югу ядра) – Виллозское городское поселение, в которых темпы прироста численности населения в 2023 году по отношению к 2012 году выросли на 118,2 и 69,7% соответственно³. На периферий-

² Город Ломоносов входит в состав Санкт-Петербурга как субъекта РФ (ядра агломерации), но при этом является административным центром Ломоносовского района Ленинградской области (периферии агломерации).

³ Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в 2011 году: ст. сб. / Петростат. СПб., 2012. 166 с.; Численность постоянного населения в разрезе муниципальных образований Ленинградской области по состоянию на 1 января 2023 года: стат. сб. / Петростат; Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. URL: <https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB.%D0%9B%D0%9E%20%D0%BD%D0%B0%2001.01.2023.pdf>

Рис. 1. Кластеры пространственных потенциалов агломерационного эффекта демографо-расселенческой структуры Санкт-Петербургской агломерации

Источник: разработано автором на основе программного обеспечения «Surfer Golden Software».

ной территории *низкопотенциального кластера* городские населённые пункты отсутствуют, однако в его пределах располагаются сельские поселения Низинское, Горбунковское, Лаголовское и Ропшинское, суммарная численность населения которых на 1 января 2023 года составила 20,9 тыс. чел.⁴ Это позволяет говорить, что выявленный демографо-расселенческий потенциал территорий обозначенных кластеров в целом используется эффективно.

⁴ По данным Управления Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат).

Территории, относящиеся к *очень низкопотенциальному кластеру*, в отличие от предыдущих кластеров имеют более низкие показатели потенциала агломерационного эффекта демографо-расселенческой структуры, что связано с увеличением расстояния расположенных в нём городов от гравитационного кластера: «Если агломерационные эффекты являются доминирующим фактором, то самые высокие значения экономических и финансовых (а также демографических – *прим. авт.*) показателей должны иметь место в региональной столице (ядре агломерации – *прим. авт.*) и в ближайшем её окружении, и должно наблюдаться их

снижение с ростом расстояния от него» (Коломак, Шерубнёва, 2023). Представленный кластер имеет потенциальные возможности для эффективного развития градостроительной деятельности, поскольку в его пределах располагаются значительные площади малоосвоенных территорий, а также все периферийные города агломерации, на которые распространяется пространственный потенциал агломерационного эффекта демографо-расселенческой структуры. На практике этот потенциал реализуется девелоперами в большинстве городов, входящих в состав данного кластера (за исключением г. Любань). При этом наибольшее количество девелоперов осуществляют свою деятельность в городах, расположенных вблизи административной границы Санкт-Петербурга (ядра агломерации), прежде всего в Мурино, Кудрово, Всеволожске, Сертолово и Коммунаре.

На остальные территории Санкт-Петербургской агломерации агломерационный эф-

фект потенциального воздействия не оказывается, что связано как с увеличением расстояния, так и с отсутствием городов: южные части Волосовского и Гатчинского районов, юго-западная часть Тосненского района и северная часть Всеволожского района. Также отметим, что положительный потенциал отсутствует в северной части Ломоносовского района периферии, т. е. между городами Ломоносов и Сосновый Бор, что связано с относительно отдалённым расположением последнего от ядра агломерации и формированием им собственного агломерационного эффекта, пространственный потенциал которого распространяет своё воздействие в южном направлении.

Полученные результаты расчётов относительно потенциала агломерационного эффекта экономической структуры, произведённые для ядра и административных (муниципальных) районов периферии Санкт-Петербургской агломерации, отражены в *таблице 2*.

Таблица 2. Определение потенциала агломерационного эффекта экономической структуры для ядра и административных (муниципальных) районов периферии Санкт-Петербургской агломерации за 2022 год

Административный центр агломерации	VIP, млн руб.	PO, млн руб.	RT, млн руб.	VPS, млн руб.	VIC, млн руб.	Суммарное кратчайшее расстояние по линиям автомобильных дорог между исследуемым городом и центральной точкой ядра, км	EDI	E _p i
Санкт-Петербург	3797500,0	31747400,0	1951200,0	693600,0	997500,0	416*	7308480,08	7309147,11
Волосовский	10649,7	917,6	0,1032	0,0104	2575,6	586	2828,61	15769,11
Всеволожский	281851,3	69295,6	0,3011	0,0279	50314,8	526	80292,41	94561,74
Гатчинский	135239,9	55539,9	0,1603	0,0407	24087,0	441	42973,40	60077,69
Кировский	98730	18023,4	0,1538	0,0522	7 329,1	564	24816,54	38222,82
Ломоносовский	269066,7	101850,3	0,2604	0,0067	19299,7	457	78043,40	94472,11
Тосненский	75925,5	5015,8	0,203	0,0209	13922,3	543	18972,77	32908,30
Сосновоборский городской округ	130797,8	3083,1	0,1923	0,017	13900,8	683	29556,37	40619,93

* Взято суммарное кратчайшее расстояние от центральной точки ядра (Дворцовая площадь) до административных центров периферии.

Условные обозначения:

VIP – объём отгруженной промышленной продукции; PO – прибыль организаций (предприятий); RT – оборот розничной торговли на душу населения; VPS – объём платных услуг на душу населения; VIC – объём инвестиций в основной капитал по организациям; EDI – индекс экономического развития.

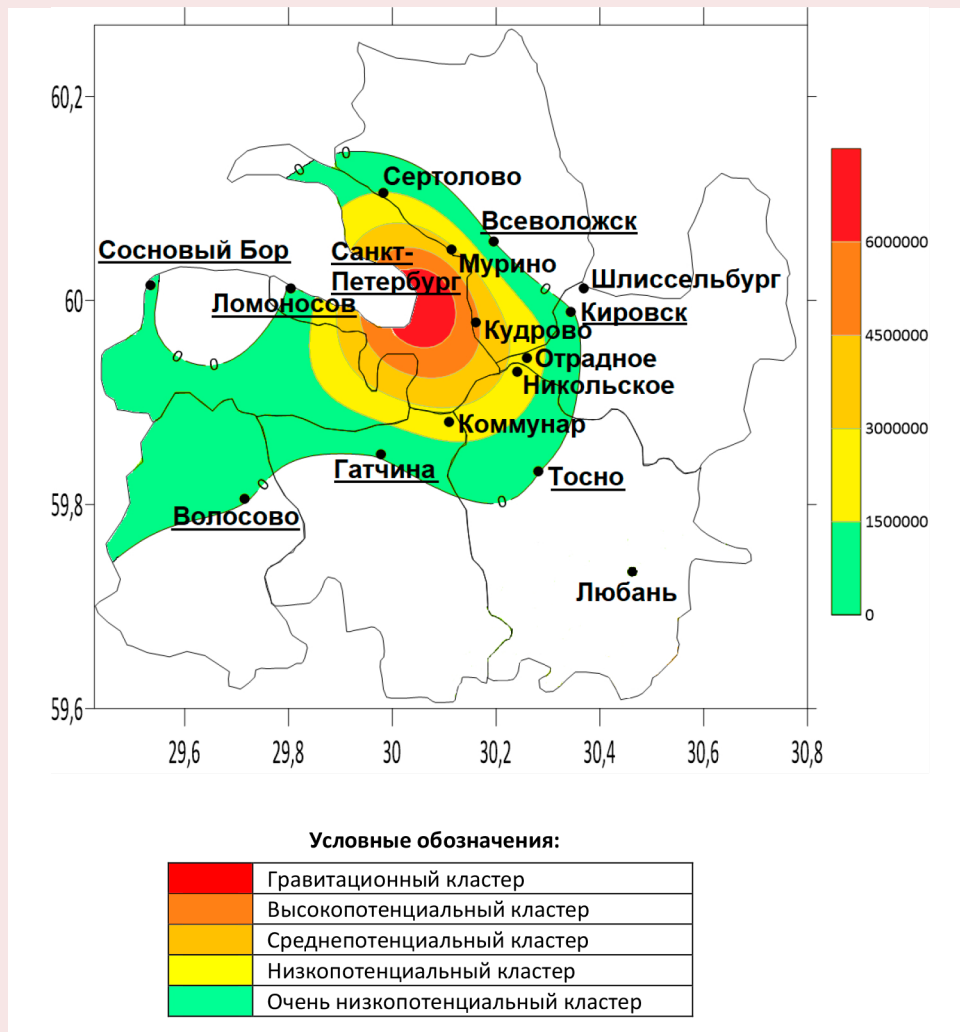
Источник: рассчитано автором по данным Управления Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат), Комитета экономического развития и инвестиционной деятельности Ленинградской области и на основе поисково-информационной картографической службы «Яндекс Карты».

Картографическая модель, отражающая распределение пространственных потенциалов агломерационного эффекта экономической структуры Санкт-Петербургской агломерации, представлена на рисунке 2.

В отличие от демографо-расселенческой структуры экономическая структура Санкт-Петербургской агломерации имеет более ярко выраженный моноцентризм. Первые четыре группы кластеров: *гравитационный*, *высокопотенциальный*, *среднепотенциальный* и *низкопотенциальный* – характеризуются большими территориальными площадями (ареалами) своего потенциального воздействия. *Высокопотенци-*

альный и *среднепотенциальный* кластеры выходят за границу ядра агломерации, охватывая периферийные города Кудрово и Мурино соответственно, а также приграничные к ядру крайние северо-восточные части Ломоносовского района. *Среднепотенциальный кластер* также включает небольшую восточную часть Всеволожского района (за г. Кудрово) и очень малые части Тосненского и Кировского районов. *Низкопотенциальный кластер* протягивается по территории северо-западной части ядра, выходя на периферию к г. Сертолово, и далее простирается кольцом, окаймляющим предыдущий кластер, включая в свой состав города Отрадное,

Рис. 2. Кластеры пространственных потенциалов агломерационного эффекта экономической структуры Санкт-Петербургской агломерации

Источник: разработано автором на основе программного обеспечения «Surfer Golden Software».

Никольское и Коммунар, заканчиваясь в западной части ядра, не доходя до г. Ломоносова. В экономическом отношении периферийные территории обозначенных выше кластеров имеют очень тесные связи с ядром агломерации в производственном, инфраструктурном, сбытовом и миграционно-трудовом отношении, т. е. фактически являются продолжением ядра агломерации.

Очень низкопотенциальный кластер включает территории, доходящие до административных центров периферийных районов – городов Всеволожск, Кировск, Тосно, Гатчина, Волосово и Сосновый Бор. В юго-западной части его пространственная конфигурация схожа с аналогичным кластером демографо-расселенческой структуры. На остальной территории Санкт-Петербургской агломерации положительный агломерационный эффект экономического потенциала не проявляется в силу причин, обозначенных при характеристике демографо-расселенческой структуры.

Заключение

Таким образом, в проведённом исследовании была сформулирована теоретическая основа образования пространственных потенциалов во внутриагломерационной среде, сущность которой базируется на одновременном действии центробежных и центростремительных сил гравитации. Источником пространственного потенциала выступают агломерационные эффекты, результативность которых может проявляться в очагах концентрации определённых функциональных структур и их воздействии на окружающее пространство. Предложенный методический подход позволил определить пространственный потенциал демографо-расселенческой и экономической структур второй по значимости крупнейшей городской агломерации РФ – Санкт-Петербургской. В результате было выявлено, что агломерационные эффекты рассмотренных структур имеют положительный пространственный потенциал для формирования и развития локальных периферийных центров. Первоначально такими локалитетами должны стать административные центры периферийных районов Ленинградской области – города Всеволожск, Кировск, Тосно, Гатчина, Волосово и Сосновый Бор. Отличительной особенностью предложенного и апробирован-

ного методического подхода является вскрытие пространственных резервов (пространственных потенциалов) на основе агломерационных эффектов в условиях развитой внутриагломерационной среды. Интерпретация пространственного потенциала агломерационного эффекта в исследованных структурах Санкт-Петербургской агломерации представлена в каждой из них пятью группами кластеров: гравитационным, высокопотенциальным, среднепотенциальным, низкопотенциальным и очень низкопотенциальным, уровни и конфигурации которых определены через нейросетевые возможности программного обеспечения «Surfer Golden Software». В отличие от традиционных (механических) методов проведения кластеризации нейросеть применённого программного обеспечения учитывает нелинейные параметры входных и выходных данных (показателей) на основе их взаимосвязанности, что позволило получить наиболее точный результат, не имеющий привязки к административным границам.

Перспективные направления дальнейших исследований связаны с разработками новых методологических и методических подходов, направленных на поиск и моделирование агломерационных эффектов и их пространственных потенциалов в функциональных структурах отдельных городов, городских агломераций или регионов (инвестиционных, инновационных, экологических, транспортных, сервисных, культурных и пр.). Также перспективным направлением является определение пространственных потенциалов воздействия агломерационных эффектов отдельных крупных предприятий на основе показателей их функциональной деятельности. Однако проведение таких исследований затрудняется в силу отсутствия открытых статистических данных на уровне предприятий.

Результаты исследования могут быть использованы региональными и муниципальными органами государственной власти при разработке стратегий территориального, пространственного, социально-экономического и градостроительного развития, а также девелоперами и хозяйствующими субъектами при выборе, соответственно, мест расположения объектов недвижимости и производственной деятельности.

Литература

- Бураков Н.А., Рубинштейн А.Я. (2020). Теоретические и прикладные аспекты измерения потенциалов экономического развития регионов России // *Пространственная экономика*. Т. 16. № 1. С. 24–50. DOI: doi.org/10.14530/se.2020.1.024-050
- Гусейн-Заде С.М., Михеева В.С., Ханин С.Е. (1988). Моделирование территориальных социально-экономических систем // *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. № 3. С. 14–20.
- Евтеев О.А. (1969). Карта потенциала поля расселения как особый вид изображения населенности территории // *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. № 2. С. 72–76.
- Коломак Е.А., Шерубнёва А.И. (2023). Оценка значимости агломерационных эффектов на юге Сибири // *Пространственная экономика*. Т. 19. № 1. С. 52–69. DOI: 10.14530/se.2023.1.052-069
- Лаврикова Ю.Г., Суворова А.В. (2020). Оптимальная пространственная организация экономики региона: поиск параметров и зависимостей // *Экономика региона*. Т. 16. № 4. С. 1017–1030. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-1
- Макарова М.Н. (2021). Моделирование социально-демографической асимметрии территориального развития // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 14. № 2. С. 29–42. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.2
- Медведков Ю.В. (1965). Экономгеографическая изученность районов капиталистического мира. Вып. 2. Приложения математики в экономической географии. М.: Институт научной информации АН СССР. 162 с.
- Наумов И.В. (2019). Исследование межрегиональных взаимосвязей в процессах формирования инвестиционного потенциала территорий методами пространственного моделирования // *Экономика региона*. Т. 15. № 3. С. 720–735. DOI: 10.17059/2019-3-8
- Олифир Д.И. (2022). Сравнительный анализ пространственных структур Московской и Санкт-Петербургской агломераций // *Пространственная экономика*. Т. 18. № 1. С. 73–100. DOI: 10.14530/se.2022.1.073-100
- Панкратов А.А., Мусаев Р.А., Бадина С.В. (2021). Подходы к выявлению, измерению и прогнозированию кластерных эффектов // *Проблемы прогнозирования*. Т. 186. № 3. С. 126–134. DOI: 10.47711/0868-6351-186-126-134
- Растворцева С.Н., Снитко Л.Т. (2020). Региональная специализация и агломерационные эффекты в экономике России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 13. № 3. С. 46–58. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.4
- Рыбкин А.В., Бабуринов В.Л. (2019). Оценка потенциала агломерационных процессов в территориальных социально-экономических системах (на примере Иркутской городской агломерации) // *Региональные исследования*. Т. 66. № 4. С. 4–19. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-4-1
- Суворова А.В. (2019). Развитие полюсов роста в Российской Федерации: прямые и обратные эффекты // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 12. № 6. С. 110–128. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.6
- Cellmer R. (2023). Local amenities – spatial modeling of market potential based on open data. *Real Estate Management and Valuation*, 31(4), 57–64. DOI: 10.2478/remav-2023-0030
- Chen L., Yu L., Yin J., Xi M. (2023). Impact of population density on spatial differences in the economic growth of urban agglomerations: The case of Guanzhong Plain Urban Agglomeration, China. *Sustainability*, 19(15), 1–18. DOI: 10.3390/su151914601
- Encarnacion R., Magnaye D., Castro A.G. (2023). Spatial analysis of local competitiveness: Relationship of economic dynamism of cities and municipalities in major regional metropolitan areas in the Philippines. *Sustainability*, 15(2), 1–24. DOI: 10.3390/su15020950
- Friedmann J. (1966). *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. MIT Press.
- Lima L., Maraschin C., Giacom B., Giusti C. (2023). Urban spatial configuration and interactions with retail activities: An approach based on contact. *SSRN Electronic Journal*. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4355129. DOI: 10.2139/ssrn.4355129
- Manesh S.N., Choi J.O., Shrestha B.K. et al. (2020). Spatial analysis of the gender wage gap in architecture, civil engineering, and construction occupations in the United States. *Journal of Management in Engineering*, 36(4), 1–15. DOI: 10.1061/(ASCE)ME.1943-5479.0000780

- Mansour Sh., Saleh E., Al-Awadhi T. (2020). The effects of sociodemographic characteristics on divorce rates in Oman: Spatial modeling of marital separations. *The Professional Geographer*, 72(3), 332–347. DOI: 10.1080/00330124.2020.1730196
- Mezhevich N.M., Olifir D.I. (2023). Comparative analysis of the territorial support frame of settlement in coastal areas: The case of St. Petersburg and Kaliningrad regions. *Baltic Region*, 1(2), 23–40. DOI 10.5922/2079-8555-2023-2-2
- Olifir D.I. (2023). Spatial differentiation of socio-economic development of the St. Petersburg Agglomeration. *Studies on Russian Economic Development*, 34(1), 42–50. DOI: 10.1134/S1075700723010148
- Spijker J., Recaño-Valverde J., Martínez S., Carioli A. (2021). Mortality by cause of death in Colombia: A local analysis using spatial econometrics. *Journal of Geographical Systems*, 23(2), 161–207. DOI: 10.1007/s10109-020-00335-1
- Stewart J.Q. (1941). An inverse distance variation for certain social influences. *Science, New Series*, 93(2404), 89–90.
- Yang Y., Caset F., Derudder B. (2023). Does urban polycentricity contribute to regional economic growth? Empirical evidence from a panel of Chinese urban regions. *Regional Studies*, 1–15. DOI: 10.1080/00343404.2023.2255623
- Zhang S., Ding J., Zheng H., Wang H. (2023). Does spatial functional division in urban agglomerations reduce negative externalities in large cities? Evidence from urban agglomerations in China. *Heliyon*, 9(10), 1–12. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e20419

Сведения об авторе

Денис Игоревич Олифир – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (196605, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10; e-mail: denis-olifir@yandex.ru)

Olifir D.I.

A Methodology for Determining the Spatial Potential of Agglomeration Effects: The Case of the Saint Petersburg Agglomeration

Abstract. Modern methodological approaches and techniques for studying agglomeration effects are aimed at determining and evaluating the spatial potentials of development and interaction of territories of various hierarchical levels. But the possibilities of modern software that allows detecting intra-agglomeration spatial reserves – spatial potentials – on cartographic models are not taken into account. The work uses spatial-functional and synergetic (agglomeration) approaches, as well as potential method, statistical method and cartographic modeling. We reveal the theoretical basis for the formation of spatial potentials in the intra-agglomeration environment and propose a methodological approach to their determination based on agglomeration effects of demographic, settlement and economic structures of the Saint Petersburg agglomeration. According to the calculations obtained, we design cartographic models that correspond to the structures under consideration and reflect spatial potentials of agglomeration effects, which are represented by groups of five clusters. The levels of clusters of spatial potentials and their configurations are obtained with the help of the neural network software “Surfer Golden Software”. We find that groups of clusters within the demographic and settlement potentials structure – gravitational, high-potential, medium-potential and low-potential – have smaller territorial impact areas in contrast to similar groups of clusters of economic structure. At the same time, a very low-potential cluster of demographic and settlement structure significantly exceeds the area of the similar cluster of economic structure and spreads beyond the cities located in the eastern and southeastern parts of the Saint Petersburg agglomeration periphery. The areas for future research are related to the development of new methodological approaches and techniques aimed at searching for and modeling agglomeration effects and their spatial potentials in the functional structures of individual cities, urban

agglomerations or regions (investment, innovation, environmental, transport, service, cultural and other structures). Another promising area consists in determining spatial potentials based on the agglomeration effects of individual large enterprises with the help of quantitative indicators reflecting their performance effectiveness; this direction is difficult to implement due to the lack of open statistical data.

Key words: urban agglomeration, Saint Petersburg agglomeration, intra-agglomeration environment, agglomeration effect, potential, demographic and settlement structure, economic structure, cluster.

Information about the Author

Denis I. Olifir – Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, associate professor of department, Pushkin Leningrad State University (10, Peterburgskoe Highway, Pushkin, Saint Petersburg, 196605, Russian Federation; e-mail: denis-olifir@yandex.ru)

Статья поступила 14.02.2024.

Моделирование деятельности предприятий лесной отрасли с учетом перспектив перехода на принципы устойчивого развития

**Сергей Олегович
МЕДВЕДЕВ**

Сибирский государственный университет науки и технологий академика М.Ф. Решетнева
Красноярск, Российская Федерация
e-mail: Medvedev_serega@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7459-3150; ResearcherID: N-8240-2016

**Михаил Алексеевич
ЗЫРЯНОВ**

Сибирский государственный университет науки и технологий академика М.Ф. Решетнева
Красноярск, Российская Федерация
e-mail: zuryanov13@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4525-2124; ResearcherID: N-6950-2016

Аннотация. Концепция устойчивого развития является одной из наиболее актуальных в современной научной и прикладной повестке социально-экономического развития государств. В России принят ряд программ по ее активному внедрению, что отражается практически во всех отраслях экономики. Одной из наиболее важных в данном контексте выступает лесная отрасль, где используется и восстанавливается один из ключевых ресурсов для экосистем планеты – древесина. Необходимость получения объективного инструмента для обоснования целесообразности перехода промышленных предприятий на принципы устойчивого развития предопределила цель исследования, заключающуюся в разработке модели оптимизации деятельности предприятий лесной отрасли с учетом перспектив перехода на принципы устойчивого развития. Полученная модель учитывает комплекс эффектов, влияющих на результирующий показатель прибыли,

Для цитирования: Медведев С.О., Зырянов М.А. (2024). Моделирование деятельности предприятий лесной отрасли с учетом перспектив перехода на принципы устойчивого развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 129–145. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.7

For citation: Medvedev S.O., Zyryanov M.A. (2024). Developing a model of forest enterprises activities with the prospect of moving into sustainable development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(2), 129–145. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.7

за счет использования разнообразных ресурсов с учетом системы ограничений. Деятельность лесопромышленных предприятий затрагивает комплекс технико-экономических, экологических и социальных аспектов. Представленная авторская модель, формирующая новизну исследования, позволяет рассчитывать прибыль, остающуюся в распоряжении предприятия, а также перейти к ключевым аспектам в виде конкурентоспособности и эффективности, которые определяются продуцируемыми эффектами социально-эколого-экономического характера. Важным результатом является демонстрация необходимости и заинтересованности лесопромышленных предприятий в выполнении существующих ограничений со стороны стейкхолдеров. Полученные результаты могут быть интересны широкому кругу исследователей как экономики лесного сектора, так и промышленности в целом; органам федеральной власти в части реализации программ по внедрению принципов устойчивого развития, а также нормотворчества в сфере промышленной политики; руководству лесопромышленных предприятий в целях разработки актуальных стратегий и планов развития.

Ключевые слова: лесопромышленное предприятие, устойчивое развитие, моделирование, эффект, факторы производства, ограничения, оптимизация, прибыль.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10002, <https://rscf.ru/project/22-78-10002/>.

Введение

Современная лесная отрасль играет незначительную роль в экономике России. При этом ее потенциал, основывающийся на огромных природных лесных богатствах, может быть использован для существенного увеличения ВВП страны. Классическим примером успешной экономики, использующей лесные ресурсы с максимальной отдачей, является Финляндия (Halonen et al., 2022). При всех отличиях и ограничениях в перенесении опыта зарубежного государства на российские реалии можно утверждать, что лесная промышленность способна производить качественную дорогостоящую продукцию, пользующуюся спросом на мировом рынке. Вклад данной отрасли, разумеется, несопоставим, например, с вкладом нефтегазового сектора, однако ее развитие и повышение результативности выгодно как государству, так и бизнесу, выступающему непосредственным получателем прибыли от производства и реализации продукции. Таким образом, повышение эффективности лесной отрасли – важная и актуальная задача, что подтверждается, в том числе, стратегией развития лесного комплекса¹.

¹ Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 1989-р).

Существенные ограничения со стороны ряда стран в отношении отечественной экономики, действующие в последние годы, коснулись и лесной отрасли. Сотрудничество с европейскими государствами, традиционно выступавшими крупнейшими потребителями российской продукции лесопромышленного комплекса (ЛПК) и поставщиками оборудования и техники, сменилось на сотрудничество с азиатскими и другими дружественными странами. Предприятия вынуждены приспосабливаться к действующим реалиям и с определенными оговорками справляются со многими сложностями. Оптимизация в таких условиях – ключевой аспект в повышении эффективности деятельности предприятий. Поиск наиболее актуальных способов и направлений такой работы крайне интересен как с прикладной, так и фундаментальной точки зрения.

Текущая геополитическая ситуация способствует поиску лесопромышленными предприятиями направлений по повышению эффективности деятельности. Традиционно одним из актуальных инструментов в данном направлении выступают различные методы моделирования. Они позволяют без дорогостоящих экспериментов на практике получить обоснованную информацию о последствиях принятия определенных решений. Существует большое коли-

чество разнообразных методов и способов моделирования. На практике для бизнеса одним из наиболее актуальных направлений выступают экономико-математические инструменты. Они могут быть использованы для оптимизации производственных программ и иных аспектов деятельности, прогнозирования и решения многих других задач. Если рассматривать шире, то такая группа методов может применяться для представления, анализа и описания сложных социально-экономических процессов в экономике в целом и лесной отрасли в частности. Одним из важных результатов может выступать получение общих моделей поведения лесопромышленных предприятий в рамках определенных условий.

Согласно мнению ряда экспертов, а также заявлениям со стороны представителей государственных органов одним из важнейших стратегических направлений в деятельности предприятий отечественной промышленности должно стать устойчивое развитие². Весомая часть крупнейших российских компаний так или иначе реализуют отдельные проекты, направленные на достижение целей, связанных со снижением воздействия на окружающую среду. При этом Концепция устойчивого развития, предполагающая реализацию множества разнообразных задач, ставит своей главной целью организацию производственной деятельности с учетом интересов будущих поколений. Российские предприятия существенно отстают от западных аналогов во внедрении множества решений, способствующих реализации Концепции. Во многом это обусловлено уровнем развития гражданского общества. Потребности в чистой окружающей среде, безопасных производствах, соблюдении интересов местных сообществ, ставшие в ряде развитых государств одними из приоритетных, в России все еще не считаются главными. Тем не менее изменения происходят и востребованность ответственного бизнеса возрастает. Это приводит к мысли, что Концепция устойчивого развития, несмотря на существующий ряд скептических взгля-

дов, будет становиться все более актуальной, а ее принципы внедряться на все большем числе предприятий.

Цель исследования заключается в получении модели оптимизации деятельности предприятий лесной отрасли с учетом перспектив их перехода на принципы устойчивого развития. Основная работа в данном направлении должна быть проведена в части создания соответствующего математического аппарата, применение которого позволит определять эффект от принимаемых решений по развитию лесопромышленных предприятий. Основная сложность во внедрении принципов устойчивого развития на данный момент, по авторскому мнению, заключается в ориентации бизнеса на экономическую результативность. При этом социальные и экологические эффекты не воспринимаются в качестве существенно значимых. Таким образом, разрабатываемая модель должна позволять учитывать разнообразные параметры социально-эколого-экономического характера и их влияние на итоговый результат деятельности лесопромышленных предприятий.

Обзор литературы

Экономика лесной отрасли является довольно актуальной темой как в российской, так и в зарубежной литературе (Пыжев, 2021; Mourao, Martinho, 2020). Лесопромышленное предприятие – объект анализа, повышение эффективности которого выделяется в качестве цели во многих исследованиях (Григорьев, Григорьева, 2016; Янь, 2018; Гордеев, Пыжев, 2023). Естественно, специфика, применяемые методики и подходы, а также цели в работах существенно дифференцированы.

Зачастую эффективность лесопромышленных предприятий в научных исследованиях рассматривается либо с позиции оценки влияния производимых изменений, либо для выявления сфер и направлений, которые можно оптимизировать (Хуе et al., 2018). Непосредственная оценка эффективности также проводится, но служит инструментом для апробации или сравнения определенных результатов. В значительной части работ выделяются различные стейкхолдеры, влияющие на множество аспектов функционирования предприятий лесной отрасли (Бутко и др., 2013; Петров и др., 2023).

² Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.07.2021 № 1912-р (ред. от 30.12.2023).

Каждая из заинтересованных сторон рассматривает лесопромышленное предприятие по-своему. Государство, местные сообщества, владельцы бизнеса имеют свои интересы и потребности (Soviana, 2015). При этом нахождение оптимального решения для всех стейкхолдеров – крайне сложная задача, которая, по мнению авторов, должна решаться в социально-эколого-экономической плоскости.

Зависимости между экономическими показателями предприятий и экологическими параметрами окружающей среды отмечаются во множестве работ. При этом отдельными авторами проводятся фундаментальные исследования в части климатических изменений и их последствий для бизнеса (Stern, 2007). Другие рассматривают различные инструменты для анализа или развития промышленных структур (Полянская и др., 2017; Laso et al., 2018). Одной из наиболее важных концепций, по мнению ученых, является представление о том, что экологические нормы при определенных условиях могут выступать стимулом для внедрения технологических инноваций. Это, в свою очередь, ведет к повышению конкурентоспособности и экономической эффективности хозяйствующего субъекта (Porter, Linde, 1995; Hu et al., 2017).

Наиболее часто в современной литературе взаимосвязь экономики, экологии и социальной сферы прослеживается в работах, посвященных устойчивому развитию (Бобылев, 2020; Измайлова, 2021). Это в целом актуальная повестка как в зарубежных, так и отечественных публикациях. Взаимосвязь устойчивого развития и повышения эффективности деятельности лесопромышленных предприятий зачастую рассматривается в прикладном аспекте, когда выделяются ключевые компоненты возможных эффектов (Liang et al., 2024), либо авторы ограничиваются упоминанием о наличии определенных зависимостей (Терентьева, Савченко, 2022). По мнению ученых, в средне- и долгосрочной перспективе в российских условиях данная взаимосвязь будет все более очевидна. При этом в зарубежной практике внимание бизнеса к принципам устойчивого развития является нормой, определяющей его успешность, а в отдельных случаях и саму возможность ведения деятельности (Hahn, Knoke, 2010; Halonen et al., 2022). Учитывая, что новые требования к

производству приходят извне (Буданов, 2016), для отечественных лесопромышленных предприятий также все в большей степени будут изменяться условия осуществления деятельности в данном направлении.

Одним из важнейших аспектов в устойчивом развитии является эффективное использование разнообразных ресурсов. Это крайне актуальная тематика исследований и для лесной отрасли, характеризующейся возможностью восполнения изъятых ресурсов – лесовосстановлением (Петров, 2020). Задача оптимизации распределения ресурсов, в том числе с применением различных математических моделей на предприятиях отрасли, решается как в теоретическом, так и прикладном аспекте (Ibrahim et al., 2018). Однако большая часть работ посвящена оптимизации исключительно материальных ресурсов, что в современных реалиях и с учетом имеющихся тенденций не позволяет получать объективные результаты.

Важнейшим аспектом в контексте данной работы является рассмотрение вопросов совершенствования предприятий с учетом перспектив развития. В этом направлении следует отметить мнение ряда авторов (Hahn et al., 2014) о высокой зависимости целесообразности принимаемых решений от дисконтирования. Вполне очевидно, что приведение будущих потоков денежных средств к текущему моменту времени позволяет снизить часть рисков и провести адекватную оценку потенциально достигаемых результатов. Вместе с тем лесная отрасль отличается длительным периодом восстановления ключевого ресурса – древесины (в некоторых случаях до 100 лет и более). По этой причине получение объективных моделей, позволяющих оптимизировать деятельность лесопромышленных предприятий в долгосрочной перспективе, включающих элементы дисконтирования, крайне затруднительно. К аналогичным выводам приходит ряд зарубежных исследователей (Gadow, 2000).

В целом использование различных экономико-математических методов необходимо для получения объективной и количественной оценки множества явлений, описывающих функционирование предприятий отрасли. Данный тезис подтверждается множеством исследований. Можно привести примеры использо-

вания математического аппарата для оценки эффективности управления различными отходами (Amaral et al., 2022) или достижения эколого-экономических показателей (Niero et al., 2017).

Отраслевые модели выступают частным проявлением более глобального макроэкономического моделирования. Применительно к исследованиям лесного комплекса можно отметить, что большая часть работ нацелена на оптимизацию и прогнозирование изменения производственных и экономических показателей (Блам и др., 2017; Рогулин, 2021). Вместе с тем, в соответствии с авторским подходом необходимо включать в модели экологическую и социальную составляющие, что в научной литературе представлено фрагментарно. Получаемые прикладные модели в целом соответствуют авторской гипотезе о зависимостях экономических эффектов и отдельных принципов устойчивого развития или «зеленой экономики» (Глазырина и др., 2015). Одним из наиболее актуальных примеров моделирования могут выступать балансовые модели (Шелухина, 2014).

Тематика моделирования устойчивого развития предприятий, по нашему мнению, на данный момент в научной литературе представлена не достаточно широко. Существующие подходы либо опираются на общие представления об устойчивом развитии (Ильина, 2021), либо ограничиваются описанием структурных элементов, которые должны содержаться в таких моделях (Коряков, 2012), либо акцентируют внимание на ограниченном числе показателей, используемых для оценки устойчивости развития (Яруллина, 2008). Выбор последних зачастую спорен и сопряжен с общим акцентом представленного исследования. Следует признать, что в зарубежной литературе отдельные работы достаточно интересны и подробны как с теоретической, так и прикладной точки зрения (Chang, Cheng, 2019). Однако в большей части исследований используются параметры и показатели, а также практика работы предприятий, неприменимые или невозможные для оценки в российских условиях.

Анализ существующих исследований позволил прийти к выводу, что моделирование деятельности предприятий лесной отрасли с учетом перспектив перехода на принципы устой-

чивого развития является крайне актуальным и должно сопровождаться соответствующим теоретическим обоснованием. Для получения объективных результатов важно нахождение баланса между технико-экономической, экологической и социальной сферами. При этом моделирование должно учитывать разнообразные виды ресурсов и эффектов. Их объединение в единую балансовую модель позволит расширить существующие теоретические и прикладные представления об эффективности лесопромышленных предприятий.

Методы исследования

Исследование основывалось на общенаучных методах: анализ, синтез, обобщение и др. В целях обработки сведений о текущем состоянии лесной отрасли и ее отдельных субъектах применялся статистический анализ. Работа частично опирается на ранее полученные результаты в части оптимизации производственной программы деятельности лесопромышленного предприятия (Медведев и др., 2020) и оценки современного состояния отрасли (Medvedev et al., 2022). Исследование включает несколько этапов.

1. Анализ потоков ресурсов на лесопромышленном предприятии. Данный этап необходим для получения графической модели потоков ресурсов. Значимыми элементами данной модели выступают заинтересованные стороны: общество, государство, окружающая среда, рынок. Между ними и предприятием циркулируют ресурсы и эффекты. Также они накладывают на лесопромышленное предприятие разнообразные ограничения. В рамках исследования авторы исходили из представления, что ресурсы предприятия – это традиционные факторы производства.

2. Исследование особенностей взаимодействия лесопромышленных предприятий с внешней средой. Выявленные на первом этапе эффекты и ограничения детализируются для определения особенностей влияния на различные аспекты деятельности лесопромышленного предприятия. Полученные результаты выступают прикладным проявлением формируемой балансовой модели.

3. Формирование модели оптимизации деятельности предприятий лесной отрасли с учетом перспектив перехода на принципы устой-

чивого развития. Данный этап выполняется с использованием традиционных подходов к получению балансовых экономико-математических моделей. Важным аспектом является описание действующих ограничений и достигаемых эффектов по комплексу технико-экономических, экологических и социальных аспектов. Полученная теоретическая модель визуализировалась в программном комплексе Statistica в трехмерном пространстве с учетом выполнения и невыполнения ограничений, присутствующих в модели.

Результаты исследования

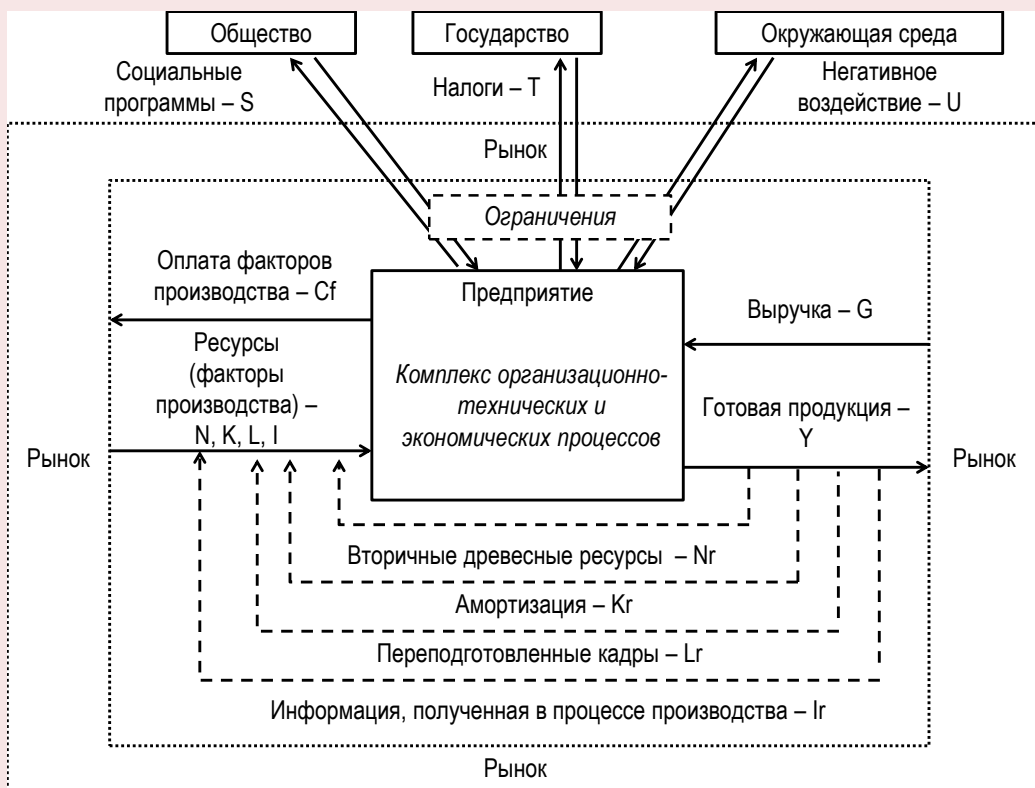
Модель потоков ресурсов на лесопромышленном предприятии представлена на *рисунке 1*.

В целом данная модель отражает ряд классических представлений об экономике производства, предприятия и экономической теории в целом. Для промышленного предприятия основным источником дохода и видом деятельности выступает выпуск продукции.

Согласно традиционным представлениям он опирается на факторы производства (ресурсы) – трудовые (L), финансовые (K), природные (N) и информационные (I).

Традиционные «труд, земля и капитал» наиболее активно участвуют в производственных процессах на лесопромышленном предприятии. Они напрямую трансформируются в готовую продукцию. Следует указать, что современный лесопромышленный комплекс все более активно использует информационные ресурсы. Это проявляется во множестве аспектов его деятельности – от исследования рынков до использования различного современного программного обеспечения во множестве производственных процессов (например, в ГИС-системах, SAP – управлении бизнес-процессами, автоматизированных линиях получения продукции). Вместе с тем отечественный рынок информационных ресурсов существенно уступает передовому зарубежному опыту.

Рис. 1. Модель потоков ресурсов на лесопромышленном предприятии

Источник: составлено авторами.

Ключевым элементом в данной модели выступает «комплекс организационно-технических и экономических процессов». Это огромное множество процессов, протекающих внутри предприятия и приводящих к преобразованию всех материальных и информационных ресурсов. По сути, происходит освоение поступающих ресурсов и их преобразование в различные выходящие и/или циркулирующие внутри организации материальные потоки.

Внешняя среда предприятия представлена следующими элементами: рынок, общество, государство, окружающая среда. Рынок выделяется как отдельный институт, благодаря которому формируются экономические условия для деятельности всех хозяйствующих субъектов. С одной стороны, он предоставляет все необходимые ресурсы, с другой – преобразует готовую продукцию в выручку. Общество, государство и окружающая среда также представлены отдельными объектами в модели. Каждый из них играет важнейшую роль в деятельности лесопромышленных предприятий. При этом, что вполне естественно, данные объекты имеют «пересечения» во взаимодействиях с предприятием как между собой, так и с рынком.

Например, рынок предоставляет трудовые ресурсы, которые являются не чем иным, как частью общества.

На рисунке не отражены владельцы бизнеса и чистая прибыль предприятий, используемая ими для целей, отличных от производственных, в рамках работы компании. Это обусловлено тем, что, по мнению авторов, данные процессы и объекты следует рассматривать в рамках внутренней структуры предприятий. Таким образом, данный аспект движения материальных потоков и управления можно отнести к «комплексу организационно-технических и экономических процессов», представленному в модели.

Важно отметить, что объекты внешней среды накладывают комплекс ограничений на деятельность предприятий. Ресурсы и ограничения с их стороны для лесопромышленных предприятий представлены в *таблице*. В свою очередь исследуемые предприятия также накладывают на общество, государство и окружающую среду ряд ограничений. Однако, учитывая масштабы данных объектов, эти воздействия по большей части несопоставимы с обратным эффектом.

Особенности взаимодействия лесопромышленных предприятий с внешней средой

Объект внешней среды	Предоставляемые ресурсы / материальный и информационный потоки	Получаемые выгоды	Накладываемые ограничения
Рынок	Все виды ресурсов: материальные, финансовые, трудовые, информационные и т. д.; выручка от реализации продукции; инфраструктура	Лесопромышленная продукция, оплата поставленных ресурсов; расширение ассортимента и объемов представленной товарной продукции	Цена на продукцию, возможный объем реализации, стандарты качества, доступные объемы и качество ресурсов
Общество	Трудовые ресурсы; информационная поддержка и ресурсы; формируемый имидж компании	Занятость; заработная плата; социальные гарантии; часть готовой продукции	Требования по обеспечению социальных гарантий, участию в социальных программах, соблюдению экологических норм
Государство	Доступ к лесозаготовительной базе; информационная и правовая поддержка; инфраструктура; доступ к государственным институтам и структурам	Налоги; снижение социальной напряженности и безработицы; прирост ВРП и ВВП; развитие бизнеса	Экологические, технические, нормативно-правовые и иные ограничения в целях обеспечения защиты общества, рынка, окружающей среды и самого государства
Окружающая среда	Природные (прежде всего древесные), водные ресурсы; водные пути для транспортировки сырья и продукции	Комплекс природоохранных мер, в случае участия предприятия в их реализации	Качество и количество доступных древесных ресурсов на лесной территории; объем водных ресурсов; возможности создания и поддержания транспортных сетей

Источник: составлено авторами.

Негативное воздействие (U) предприятия следует рассматривать в виде образующихся выбросов, сбросов, неиспользуемых отходов, поступающих в окружающую природную среду, изъятия лесных ресурсов, нарушения почвенного покрова и т. д. При этом отдельные организации в отрасли заняты и позитивным воздействием — лесовосстановлением, борьбой с вредными заболеваниями, пожарами и т. д. Однако в представленной схеме сделан акцент на преобладающую составляющую взаимодействия бизнеса и окружающей среды. Природа в принципе получает минимальные выгоды от антропогенной деятельности, что в целом отражено в таблице.

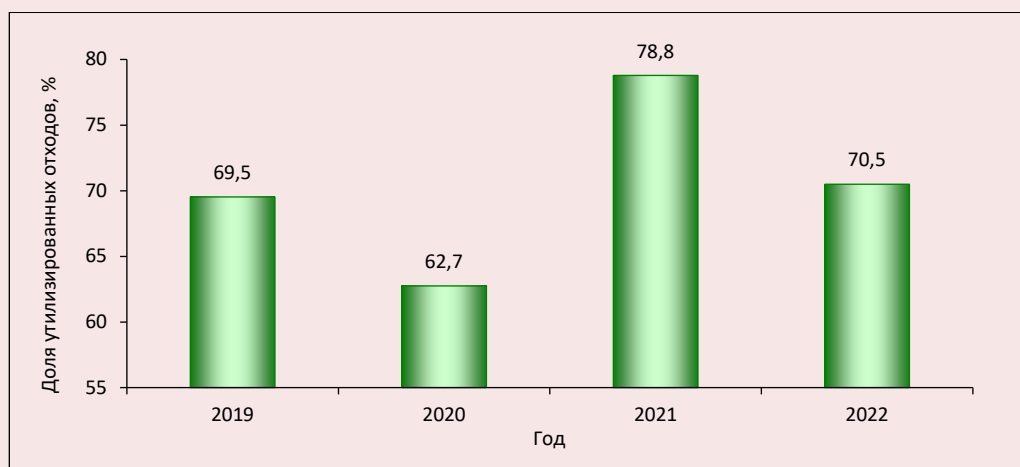
Современная лесная отрасль России все больше использует вторичные древесные ресурсы. В последние годы утилизируется около 70% вторичных древесных ресурсов (рис. 2). В модели данный ресурс является важнейшим и после образования вновь поступает в производство. Вторичные древесные ресурсы (Nr), с одной стороны, расширяют ресурсную базу предприятия, а с другой — снижают объемы воздействия на окружающую среду.

На объем используемых отходов в последние годы существенное влияние оказывают внешние факторы. Ограничения, накладыва-

емые рынками и правительствами зарубежных государств, привели к колебаниям в объемах производимой продукции, экспорте, а также потребностях в древесном сырье. С 2022 года в отрасли происходит переориентация на азиатские рынки сбыта. При этом значительная часть продукции, производимая из вторичных древесных ресурсов, не пользуется там таким же спросом, как на европейских рынках. Наиболее характерным примером в данном случае выступают топливные пеллеты (гранулы).

Важнейшим ограничением, действующим на лесную отрасль, являются экологические требования как к продукции, так и процессам, протекающим на предприятиях. Для российского лесного бизнеса экологическая повестка длительное время ассоциировалась прежде всего с экспортом продукции и требованиями соответствующих рынков сбыта. Значительная часть предприятий ограничивалась прохождением тех или иных сертификаций (FSC, PEFC). Однако в последние годы этот фактор становится все более актуальным благодаря усилиям государства и общества. Все чаще в описании целей и задач предприятий отрасли встречаются термины «декарбонизация», «углеродный след», «устойчивое развитие». Понемногу трансформируется и деятельность

Рис. 2. Доля утилизированных отходов обработки древесины и производства изделий из дерева в России в 2019–2022 гг., %

Источник: составлено авторами на основе данных Росприроднадзора.

компаний, вынужденных перестраиваться под современные требования. Изменяются технологии, политика в области персонала, окружающей среды, населения. При этом имеющиеся сложности, связанные со значительными ограничениями со стороны ряда государств, не изменяют общую тенденцию в усилении роли экологической и социальной повестки.

В таких условиях эффективное планирование деятельности, учет ограничений и соблюдение баланса в принимаемых решениях на предприятиях лесной промышленности требуют должного обоснования. Традиционно одним из адекватных инструментов для планирования, анализа и прогнозирования различных аспектов деятельности предприятий (также на макро- и мезоуровне) выступает экономико-математическое моделирование. В настоящее время существует достаточно много различных математических моделей, ориентированных на оптимизацию деятельности предприятий. Некоторая их часть позволяет находить баланс между социально-эколого-экономическими интересами (Шелухина, 2014). Вместе с тем для лесной отрасли такие разработки единичны и зачастую требуют детализации.

В рамках исследования нами решалась задача получения математической модели, нацеленной на нахождение баланса между экономическими, социальными и экологическими приоритетами развития и действующими ограничениями.

Производство лесопромышленного предприятия определяется $F(x_1, x_2, \dots, x_n)$ – целевой функцией задачи выпуска продукции. В данном случае n – порядковый номер используемого ресурса. Как было представлено ранее, производственная и организационная деятельность предприятия лесной отрасли характеризуется получением множества различных эффектов. С учетом общих тенденций развития науки их можно разделить на следующие:

– экологические: объем загрязнения окружающей среды (отходы, выбросы, сбросы, шум и т. д.); объем лесовосстановления; объем изъятия ресурсов из природной среды (прежде всего лесных и т. д.);

– технико-экономические: объем получаемой продукции, выручки, чистой прибыли, прирост производительности (персонала и техники), новые виды продукции, потребители продукции и т. д.;

– социальные: количество занятого на производстве населения; уровень средней заработной платы у персонала; реализация социальных программ для персонала и местных сообществ и т. д.

Будем считать, что в результате деятельности предприятия образуется m таких эффектов. Матрица продуцируемых эффектов может быть представлена в следующем виде:

$$E_p = \begin{pmatrix} e_{11} & e_{12} & \dots & e_{1n} \\ e_{21} & e_{22} & \dots & e_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ e_{m1} & e_{m2} & \dots & e_{mn} \end{pmatrix}, \quad (1)$$

где $e_{ij} > 0$ – объем (количество) j -го эффекта, получаемого при использовании i -го ресурса. Вектор эффектов \bar{o} рассчитывается следующим образом:

$$\bar{o}^T = E_p \cdot \bar{x}^T$$

или $o_k = \sum_{j=1}^n e_{kj} x_j, k = 1, 2, \dots, m,$ (2)

где \bar{x} – вектор-строка используемых ресурсов.

Учитывая, что помимо получаемых эффектов на предприятия накладывается множество ограничений, в разрабатываемую математическую модель должен быть введен ряд дополнительных условий, в частности:

1. Матрица H коэффициентов ограничений на ресурсы. Рынок, общество и государство в существенной степени влияют на данный аспект функционирования бизнеса. Таким образом, это внешний ограничивающий фактор для лесопромышленного предприятия.

2. Вектор ограничений \bar{a} . Он, в свою очередь, определяется внутренними возможностями лесопромышленного предприятия. Это производительность оборудования, пропускная возможность транспортных магистралей, объем складов, финансовые возможности бизнеса, требования, прописанные в уставе и корпоративном кодексе (нормы корпоративной культуры), и т. д.

3. Вектор нормативных ограничений для получаемых эффектов \bar{o}^* . Данный аспект наиболее сложен для исчисления и выражения (в его отдельных проявлениях). В частности, применительно к трем исследуемым областям могут быть рассмотрены следующие ограничения для получаемых эффектов:

– в экологической сфере: соответствие нормативам образования отходов, предельно-допустимым концентрациям образуемых веществ (выбросов и сбросов), ограничениям по шуму и т. д. Такие ограничения в России действуют на все виды образуемых веществ и воздействий от деятельности лесопромышленных предприятий. Также применительно к экологической составляющей для предприятий необходимо соблюдение ограничений по объему заготавливаемой древесины (в рамках выделенных лесосек – как «переруб», так и «недоруб» недопустимы), площадей и масштабов лесовосстановления и ряд других природоохранных мер;

– в технико-экономической сфере: соответствие качества продукции действующим стандартам (как внутренним, так и внешним в случае экспорта продукции); нормативы обязательных отчислений в различные бюджеты и фонды (налоги, фонды социального страхования и т. п.); обязательства по продаже валютной выручки; патентно-лицензионные ограничения по использованию, производству и продаже продукции, техники и оборудования (как в случае собственных разработок, так и приобретенных у сторонних организаций) и многое другое;

– в социальной сфере: размер заработной платы (минимальный размер оплаты труда и соотношение со средней по региону); соответствие условий труда персонала требованиям стандартов, техники безопасности и поддерживаемым сертификатам (например, ранее действовавшим FSC и PEFC); участие предприятия в различных социальных мероприятиях и программах. Традиционно лесопромышленные предприятия, особенно крупные, привлекаются администрациями территориальных образований к финансированию и реализации отдельных программ и проектов (особо крупный бизнес участвует в региональных проектах).

Важным аспектом для эффективной деятельности предприятия (в том числе благодаря снижению ряда расходов на устранение несоот-

ветствия нормативам) является выполнение нормативных ограничений, то есть превышение значений эффектов над их нормативными значениями:

$$\bar{o} \geq \bar{o}^*. \quad (3)$$

Однако отдельные ограничения устанавливаются максимально возможные (верхнюю границу) значения эффекта, а другие – минимально допустимые. Таким образом, соотношение (3) является некорректным. В целях возможности проведения сравнения эффектов и их нормативных значений был введен вектор $\bar{\tau}$, определяющий характер действующего ограничения:

$$\tau_j = \begin{cases} -1, & \text{если } o_j^* \text{ устанавливает верхнюю предельно} \\ & \text{допустимую границу,} \\ 1, & \text{если } o_j^* \text{ устанавливает минимально} \\ & \text{допустимую границу.} \end{cases} \quad (4)$$

$$j = 1, 2, \dots, m.$$

С учетом введения $\bar{\tau}$ соотношение (3) примет вид:

$$\bar{\tau} \cdot (\bar{o} - \bar{o}^*) \geq 0. \quad (5)$$

Для наглядности приведем пример. Предположим, что норматив образования выбросов некоторого вещества для предприятия – 10 тонн. Тогда в случае фактического объема в размере 9 тонн и $\tau = -1$ соотношение верно: $-1 \cdot (9 - 10) = 1 \geq 0$. В обратном случае, когда $\tau = 1$, например, при ограничениях на объем лесовосстановительных работ, для выполнения условия эффект должен превышать норматив, установленный для предприятия. Так, если предприятие восстановило 50 га леса при нормативе 40 га, соотношение (5) также принимает верный вид: $1 \cdot (50 - 40) = 10 \geq 0$.

Обобщая представленные выше допущения, отметим, что задача по оптимизации производственной деятельности лесопромышленного предприятия заключается в нахождении максимума функции:

$$F(x_1, x_2, \dots, x_n) = F(\bar{x}) \rightarrow \max \quad (6)$$

на допустимом множестве

$$\begin{cases} \bar{x} \geq \bar{0}, \bar{o} \geq 0, \\ H\bar{x}^T \leq \bar{a}^T, \\ \bar{\tau} \cdot (\bar{o} - \bar{o}^*) \geq 0. \end{cases} \quad (7)$$

Выполнение заключительного условия в системе (7), развернутая форма которого представляет собой ограничение к сумме достигаемых эффектов по каждому виду ресурса:

$$\bar{\tau} \cdot \left(\sum_{j=1}^n e_{kj} x_j - o_k^* \right) \geq 0, k = 1, 2, \dots, m, \quad (8)$$

по сути, представляет собой модель деятельности предприятия в условиях перехода к устойчивому развитию. В этом случае сумма всех эффектов (техничко-экономических, экологических и социальных) по каждому ресурсу должна вести к положительному результату функционирования организации. Таким образом, лесопромышленное предприятие должно выполнять нормативные ограничения по каждому эффекту. Это ведет к формированию социально и экологически ответственного бизнеса, получающего от этого экономические эффекты. При этом возможное несоблюдение ограничения (8) должно иметь очевидные последствия.

Известно, что ключевая цель любого предприятия – максимизация прибыли. Таким образом, снижение или неполучение прибыли вовсе, являющиеся логичным следствием выхода за нормативные ограничения, должно стать ключевым инструментом в стимулировании бизнеса выполнить описанные выше условия. С другой стороны, важно стимулировать бизнес к устойчивому развитию, предусматривающему достижение социальных, технико-экономических и экологических эффектов. Стоимостное выражение достигаемых результатов в таких условиях является одним из важнейших элементов решаемой в данном исследовании задачи. Обратимся к классическому определению прибыли (Π) – это выручка (G) за минусом расходов (в нашем случае на использование факторов производства – Cf):

$$\Pi = G - Cf. \quad (9)$$

Представим развернутую форму данного уравнения. Для этого введем ряд компонентов: p – агрегированная цена продукции лесопромышленного предприятия; c – агрегированная стоимость использования фактора производства (ресурса); $Z(x_1, x_2, \dots, x_n)$ – целе-

вая функция задачи использования ресурсов (факторов производства). В свою очередь объем выпуска продукции $G = p \cdot F(x_1, x_2, \dots, x_n)$, или проще $G = p \cdot F(\bar{x})$, а $Cf = c \cdot Z(x_1, x_2, \dots, x_n)$ или $Cf = c \cdot Z(\bar{x})$.

Учитывая, что ключевым элементом при оптимизации выпуска продукции является соответствие нормативным значениям получаемых эффектов, логично включить в формулу (9) элемент, отражающий санкции за несоблюдение установленных требований. Введем вектор \bar{d} , компоненты которого устанавливают размер платы лесопромышленного предприятия за несоблюдение нормативных значений эффектов (при невыполнении третьего условия в (7)):

$$\bar{d} = (d_1, d_2, \dots, d_m). \quad (10)$$

При этом также необходимо ввести вектор $\bar{\varepsilon}$, который будет определять выполняемость третьего условия в системе (7):

$$\varepsilon_j = \begin{cases} 0, & \text{если } \bar{\tau} \cdot (o_j - o_j^*) \geq 0, \\ 1, & \text{если } \bar{\tau} \cdot (o_j - o_j^*) < 0. \end{cases} \quad j = 1, 2, \dots, m, \quad (11)$$

где o_j и o_j^* – компоненты векторов получаемых эффектов и нормативных ограничений для них соответственно.

Отличительной особенностью лесной отрасли является образование древесных отходов, выступающих в качестве вторичных древесных ресурсов, направляемых в производственный процесс повторно. Они могут быть использованы для получения продукции, в результате производства которой они образовались, или новых товаров. В лесной промышленности наиболее часто такие ресурсы применяются для выпуска продукции глубокой переработки древесины (плитные материалы, пеллеты, целлюлозно-бумажная продукция), а также в энергетическом направлении для покрытия отдельных внутренних потребностей. Таким образом, вторичные древесные ресурсы (W) дополняют поступающие ресурсы (факторы производства) предприятия в виде материальных ресурсов (N). Аналогичная ситуация происходит и с другими ресурсами (см. рис. 1). Пусть таких возвратных ресурсов на предприятии образуется r видов. Тогда к каждому виду ресурса x_n будет добав-

ляться r ресурсов: $x_{n+1}, x_{n+2}, \dots, x_{n+r}$. Новая запись вектор-строки используемых ресурсов примет вид \bar{y} , где $\bar{y} = (\overline{x_{n+r}})$. Учитывая то, что предприятие будет нести расходы по использованию (переработке) возвратных ресурсов, изменения в записи коснутся как функции $F(\bar{x})$, так и $Z(\bar{x})$.

В соответствии с введенными дополнительными условиями модель оптимизации деятельности лесопромышленного предприятия определяется как нахождение максимума функции (12) на допустимом множестве решений (13):

$$P = p \cdot F(\bar{y}) - c \cdot Z(\bar{y}) - \bar{d} \cdot \bar{\varepsilon}, \quad (12)$$

$$\begin{cases} \bar{y} \geq \bar{0}, \\ H\bar{y}^T \leq \bar{a}^T. \end{cases} \quad (13)$$

Исходя из выдвигаемой авторами концепции, P в функциональной зависимости (12) — это не прибыль от реализации продукции, а чистая прибыль, остающаяся в распоряжении предприятия, учитывая, что объем выплачиваемых налогов, штрафов и иных обязательных платежей в значительной степени определяется комплексом организационно-технических и экономических процессов, протекающих на предприятии, в частности объемом получаемой прибыли, уровнем негативных воздействий на природу, соблюдением разнообразных норм и правил, стоимостью имущества и т. д. По сути это также часть получаемых эффектов от использования ресурсов, что укладывается в представленную модель. Такой же логике подчиняются различные социальные программы, реализуемые предприятиями. Направляемые на них ресурсы приводят к получению разнообразных эффектов: мотивация персонала, повышенная лояльность населения, отсутствие конфликтов с местными сообществами и т. д. Всё это, как и взаимодействие с государством и окружающей средой, приводит к существенным эффектам, сказывающимся на производственно-экономических процессах внутри предприятия.

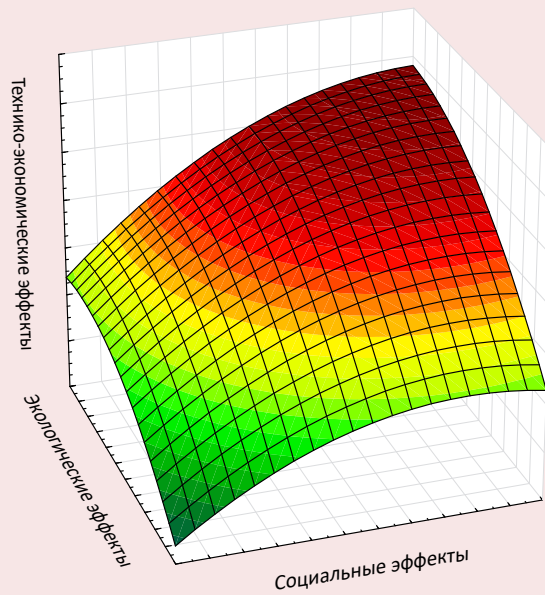
В конечном итоге конкурентоспособность и эффективность предприятий лесной промышленности определяются продуцируемыми эффектами. С учетом общемировых тенденций по переходу на принципы устойчивого развития необходимы совместные усилия бизнеса,

общества и государства по изменению существующих подходов к своему функционированию. Требуются структурные преобразования и мотивация каждой из заинтересованных сторон всеми возможными способами. При этом наиболее часто в научной литературе (Бобылев, 2020; Hahn, Knoke, 2010) встречаются упоминания о необходимости отдельных государственных программ по стимулированию бизнеса к активному внедрению принципов устойчивого развития. Согласно авторскому мнению, такие программы являются важной составляющей, которая действительно позволит предприятиям модернизировать многие внутренние процессы. При этом формы поддержки со стороны государства могут быть различными — субсидии, снижение налогооблагаемой базы, выделение дополнительных ресурсов (лесозаготовительной базы) и т. д. В любом случае получаемые выгоды будут являться одним из продуцируемых эффектов, отраженных в (1). Таким образом, любые изменения, происходящие и прямо или косвенно воздействующие на лесопромышленные предприятия, найдут отражение в предложенной модели. В конечном итоге задача по оптимизации деятельности лесопромышленного предприятия будет решаться на практике с учетом множества входящих факторов и получаемых эффектов. Каждая отдельная бизнес-единица будет функционировать в рамках действующих ограничений с учетом возможных к получению эффектов.

Стимулирование к переходу на принципы устойчивого развития лесопромышленных предприятий со стороны государства сопряжено с установлением более жестких ограничений \bar{d}^* . При этом накладываемые ограничения должны одновременно сопровождаться методами позитивного стимулирования — мотивации. В этом случае получаемые положительные эффекты смогут перевесить сумму негативных, в том числе за счет синергетического эффекта и использования возвратных ресурсов.

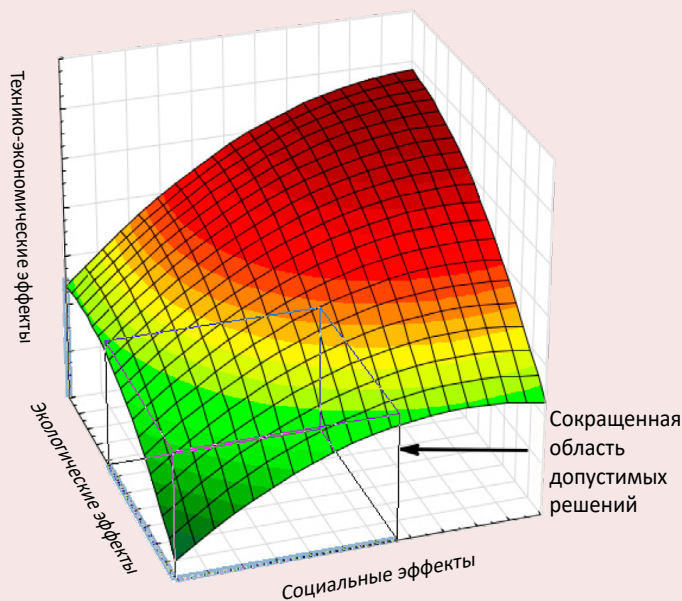
Важным следствием использования предлагаемой модели является достижение эффектов в трех областях: технико-экономической, экологической и социальной. Графически это может быть представлено 3D моделью поверхности отклика (выпуклый график функции; рис. 3).

Рис. 3. 3D модель достигаемых эффектов деятельности лесопромышленного предприятия

Источник: результаты авторского исследования.

Рис. 4. Сокращение области допустимых решений при невыполнении условий разработанной модели

Источник: результаты авторского исследования.

Очевидно, что несоблюдение требований в части нормативных значений для эффектов, согласно уравнению (12), ведет к снижению всех эффектов. Также вполне логично, что ориентация на какой-либо один из аспектов в деятельности предприятия (например, только экономические результаты) приведет к сокращению других достигаемых результатов. Это,

в свою очередь, скажется на потенциале достижения экономических эффектов. Таким образом, максимальный эффект одного из аспектов деятельности будет ограничен эффектами в других направлениях деятельности лесопромышленного предприятия. В этом случае область допустимых решений существенно сократится (рис. 4).

Полученная модель наглядно демонстрирует уменьшение области возможных решений для достижения эффектов. Таким образом, лесопромышленные предприятия заинтересованы в выполнении ограничений разработанной модели.

В целях практического использования представленной модели в государственном управлении лесной отрасли требуются изменения в нормативно-правовой базе. Они должны касаться, как было указано выше, стимулирования бизнеса для активного внедрения принципов устойчивого развития. Для этих целей требуются разработка и внедрение отдельных государственных программ с действенными инструментами поощрения ответственного бизнеса (субсидирование, выделение большего объема ресурсов и другие меры поддержки). Также изменения правовой базы должны быть ориентированы на ужесточение ограничительных мер в части выполнения экологических, социальных и экономических требований государственной политики (в разрезе устойчивого развития).

Отдельные лесопромышленные предприятия, ориентируясь на рассматриваемую модель и используя массив данных о собственном бизнесе, способны получать дополнительную информацию о возможностях развития и достигаемых эффектах от участия в социальном и экологическом направлениях деятельности. Таким образом, представленная модель служит основой для разработки стратегий развития бизнеса с учетом их изменяющихся приоритетов (с сугубо экономического на сбалансированное). Внедрение в работу предприятий требует предварительного анализа всех возможных его эффектов, ресурсов и ограничений, их соотношения и комплекса расчетов, позволяющих оценить результативность потенциальных преобразований. Повсеместное распространение такого подхода требует детализированной методики, разработка которой является следующим этапом работы авторского коллектива.

Апробация и оценка эффектов от использования разработанной модели — сложная задача, требующая даже применительно к одному предприятию комплексного исследования с доступом к множеству данных, составляющих коммерческую тайну. Авторами была проанализирована практика внедрения отдельных

принципов устойчивого развития в свою деятельность одним из ведущих лесопромышленных предприятий Красноярского края. По итогам практического исследования было выявлено, что происходящие изменения сопряжены с преобразованием технологической схемы, внедрением нескольких единиц высокопроизводительной техники с меньшим воздействием на окружающую среду, улучшением условий работы персонала, частичной модернизацией инфраструктуры, а также организацией выпуска новой продукции на основе не используемых ранее древесных отходов. Получаемые эффекты связаны с приростом производственно-экономических результатов, ростом заработной платы персонала, снижением воздействия на окружающую среду и рядом других положительных изменений.

Заключение

В рамках проведенного исследования была разработана модель оптимизации деятельности предприятий лесной отрасли с учетом перспектив перехода на принципы устойчивого развития. Она учитывает комплекс получаемых эффектов, влияющих на результирующий экономический параметр (прибыль), за счет использования разнообразных ресурсов. При этом деятельность предприятий подвержена комплексу ограничений, невыполнение которых существенно сокращает область допустимых значений для эффектов. Разработанная авторская модель представляет новизну исследования.

Также получена графическая модель потоков ресурсов на лесопромышленном предприятии. Она обобщает ряд общепризнанных подходов к описанию деятельности предприятия: оценка внешней среды, факторы производства, возвратные ресурсы и др. Данная модель акцентирует внимание на ресурсах, ограничениях и эффектах, получаемых лесопромышленными предприятиями. В совокупности с представленной характеристикой отдельных объектов внешней среды полученная модель может быть использована для дальнейших исследований взаимодействий и развития элементов модели.

Важнейшим результатом является наглядное подтверждение тезиса о необходимости серьезной работы по стимулированию бизнеса к внедрению концепции устойчивого развития. При этом работа в данном направлении

должна строиться на ужесточении дополняющих друг друга ряда действующих ограничений и внедрении инструментов мотивации бизнеса. Представленный математический аппарат отражает комплекс технико-экономических, экологических и социальных зависимостей в процессах деятельности лесопромышленных предприятий.

Результаты, представленные в данной работе, могут быть полезны широкому кругу исследователей экономики лесного сектора и про-

мышленности в целом. В прикладном аспекте результаты будут полезны прежде всего органам федеральной власти в части реализации программ по внедрению принципов устойчивого развития, а также нормотворчества в сфере промышленной политики. С учетом перспектив перехода на принципы устойчивого развития представленные результаты будут полезны руководству лесопромышленных предприятий, прежде всего крупных, в целях разработки актуальных стратегий и планов развития.

Литература

- Блам Ю.Ш., Машкина Л.В., Стойлова А.С. (2017). Детализация прогнозов по народнохозяйственной модели в натуральные показатели отраслевой модели (на примере лесного комплекса) // Экономика и управление инновациями. № 2. С. 66–77.
- Бобылев С.Н. (2020). Устойчивое развитие: новое видение будущего? // Вопросы политической экономии. № 1. С. 67–83.
- Буданов И.А. (2016). Проблемы перехода от производственной к воспроизводственной модели экономического развития России // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Т. 14. С. 37–64.
- Бутко Г.П., Поротников П.А., Тихонов Е.Д. (2013). Формирование системы управления конкурентоспособностью предприятий лесной промышленности // Лесной вестник. № 4. С. 165–168.
- Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Яковлева К.А. (2015). Социально-экономическая эффективность и «зеленый» рост регионального лесопользования // География и природные ресурсы. № 4. С. 17–25.
- Гордеев Р.В., Пыжев А.И. (2023). Лесная промышленность России в условиях санкций: потери и новые возможности // Вопросы экономики. № 4. С. 45–66.
- Григорьев И.В., Григорьева О.И. (2016). Эффективность лесопользования в России // Энергия: экономика, техника, экология. № 5. С. 24–30.
- Измайлова М.А. (2021). Устойчивое развитие как новая составляющая корпоративной социальной ответственности // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 12. № 2. С. 100–113.
- Ильина Е.А. (2021). Моделирование стратегии устойчивого развития промышленных предприятий // Организатор производства. Т. 29. № 3. С. 130–138.
- Коряков А.Г. (2012). Методические подходы к моделированию устойчивого развития промышленных предприятий // Вестник экономики, права и социологии. № 3. С. 36–40.
- Медведев С.О., Мохирев А.П., Герасимова М.М. (2020). Модели оптимизации выпуска продукции и выручки лесопромышленных предприятий в условиях устойчивого развития // Фундаментальные исследования. № 7. С. 59–63.
- Петров А.П. (2020). Индустриализации лесовосстановления нужна новая правовая и экономическая организация // Устойчивое лесопользование. № 3 (62). С. 5–6.
- Петров В.Н., Мякшин В.Н., Песьякова Т.Н. (2023). Методика оценки эффективности региональной инвестиционной политики субъектов Российской Федерации // Экономика региона. № 19 (1). С. 259–273. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-20
- Полянская О.А., Михайлова А.Е., Засенко В.Е. (2017). Экологизация производства как основа конкурентоспособности предприятий лесопромышленного комплекса // Петербургский экономический журнал. № 3. С. 76–84.
- Пыжев А.И. (2021). Исследования экономики лесного комплекса России: библиометрический анализ // Terra Economicus. Т. 19. № 1. С. 63–77. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-63-77
- Роголин Р.С. (2021). Модель оценки эффективности формирования лесопромышленными предприятиями устойчивых цепочек поставок сырья // Journal of Applied Economic Research. Т. 20. № 1. С. 148–168.

- Терентьева В.Д., Савченко Е.Е. (2022). Развитие «зеленой» экономики в ЛПК регионов Сибири // *Baikal Research Journal*. Т. 13. № 1. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(1).16
- Шелухина Е.А. (2014). Балансовые макроэкономические и микроэкономические математические модели эколого-экономических отношений в рамках устойчивого развития // *Экономический анализ: теория и практика*. № 14 (365). С. 20–31.
- Янь Ш. (2018). Повышение эффективности деятельности лесопромышленных предприятий на территории Российской Федерации // *Системы. Методы. Технологии*. № 1 (37). С. 130–135.
- Яруллина Г.Р. (2008). Моделирование сбалансированного роста в обеспечении устойчивого развития предприятия // *Вестник Казанского государственного финансово-экономического института*. № 1 (10). С. 60–64.
- Amaral C., Pedro M.I., Ferreira D.C., Marques R.C. (2022). Performance and its determinants in the Portuguese municipal solid waste utilities. *Waste Management*, 139, 70–87. DOI: 10.1016/j.wasman.2021.12.020
- Chang A.-Y., Cheng Y.-T. (2019). Analysis model of the sustainability development of manufacturing small and medium-sized enterprises in Taiwan. *Journal of Cleaner Production*, 207, 458–473. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.10.025
- Gadow K.V. (2000). Evaluating risk in forest planning models. *Silva Fennica*, 34(2). DOI: 10.14214/sf.639
- Hahn A., Knoke T. (2010). Sustainable development and sustainable forestry: Analogies, differences, and the role of flexibility. *European Journal of Forest Research*, 129(5), 787–801. DOI: 10.1007/s10342-010-0385-0
- Hahn A., Härtl F., Irland L., Kohler C., Moshammer R., Knoke T. (2014). Financially optimized management planning under risk aversion results in even-flow sustained timber yield. *Forest Policy and Economics*, 42, 30–41. DOI: 10.1016/j.forpol.2014.02.002
- Halonen M., Näyhä A., Kuhmonen I. (2022). Regional sustainability transition through forest-based bioeconomy? Development actors' perspectives on related policies, power, and justice. *Forest Policy and Economics*, 142. DOI: 10.1016/j.forpol.2022.102775
- Hu D., Wang Y., Huang J., Huang H. (2017) How do different innovation forms mediate the relationship between environmental regulation and performance? *Journal of Cleaner Production*, 161, 466–476.
- Ibrahim M., Ferreira D., Daneshvar S., Marques R. (2019). Transnational resource generativity: Efficiency analysis and target setting of water, energy, land, and food nexus for OECD countries. *Science of the Total Environment*, 697. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2019.134017
- Laso et al. (2018). Assessing energy and environmental efficiency of the Spanish agri-food system using the LCA/DEA methodology. *Energies*, 11(12). DOI: 10.3390/en1123395
- Liang Y., Jin X., Taghvaei V. (2024). Sustainable development spillover effects among selected Asian countries: Analysis of integrated sustainability perspective. *Socio-Economic Planning Sciences*, 91. DOI: 10.1016/j.seps.2023.101781
- Medvedev S.O., Zyryanov M.A., Mokhiev A.P. et al. (2022). Russian timber industry: Current situation and modelling of prospects for wood biomass use. *International Journal of Design and Nature and Ecodynamics*, 17(5), 745–752.
- Mourao P.R., Martinho V.D. (2020). Forest entrepreneurship: A bibliometric analysis and a discussion about the co-authorship networks of an emerging scientific field. *Journal of Cleaner Production*, 256. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.120413
- Niero M., Hauschild M.Z., Hoffmeyer S.B., Olsen S.I. (2017). Combining eco-efficiency and eco-effectiveness for continuous loop beverage packaging systems: Lessons from the Carlsberg circular community. *Journal of Industrial Ecology*, 21(3), 742–753. DOI: 10.1111/jiec.12554
- Porter M.E., Linde C.V.D. (1995). Toward a new conception of the environment competitiveness relationship. *Journal of Economic Perspectives*, 9(4), 97–118.
- Soviana S. (2015). Cooperative, social enterprise, and community-based enterprise: Competing, substituting, or complementing? *Management and Organizational Studies*, 2(2), 1–14. DOI: 10.5430/mos.v2n2p1
- Stern N.H. (2007). *The Economics of Climate Change: The Stern Review*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Xue H. et al. (2018). Reform and efficiency of state-owned forest enterprises in Northeast China as “social firms”. *Journal of Forest Economics*, 30, 18–33. DOI: 10.1016/j.jfe.2018.02.002

Сведения об авторах

Сергей Олегович Медведев – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Сибирский государственный университет науки и технологий академика М.Ф. Решетнева (660037, Российская Федерация, г. Красноярск, проспект им. газеты Красноярский рабочий, д. 31; e-mail: Medvedev_serega@mail.ru)

Михаил Алексеевич Зырянов – кандидат технических наук, доцент, научный сотрудник, Сибирский государственный университет науки и технологий академика М.Ф. Решетнева (660037, Российская Федерация, г. Красноярск, проспект им. газеты Красноярский рабочий, д. 31; e-mail: zuryanov13@mail.ru)

Medvedev S.O., Zyryanov M.A.

Developing a Model of Forest Enterprises Activities with the Prospect of Moving into Sustainable Development

Abstract. The sustainable development concept is highly relevant in the modern scientific and applied agenda of country's social and economic development. Russia has approved a number of programs for its active implementation. This is reflected in almost all branches of the economy. The forest industry is crucial in this context as it uses and restores wood, one of major resources for the planet's ecosystems. The aim of the research is to develop a model for optimizing the activities of forest industry enterprises, taking into account the prospects of moving into sustainable development. The aim was predetermined by a necessity to design a means for supporting the idea of moving into sustainable development. The model includes a range of effects that impact the profit through the use of various resources. Forest enterprises activities concern a set of technical, economic, ecological and social aspects. The presented model helps to calculate the remaining profit available to the enterprise. It also covers crucial aspects such as competitiveness and efficiency, which are determined by the effects of social, ecological and economic nature. An important finding is the demonstration of the need and interest of forest enterprises to fulfill the existing restrictions imposed by stakeholders. The presented results may be valuable for researchers of the forest sector economy and to the industry in general; for the federal authorities to implement sustainable development programs and create industrial policy; for the heads of forest businesses to develop relevant strategies and plans.

Key words: forest enterprise, sustainable development, model developing, effect, production factors, restrictions, optimization, profit.

Information about the Authors

Sergei O. Medvedev – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (31, Krasnoyarsky Rabochy Avenue, Krasnoyarsk, 660037, Russian Federation; e-mail: Medvedev_serega@mail.ru)

Mikhail A. Zyryanov – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Researcher, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (31, Krasnoyarsky Rabochy Avenue, Krasnoyarsk, 660037, Russian Federation; e-mail: zuryanov13@mail.ru)

Статья поступила 28.02.2024.

Государственные облигации стран СНГ: динамика интеграции долговых рынков в условиях внешней нестабильности

**Гульнара Фатыховна
РОМАШКИНА**

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru

ORCID: 0000-0002-7764-5566; ResearcherID: O-7221-2017

**Кирилл Владимирович
АНДРИАНОВ**

ООО «Сбондс.ру»

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: kirvland@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4135-0878; ResearcherID: GLQ-9942-2022

**Юлия Александровна
ЮХТАНОВА**

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: y.a.yukhtanova@utmn.ru

ORCID: 0000-0002-9365-9714; ResearcherID: AEI-2479-2022

Для цитирования: Ромашкина Г.Ф., Андрианов К.В., Юхтанова Ю.А. (2024). Государственные облигации стран СНГ: динамика интеграции долговых рынков в условиях внешней нестабильности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 146–165. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.8

For citation: Romashkina G.F., Andrianov K.V., Yukhtanova Yu.A. (2024). Government bonds of the CIS countries: Integration dynamics of debt markets in the context of external instability. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(2), 146–165. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.8

Аннотация. В статье исследуются особенности развития рынков государственных облигаций стран СНГ. В выборку вошли Россия, Казахстан, Узбекистан и Азербайджан, поскольку в СНГ только в этих странах имеется достаточно выпусков государственных облигаций, включенных в мировой долговой рынок. Актуальность исследования связана с нарастанием финансовой неопределенности, обуславливающей внимание к относительно надежным средствам государственных долгов; потребностью в понимании функционирования долговых рынков на фоне антироссийских санкций и усиления влияния государства. Цель работы – эмпирическая проверка связанности, интеграции и предсказуемости рынков государственных облигаций России, Казахстана, Узбекистана и Азербайджана. Эмпирические данные включают ежедневные ставки рефинансирования национальных центральных банков, индексы полной доходности государственных облигаций, G-спреды международных облигаций стран к условно-безрисковой кривой доходности облигаций США за 2019–2023 годы. Эффекты особенностей развития рынков разделены на локальные, региональные и глобальные, такие как реакция на COVID-19 и антироссийские санкции после 2022 года. Методы: анализ динамики, корреляционный, факторный и регрессионный анализ. Новизна исследования заключается во введении в научный дискурс новых эмпирических данных, апробации методики, позволяющей оценить взаимодействие монетарных политик и функционирования рынков государственных облигаций, общее и различия в поведении этих рынков до и после введения санкций против финансовой системы России. Сделаны выводы о нарушении интегрированности рассмотренных рынков в рамках СНГ, что создает риски для эффективного экономического развития региона. Были выделены относительно развитые, интегрированные, но слабо предсказуемые рынки России и Казахстана. Казахстан отличается от России более сильной связанностью монетарной политики, доходности государственных облигаций и рисков. Доходность государственных облигаций Азербайджана находится под влиянием более развитого рынка Казахстана, особенно в части оценки риска, но сам рынок слабо развит. Еще менее интегрирован и развит рынок Узбекистана.

Ключевые слова: рынок, облигации, доходность, поведение, связанность, предсказуемость, государство, кризис.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-28-01321 «Анализ поведения участников долгового рынка в условиях кризисных ситуаций в связанных экономиках».

Введение

Научная проблема исследования связана с тем, что быстро меняющиеся мировые экономические процессы влияют на самые разные обстоятельства жизни людей, государств и целых регионов. Эти процессы широко обсуждаются в научной и экспертной среде, но научных исследований, опирающихся на конкретные эмпирические данные, весьма мало. Особенно трудно проводить эмпирические исследования в нестабильной внешней среде. Важность проблематики усугубляется отсутствием или недостаточностью данных для сравнительных исследований.

Проблематика исследования конкретизируется на примерах взаимодействий между государствами и финансовыми рынками в условиях

быстро меняющихся внешних обстоятельств 2019–2023 гг. Государство в рыночной экономике традиционно выступает и как регулятор, и как один из агентов рыночных отношений. Анализ, учитывающий экономические, институциональные и поведенческие факторы (Wallis, North, 1986), демонстрирует, например, как фискальная и денежно-кредитная политика определяет поведение финансового рынка, институты влияют на рынок и его функции, а неоптимальное поведение людей корректирует цены, доходность и общее положение на рынках. Д. Норт получил нобелевскую премию за исследования в области новой институциональной экономики (North, 2016). Его рассуждения о ментальных моделях, традициях и

ограничениях остаются актуальными и сегодня. А. Laplane и М. Mazzucato утверждали, что роль государства лучше понимать как совместное создание и формирование рынков, а не только их фиксацию (Laplane, Mazzucato, 2020). Понимание поведения рынков не ограничивается формальными моделями, оно должно включать и другие факторы.

Актуальность конкретной постановки проблемы определена глобальными, региональными и локальными факторами, включающими нарастание финансовой неопределенности, обуславливающее внимание к относительно надежным средствам государственных долгов; интерес к исторически взаимодействующим с Россией государствам и рынкам; потребность в понимании функционирования долговых рынков на фоне антироссийских санкций и усиления влияния государства. По официальным данным, в СНГ в настоящее время входят 10 государств¹. Рейтинг стран СНГ по размеру ВВП возглавляют Россия, Казахстан, Беларусь. Все страны региона имеют существенные отличия по уровню развития, и процессы взаимодействия неоднозначны. Этот регион в настоящее время критически важен для российской экономики, что обуславливает практическую значимость нашего исследования. Наличие развитых и эффективных финансовых рынков способствует более устойчивому развитию, снижает финансовые риски, создает новые возможности для взаимодействия, в том числе через долговые инструменты и взаимные инвестиции. В связи с этим важно понимать, насколько предсказуемо поведение долговых рынков под воздействием политики государства, внешних оценок рисков и информации самого рынка.

Целью данной работы является эмпирическая проверка особенностей развития рынков государственных облигаций в странах СНГ в части их интегрированности, локальной связанности и предсказуемости, а также реакции этих рынков на новые шоки, такие как COVID-19 и антироссийские санкции. В выборку вошли Россия, Казахстан, Узбекистан и Азербайджан. Период исследования: 2019–

2023 годы, включает два кризиса – мировой, связанный с COVID-19, и введение санкций в 2022 году. Мы предполагаем, что введение санкций в отношении финансовой системы России могло повлиять на характер взаимодействия политик финансового управления и размещения государственных (суверенных) облигаций стран СНГ. Практически одновременно после 1990-х гг. в названных странах начал развиваться рынок, в первую очередь финансовый. Если рынки облигаций недостаточно развились, торги на них представлены очень малым количеством сделок и высокой волатильностью, что затрудняет сравнительные исследования. Локальные финансовые рынки в остальных странах СНГ, не вошедших в выборку, не имеют достаточного количества выпусков государственных облигаций.

Рыночная капитализация международных рынков облигаций намного выше, чем международных фондовых рынков. Тем не менее, по сравнению с большим количеством литературы, посвященной международным взаимодействиям на фондовых рынках, проведено мало эмпирических исследований системного риска облигаций или совместных движений на международном рынке облигаций. Взаимосвязанность на международном рынке облигаций заслуживает внимания, поскольку она может иметь важные последствия для стоимости финансирования бюджетного дефицита, независимости денежно-кредитной политики, моделирования и прогнозирования долгосрочных процентных ставок и диверсификации портфеля облигаций.

Новизна исследования заключается во введении в научный дискурс новых эмпирических данных, апробации методики, позволяющей оценить взаимодействие монетарных политик и функционирования рынков государственных облигаций, поведение этих рынков до и после введения санкций против финансовой системы России. Сделаны выводы о нарушении интегрированности рассмотренных рынков в рамках СНГ, что создает риски для эффективного экономического развития региона. Основной причиной нарушения интегрированности на уровне эмпирических данных выступает слабая предсказуемость поведения рынков для инвесторов.

¹ URL: <https://e-cis.info/news/566/110831> (дата обращения 29.03.2014).

Обзор литературы

В научной литературе за последние 20 лет возрос интерес к анализу динамики индексов фондовых рынков на основе эконометрического подхода, включающему анализ взаимных воздействий, совместных изменений и связанности рынков. Важной частью этих исследований стало включение в структуру эконометрических данных институциональных переменных. Например, сравнение биржевых цен за длительный период показало, как положение о добросовестном раскрытии информации снизило спреды и издержки неблагоприятного отбора почти в три раза (Jiang, Kim, 2005). La Porta и соавторы изучили законодательство о ценных бумагах в 49 развивающихся странах и подтвердили, что законы о раскрытии информации приносят пользу фондовым рынкам через правила ответственности (La Porta et al., 2006). R. Duncan на примере 56 стран в период с 1984 по 2008 год применил динамическую логлинейную модель и показал, что волатильность финансовых рынков стран с формирующимся рынком была обусловлена поддержкой или нестабильностью денежно-кредитной политики (Duncan, 2014). Интеграцию системы регулирования и надзора как меру эффективности регулирования финансового рынка в России за 1999–2013 гг. оценили А. Абрамов и соавторы, сделав прогноз об отнесении России к той или иной группе в выборке из 50 стран (Абрамов и др., 2014). Эта работа внесла вклад в развитие знаний о российском финансовом рынке, но в ней не рассматривается рынок государственных ценных бумаг, анализ проведен только на основе агрегированных показателей, не выделены кризисные периоды. В нашей работе проверяется этот метод оценки эффективности, но в научный дискурс вводятся новые эмпирические данные по рынку государственных облигаций и модернизируется методика анализа.

В исследовании М. Shah и соавторов (46 стран за 2000–2019 гг.) показано, что формальные институты, такие как права собственности, финансовая свобода и государственное регулирование, играют решающую роль в развитии фондового рынка в странах с формирующейся рыночной экономикой (Shah et al., 2023). Однако остается вопрос, определена ли эта зави-

симость только локальными политическими факторами или формируется под влиянием некоторых общих тенденций.

Если следовать постулатам Д. Норта, институты формируются исторически и во многом находятся под влиянием культурных традиций. Например, страны англоязычной культуры достаточно длительное время взаимозависимы. Рынки таких стран остаются под влиянием более крупных и развитых рынков. Существует достаточно много исследований, посвященных взаимосвязанности финансовых рынков этих стран. Кроме того, важны вопросы эффективности взаимодействия государственных институтов, рынков и конечных потребителей финансовых инструментов.

Развитие рынка государственных облигаций (GBM – Government Bond Market) во многом связано с наличием институциональных и частных инвесторов, готовых вкладывать свои средства. Помимо готовности инвестировать со стороны резидентов важны экономическая стабильность и состояние основных денежных потоков государства. После коренного перелома в финансовой системе стран, ранее входивших в СССР, для некоторых новых развивающихся экономик сочетание факторов привело к развитию рынка государственных облигаций, для других стран формирование государственного долга обеспечивается более дорогим инструментом привлечения внешних валютных займов.

Эффективность и институциональные условия взаимодействий правительств с кредиторами GBM обсуждается в литературе по новой институциональной экономике, поведенческой экономике и в эконометрических исследованиях. Эконометрический анализ доходностей выпусков облигаций 131 страны в ходе 240 000 сделок на первичном рынке в период с 1990 по 2016 год свидетельствует, что облигации, номинированные в национальной валюте, стали доминировать на рынке, хотя выпуск облигаций в национальной валюте часто сопровождается более короткими сроками погашения (Ballard-Rosa et al., 2022). Рассмотрев ежедневные доходности в выборке 496 акций, составляющих S&P500 за период 2014–2021 гг., R. Casarin и соавторы показали изменение сигналов рынка в первый период распространения COVID-19,

затем нормализацию процессов. Финансовый рынок колебался выше бенчмарка, реагируя на риски от 50 до 30% в логарифмической модели (Casarin et al., 2023). Мы изучаем такие взаимодействия через интеграцию, поведение регуляторов, индексы доходностей облигаций в национальной валюте и прокси оценки рисков через спреда этих доходностей.

Применяемые нами спреда доходностей для моделирования ожиданий или риска хорошо зарекомендовали себя. А. Ang, М. Piazzesi, М. Wei заверяли, что так называемый «короткий календарный спред» обладает большей предсказательной силой, чем любой другой срочный спред для прогнозирования ВВП, но их модель не допускала арбитража и не учитывала эндогенность факторов. Понятно, что сам спред не является причиной роста ВВП, но демонстрирует ожидания инвесторов. Авторы также предложили применять в моделях доходности по облигациям с самым длительным сроком погашения для измерения наклона кривой (Ang et al., 2006).

В современной экономике недостаточно рассматривать чисто экономические переменные для объяснения процессов. Так, в рамках концепции поведенческих финансов изучается, как отдельные лица и организации приобретают и распределяют ресурсы, принимая во внимание связанные с этим риски (Baker, Nofsinger, 2010). Модели предпочтений показывают ценообразование капитальных активов на рынках (Hirshleifer, 2015). Исследователям всегда было ясно, что рискованные активы должны оцениваться так, чтобы получать в среднем более высокую доходность, чем менее рискованные, в качестве компенсации за риск. Поведенческие факторы определили гипотезу эффективного рынка, которая утверждает, что цены активов отражают информацию, поэтому избыточная доходность не может быть получена на постоянной основе (Rau, 2010). Обоснованность модели эффективного рынка обсуждается теми сторонниками поведенческих финансов, которые утверждают, что индивидуальная иррациональность влияет на рыночные результаты. Роль государственных облигаций может быть не только стабилизирующей, когда они выступают как институциональный фон, но и прямой инвестиционной (Glushkov et al., 2018).

Поведенческие факторы в деятельности инвесторов на примере финансового рынка Республики Беларусь рассмотрела С.С. Осмоловец. Анализ был проведен на основе корреляций между показателями в среднем по республике, однако не учитывались риски и целевые значения (Осмоловец, 2022). Вывод о слабой эффективности финансового рынка Республики Беларусь декларируется в терминах поведенческих финансов, но автором не приведены доказательства, которые бы опирались на гипотезу об эффективности финансового рынка.

Динамику, структуру и механизмы рынка облигаций в России за 2012–2019 гг. исследовала С.Д. Агеева. Сделан вывод, что уже в 2021 году государство заняло преобладающую позицию на финансовом рынке (Агеева, 2022). Однако она просто констатировала неравность доступа к бумагам для частных компаний, но не провела анализ доходностей этих бумаг, не рассмотрела количественные показатели государственного участия.

Существование глобального фактора денежно-кредитной политики в доходности GBM декларируют D. Malliaropoulos и P. Migiakis на примере девяти крупнейших экономик. Скупка активов глобальными центральными банками во время кризиса COVID-19 уравнивала влияние растущего бюджетного дефицита на доходность международных облигаций, которая в результате снизилась, а инвесторы произвели ребалансировку своих портфелей в сторону более рискованных активов (Malliaropoulos, Migiakis, 2023). Эти же авторы показали, как можно учитывать специфические для страны факторы, влияющие на доходность суверенных облигаций, такие как риск суверенного дефолта. Например, как вероятность дефолта, совокупные активы центральных банков и срок их взаимодействия влияют на уровень интеграции.

Предсказуемость доходности облигаций с использованием макропеременных реального времени на основе нелинейной модели показали D. Huang и соавторы (Huang, 2023). Более того, облигации генерируют существенные экономические значения, их предсказуемость не ограничивается кривой доходности. Авторы показали, что доходность облигаций и степень предсказуемости возрастают во время эконо-

мических спадов, что дает эмпирическую поддержку хорошо известным теориям макрофинансирования.

Известен ряд публикаций о развивающихся странах, где очень важным вопросом при изучении взаимосвязанности динамики доходности является анализ относительного влияния фундаментальных переменных на их поведение (Cifarelli, Paladino, 2006), а также о вторичных эффектах волатильности на международных рынках облигаций (Panchenko, Wu, 2009) и т. д.

Об источниках совместного движения на рынках государственных облигаций в европейском контексте можно прочитать в работах P. Abad и соавторов. Например, для анализа влияния Экономического и валютного союза (ЭВС) на интеграцию европейского долгового рынка доходность GVM каждой отдельной страны была разделена на три составляющие: локальный эффект (собственная страна), региональный (еврозона) и глобальный (мировой). Сделан вывод о том, что рынки стран, решивших не входить в ЭВС, демонстрируют более высокую уязвимость к внешним факторам риска (Abad et al., 2010; Abad et al., 2014).

Динамика интеграции рынка облигаций под влиянием финансовых кризисов на длительных периодах исследовалась в работах E.J. Abakah, W. Qin и соавторов (Abakah et al., 2021; Qin et al., 2023). Кажется очевидным, что развитые рынки имеют гораздо более высокий уровень рыночной интеграции, чем развивающиеся. В большинстве развитых рынков увеличивается уровень рыночной интеграции, а в развивающихся нет. Кризисные периоды демонстрируют сильную разбалансировку, поэтому для нас важным представляется метод уточнения, который применяли авторы, разделяя периоды и группы стран, а также эффекты по срокам погашения облигаций. Классификация по регионам выглядит так: наиболее интегрированными являются Северная и Южная Америка, за ними следует Европа. Рынки Азиатско-Тихоокеанского региона имеют самую низкую интеграцию (Qin et al., 2023).

Таким образом, в мировой литературе достаточно широко представлен анализ фондового рынка, но очень мало исследований рынка облигаций. Имеющиеся работы по анализу облигаций сконцентрированы в большей степени на

рынках Евросоюза, Америки, крупнейших развивающихся стран. В русскоязычной литературе достаточно исследований фондового рынка в России, но научных публикаций, посвященных анализу российского рынка государственных облигаций с раскрытием модельных данных и эконометрическим подходом, мы не обнаружили. Имеется достаточно коммерческих аналитических обзоров, направленных на поддержку квалифицированного инвестора, но в них нет исследовательского контекста. Возможно, в силу ограниченности доступа к информации осталась практически неисследованной интеграция рынков государственных облигаций стран СНГ.

Анализируя платежный баланс России до 2016 года, Н.А. Дементьев указывал на то, что Россия выступает крупным сальдо-кредитором остального мира (Дементьев, 2018). Необходимо признать, что ситуация за семь лет изменилась только в географическом разрезе. Частичная переориентация российских капиталов с запада на юго-восток вызвала в российском экономическом и политическом пространстве интерес к альтернативным оценкам рисков, например, на основе китайского рейтинга. Эта проблема активно обсуждается. А.В. Кузнецов считает, что Большая тройка рейтинговых агентств искусственно занижает рейтинги развивающихся стран, ограничивая их доступ к рынкам капитала, и предлагает поощрять создание национальных рейтинговых агентств (Кузнецов, 2022).

Взаимосвязанность экономики России с экономиками других стран демонстрирует чистая международная инвестиционная позиция России за последние 5 лет — тенденция к росту на фоне опережающего снижения обязательств по сравнению с активами. Обострение геополитической ситуации в феврале 2022 года и введенные против Российской Федерации санкции оказали серьезное влияние на работу финансового рынка и на международную инвестиционную позицию России в 2022–2023 гг. Крупнейшие западные биржи объявили о прекращении торгов ценными бумагами российских компаний, иностранные фонды были вынуждены в срочном порядке продавать российские активы. В этой ситуации РФ является нетто-импортером капитала. Так, внешние

финансовые активы на 1 января 2023 года в два раза превысили внешние финансовые обязательства, а инвестиционные доходы России по состоянию на 2022 год более чем в два раза меньше, чем доходы других стран от инвестиций в России.

С учетом сложившейся ситуации особую роль приобретает характер инвестиционного взаимодействия России в рамках СНГ. Страны СНГ являются ее стратегическими партнерами. Для того чтобы исследовать взаимосвязанность рынков государственных облигаций стран СНГ внутри региона, следует оценить степень экономического сотрудничества, выражающуюся в интенсивности инвестиционного взаимодействия. Наиболее значимым для анализа становится рассмотрение связи России с Казахстаном, Узбекистаном и Азербайджаном в части взаимных прямых инвестиций по данным Банка России (табл. 1).

Согласно представленным официальным данным, за рассмотренный период не произошло кардинальных изменений в объемах накопленных прямых инвестиций трех рассмотренных стран с РФ. Структура взаимоотношений и их направленность существенно зависят от размера и мощности экономики. В случае с Казахстаном РФ выступает нетто-инвестором, и этот разрыв немного увеличился к 1 января 2022 года. В отношениях с Узбекистаном и Азербайджаном РФ занимает позицию нетто-заемщика.

Самая большая экономика после РФ в рассмотренной группе стран, Казахстан, значительно превосходит остальные по объемам взаимных накопленных прямых инвестиций. Накопленные вложения Казахстана и России в форме прямых инвестиций примерно одинаковы по объему, имеется слабая тенденция к росту.

Узбекистан и Азербайджан, как экономики меньшего масштаба, имеют существенно меньшие объемы взаимных вложений с РФ. Объем прямых накопленных инвестиций в Азербайджан и Узбекистан из России более чем в два раза меньше инвестиций в РФ со стороны этих стран. Можно констатировать, что объемы взаимных вложений в форме прямых инвестиций (остатков на конкретную дату) немного расширяются, но сами размеры инвестиционного сотрудничества невелики. Наличие взаимовлияния и взаимной заинтересованности, по эмпирическим данным 2019–2022 гг., выявлено только применительно к паре Россия – Казахстан.

Таким образом, теоретико-методологические основания нашего исследования содержат элементы эконометрического подхода к анализу финансовых рынков, институциональной и мировой экономики, поведенческих финансов. На основе анализа литературы мы предположили, что эффективный рынок должен быть связан с системой регулирова-

Таблица 1. Взаимные накопленные прямые инвестиции России (РФ), Казахстана (КАЗ), Азербайджана (АЗ), Узбекистана (УЗ), млн долл.

Дата	Накопленные прямые инвестиции в РФ			Накопленные прямые инвестиции из РФ		
	КАЗ	АЗ	УЗ	КАЗ	АЗ	УЗ
01.01.19	2900,19	572,39	853,68	3340,57	246,17	65,41
01.04.19	3180,43	611,99	913,66	3412,06	272,28	70,87
01.07.19	3336,67	631,67	937,96	3590,14	245,87	100,61
01.10.19	3258,39	631,53	892,69	3698,48	241,53	114,7
01.01.20	3520,13	642,45	838,66	3684,06	343,53	127,08
01.04.20	2881,58	526,4	679,1	3345,19	188,7	139,03
01.07.20	3242,98	621,72	763,81	3493,98	216,74	141,7
01.10.20	2834,31	548,68	680,98	3328,84	198,85	140,57
01.01.21	3042,93	585,64	758,82	3524,7	241,7	177,2
01.04.21	3038,13	599,43	740,3	3533,51	250,04	191,97
01.07.21	3033,7	630,36	775,56	3608,27	241,37	210,12
01.10.21	3036,27	632,62	772,22	3902,43	207,7	212,96
01.01.22	3310,67	613,47	756,81	3982,3	344,94	282,07

Источник: Накопленные прямые инвестиции по географическим регионам мира, странам, инструментам и видам экономической деятельности. URL: <https://cbr.ru/statistics/macroitm/svs/npj/> (дата обращения 09.02.2024).

ния и контроля; умеренно предсказуем; эффекты развития рынков следует разделить на локальные, региональные и глобальные. Эффективность проявляется в том, что избыточная доходность не может быть получена на постоянной основе, а рациональные инвесторы, стремясь максимизировать свой доход, постараются максимально предугадать поведение регулятора. Данная логика исследования определяет его теоретическую значимость. Провераемые гипотезы: 1) исторически взаимосвязанные экономики формируют региональный интегрированный и эффективный рынок государственных облигаций (GBM); 2) российский рынок государственных облигаций локально связан и предсказуем.

Данные и методика

Методика настоящей работы опирается на методы и модели, используемые при анализе интеграции и связанности финансовых рынков, которые были скорректированы для рынка ценных бумаг и ставок рефинансирования центральных банков (ЦБ) с учетом прокси-оценок рисков. Особенность методики – последовательное применение корреляционного, факторного и регрессионного анализа, теста причинности по Грейнджеру.

Для каждой из стран выборки были собраны и рассчитаны следующие величины:

- 1) $S_{n,t}$ – локальная ставка рефинансирования ЦБ (как характеристика поведения регулятора);
- 2) $I_{n,t}$ – сводные индексы полной доходности (как средняя доходность рынка государственных облигаций);
- 3) $G_{n,t}$ – G-spread (как средние оценки риска по международным государственным облигациям),

где t – момент времени с 25.06.2019 по 31.10.2023, данные представлены по рабочим дням соответствующих торговых площадок. В обозначениях n соответствует стране: Россия (РФ), Казахстан (КЗ), Узбекистан (УЗ), Азербайджан (АЗ)².

² Торговые площадки, с которых была взята исходная информация: Московская биржа (MISX), Санкт-Петербургская валютная биржа (ХРИС), Cbonds Estimation; Казахстанская фондовая биржа (ХКАЗ); Бакинская фондовая биржа (BSEX); Узбекская республиканская валютная биржа (XSTE).

Если в соответствующих обозначениях нет параметра времени (t), представлены векторные переменные.

Для оценки доходности государственных облигаций $I_{n,t}$ были использованы ежедневные данные о доходности полного перечня государственных облигаций, см. формулу (1).

$$I_{n,t} = \frac{\sum_i Y_{i,t} D_{i,t} [P_{i,t} + НКД_{i,t}] N_{i,t}}{\sum_i D_{i,t} [P_{i,t} + НКД_{i,t}] N_{i,t}}, \quad (1)$$

где $I_{n,t}$ – средневзвешенная доходность выбранных бумаг (простая);

$Y_{i,t}$ – доходность эмиссии i в момент t (простая);

$НКД_{i,t}$ – накопленный купонный доход по бумаге i в период времени t ;

$D_{i,t}$ – дюрация эмиссии i в момент t ;

$N_{i,t}$ – объем i -го выпуска облигаций из индексного списка (штук) в момент времени t ;

$P_{i,t}$ – чистая рыночная цена облигации.

Все цены при расчетах индекса указаны на текущую дату.

В качестве оценки риска ($G_{n,t}$) использовался показатель G-spread/1000 – спред по международным облигациям соответствующей страны, вычисляемый как расхождение доходности государственных международных облигаций, номинированных в долларах, и доходности по государственным облигациям США, которые считаются безрисковыми. Из вычисления исключались бумаги со сроком до погашения менее 5 лет, для остальных бумаг вычислялась простая средняя величина в качестве меры оценки риска.

Для РФ был использован индекс Cbonds-GBI RU YTM, рассчитываемый информационным агентством Cbonds. Для остальных трех стран индексы были рассчитаны авторами на основании данных торгов по методике, аналогичной Cbonds-GBI RU YTM. В случае, если в день торговалась только одна бумага из всех государственных облигаций в национальной валюте, использовалась доходность торгов по этой бумаге. Если в течение дня состоялось несколько сделок, то в качестве значения индекса принималась средневзвешенная величина, где вес соответствовал объемам размещения облигаций за этот день. Если сделок с бумагами не производилось, значение индекса за этот день не рассчитывалось.

Все средние величины вычислялись как средневзвешенное по выпускам с учетом сроков погашения. Согласно рекомендациям аналитиков, мы рассмотрели локальную связанность и интеграцию рынков (Abad et al., 2014; Casarin et al., 2023).

Методика проверки гипотез подразумевает, что развивающиеся рынки стремятся к повышению своей эффективности, а поведение инвесторов может предугадывать поведение регулятора, обучаясь на предыдущих примерах данных своей страны (предсказуемость) и других рынков (интегрированность). Связанные рынки отмечены наличием устойчивых и значимых корреляций между соответствующими индексами. Если наблюдается интеграция, то сближение поведения международных инвесторов приводит к большей предсказуемости и к повышению взаимной заинтересованности. Верно и обратное влияние. Поэтому взаимодействие разделяется на локальное, когда более тесно связаны характеристики данной страны (локальная связанность), и внешнее (интеграция), когда более тесно связаны соответствующие характеристики в группе стран. Под предсказуемостью понимается ситуация, когда рынки могут предсказывать поведение своего регулятора, а оценки рисков со стороны участников рынка достаточно четко описывают рыночную ситуацию. Если для локального рынка не удастся статистически значимо определить эффекты связанности, предсказуемости и интегрированности одновременно, такой локальный рынок следует считать разбалансированным.

Модели авторегрессии с распределенным лагом, количество лагов, количество экзогенных переменных использовались для оценки степени прогнозируемости поведения регулятора с учетом поведения динамического ряда и экзогенных переменных с лагами. Метод оценки согласованности финансовых рынков через модели широко применяется в литературе, например, обсуждается в (Stoupos, Kiohos, 2022; Malliaropoulos, Migiakis, 2023; Qin et al., 2023).

Гипотеза (1) была проверена через описание средних значений (приложение 1), анализ динамики (см. рис. 2–4), наличие парных корреляций (по Спирмену, см. табл. 4–5) и с помощью метода главных компонент (см. приложение 2). Корреляции по Спирмену позволяют

исключить влияние сильных шумов, тем самым корректируя сильные отклонения. Результатом факторного анализа выступает группировка показателей. Адекватность применения факторного анализа проверялась по критерию Кайзера – Майера – Олкина, критерию F (см. приложение 2).

Гипотезу (2) проверяли в два этапа: наличие парных корреляций (интегрированность и связанность) и тест причинности по Грейнджеру (связанность и предсказуемость) российского рынка государственных облигаций. Предсказуемость поведения российского ЦБ на рынке проверяется через наличие возможности прогноза поведения российского регулятора $S_{PФ,t}$ (ставка рефинансирования российского ЦБ) от предикторов с лагами по времени $I_{n,t-k}$, $G_{n,t-k}$, равными 5 и 10 рабочих дней. В общем виде проверялись модели двух связанных регрессионных уравнений для РФ ADL (Т, 2, 2):

$$\begin{aligned} \hat{S}_{1,t} &= \widehat{A}_{(1)} + \sum_{n=1}^4 \sum_{k=0;5;10} \beta_{n,k}^{(1)} I_{n,t-k} + \\ &+ \sum_{n=1}^4 \sum_{k=0;5;10} \alpha_{n,k}^{(1)} G_{n,t-k} + \sum_{n=2}^4 \sum_{k=0;5;10} \gamma_{n,k}^{(1)} S_{n,t-k} \\ \hat{I}_{1,t} &= \widehat{A}_{(2)} + \sum_{n=2}^4 \sum_{k=0;5;10} \beta_{n,k}^{(2)} I_{n,t-k} + \\ &+ \sum_{n=1}^4 \sum_{k=0;5;10} \alpha_{n,k}^{(2)} G_{n,t-k} + \sum_{n=1}^4 \sum_{k=0;5;10} \gamma_{n,k}^{(2)} S_{n,t-k} \end{aligned} \quad (2)$$

где $t = \overline{0; T}$ – момент времени; n – страны (1) РФ, (2) КЗ, (3) УЗ, (4) АЗ; $k = 0, 5, 10$.

На основе сравнения моделей (2) и (3) строится тест причинности по Грейнджеру, который позволяет сделать вывод о том, насколько улучшает наличие информации об одной переменной значимое присутствие в регрессионном ряде второй переменной. Стандартный способ улучшения моделей заключается в применении пошаговых методов, исключающих незначимые и лишние предикторы по критериям F, VIF, AIC, BIC. Оценка стационарности временного ряда была проведена по тесту Дики – Фуллера, длина распределенных лагов оценивалась по преобразованию Койка, коэффициенты авторегрессионного ряда максимизируются при $n = 5, 10$, $|\alpha| < 1$. Отметим, что временные ряды представляют не календарные, а рабочие дни

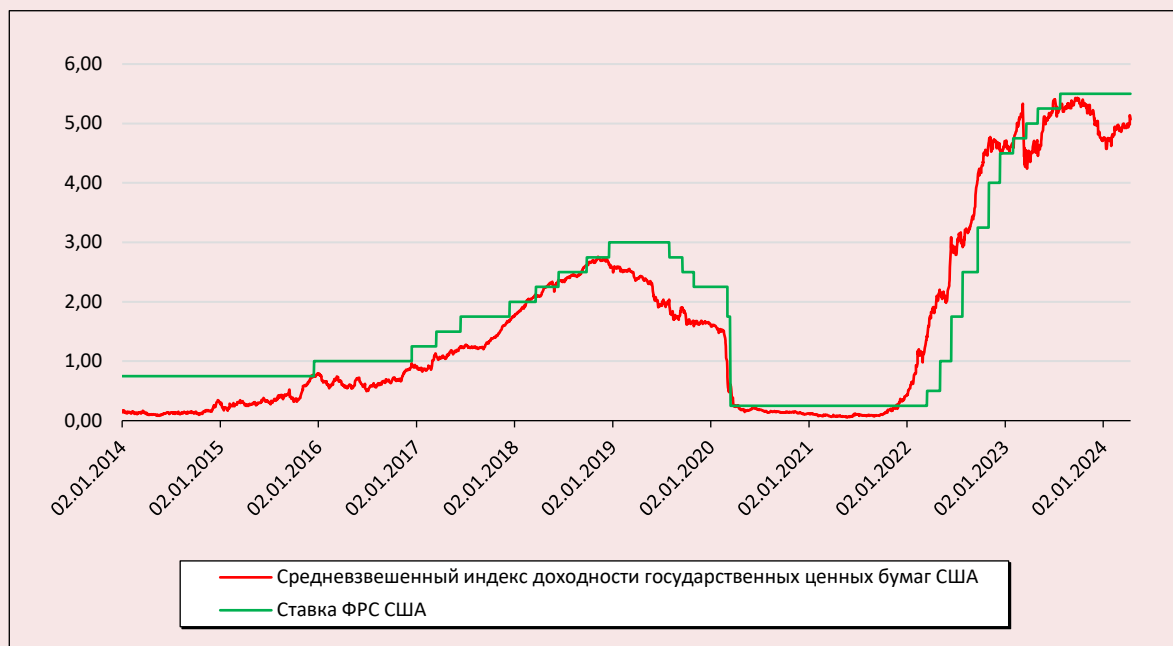
на соответствующих торговых площадках, которые не всегда одновременны, что объясняет незначительные скачки в указанные периоды. В таблице 6 приведены результаты применения пошагового метода оценки модели (2), вычисления произведены в SPSS-24 на полной модели данных с лагами. Отметим, что такие пошаговые модели не позволяют осуществить прямую интерпретацию коэффициентов линейной регрессии, но позволяют оценить степень предсказуемости процесса в терминах информации. Результат интерпретируется в наличии информации из процесса – предиктора для процесса целевой переменной (Stoikos, Kiohos, 2022). В целом были оценены полные и сокращенные модели при $k = \overline{1}; \overline{10}$.

Анализ результатов

На первом шаге рассмотрим динамику рынка государственных ценных бумаг США, который считается безрисковым (рис. 1). Относительно этого рынка рассчитывались риски инвестиций в ценные бумаги всех других стран. Рынок колеблется с высокой степенью корреляции с движением ставок Федеральной ре-

зервной системы (ФРС) США, практически заранее предугадывая движения ставок. Такой рынок является эффективным, поскольку инвесторы могут зарабатывать, предугадывая с более или менее высокой степенью вероятности политику регулятора. В условиях стабильной экономики без кризисов национальный регулятор устанавливает ставку рефинансирования исходя из оценки текущей и прогнозируемой инфляции (в случае таргетирования инфляции). При этом чем раньше и чем точнее участники рынка могут предугадать следующее действие регулятора, тем большую прибыль они могут получить. В развитых экономиках с активным рынком это приводит к тому, что индексы доходностей по облигациям в большинстве случаев подстраиваются под будущее действие регулятора за несколько дней до момента объявления решения. Такие предсказуемые процессы формируют безопасную среду, более эффективную для институционального и частного инвестирования, как на фондовом рынке, так и долговом, в том числе государственном.

Рис. 1. Динамика ставок ФРС США, средневзвешенного индекса доходности государственных ценных бумаг США, 2014–2023 гг.

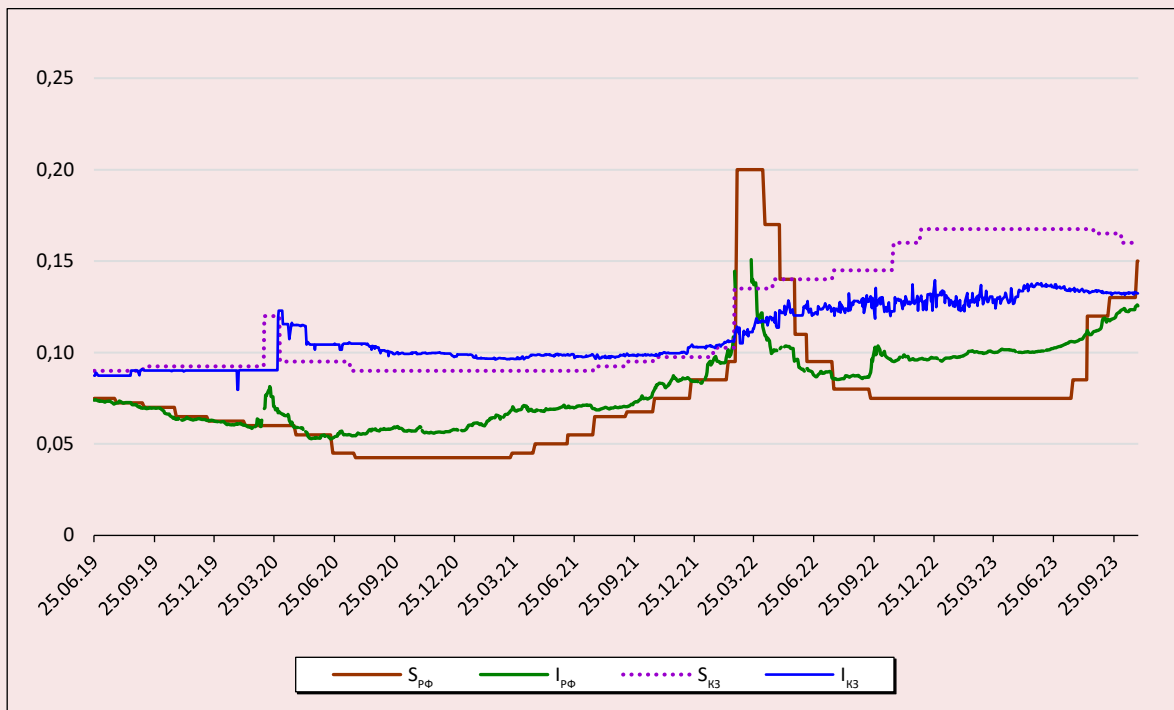
Источник: Cbonds. URL: <https://cbonds.ru/indexes/1607/>; <https://cbonds.ru/indexes/79117/>

На *втором шаге* рассмотрим динамику рынков государственных облигаций в связи с динамикой ставок рефинансирования ЦБ и спреда ожидаемой доходности облигаций S -spread для стран выборки. Среди стран СНГ наиболее развитым рынком государственных облигаций обладает Россия. Однако заметно, что начиная с 2022 года это наиболее рискованный и волатильный рынок. Колебания показателя $G_{n,t}$ в период до февраля 2022 года и после него отличаются более чем на 400% (см. приложение 1, рис. 3).

В условиях кризисов доходность по государственным облигациям для РФ носит догоняющий характер относительно ставок Центрального банка, что говорит о слабой предсказуемости действий регулятора со стороны рынка (рис. 2). На диаграмме средневзвешенной доходности можно четко увидеть два кризиса: COVID-19 и в феврале – июне 2022 года. Оценки $G_{n,t}$ 07.02.2022 и 08.02.2022 на волне паники поднялись до 1,73 и 1,25 соответственно. Второе возмущение спредов происходило в апреле – июне 2022 года, когда переменная $G_{n,t}$ колеба-

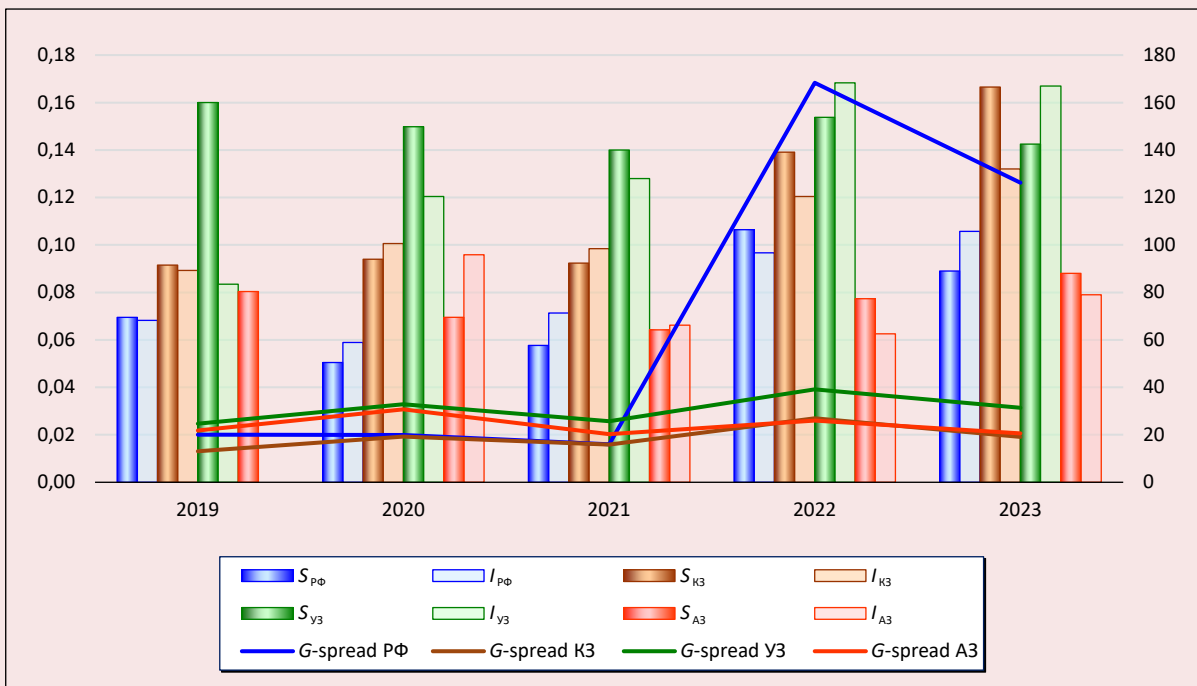
лась в диапазоне 0,4–0,8. Среднегодовые значения спредов в РФ резко выросли в 2022 году, несколько снизились в 2023 году, но остались на высоком уровне (рис. 3). До марта 2022 года тенденции ставки ЦБ и средневзвешенной доходности рынка российских государственных облигаций находились в относительном согласии. Если норма доходности примерно соответствует ставке ЦБ, рынок считается эффективным, когда имеются возможности заблаговременного (до скачка) приближения к изменениям ставки рефинансирования (Abad et al., 2014; Abakah et al., 2021). После марта 2022 года рынок вошел в период сильной волатильности, который был относительно преодолён к июлю 2022 года. Далее доходность рынка медленно росла, отражая высокие ожидания риска. Однако ни до, ни после кризисов рынки государственных облигаций РФ и Казахстана предположительно не ведут себя эффективно по отношению к локальным ставкам рефинансирования. Данное предположение мы проверим на следующем этапе для РФ.

Рис. 2. Динамика ставок рефинансирования ЦБ ($S_{РФ}$, $S_{КЗ}$), индекса доходности ($I_{РФ}$, $I_{КЗ}$) РФ и Казахстана

Источник: составлено авторами по данным Cbonds. URL: <https://cbonds.ru/indexes/Cbonds-GBI-RU-YTM-eff/>, <https://cbonds.ru/indexes/9237/>

Рис. 3. Среднегодовые значения индексов доходности I, ставок рефинансирования S (левая ось), G-spread (правая ось) для России (РФ), Казахстана (КЗ), Узбекистана (УЗ), Азербайджана (АЗ)

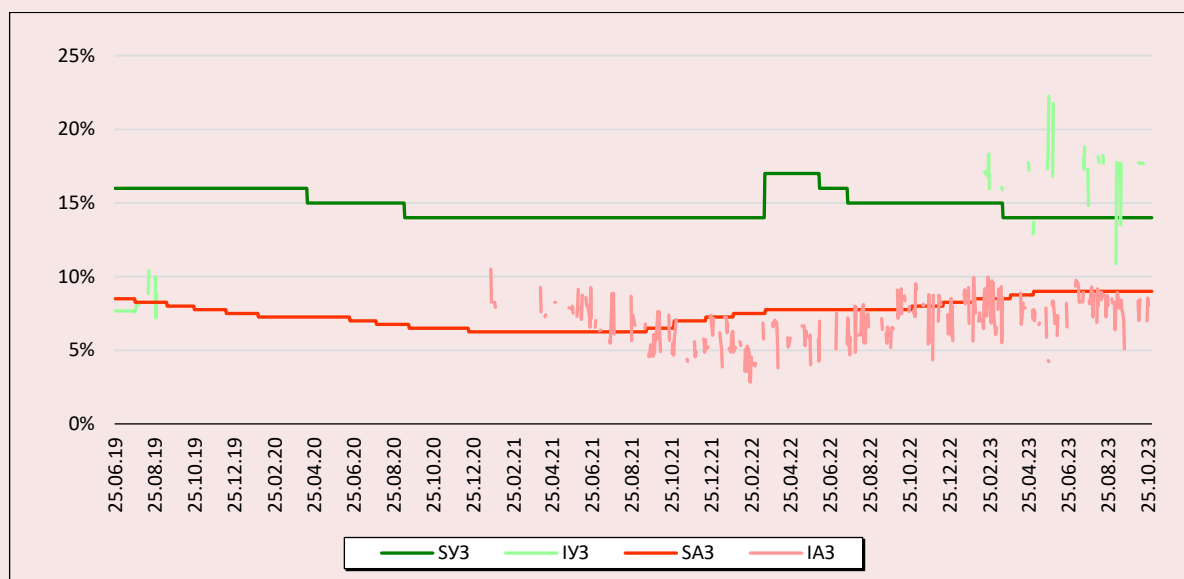
Источник: рассчитано авторами по данным Cbonds.

Л.А. Байбулекова и Г.К. Лухманова показали, что фондовый рынок Казахстана (KASE) быстро развивается, занимая второе место в СНГ. В 2018 году KASE уступал Московской фондовой бирже более чем в три раза по количеству инструментов, и почти в шесть раз по числу эмитентов и корпоративных облигаций. Курс национальной валюты, по утверждению аналитиков, сильно связан с индексом инфляции, но последняя носит немонетарный характер (Байбулекова, Лухманова, 2019). Наши данные подтверждают указанные выводы. Отметим, что инвесторы в государственные облигации до 2022 года работали в условиях меньшего риска (см. рис. 3). Риск несогласованности резко вырос после февраля 2022 года, далее динамика ставок рефинансирования значительно превышала индекс доходности, что снижало возможности для инвестиционного дохода (см. рис. 2). Такое поведение регулятора можно отнести на счет жесткой немонетарной политики, которая увеличивает локальную несвязанность. G-спреды в Казахстане сохраняют самые низкие значения в вы-

борке, высоко скоррелированы с G-спредами в Узбекистане (см. рис. 3, табл. 3).

Рассмотрим поведение рынков государственных облигаций и национальных ЦБ в Узбекистане и Азербайджане, которые развиты значительно слабее (рис. 4). До 2019 года объемы выпусков суверенных облигаций Узбекистана были небольшими, как и интенсивность выпусков. Позже, в 2020-х гг., начинаются активные выпуски государственных облигаций, колебания индекса доходности которых весьма высоки в связи с малой емкостью рынка. Рынок государственных облигаций в Азербайджане не связан с монетарной политикой, и формирование внятной тенденции доходности, по всей видимости, – вопрос будущего. Отметим относительно низкие значения G-спредов в Азербайджане (см. рис. 3). Политика монетарных властей Узбекистана во многом ориентирована на более развитый рынок Казахстана (табл. 2, 3). Но поведение рынков также носит догоняющий характер относительно ставок ЦБ, что подтверждает непредсказуемость действий регулятора со стороны рынка.

Рис. 4. Динамика ставок ЦБ (S), индекса доходности (I) для Узбекистана (УЗ) и Азербайджана (АЗ)

Источник: составлено авторами по данным Cbonds. URL: <https://cbonds.ru/indexes/173/>; <https://cbonds.ru/indexes/170/>

Таблица 2. Пары локальных корреляций (по Спирмену)

Коэф. / страны	РФ	КЗ	УЗ	АЗ
$S_{n,t} - I_{n,t}$	0,692	0,930	-0,218	н/з
$G_{n,t} - I_{n,t}$	0,413	0,525	н/з	н/з
$S_{n,t} - G_{n,t}$	0,527	0,449	0,205	н/з

Примечание: н/з – подавлены незначимые корреляции, по модулю ниже 0,2, или $p > 0,01$.

Источник: составлено авторами по данным Cbonds. URL: <https://cbonds.ru/indexes/168/>; <https://cbonds.ru/indexes/173/>; <https://cbonds.ru/indexes/170/>; <https://cbonds.ru/indexes/9237/>; <https://cbonds.ru/indexes/Cbonds-GBI-RU-YTM-eff/>

Таблица 3. Пары корреляций между странами (по Спирмену)

Значения n	РФ-КЗ	РФ-УЗ	РФ-АЗ	УЗ-АЗ	УЗ-КЗ	КЗ-АЗ
$S_{n,t} - S_{n,t}$	0,501	0,320	0,480	0,249	н/з	0,778
$I_{n,t} - I_{n,t}$	0,764	0,215	н/з	н/з	0,360	н/з
$G_{n,t} - G_{n,t}$	0,374	0,324	н/з	0,652	0,939	0,548
$S_{n,t} - I_{n,t}$	0,423	н/з	н/з	н/з	н/з	н/з
$I_{n,t} - S_{n,t}$	0,833	н/з	0,699	н/з	0,306	0,649
$G_{n,t} - I_{n,t}$	0,465	н/з	н/з	н/з	0,477	н/з
$I_{n,t} - G_{n,t}$	0,282	0,239	н/з	н/з	н/з	н/з
$G_{n,t} - S_{n,t}$	0,491	0,259	0,347	0,214	0,389	н/з

Примечание: н/з – подавлены незначимые корреляции, по модулю ниже 0,2, или $p > 0,01$.

Источник: составлено авторами по данным Cbonds. URL: <https://cbonds.ru/indexes/168/>; <https://cbonds.ru/indexes/173/>; <https://cbonds.ru/indexes/170/>; <https://cbonds.ru/indexes/9237/>; <https://cbonds.ru/indexes/Cbonds-GBI-RU-YTM-eff/>

На *третьем шаге* для предварительного анализа связанности рынка применяются метод анализа корреляций по Спирмену и факторный анализ (см. табл. 2, приложение 2). Метод главных компонент позволяет объединить рассматриваемые показатели в группы, демонстрируя факторную структуру взаимосвязей.

Поскольку распределение данных отличается от нормального (см. приложение 1), мы рассмотрели пары непараметрических корреляций по Спирмену. На рынке России доходность государственных облигаций и монетарная политика Центрального банка (ЦБ) умеренно связаны. Колебания оценки рисков связаны весьма слабо, поскольку они подвержены влиянию политических факторов, которые в данной работе мы не рассматриваем. На рынке Казахстана монетарная политика и доходность государственных облигаций сильно связаны, риски связаны умеренно.

Рынки государственных облигаций России и Казахстана отличаются от рынков Узбекистана и Азербайджана в сторону большей развитости и сбалансированности (см. табл. 2). Наиболее сбалансирован рынок Казахстана, где существенно ниже волатильность и риск (см. приложение 1), а корреляция между ставками и доходностями облигаций превышает 0,9. Рынок государственных облигаций Узбекистана развит весьма слабо, разбалансирован ввиду низкой развитости вторичного долгового рынка. В Азербайджане нет значимой корреляции между показателями. Рынок находится под умеренной зависимостью от более развитого рынка Казахстана (см. табл. 3). В итоге выстраивается последовательность взаимовлияний – относительно интегрированные и развитые, но слабо предсказуемые рынки РФ и Казахстана, и относительно интегрированные с казахстанским рынком Узбекистан и Азербайджан, предсказуемость которых мы не проверяли.

Рынки гособлигаций России и Казахстана умеренно связаны и интегрированы, что подтверждается как непараметрическими корреляциями, так и методом главных компонент. Следует отметить связанность монетарных политик Казахстана и Азербайджана ($r = 0,778$). Для остальных стран связь отсутствует. При этом доходности государственных облигаций Казахстана и России связаны между собой

($r = 0,764$). Долговые рынки Узбекистана и Азербайджана практически не связаны с политикой ЦБ РФ.

По результатам факторного анализа следует отметить, что монетарная политика Азербайджана попала в первый фактор, объединяющий рынки России и Казахстана. Это означает, что рынок Азербайджана слабо интегрирован с рынком России и Казахстана в части динамики ставок рефинансирования. Метод главных компонент выявил сильную взаимосвязь динамики рискованности государственного долга Казахстана, Узбекистана и Азербайджана, если их оценивать по отношению к государственным ценным бумагам США. Эти четыре показателя объединены в один фактор. Третий фактор свидетельствует о разбалансированности рынка Узбекистана, поскольку ставки и доходности практически колеблются в противофазе. Четвертый фактор выделяет только доходность государственных облигаций Азербайджана, динамика которой не может быть объяснена в рамках рассмотренных моделей. Рынки государственных облигаций рассмотренных стран можно разделить две группы: рынки России и Казахстана, умеренно связанные и относительно интегрированные, и рынки Узбекистана и Азербайджана, не связанные, слабо интегрированные с Казахстаном.

Поскольку с помощью анализа корреляций, применения алгоритма выделения главных компонент нельзя установить, какая переменная с большим основанием дает информацию для прогнозирования другой переменной, на *четвертом шаге* мы применили тест причинности по Грейнджеру. Гипотеза 2 была протестирована при помощи анализа последовательных линейных регрессий, общая модель для которых имеет вид (2–3). Результаты приведены в *таблице 4*. В качестве целевых переменных выступают последовательно $S_{pф,t}$ ставка ЦБ РФ (модели 2.1 и 2.2) и $I_{pф,t}$ (модели 3.1 и 3.2). Указанный метод тестирования интегрированности рынков был предложен исследователями и апробирован в ряде авторитетных публикаций (Abakah et al., 2021; Qin et al., 2023).

В *таблице 4* мы оставили только по две значимые итоговые модели. Пошаговые методы генерируют большое число моделей, но основная информация в них принципиально не ме-

Таблица 4. Регрессионные модели для $S_{PФ,t}$ и $I_{PФ,t}$

Целевая переменная	Модель (2) $S_{PФ,t}$		Модель (3) $I_{PФ,t}$		
	(2.1)	(2.2)	Предикторы	(3.1)	(3.2)
Предикторы			Предикторы		
Const (A)	0,020	0,017	Const (A)	0,052	0,058
$S_{PФ,t-5}$	0,943	0,964	$I_{PФ,t-5}$	0,444	0,480
$S_{УЗ,t-10}$	-0,165	-0,141	$S_{KZ,t}$	0,211	0,191
$I_{PФ,t-5}$	0,107	0,221	$S_{PФ,t-10}$	0,184	0,247
$G_{PФ,t-10}$	н/д	-0,011	$S_{УЗ,t-10}$	-0,262	-0,292
$I_{PФ,t-10}$	н/д	-0,120	$G_{A3,t-10}$	-0,241	-0,268
			$G_{PФ,t-5}$	н/д	-0,018
			$S_{PФ,t}$	н/д	0,013
R-квадрат	0,837	0,839	R-квадрат	0,905	0,909
F	5630	3481	F	2159	1881

Все коэффициенты значимы на уровне $p < 0,001$.
 В модели (2) коэффициент Дарбина – Уотсона = 0,435.
 В модели (3) коэффициент Дарбина – Уотсона = 1,556.
 Применяемый метод: пошаговый, исключения лишних и незначимых переменных.
 Источник: составлено авторами.

няется. Во-первых, отметим значительно худшее качество модели (2) на основе проверки остатков по тесту Дарбина – Уотсона по сравнению с моделью (3). Для модели (2) следует сделать вывод о наличии авторегрессии остатков первого порядка. Все модели имеют высокий уровень значимости коэффициентов при переменных, ограничения определены возникающей мультиколлинеарностью и гетероскедастичностью при возрастании количества предикторов. Прирост значимости модели при добавлении предикторов в каждой из групп исчезающе мал, достаточно оценить качество моделей (2.1) – (2.2) и (3.1) – (3.2). Во-вторых, взаимное участие переменных $S_{PФ}$ и $I_{PФ}$ с лагами в моделях 2 и 3 демонстрирует связанность соответствующих показателей. Вклад информации доходностей рынка государственных облигаций РФ ($I_{PФ}$) в оценку динамики ставки рефинансирования ЦБ РФ ($S_{PФ}$) очень мал. Если в модель для $S_{PФ}$ входят два лаговых шага, коэффициенты противоположны по модулю.

Следовательно, можно предположить, что рынок государственных облигаций опаздывает в своих колебаниях по сравнению с изменением курсов, поскольку прогнозировать поведение своего регулятора он не научился. Поведение индексов доходности государственных облигаций находится под влиянием своей собственной тенденции и ставок ЦБ РФ и

Казахстана. Эффект первого предиктора во всех моделях значительно выше, чем второго и третьего. Поведение ЦБ РФ не может спрогнозировать достаточно качественно ни одна из выбранных моделей, но имеется слабая связь с локальными доходностями облигаций и антицикличность со спредами облигаций, что вполне согласуется с теориями макроэкономики.

Таким образом, гипотеза 1 подтверждена только в части локальной связанности рынков облигаций РФ и Казахстана и их относительной интегрированности. Гипотеза о согласованном поведении регуляторов и рынков государственных облигаций на уровне региона СНГ (интеграции и эффективности рынков) опровергается.

Гипотеза 2 подтверждена в части локальной связанности и опровергнута в части предсказуемости. Следовательно, к настоящему времени нет оснований заключить, что рынок государственных облигаций РФ действует эффективно. Основная причина нарушения эффективности заключается в том, что рынки не успевают предсказывать поведение регулятора, после 2022 года колебания индексов доходности и ставок различных стран плохо согласованы.

Модель 2, описывающая прогноз ставки рефинансирования ЦБ РФ $S_{PФ,t}$ на основании собственной тенденции, антицикличности поведения ставки рефинансирования ЦБ Узбекистана

с лагом 10 дней, локальных индексов полной доходности демонстрирует высокое значение объяснительной силы при очень низком значении коэффициента Дарбина – Уотсона (см. табл. 4). Добавление в модель локальных предикторов значимого улучшения модели (2.2) не дает. Динамика ставок ЦБ РФ имеет тенденцию к антицикличности по отношению к ставкам Узбекистана, а информация по азербайджанскому и казахстанскому рынкам не является значимой для прогноза поведения ЦБ РФ. Можно заключить, что имеется слабая обратная взаимосвязь между поведением регуляторов РФ и Узбекистана, но эта связь не показывает интеграцию. Модель 3.1 демонстрирует локальную связанность и прогнозируемость рынка государственных облигаций РФ. Модель 3.2 демонстрирует, что учет влияния локальных спредов и одновременного действия регулятора на поведение рынка государственных облигаций РФ не может достаточно улучшить качество прогноза. Учет отставания реакции на риск повышает объяснительную силу модели, но очень незначительно. Сокращение рассматриваемого периода на период после 2022 года привело к исчезновению достоверности прогноза. Это косвенно подтверждает гипотезу о том, что в динамике наблюдается снижение сбалансированности поведения регулятора РФ, оценки рисков и доходности государственных облигаций РФ. Таким образом, рынок государственных облигаций РФ умеренно локально связан и интегрирован с рынком Казахстана, а инвесторы на рынке не могут предсказывать поведение регулятора.

Выводы

На первый взгляд, ставки ЦБ России, Казахстана, Узбекистана, Азербайджана визуально слабо связаны между собой и в большей мере реагируют на экономические реалии каждой конкретной страны. Результаты количественных исследований частично подтвердили данные предположения.

Наблюдается умеренная интеграция монетарных политик России и Казахстана. Тенденции монетарных политик Азербайджана и Узбекистана имеют скорее направленность на уменьшение интеграции, что может иметь большое значение для будущей ситуации. Имеется слабая обратная взаимосвязь между пове-

дением регуляторов России и Узбекистана, она скорее опровергает интегрированность рынков этих стран. Можно предположить, что для предметного изучения монетарной политики Азербайджана и Узбекистана требуется введение в модель данных по другим странам.

Возможно, для сохранения устойчивых и предсказуемых взаимодействий между странами СНГ имеет смысл проведение взаимных консультаций, конференций и открытых площадок с участием руководителей центральных банков. В случае сохранения предсказуемости рынок становится более эффективным. Эффективность рынка создает стимулы для инвестора на основе прозрачности и прогнозируемости своего поведения (Duncan, 2014; Shah et al., 2023).

Долговой рынок России до 2021 года весьма адекватно коррелировал со ставкой ЦБ. После 2022 года коррелированность снижается на фоне нарастания неопределенности. Решения ЦБ РФ оказались не связанными с ситуацией на долговом рынке, а сам рынок имеет высокую волатильность и не может подстроиться под изменения ЦБ. Действия ЦБ РФ слабо перекликаются с долговыми рынками других стран в случае, если не было реакции со стороны их центральных банков.

Рынки государственных облигаций Узбекистана и Азербайджана практически не связаны с РФ. Рынки государственных облигаций России и Казахстана оказались умеренно связанными и относительно интегрированными.

При оценке по отношению к ценным бумагам США сильную взаимосвязь продемонстрировали динамики рискованности государственного долга Казахстана, Узбекистана и Азербайджана. Россия по отношению к данной группе стран выступает скорее как источник непредсказуемости, что приводит к выводу этой группы стран за пределы интеграции.

Среди рассмотренных государств выделена группа Россия и Казахстан, рынки государственных облигаций которых взаимодействуют умеренно согласованно, и группа Узбекистан и Азербайджан, рынки которых не интегрируются с первой группой. Доходность государственных облигаций Азербайджана находится под влиянием более развитого рынка Казахстана, особенно в части оценки риска, но

сам рынок разбалансирован. Рынок государственных облигаций Узбекистана отличается слабой связанностью, практическим отсутствием интегрированности в группу стран СНГ в силу слабой развитости.

Можно выделить цепочку взаимоотношений на рынках государственных облигаций Россия – Казахстан – Азербайджан – Узбекистан. В этой цепочке Казахстан в большей степени играет роль связующего звена.

Результаты исследования показали, что рынки ценных бумаг СНГ обладают разными интеграционными возможностями. Рынок государственных облигаций в определенной степени развит почти во всех рассмотренных странах. Более серьезная степень взаимосвязи и потенциал для согласованного взаимодействия выявлены в паре Россия – Казахстан. Рынки указанных стран реагируют приблизительно одинаково на поведение своих регуляторов, имея запаздывающий характер адаптации под влиянием изменения ставок локальных ЦБ. То есть пока еще не созданы возможности для эффективного взаимодействия инвесторов на этих рынках, но продолжает сохраняться умеренная связанность и относительная интегрированность.

Нужно отметить, что согласно Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года (Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4355-р, в ред. от 21.12.2023) создание таких

форм регулирования, в основу которых положена способность адаптации к быстро меняющимся реалиям, заявлено в качестве приоритета в этом секторе экономики, т. к. если взаимоотношения на финансовом рынке начинают приобретать трансграничный характер, возникает конвергенция локальных рынков, что в первую очередь касается стран СНГ. В этом направлении Банк России во взаимосвязи с регуляторами других стран ведет работу по внедрению регулирования такого типа взаимоотношений на финансовом рынке. Результаты эмпирических исследований демонстрируют большой потенциал улучшения в этой сфере.

В условиях неопределенности государственные ценные бумаги РФ характеризуются как высокодоходные и в то же время высокорискованные, а сам рынок облигаций слабо предсказуем и довольно долго подстраивается под изменения регулятора. В этом случае действия ЦБ должны быть менее резкими и более прогнозируемыми, что даст возможность финансовому рынку быстрее адаптироваться к меняющимся условиям.

Практическая значимость исследования интеграционных процессов на рынке государственных облигаций стран СНГ заключается в потенциале увеличения инвестиционных возможностей, прогнозировании и управлении рисками на финансовых рынках для устойчивого развития экономик стран.

Приложение 1

Описательные статистики изучаемых переменных

	N	Минимум	Максимум	Среднее	Ст. откл.	Асимметрия		Эксцесс	
						Стат.	Ст. ош.	Стат.	Ст. ош.
$S_{PФ}$	1136	0,043	0,200	0,075	0,032	2,086	0,073	5,022	0,145
$I_{PФ}$	1086	0,053	0,151	0,080	0,020	0,537	0,074	-0,588	0,148
$G_{PФ}$	1126	0,005	1,730	0,073	0,118	5,383	0,073	49,599	0,146
$S_{KЗ}$	1136	0,090	0,168	0,117	0,032	0,596	0,073	-1,430	0,145
$I_{KЗ}$	1136	0,080	0,140	0,109	0,016	0,352	0,073	-1,372	0,145
$G_{KЗ}$	1098	0,010	0,044	0,019	0,006	1,206	0,074	1,066	0,148
$S_{УЗ}$	1136	0,140	0,170	0,148	0,009	0,729	0,073	-0,691	0,145
$I_{УЗ}$	127	0,068	0,306	0,136	0,046	0,252	0,215	-0,097	0,427
$G_{УЗ}$	1096	0,020	0,065	0,031	0,008	1,423	0,074	2,034	0,148
$S_{AЗ}$	1136	0,063	0,090	0,075	0,009	0,137	0,073	-1,061	0,145
$I_{AЗ}$	380	0,010	0,115	0,070	0,016	-0,145	0,125	-0,034	0,250
$G_{AЗ}$	1047	0,016	0,064	0,024	0,006	1,869	0,076	4,264	0,151

Результаты факторного анализа

	1	2	3	4
$I_{PФ}$	0,916	н/з	н/з	н/з
S_{K3}	0,897	н/з	0,254	н/з
S_{A3}	0,830	н/з	н/з	0,252
I_{K3}	0,798	0,319	0,385	н/з
$S_{PФ}$	0,769	н/з	-0,245	-0,347
$G_{PФ}$	0,610	0,265	н/з	-0,219
G_{Y3}	0,252	0,925	н/з	н/з
G_{K3}	0,288	0,892	н/з	н/з
G_{A3}	-0,229	0,845	н/з	н/з
S_{Y3}	н/з	0,239	-0,817	н/з
I_{Y3}	н/з	н/з	0,685	н/з
I_{A3}	н/з	н/з	н/з	0,923

Примечание: н/з – подавлены незначимые корреляции, по модулю ниже 0,2.
Метод главных компонент, нормализация по Кайзеру.
Мера адекватности выборки Кайзера – Майера – Олкина (KMO = 0,685, знач. = 0,000).

Литература

- Абрамов А.Е., Радугин А.Д., Чернова М.И. (2014). Регулирование финансовых рынков: модели, эволюция, эффективность // Вопросы экономики. № 2. С. 33–49. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-2-33-49
- Агеева С.Д. (2022). Финансиализация и усиление влияния государства в России // ЭКО. № 3. С. 108–129. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-3-108-129
- Байбулекова Л.А., Лухманова Г.К. (2019). Активизация фондового рынка Казахстана на фоне неэффективности его банковского сектора // Экономика. Профессия. Бизнес. № 1. С. 12–18. DOI: 10.14258/201902
- Дементьев Н.П. (2018). Внешний сектор российской экономики: низкая инвестиционная доходность, вывод капитала // ЭКО. № 8 (530). С. 93–112. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-8-93-112
- Кузнецов А.В. (2022). Императивы трансформации мировой валютно-финансовой системы в условиях многополярности // Финансы: теория и практика. № 26 (2). С. 190–203. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-2-190-203
- Осмоловец С.С. (2022). Поведенческие факторы деятельности инвесторов и их значение в развитии финансового рынка Республики Беларусь // Сибирская финансовая школа. № 1. С. 24–31. DOI: 10.34020/1993-4386-2022-1-24-31
- Abad P., Chuliá H., Gómez-Puig M. (2010). EMU and European government bond market integration. *Journal of Banking & Finance*, 34(12), 2851–2860. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2009.10.009
- Abad P., Chuliá H., Gómez-Puig M. (2014). Time-varying integration in European government bond markets. *European Financial Management*, 20(2), 270–290. DOI: 10.1111/j.1468-036X.2011.00633.x
- Abakah E.J.A. et al. (2021). Re-examination of international bond market dependence: Evidence from a pair copula approach. *International Review of Financial Analysis*, 74, 101678. DOI: 10.1016/j.irfa.2021.101678
- Ang A., Piazzesi M., Wei M. (2006). What does the yield curve tell us about GDP growth? *Journal of Econometrics*, 131(1-2), 359–403. DOI: 10.1016/j.jeconom.2005.01.032
- Baker H.K., Nofsinger J.R. (2010). Behavioral finance: An overview. *Behavioral Finance: Investors, Corporations, and Markets*, 1-21. DOI: 10.1002/9781118258415
- Ballard-Rosa C., Mosley L., Wellhausen R. (2022). Coming to terms: The politics of sovereign bond denomination. *International Organization*, 76(1), 32–69. DOI: 10.1017/S0020818321000357

- Casarin R. et al. (2023). A flexible predictive density combination for large financial data sets in regular and crisis periods. *Journal of Econometrics*, 237(2). DOI: 10.1016/j.jeconom.2022.11.004
- Cifarelli G., Paladino G. (2006). Volatility co-movements between emerging sovereign bonds: Is there segmentation between geographical areas? *Global Finance Journal*, 16 (3), 245-263. <https://doi.org/10.1016/j.gfj.2006.01.008>.
- Duncan R. (2014). Institutional quality, the cyclical policy and macroeconomic volatility. *Journal of Macroeconomics*, 39, 113–155. DOI:10.1016/j.jmacro.2013.11.004
- Glushkov D., Khorana A., Pay R., Zhang J. (2018). Why do firms go public through debt instead of equity? *Critical Finance Review*, 7(1), 85–110. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2024375>
- Hirshleifer D. (2015). Behavioral finance. *Annual Review of Financial Economics*, 7, 133–159. DOI: <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-financial-092214-043752>
- Huang D. et al. (2023). Are bond returns predictable with real-time macro data? *Journal of Econometrics*, 237(3). DOI:10.1016/j.jeconom.2022.09.008
- Jiang C.X., Kim J.C. (2005). Trading costs of non-US stocks on the New York Stock Exchange: The effect of institutional ownership, analyst following, and market regulation. *Journal of Financial Research*, 28(3), 439–459. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6803.2005.00133.x>
- La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. (2006). What works in securities laws? *The Journal of Finance*, 61(1), 1–32. DOI: 10.2139/ssrn.425880
- Laplane A., Mazzucato M. (2020). Socializing the risks and rewards of public investments: Economic, policy, and legal issues. *Research Policy*, 49, 100008. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.repolx.2020.100008>
- Malliaropoulos D., Migiakis P. (2023). A global monetary policy factor in sovereign bond yields. *Journal of Empirical Finance*, 70, 445–465. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jempfin.2022.12.011>
- North D.C. (2016). Institutions and economic theory. *The American Economist*, 61, 72–76. DOI: <https://doi.org/10.1177/05694345166630>
- Panchenko V., Wu E. (2009). Time-varying market integration and stock and bond return concordance in emerging markets. *Journal of Banking & Finance*, 33(6), 1014–1021. DOI:<https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2008.10.016>.
- Qin W., Cho S., Hyde S. (2023). Time-varying bond market integration and the impact of financial crises. *International Review of Financial Analysis*. 90, 102909. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2023.102909>
- Rau P.R. (2010). Market inefficiency. *Behavioral Finance: Investors, Corporations, and Markets*. 18, 331–349. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118258415.ch18>
- Shah M.H. et al. (2023). Exploring the interwoven relationship: Property rights, financial freedom, government regulation, and stock market fluctuations in emerging economies – a novel system GMM perspective. *Heliyon*, 10(1). DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e23804
- Stoupos N., Kiohos A. (2022). Bond markets integration in the EU: New empirical evidence from the Eastern non-euro member-states. *The North American Journal of Economics and Finance*, 63, 101827. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.najef.2022.101827>
- Wallis J.J., North D. (1986). Measuring the transaction sector in the American economy, 1870–1970. In: *Long-Term Factors in American Economic Growth*. University of Chicago Press. Available at: <https://www.nber.org/system/files/chapters/c9679/c9679.pdf> (accessed: February 10, 2024).

Сведения об авторах

Гульнара Фатыховна Ромашкина — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Кирилл Владимирович Андрианов — заместитель руководителя отдела, ООО «Сбондс.ру» (196006, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 266, стр. 1; e-mail: kirvland@yandex.ru)

Юлия Александровна Юхтанова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: y.a.yukhtanova@utmn.ru)

Romashkina G.F., Andrianov K.V., Yukhtanova Yu.A.

Government Bonds of the CIS Countries: Integration Dynamics of Debt Markets in the Context of External Instability

Abstract. The paper examines development specifics of government bond markets in the CIS countries. The sample includes Russia, Kazakhstan, Uzbekistan and Azerbaijan, since only these countries, among the CIS members, possess enough government bonds included in the global debt market. The relevance of the study is due to the increasing financial uncertainty, which attracts attention to relatively reliable means of public debt; the need to understand the functioning of debt markets against the background of anti-Russian sanctions and the increasing influence of the State. The aim of the work is to empirically verify the connectivity, integration and predictability of the government bond markets of Russia, Kazakhstan, Uzbekistan and Azerbaijan. Empirical data include daily refinancing rates of national central banks, indices of total government bond yields, G-spreads of international bonds of the countries in relation to the conditionally risk-free US bond yield curve for 2019–2023. The effects of market development features are divided into local, regional and global, such as the reaction to COVID-19 and anti-Russian sanctions after 2022. We use the following methods: dynamics analysis, correlation, factor and regression analysis. The novelty of the research lies in introducing new empirical data into scientific discourse, testing a methodology that allows us to assess the interaction of monetary policies and the functioning of government bond markets, common features and differences in the behavior of these markets before and after the imposition of sanctions against the Russian financial system. We conclude that the integration of the considered markets within the CIS is violated, which poses risks to the effective economic development of the region. We consider the relatively developed and integrated, but poorly predictable markets of Russia and Kazakhstan. Unlike Russia, Kazakhstan has more connectivity regarding its monetary policy, government bond yields and risks. The yield of Azerbaijan's government bonds is influenced by a more developed market of Kazakhstan, especially in terms of risk assessment, but the market itself is developed poorly. Uzbekistan's market is even less integrated and developed.

Key words: market, bonds, yield, behavior, connectivity, predictability, government, crisis.

Information about the Authors

Gulnara F. Romashkina – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, professor of department, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Kirill V. Andrianov – deputy head of department, “Sbinds.ru” LLC (266, building 1, Ligovsky Avenue, Saint Petersburg, 196006, Russian Federation; e-mail: kirvland@yandex.ru)

Yuliya A. Yukhtanova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor of department, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: y.a.yukhtanova@utmn.ru)

Статья поступила 12.02.2024.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.9

УДК 332.14 + 330.43, ББК 65.9(2Рос)26+65.9(2Рос)29

© Наумов И.В., Никулина Н.Л., Бычкова А.А.

Сценарный подход к моделированию рисков банкротства предприятий отраслей промышленности

**Илья Викторович
НАУМОВ**

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: naumov.iv@uiec.ru

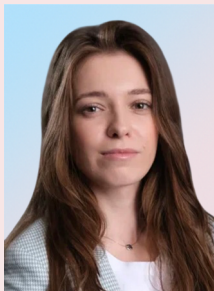
ORCID: 0000-0002-2464-6266; ResearcherID: U-7808-2017

**Наталья Леонидовна
НИКУЛИНА**

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: nikulina.nl@uiec.ru

ORCID: 0000-0002-6882-3172; ResearcherID: J-9846-2013

**Анна Андреевна
БЫЧКОВА**

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: bychkova.aa@uiec.ru

ORCID: 0000-0001-8676-5298; ResearcherID: AAC-8061-2019

Для цитирования: Наумов И.В., Никулина Н.Л., Бычкова А.А. (2024). Сценарный подход к моделированию рисков банкротства предприятий отраслей промышленности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 166–186. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.9

For citation: Naumov I.V., Nikulina N.L., Bychkova A.A. (2024). Scenario-based approach to modeling bankruptcy risks for enterprises in various industries. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(2), 166–186. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.9

Аннотация. Ухудшение финансового положения предприятий в различных отраслях промышленности, которое наблюдается в настоящее время во многих регионах, формирует перспективы снижения их финансовой устойчивости, возникновения рисков банкротства. Для оценки и прогнозирования рисков банкротства не отдельных предприятий, а отраслей промышленности в целом, а также для формирования эффективных механизмов их государственной поддержки необходимо развитие существующих методических подходов. Их разработка и стала основной целью исследования. Новизной представленного подхода является разработка алгоритма сценарного моделирования и прогнозирования рисков банкротства отраслей промышленности, включающего оценку финансовой устойчивости исследуемых отраслей промышленности, вероятности банкротства, построение регрессионных моделей зависимости изменения вероятности банкротства от целой системы внутренних и внешних факторов, проведение авторегрессионного моделирования динамики факторов внутренней и внешней среды с использованием скользящего среднего (ARMA). Авторегрессионное моделирование позволило сформировать наиболее вероятный, инерционный прогнозный сценарий на ближайшие пять лет с учетом сохранения отмеченных тенденций и коридор предельно возможных значений. Спрогнозированные значения динамики данных факторов, построенные регрессионные модели явились основой проектирования прогнозных сценариев изменения вероятности банкротства крупных, средних и малых предприятий машиностроения в Свердловской области. В результате исследования было выявлено, что наиболее подвержены рискам банкротства крупные машиностроительные холдинги Свердловской области, которые недостаточно обеспечены оборотными средствами, отличаются низким уровнем платежеспособности и испытывают значительную долговую нагрузку. Для повышения финансовой устойчивости и эффективного развития крупным машиностроительным предприятиям требуется государственная поддержка.

Ключевые слова: риски банкротства, финансовая устойчивость, отрасли промышленности, авторегрессионное моделирование, сценарное прогнозирование.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00704 «Сценарное моделирование и прогнозирование рисков банкротства отраслей промышленности Свердловской области» (<https://rscf.ru/project/24-28-00704/>).

Введение

Отрасли промышленности вносят основной вклад в формирование валового регионального продукта субъектов РФ. Финансовая несостоятельность предприятий реального сектора экономики влечет за собой серьезное ухудшение социально-экономического и финансового состояния регионов. Локдаун 2020 года, связанный с пандемией коронавируса, и ухудшившаяся геополитическая ситуация, серьезное санкционное давление на российскую экономику усугубили и без того непростую ситуацию в реальном секторе экономики. Нарастание политической напряженности, разрыв международных производственных взаимосвязей, потеря зарубежных рынков сбыта производимой в регионах России продукции формируют угрозы экономического и финансового развития предприятий различных отраслей промышленности.

В настоящее время во многих регионах России наблюдается устойчивая тенденция сокращения числа предприятий в различных сферах экономической деятельности, что негативно сказывается на развитии социальной сферы в регионе: возрастает уровень безработицы, снижаются доходы, уровень и качество жизни населения.

В сложившихся условиях исследование, посвященное сценарному моделированию и прогнозированию рисков банкротства предприятий отраслей промышленности в таком индустриально развитом регионе, как Свердловская область, становится особенно актуальным. В условиях нарастания кризисных явлений в экономике важнейшей задачей органов государственной власти выступает разработка антикризисных мер поддержки реального

сектора экономики, который является основой социально-экономического развития любой территориальной системы. Для определения эффективных механизмов его поддержки и разработки соответствующей промышленной политики необходимо оценить финансовую устойчивость предприятий отраслей промышленности, осуществить многовариантное прогнозирование динамики рисков их банкротства, проанализировать факторы формирования и развития данных рисков, а также социально-экономические последствия в случае ухудшения макроэкономической ситуации в регионах. Используемые в настоящее время методические подходы имеют ряд ограничений и не позволяют оценить риски потери финансовой состоятельности предприятий отраслей промышленности в целом, используются для прогнозирования рисков банкротства отдельных предприятий. Сформированная Федеральной службой государственной статистики база данных не позволяет провести полноценный анализ финансового положения предприятий, их финансовой устойчивости, поэтому требуется новый методический подход.

Наше исследование посвящено проектированию нового теоретико-методического подхода к сценарному моделированию и прогнозированию рисков банкротства предприятий отраслей промышленности в регионе, реализация которого позволит создать эффективные механизмы государственной поддержки отраслей промышленности, повысить их финансовую устойчивость в целях устойчивого социально-экономического развития территории. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: обобщение результатов исследований в области оценки рисков банкротства промышленных предприятий; разработка методического подхода к оценке, сценарному моделированию и прогнозированию рисков банкротства предприятий с учетом факторов внутренней и внешней среды; апробация разработанного подхода для прогнозирования рисков банкротства предприятий отрасли машиностроения в Свердловской области (оценка вероятности банкротства предприятий отрасли с использованием методики Альтмана, регрессионное моделирование рисков банкротства предприятий, *ARMA*-моделирование динамики

факторов внутренней и внешней среды в регионе, формирующих данные риски, разработка прогнозных сценариев изменения вероятности банкротства предприятий).

Модели прогнозирования рисков банкротства предприятий

В научной литературе выделяется два основных подхода к оценке рисков банкротства предприятий: многомерный дискриминантный анализ и эконометрический анализ. Основоположниками первого подхода к оценке рисков банкротства предприятий являются У. Бивер (Beaver, 1966), использовавший финансовую отчетность компаний для определения признаков банкротства, и Э. Альтман (Altman, 1968), применявший статистические методы анализа для выявления предприятий с высоким риском банкротства, с неопределенным финансовым состоянием и обладающих высокой финансовой устойчивостью. Эти методики до сих пор используются исследователями в качестве основы при формировании моделей оценки рисков банкротства хозяйствующих субъектов (*табл. 1*). При оценке рисков банкротства предприятий применяются и методы *эконометрического анализа*. Например, Дж.А. Олсон (Ohlson, 1980) использовал логистическую регрессию для прогнозирования банкротства. J. Kaczmarek и др. анализировали угрозы банкротства с использованием прогнозов, полученных на основе многомерной логит-модели (Kaczmarek et al., 2021).

Для прогнозирования банкротства бельгийских предприятий L. Cultrera и X. Brédart применяли регрессионную модель, включающую контрольные переменные: размер и возраст предприятия, а также финансовые индикаторы (прибыль, платежеспособность и ликвидность) для проверки предсказательной силы сформированных прогнозов (Cultrera, Brédart, 2016). Регрессии применяли Z. Qin и Y. Chen для разработки системы раннего предупреждения банкротства предприятий и оценки факторов, ведущих к финансовому кризису (Qin, Chen, 2010).

Эконометрические методы оценки рисков банкротства предприятий определенных отраслей использовались и *российскими исследователями*. А.Н. Могилат применяла метод максимального правдоподобия с перегруппировкой

Таблица 1. Модели оценки риска банкротства предприятий с использованием многомерного дискриминантного анализа

Авторы модели	Преимущества	Недостатки
Э. Альтман (Altman, 1968)	Простота вычислений рисков банкротства по данным первичной бухгалтерской отчетности предприятий	В модели не учитывается влияние коэффициентов, характеризующих эффективность использования ресурсов, деловую активность и др. Модель может использоваться только для оценки рисков банкротства производственных предприятий, чьи акции торгуются на фондовом рынке
У. Бивер (Beaver, 1966)	Позволяет прогнозировать риски банкротства различных типов предприятий, применима для оценки платежеспособности предприятия и его сравнения с конкурентами	Модель использует ограниченный набор показателей, не учитывает отраслевые особенности функционирования субъектов, не позволяет оценить риски банкротства из-за отсутствия интегрального показателя
Модель CA-Score Ж. Лего (Legault, 1987)	Отличается простотой в использовании, так как базируется на трех основных факторах	Для использования модели требуется информация о доходах и активах за два предыдущих периода, а также о размере акционерного капитала
Р. Таффлер и Г. Тишоу (Taffler, Tisshaw, 1977)	Модель отличается высокой точностью в прогнозировании вероятности банкротства компании, поскольку использует огромное число показателей	Модель применима только для публичных компаний, акции которых обращаются на фондовом рынке; точность расчетов модели зависит от доступности исходной информации
Д. Фулмер (Fulmer et al., 1984)	Модель учитывает размер компании, подходит для предприятий, находящихся на грани банкротства и стабильно функционирующих, позволяет проводить динамический анализ и прогнозирование финансовой устойчивости	Сложность расчетов может привести к неадекватному прогнозу, отличному от реальной ситуации
Ж. Конан и М. Холдер (Conan, Holder, 1979)	Оценка рисков банкротства производится в зависимости от вероятности задержки компанией платежей по обязательствам	Модель использует близкие по значениям интервалы между уровнями платежеспособности предприятия, и незначительное искажение приводит к некорректным результатам
К. Адамович, Т. Нога (Adamowicz, Noga, 2018)	Модель учитывает отраслевую специфику предприятий и может использоваться для оценки рисков банкротства определенных отраслей	Модель применялась только для деревообрабатывающей промышленности
О.П. Зайцева (Зайцева, 1998)	Модель может быть применена для оценки вероятности банкротства российских предприятий и использоваться для принятия управленческих решений	Формируемые моделью прогнозы не всегда адекватны, требуется использование поправочных коэффициентов для более точной оценки
М.В. Евстропов (Евстропов, 2008)	Модель имеет высокую точность оценки вероятности банкротства предприятий обрабатывающих отраслей	Имеются ограничения использования по видам отраслей
Е.Г. Шатковская, А.Х. Файзуллоев (Шатковская, Файзуллоев, 2016)	Для корректной оценки вероятности банкротства предприятий используются равные шаги интервалов исходя из максимальных и минимальных значений для финансовых индикаторов и интегрального показателя	На практике модель применялась только для оценки эффективности функционирования предприятий отрасли информационной связи и не была апробирована на предприятиях других отраслей
П.А. Исмаилова, С.Ю. Евдокимов, Н.Я. Головецкий (Исмаилова и др., 2019)	В основу модели заложена двухфакторная модель Альтмана, которая позволяет спрогнозировать вероятность финансовой несостоятельности предприятий	Достоверность прогнозов невысокая, так как в расчетах используется не пятифакторная модель, охватывающая больше индикаторов для оценки вероятности банкротства предприятий
Источник: составлено авторами.		

для оценки риска потери финансовой устойчивости в отношении российских промышленных компаний. Используемый автором инструментарий позволил снизить влияние на параметры модели таких недостатков в исходных данных, как редкость события, наличие ошибок в группировке компаний на «проблемные» и «благополучные» (Могилат, 2019).

Отдельные исследователи с помощью регрессионных моделей пытались прогнозировать риски банкротства предприятий отраслей промышленности с выделением характерных особенностей их развития. В частности, А.М. Батьковский и др. оценивали риски банкротства предприятий оборонно-промышленного комплекса (Батьковский и др., 2016). Н.А. Казакова, А.Ф. Лещинская, А.Е. Сивкова рассматривали проблемы прогнозирования рисков банкротства компаний горно-металлургического комплекса. Их исследование показало, что дискриминантные модели могут служить только для экспресс-тестирования вероятности банкротства предприятий, поскольку учитывают ограниченное количество факторов, регрессионное же моделирование позволяет оценить влияние разнообразных факторов на финансовое состояние предприятий и более точно оценить вероятность их банкротства (Казакова и др., 2018). Т.К. Богдановой и Ю.А. Алексеевой был разработан и апробирован комплекс регрессионных моделей для оценки финансового состояния и прогнозирования рисков банкротства предприятий обрабатывающих производств. Авторы отмечали, что в зависимости от наблюдаемого сценария риски банкротства предприятий могут быть спрогнозированы на период от одного года до четырех лет с достаточно высокой степенью точности (Богданова, Алексеева, 2011). Логистические регрессии применялись Е.В. Ивановой и Т.И. Ефремовой для прогнозирования банкротства предприятий малого бизнеса. Выявлено, что регрессионные модели обеспечивают более эффективные оценки риска несостоятельности и предоставляют обширные возможности для проведения тестирования статистической значимости модели (Иванова, Ефремова, 2020). Регрессионные модели использовались Е.А. Федоровой, Л.Е. Хрустовой и Д.В. Чекизовым для прогнозирования банкротства пред-

приятий восьми отраслей промышленности. Построенные модели помогли авторам уточнить пороговые значения индикаторов оценки вероятности банкротства предприятий для каждой отрасли (Федорова и др., 2018).

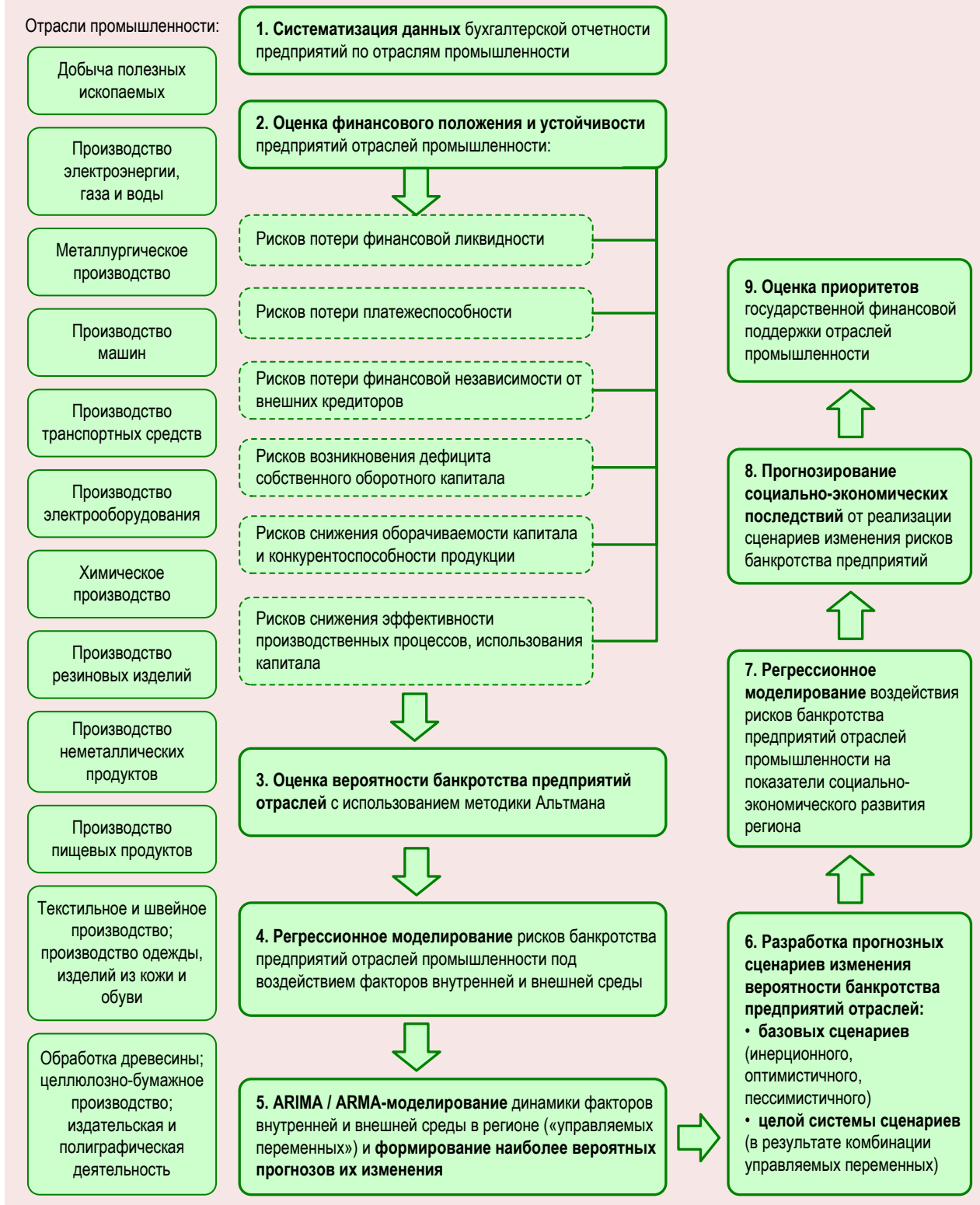
Теоретический обзор работ показал, что методики оценки рисков банкротства не учитывают отраслевую специфику предприятий, они больше подходят для отдельных предприятий и сложно применимы для исследования рисков банкротства предприятий отраслей промышленности. Данные методики не нацелены на исследование динамики рисков банкротства предприятий, не предполагают формирование прогнозных сценариев их развития в будущем. Помимо этого, существующие модели и методики не учитывают влияние факторов внутренней и внешней среды на формирование и развитие рисков. Имеющиеся в научной литературе зарубежные методики сложно адаптировать к оценке рисков банкротства российских предприятий из-за несопоставимости стандартов отчетности компаний.

Методический подход исследования

Для прогнозирования рисков банкротства предприятий отраслей промышленности необходим новый методический подход, позволяющий оценить финансовую устойчивость не отдельных предприятий, а отрасли в целом, а также вероятность и риски банкротства с учетом влияния системы факторов внутренней и внешней среды; смоделировать прогнозный сценарий изменения вероятности банкротства предприятий, подобрать оптимальные меры их государственной поддержки в рамках того или иного сценария. Для корректной и достоверной оценки рисков банкротства предприятий отраслей промышленности **на начальном этапе разрабатываемого методического подхода** (рис. 1) предлагается систематизация данных бухгалтерской отчетности предприятий по добыче полезных ископаемых, производству и распределению электроэнергии, газа и воды, а также компаний обрабатывающих производств.

Использование первичной отчетности позволит получить большой спектр показателей, характеризующих динамику финансового развития предприятий отраслей промышленности, которая отсутствует в статистических сборниках.

Рис. 1. Алгоритм сценарного моделирования и прогнозирования рисков банкротства предприятий отраслей промышленности в регионе

Источник: составлено авторами.

На следующем этапе исследования производится оценка финансового положения и финансовой устойчивости предприятий указанных отраслей промышленности по показателям ликвидности, деловой активности (оборачиваемости основных и оборотных средств, запасов, кредиторской и дебиторской задолженности), эффективности использования ресурсов (рентабельности активов, производственной деятельности и продаж). Данные показатели использовались, например, для оценки финансовой устойчивости предприятий металлургического комплекса М.А. Печенской-Полищук и М.К. Малышевым (Печенская-Полищук, Малышев, 2021). На данном этапе предполагается и оценка ликвидности предприятий отраслей промышленности (табл. 2) посредством сопоставления скорости реализации наиболее ликвидных (А1), быстро реализуемых (А2), медленно реализуемых (А3) и труднореализуемых (А4) активов предприятий и сроков погашения их обязательств – наиболее срочных (П1), краткосрочных (П2), долгосрочных (П3) и постоянных (П4).

Оценка обеспеченности предприятий запасами (Φ_c), функционирующим капиталом (Φ_ϕ) и общим размером капитала за счет всех источников (Φ_o) позволит сделать вывод финансовой устойчивости компаний (табл. 3):

$$\begin{aligned} \Phi_c &= OK_c - З, \quad \Phi_\phi = OK_c + O_d - З, \\ \Phi_o &= OK_c + O_d + O_k - З, \end{aligned} \quad (1)$$

где OK_c – объем собственного оборотного капитала, руб.;

$З$ – объем запасов сырья и материалов, руб.;

O_d – объем долгосрочных обязательств, руб.;

O_k – объем краткосрочных обязательств, руб.

Расчет перечисленных показателей в динамике с 1999 по 2022 год по всей совокупности предприятий каждой отрасли промышленности позволит проанализировать динамику финансового развития отраслей, оценить риски потери финансовой устойчивости. Расчет представленных индикаторов предлагается проводить и по отдельным группам предприятий в зависимости от их размера (крупным, средним и малым). Это позволит дифференцированно подойти к исследованию финансового положения и устойчивости предприятий отраслей промышленности в регионе, установить тип предприятий, испытывающих наиболее серьезные финансовые трудности и в наибольшей степени подверженных рискам банкротства.

Таблица 2. Условия для оценки платежеспособности предприятий отрасли

Условия	Выводы
$A1 \geq П1; A2 \geq П2; A3 \geq П3; A4 \leq П4$	Абсолютная ликвидность (платежеспособность) предприятия
$A1 + A2 \geq П1 + П2; A4 \leq П4$	Текущая ликвидность, свидетельствует о платежеспособности предприятий отрасли в ближайшее время
$A3 \geq П3; A4 \leq П4$	Перспективная ликвидность – прогноз платежеспособности на основе сравнения будущих поступлений и платежей
$A4 \leq П4$	Недостаточный уровень перспективной ликвидности
$A4 \geq П4$	Баланс не ликвиден (предприятие не платежеспособно)
Источник: составлено авторами.	

Таблица 3. Условия для оценки финансовой устойчивости предприятий

Условия	Степень финансовой устойчивости предприятий отрасли
$\Phi_c > 0, \Phi_\phi > 0, \Phi_o > 0$	Абсолютная финансовая устойчивость
$\Phi_c < 0, \Phi_\phi > 0, \Phi_o > 0$	Нормальная финансовая устойчивость
$\Phi_c < 0, \Phi_\phi < 0, \Phi_o > 0$	Неустойчивое финансовое состояние
$\Phi_c < 0, \Phi_\phi < 0, \Phi_o < 0$	Кризисное финансовое состояние
Источник: составлено авторами.	

На третьем этапе предлагается оценить вероятность банкротства предприятий отраслей промышленности. Теоретический обзор работ показал, что методики дискриминантной оценки вероятности банкротства не обладают универсальностью для исследования всех отраслей промышленности. Например, методика Е.С. Лютовой (Лютова, 2011) больше подходит для оценки вероятности банкротства металлургических предприятий, методика Е.А. Федоровой и Я.В. Тимофеева (Федорова, Тимофеев, 2015) – строительства и сельского хозяйства. Методики М.В. Евстропова (Евстропов, 2008), Т.К. Богдановой и Ю.А. Алексеевой (Богданова, Алексеева, 2011), Е.А. Федоровой и Я.В. Тимофеева (Федорова, Тимофеев, 2015), Е.В. Ширинкиной (Ширинкина, 2015), Ж. Лего (Legault, 1987) используются исключительно для обрабатывающих отраслей промышленности. Более универсальной методикой, подходящей для предприятий различных отраслей промышленности, является модель У. Бивера (Beaver, 1966). Однако ее применение усложняет оценку вероятности банкротства предприятий отраслей, поскольку используется ограниченный набор показателей и не предполагается расчет интегрального показателя. Помимо этого, рассматриваемые методики отличаются по уровню точности формируемого прогноза. Для российской экономики наиболее достоверной, с точностью прогноза 95% и более, универсальной считается пятифакторная модель Э. Альтмана (2):

$$Z = 1,2 \times X_1 + 1,4 \times X_2 + 3,3 \times X_3 + 0,6 \times X_4 + X_5, \quad (2)$$

где X_1 – отношение оборотного капитала к сумме всех активов предприятия;

X_2 – отношение нераспределенной прибыли к сумме всех активов предприятия;

X_3 – отношение операционной прибыли к сумме всех активов предприятия;

X_4 – отношение рыночной стоимости акций к сумме всех обязательств;

X_5 – отношение выручки к сумме всех активов предприятия.

Основным преимуществом данной модели является то, что она учитывает факторы, отображающие различные аспекты деятельности организации, это делает методику более универсальной, позволяет получить более точный

прогноз вероятности банкротства по сравнению с другими методиками. При этом следует отметить, что модель Альтмана применима лишь к компаниям, чьи ценные бумаги торгуются на фондовой бирже, и это ограничивает возможности применения модели при исследовании вероятности банкротства предприятий отраслей промышленности, поскольку не все предприятия являются акционерными. Исключение фактора X_4 из модели позволит более достоверно оценить вероятность банкротства предприятий отраслей промышленности, так как в выборку наблюдений войдут не только крупные, но и средние и малые не акционерные предприятия. Модифицированная методика Альтмана (без переменной X_4) будет нами использоваться для оценки вероятности банкротства каждого предприятия в отдельности, на следующем этапе – рассчитываться средний уровень данного показателя по крупным, средним и малым предприятиям. Средневзвешенное значение Z в модели Альтмана по всем предприятиям позволит оценить вероятность банкротства каждой отрасли промышленности в целом. При интерпретации результатов предполагается использование не стандартных пороговых значений Э. Альтмана, а значений, рассчитанных с применением стандартных отклонений от среднегеометрической по всем предприятиям отрасли за весь рассматриваемый период с 1999 по 2022 год. Высокий уровень вероятности банкротства предприятий отраслей промышленности будет наблюдаться при значениях Z -статистики ниже средней геометрической на одно стандартное отклонение. Повышенный уровень вероятности банкротства будет наблюдаться у предприятий отраслей со значением Z -статистики ниже среднегеометрического уровня, но при этом не превышающим одного стандартного отклонения от среднегеометрической. Умеренный уровень вероятности банкротства предприятий будет наблюдаться при значениях Z -статистики, приближенных к среднегеометрическому уровню, а значения, превышающие его, будут свидетельствовать о нормальной финансовой устойчивости и низком уровне вероятности банкротства. Расчет статистики Альтмана в динамике за период с 1999 по 2022 год позволит установить отрасли, наиболее подверженные рискам банкротства.

Для оценки рисков банкротства предприятий отраслей промышленности на четвертом этапе методического подхода предполагается построение регрессионных моделей, оценивающих влияние факторов внутренней и внешней среды (табл. 4) на динамику вероятности банкротства отраслей промышленности. Факторы, оказывающие негативное влияние, будут рассматриваться нами в качестве ключевых рисков банкротства предприятий и использоваться в качестве «управляемых переменных» при проектировании прогнозных сценариев.

Обзор научной литературы свидетельствует, что исследованию факторов, оказывающих влияние на риски банкротства предприятий, уделяется недостаточно внимания. Основной акцент в исследованиях сделан на оценке влияния внутренних факторов, таких как оборачиваемость активов (Karas, Reznakova, 2015; Alifiah, 2014), срочная ликвидность (Petersen, Plenborg, 2012), текущая ликвидность (Zmijewski, 1984), рентабельность продаж (Федорова и др., 2016). Среди внешних факторов рассматривалось влияние уровня безработицы (Kloster, Jacobsen, 2005), инфляции (Wadhvani, 1986), процентных

ставок по кредитам (Kangari, 1988), объемов кредитования (Федорова и др., 2016). В нашем исследовании предполагается значительное расширение спектра оцениваемых внутренних и внешних факторов (см. табл. 4). Их выбор осуществлялся исходя из наличия официальных статистических данных за исследуемый период времени. В модель в качестве фактора не включается такая переменная, как валовой региональный продукт, так как данный показатель отражает объем всех произведенных в субъекте РФ товаров, оказанных услуг и в нашем случае является результирующим признаком при моделировании социально-экономических последствий банкротства предприятий отраслей промышленности в регионе. Данный показатель не может использоваться в качестве факторного признака при моделировании вероятности банкротства предприятий конкретной отрасли.

Для построения достоверных прогнозных сценариев изменения рисков банкротства отраслей промышленности предлагается формирование регрессионных моделей для крупных, средних и малых предприятий в отдельности.

Таблица 4. Система внутренних и внешних факторов изменения вероятности банкротства предприятий отраслей промышленности

	Внешние факторы		Внутренние факторы
Уи	Уровень инфляции в регионе, %	Ла	Абсолютная ликвидность
Ск	Процентная ставка по банковским кредитам для юридических лиц в российских рублях, %	Лс	Срочная ликвидность
		Лт	Текущая ликвидность
Кв	Котировки иностранных валют (доллара), руб.	Лм	Ликвидность при мобилизации средств
Уб	Уровень безработицы в регионе, %	Ос	Обеспеченность оборотными средствами
Эан	Численность экономически активного населения в регионе, чел.	Фн	Уровень финансовой независимости
		Сзс	Соотношения заемных и собственных средств
Иок	Инвестиции в основной капитал, руб.	Ооа	Оборачиваемость оборотных активов
Иф	Износ основных фондов, %	Оос	Оборачиваемость основных средств
Зид	Затраты на инновационную деятельность организаций в регионе, млн руб.	Оз	Оборачиваемость запасов
		Окз	Оборачиваемость кредиторской задолженности
Рт	Объем разработанных передовых производственных технологий, ед.	Одз	Оборачиваемость дебиторской задолженности
		Рд	Рентабельность основной деятельности, %
Ит	Объем используемых передовых производственных технологий, ед.	Рп	Рентабельность (убыточность) продаж, %
		Рва	Рентабельность внеоборотных активов, %
Эт	Объем экспорта технологий и услуг технического характера, руб.	Роа	Рентабельность оборотных активов, %
		Фс	Обеспеченность запасами
Ит	Объем импорта технологий и услуг технического характера, руб.	Фф	Обеспеченность функционирующим капиталом
		Фо	Обеспеченность общим размером капитала

Источник: составлено авторами.

Это позволит повысить однородность выборки данных и получить более надежные результаты, оценить дифференцированность влияния рассматриваемых факторов.

Для проектирования прогнозных сценариев изменения рисков банкротства предприятий отраслей промышленности в регионе **на следующем (пятом) этапе** предполагается проведение авторегрессионного моделирования динамики факторов, представленных в таблице 4, с использованием скользящего среднего (*ARIMA/ARMA*). Формирование инерционного прогноза развития динамики факторов с использованием данного метода позволит **на следующем этапе** спрогнозировать наиболее вероятный сценарий изменения динамики рисков банкротства предприятий отраслей промышленности с учетом сохранения установленных тенденций. Предельные прогнозные значения, полученные в результате авторегрессионного моделирования динамики факторов, будут использованы для формирования крайне оптимистичного и пессимистичного сценариев развития рисков банкротства предприятий отраслей.

Для оценки социально-экономических последствий от реализации спроектированных сценариев изменения рисков банкротства предприятий отраслей промышленности **на седьмом этапе** предполагается регрессионный анализ зависимости между уровнем вероятности банкротства (*Z*-статистикой Альтмана по всем отраслям в совокупности) и такими показателями социально-экономического развития регионов, как объем ВРП, уровень безработицы, доходы населения и т. д. Отдельно планируется сформировать модель зависимости указанных показателей от рисков банкротства предприятий каждой отрасли промышленности. Это позволит установить отрасли, риски банкротства которых в наибольшей степени окажут негативное влияние на социально-экономическое развитие регионов.

Установленные в ходе моделирования экономико-математические зависимости **на следующем этапе** будут использоваться для прогнозирования социально-экономических последствий для региона от возможной реализации спроектированных сценариев изменения рисков банкротства предприятий отраслей промышленности. При построении данных про-

гнозов в качестве факторных признаков будут использоваться значения вероятности банкротства предприятий (*Z*-статистики Альтмана), рассчитанные в результате формирования прогнозных сценариев на шестом этапе данного методического подхода.

Установленные в ходе моделирования отрасли, в наибольшей степени подверженные рискам банкротства и оказывающие наиболее негативное влияние на динамику социально-экономического развития регионов, а также построенные прогнозные сценарии изменения рисков банкротства позволят **на заключительном этапе** определить отраслевые приоритеты государственной финансовой поддержки для обеспечения оптимального вектора развития реального сектора экономики в регионе, подобрать оптимальные механизмы ее реализации. Разработка целой системы прогнозных сценариев изменения рисков банкротства предприятий отраслей промышленности благодаря использованию «управляемых переменных» в сценарном моделировании (факторов внутренней и внешней среды), а также соответствующих механизмов государственной поддержки позволят сформировать систему предупреждения реализации негативных сценариев для социально-экономического развития региона и определить оптимальные меры государственной поддержки реального сектора экономики для снижения рисков банкротства предприятий отраслей промышленности, достижения наилучшей динамики социально-экономического развития регионов.

Результаты исследования

Свердловская область является индустриально развивающимся регионом с мощным машиностроительным комплексом. Производство машин и оборудования является одной из ключевых отраслей в регионе, ее удельный вес в структуре обрабатывающих производств в 2022 году составлял 10,4%¹. Крупнейшими машиностроительными предприятиями (с выручкой более 2,0 млрд руб. за год) в регионе являются ПАО «Уралмашзавод», АО «Машиностроительный холдинг», АО «Пневмостроймашина»,

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения 06.02.2024).

ООО «Уралдомноремонт-Екатеринбург», ООО «МК Технэкс», ПАО «Уралхиммаш» и АО «АМЗ Вентром». Они обладают ликвидными активами, в их структуре по данным 2022 года преобладают денежные средства и краткосрочные финансовые вложения (22,1%), быстрореализуемые активы (31,3%). Предприятия обладают

платежеспособностью, показатели ликвидности незначительно, но превышают нормативные значения (табл. 5). Вместе с тем срочные обязательства предприятий не покрываются производственными запасами, ликвидность при мобилизации средств на протяжении всего периода не достигала нормативного значения.

Таблица 5. Динамика индикаторов финансового положения и устойчивости предприятий, производящих машины и оборудование, в Свердловской области

Показатель	Размер	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Абсолютная ликвидность (норматив: > 0,2)	Крупные	0,02	0,03	0,03	0,03	0,02	0,06	0,07	0,06	0,06	0,09	0,42
	Средние	0,17	0,07	0,07	0,09	0,07	0,14	0,16	0,10	0,14	0,16	0,16
	Малые	0,13	0,08	0,07	0,13	0,08	0,11	0,15	0,14	0,13	0,16	0,34
Срочная ликвидность (норматив: > 1)	Крупные	0,37	0,62	0,45	0,38	0,39	0,48	0,74	0,48	0,64	0,73	1,01
	Средние	0,62	0,70	0,66	0,76	0,76	0,75	0,84	0,80	0,84	0,84	0,87
	Малые	0,54	0,59	0,56	0,62	0,60	0,52	0,61	0,71	0,69	0,84	0,97
Текущая ликвидность (норматив: >1-2)	Крупные	0,79	1,16	0,74	0,70	0,67	0,74	1,09	0,87	1,05	1,22	1,43
	Средние	1,28	1,30	1,22	1,22	1,32	1,28	1,39	1,28	1,32	1,30	1,27
	Малые	1,28	1,21	1,16	1,22	1,03	0,98	1,12	1,19	1,14	1,43	1,45
Ликвидность при мобилизации средств (норматив: > 0,5)	Крупные	0,41	0,53	0,28	0,24	0,27	0,24	0,36	0,39	0,40	0,49	0,41
	Средние	0,63	0,60	0,56	0,46	0,53	0,46	0,55	0,48	0,49	0,45	0,40
	Малые	0,71	0,60	0,57	0,56	0,41	0,45	0,50	0,47	0,44	0,57	0,46
Обеспеченность оборотными средствами (норматив: > 0,1)	Крупные	-0,68	-0,44	-0,68	-0,82	-0,82	-0,70	-0,63	-0,53	-0,33	-0,27	0,04
	Средние	0,22	0,22	0,15	0,15	0,21	0,20	0,18	0,15	0,14	0,12	0,13
	Малые	0,15	0,08	0,04	-0,02	-0,10	-0,12	-0,04	-0,04	-0,08	0,23	0,14
Финансовая независимость (норматив: > 0,5)	Крупные	-0,06	0,19	0,11	0,02	-0,03	-0,03	-0,02	-0,07	0,00	0,05	0,28
	Средние	0,25	0,25	0,21	0,21	0,27	0,26	0,28	0,27	0,27	0,26	0,24
	Малые	0,47	0,44	0,48	0,42	0,31	0,29	0,35	0,32	0,30	0,33	0,25
Соотношение заемных и собственных средств (норматив: < 0,7)	Крупные	-18,6	4,4	7,8	43,3	-34,1	-33,4	-52,2	-15,7	-874	20,2	2,54
	Средние	3,01	2,95	3,78	3,70	2,69	2,84	2,61	2,67	2,66	2,79	3,12
	Малые	1,09	1,27	1,10	1,39	2,21	2,40	1,84	2,15	2,29	2,01	2,99
Оценка ликвидности баланса	Крупные	БН	БН	БН	БН	БН	БН	БН	БН	БН	БН	ТЛ
	Средние	ПЛ	ПЛ	ПЛ	ПЛ	ПЛ	ТЛ	ТЛ	ТЛ	ПЛ	ПЛ	ПЛ
	Малые	ПЛ	ПЛ	ПЛ	БН	БН	БН	БН	БН	БН	ПЛ	ПЛ
Оборачиваемость основных средств за год	Крупные	2,54	1,89	1,31	1,27	1,64	2,02	2,29	2,34	3,49	3,83	2,47
	Средние	64,4	31,2	23,3	21,6	24,2	23,9	16,2	12,4	10,4	11,9	12,9
	Малые	3,76	6,97	3,33	3,12	4,39	5,39	5,28	4,60	4,65	4,53	10,4
Оборачиваемость оборотных активов за год	Крупные	1,04	1,04	0,78	0,76	0,88	0,87	0,87	0,73	0,88	0,85	1,39
	Средние	1,33	1,17	1,46	1,38	1,67	1,63	1,53	1,64	1,61	1,68	1,41
	Малые	1,72	2,74	1,41	1,25	1,39	1,42	1,41	1,25	1,18	1,27	1,17
Оборачиваемость запасов за год	Крупные	1,24	1,29	1,23	1,43	1,77	1,81	2,00	1,54	1,52	1,49	0,85
	Средние	2,80	1,78	2,14	2,71	3,07	3,27	3,00	3,02	3,11	3,77	3,73
	Малые	2,39	4,04	2,01	1,95	2,26	2,31	2,51	2,26	2,15	1,51	2,44
Оборачиваемость кредиторской задолженности	Крупные	1,48	1,81	1,92	2,25	3,07	3,00	2,87	2,72	2,57	2,09	1,30
	Средние	2,45	2,39	2,62	2,44	2,62	2,77	2,61	2,85	2,64	2,78	2,41
	Малые	2,82	4,55	2,10	1,95	1,94	1,80	2,16	1,91	1,68	1,42	2,39
Оборачиваемость дебиторской задолженности	Крупные	1,94	2,06	1,46	1,44	1,80	1,73	1,59	1,53	1,81	1,61	1,17
	Средние	2,90	2,94	3,02	3,04	3,19	3,61	3,33	3,30	3,17	3,62	3,13
	Малые	6,02	8,11	3,46	3,29	3,14	3,05	3,87	3,09	2,53	1,93	2,85

Окончание таблицы 5

Показатель	Размер	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Рентабельность основной деятельности, %	Крупные	-5,4	-2,7	-11,0	-5,4	0,5	10,5	11,2	5,7	5,6	6,7	15,1
	Средние	4,0	6,9	5,6	7,6	8,7	5,0	6,7	7,0	9,7	8,1	8,7
	Малые	7,1	7,5	6,3	4,4	5,3	5,1	6,7	7,7	8,4	7,3	9,3
Рентабельность продаж, %	Крупные	-5,7	-2,8	-12,3	-5,7	0,5	9,5	10,1	5,4	5,3	6,0	13,1
	Средние	3,9	6,5	5,3	7,0	8,0	4,8	6,3	6,5	8,8	7,5	8,0
	Малые	6,6	7,0	6,0	4,3	5,0	4,9	6,3	7,1	7,8	6,8	8,5
Рентабельность внеоборотных активов, %	Крупные	-47,9	-26,8	-15,5	-19,8	-13,7	-4,6	1,5	-17,6	-17,3	10,2	36,7
	Средние	70,3	66,4	46,7	83,0	105,1	66,6	54,9	39,4	51,7	49,9	58,3
	Малые	9,0	18,3	5,0	1,0	4,9	4,9	3,0	7,7	8,1	33,0	45,1
Рентабельность оборотных активов, %	Крупные	-28,3	-20,8	-13,8	-17,0	-10,6	-3,0	0,9	-7,6	-5,6	3,4	12,4
	Средние	3,2	3,3	3,8	6,2	8,3	5,6	7,0	6,6	9,8	9,7	8,7
	Малые	5,6	11,7	4,1	0,7	3,0	2,9	1,8	4,1	4,4	5,2	6,8

Примечание: ТЛ – текущая ликвидность, ПЛ – перспективная ликвидность, БН – баланс неликвиден.
 Источник: составлено авторами по данным базы СПАРК. URL: spark-interfax.ru

В структуре их пассивов преобладают наиболее срочные обязательства (51% всех обязательств), и это формирует серьезные риски для их финансовой устойчивости. Ситуация осложняется тем, что предприятия не обеспечены собственными оборотными средствами (см. табл. 5). Динамика финансовой независимости, соотношения заемных и собственных средств показывает, что предприятия имеют высокий уровень закредитованности, объем заемного капитала в 2,5 раза превышает собственный. На протяжении длительного периода времени предприятия находились на грани банкротства, обладали неликвидным балансом активов, объем их внеоборотных активов превышал имеющийся капитал и резервы, а наиболее срочные и краткосрочные обязательства не были обеспечены ликвидными активами. Финансовое положение машиностроительных холдингов в регионе в 2022 году незначительно улучшилось, этому способствовало сокращение объема дебиторской задолженности с 23,9 до 5,1 млрд руб. в 2022 году по сравнению с 2021 годом, краткосрочных обязательств – с 37,1 до 8,6 млрд руб., долгосрочных обязательств – с 20,5 до 3,1 млрд руб., повышение оборачиваемости оборотных средств – с 0,8 до 1,4 раза в течение года (см. табл. 5), улучшение рентабельности производственной деятельности – с 6,7 до 15,1%, продаж – с 6 до 13,1%, использования внеоборотных активов – с 10,2 до 36,7%. В настоящее время они обладают финансовой устойчивостью, располагают ликвидными акти-

вами и в отличие от средних и малых предприятий отличаются высокой рентабельностью, что свидетельствует о низкой вероятности их банкротства.

Средние предприятия отрасли машиностроения, с выручкой от реализации продукции от 0,198 до 2,0 млрд руб. за год, в отличие от крупных на протяжении всего периода обладали необходимым объемом оборотных средств, однако в их структуре преобладали труднореализуемые активы. Это оказало негативное влияние на их абсолютную и срочную ликвидность, имеющихся у них ресурсов не хватало для погашения краткосрочных обязательств и сформировавшейся кредиторской задолженности. Как и крупные предприятия, на протяжении всего рассматриваемого периода они ощущали серьезную зависимость от заемного капитала. Необходимый для производственной деятельности уровень оборотных средств поддерживался за счет краткосрочного кредитования. В результате накопленный уровень краткосрочных обязательств превысил долгосрочные в 9,4 раза и сформировал угрозу потери платежеспособности. В настоящее время данные предприятия не обладают ликвидным балансом и могут стать платежеспособными только в некоторой перспективе. Недостаточная обеспеченность запасами, функционирующим капиталом на протяжении всего периода способствовала снижению их финансовой устойчивости. Несмотря на низкую ликвидность активов, проблемы с платежеспособностью, данные предприятия находятся

в лучшем финансовом положении, чем крупные машиностроительные холдинги, их оборотный капитал активно оборачивается в течение года. Так, в 2022 году уровень оборачиваемости запасов средних предприятий в 4,3 раза превышал аналогичный показатель у крупных предприятий, уровень оборачиваемости кредиторской задолженности – в 1,9 раза, дебиторской задолженности – в 2,7 раза, основных средств – в 5,2 раза. Поэтому вероятность банкротства средних предприятий ниже.

Малые предприятия отрасли с выручкой от реализации продукции менее 0,198 млрд руб. в год, как и средние, обладают достаточным объемом оборотных средств для поддержания непрерывности производственных процессов, но он также сформирован за счет привлекаемых заемных средств, т. е. предприятия не обладают финансовой независимостью. Они характеризуются низким уровнем платежеспособности и перспективной ликвидностью баланса из-за недостаточности быстрореализуемых активов для погашения наиболее срочных обязательств. Ухудшает финансовое положение малых предприятий и низкий уровень оборачиваемости ресурсов. Из-за высокого уровня за кредитованности предприятиям сложно привлечь заемный капитал для обновления имеющихся запасов и основных средств. Более низкими темпами, по сравнению со средними предприятиями, оборачиваются и кредиторская, дебиторская задолженности. Все это значительно сдерживает финансовое развитие малых машиностроительных предприятий в Свердловской области и повышает вероятность их банкротства.

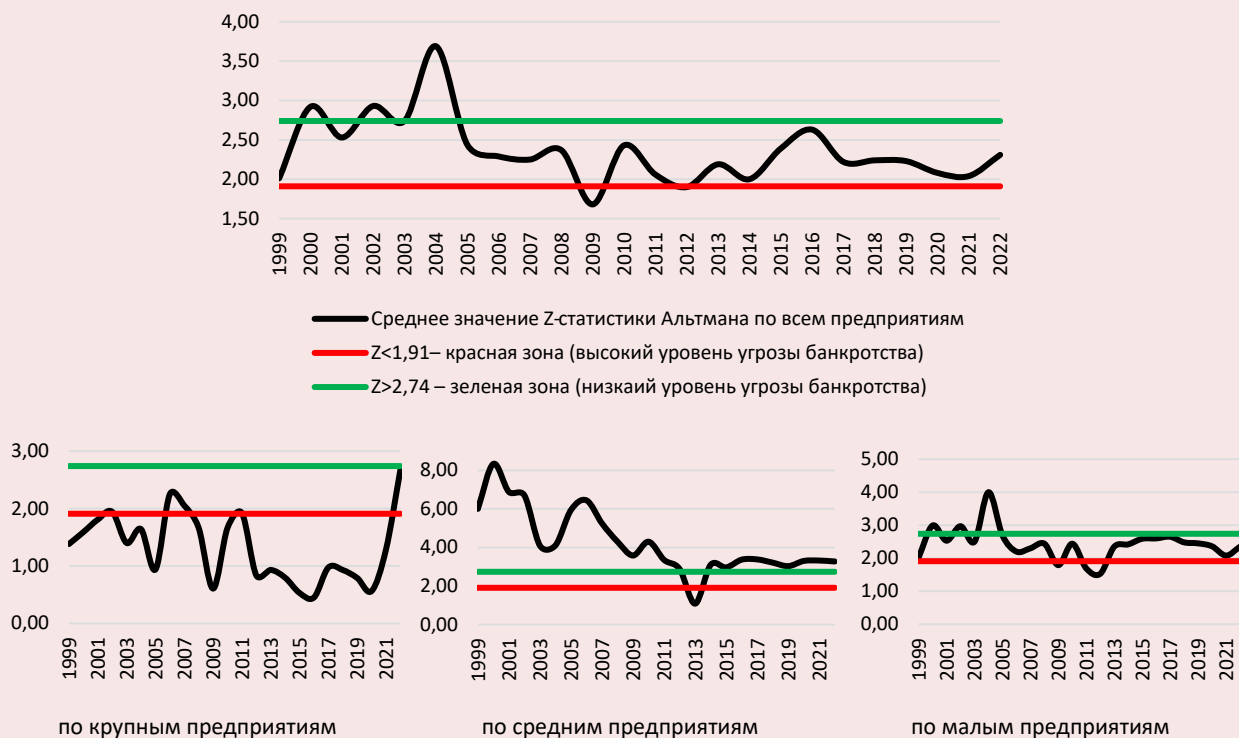
В ходе исследования с применением среднегеометрической и стандартных отклонений были определены пороговые значения для оценки вероятности банкротства предприятий машиностроения Свердловской области: ниже 1,91 – высокий уровень вероятности банкротства («красная» зона), от 1,91 до 2,74 – средний уровень («серая» зона) и значения выше 2,74 – низкий уровень вероятности банкротства предприятий («зеленая» зона).

Расчет значений статистики Альтмана свидетельствует, что в настоящее время отрасль машиностроения в Свердловской области характеризуется стабильным финансовым положением. После 2009 года показатели находятся

в «серой» зоне, и это свидетельствует о слабой вероятности банкротства предприятий, занимающихся производством машин и оборудования (рис. 2).

В периоды нарастания кризисных явлений в экономике (в 2012, 2014, 2020–2021 гг.) значения Z -статистики Альтмана приближались к «красной» линии, финансовое положение предприятий отрасли машиностроения в Свердловской области ухудшалось, но такого кризиса, как в 2009 году, не наблюдалось. В период пандемии коронавирусной инфекции *COVID-19* кривая Альтмана максимально близко приблизилась к «красной» черте, вероятность банкротства предприятий резко возросла, однако благодаря адресной государственной финансовой поддержке отдельных предприятий отрасли машиностроения в регионе удалось сохранить финансовую устойчивость. Усилившееся санкционное давление на предприятия, обрушение налаженных логистических цепочек поставки ресурсов и готовой продукции, резкий рост цен на сырье и материалы, сложность импорта передовых производственных технологий и оборудования иностранного производства в 2022 году формируют новые риски банкротства предприятий отрасли машиностроения в регионе. В наиболее уязвимом положении в данной ситуации оказались крупные холдинги, которые отличаются высокой фондоемкостью, зависимостью от импортного оборудования. Крупные предприятия годами отлаживают каналы поставки сырья и материалов, и любое изменение в логистических цепочках приводит к серьезным перебоям в их производственных процессах. Кривая Альтмана для крупных машиностроительных предприятий региона показала, что они наиболее чувствительны к любым негативным проявлениям в экономике (см. рис. 2). Экономические спады 2008–2009, 2012, 2014, 2020–2021 гг. сопровождалась крайне высокой вероятностью банкротства данных предприятий. Крупные машиностроительные холдинги региона находились в «красной» зоне с высокими рисками банкротства в течение очень длительного периода и только в 2022 году улучшили свое финансовое положение. Значение Z -статистики Альтмана переместилось в зону неопределенности, в которой без применения инструментов регрессионного

Рис. 2. Динамика изменения вероятности банкротства отрасли машиностроения в Свердловской области в целом и по видам предприятий

Источник: составлено авторами.

анализа очень сложно спрогнозировать дальнейшую динамику изменения вероятности банкротства. Аналогичная динамика изменения вероятности банкротства наблюдалась в группе малых предприятий отрасли машиностроения. Финансово-экономический кризис 2008 года и его вторая волна в 2012 году существенно повлияли на финансовую устойчивость предприятий, значения Z-статистики Альтмана оказались в «красной» зоне, что свидетельствовало о высокой вероятности банкротства предприятий. Экономический спад 2014–2015 гг. и пандемия коронавирусной инфекции оказали негативное воздействие на финансовое положение предприятий, однако оно не было таким критичным. В настоящее время они, как и крупные предприятия, находятся в зоне неопределенности.

В наиболее стабильном финансовом положении находятся средние машиностроительные предприятия региона. Экономические спады,

которые наблюдались в стране в течение последних восьми лет, не оказали на них такого негативного влияния, как на крупные и малые предприятия. Средние предприятия обеспечены достаточным объемом оборотных активов для покрытия обязательств, их ресурсы активно оборачиваются в течение года. Именно поэтому значения Z-статистики Альтмана по данной группе предприятий в течение последних восьми лет находились в «зеленой» зоне, и это свидетельствует о слабой вероятности их банкротства.

Для проведения регрессионного анализа (табл. 6) использовались данные о динамике рассчитанной Z-статистики Альтмана по крупным, средним и малым предприятиям машиностроительной отрасли в Свердловской области за период с 1999 по 2022 год. Временные ряды оценивались на стационарность с использованием теста Дикки – Фуллера, на мультиколлинеарность путем построения матриц попарной

Таблица 6. Результаты регрессионного моделирования зависимости вероятности банкротства (Z-статистики Альтмана) предприятий машиностроения Свердловской области от внешних внутренних факторов

	Крупные	Средние	Малые
	Коэффициенты регрессии		
Const	-8,07 (2,3)***	7,14 (2,19)***	3,02 (0,21) ***
Ла – абсолютная ликвидность	2,28 (0,9)**		
Ос – обеспеченность оборотными средствами	1,06 (0,4)***		
Оос – оборачиваемость основных средств, раз в год		0,01(0,005) *	
Оз – оборачиваемость запасов, раз в год		0,09 (0,03)***	
Одз – оборачиваемость дебиторской задолженности, раз в год	0,24(0,09)**		
Роа – рентабельность оборотных активов, %	0,02 (0,01)**	0,16 (0,04)***	
Ln (Иок) – логарифм объема инвестиций в основной капитал	0,87 (0,2)***		
Иф – степень износа основных фондов в регионе, %		-0,09 (0,04)**	
Ln (Ит) – логарифм объема импортируемых технологий			-0,16 (0,1)***
Параметры оценки качества и достоверности построенных моделей			
R-квадрат	0,79	0,83	0,52
F-статистика Фишера	13,87***	23,24***	10,25***
Статистика Дарбина – Уотсона	1,88	2,52	1,87
P-значение теста Бройша – Пагана (H0: гетероскедастичность отсутствует)	0,52	0,20	0,07
P-значение теста (H0: ошибки распределены нормально)	0,25	0,18	0,91
P-значение теста Чоу (H0: нет структурных изменений)	0,28	0,21	0,52
P-значение теста Бройша – Годффри (H0: автокорреляция отсутствует)	0,88	0,08	0,96
P-значение теста (H0: ARCH процессы отсутствуют)	0,87	0,60	0,99
P-значение теста Квандта (H0: нет структурных изменений)	0,28	0,2	0,63
Примечание: * – статистическая значимость на уровне 10%, ** – статистическая значимость на уровне 5%, *** – статистическая значимость на уровне 1%. В скобках указаны стандартные ошибки параметров регрессии. Источник: составлено авторами.			

корреляции и *VIF* анализа. При оценке достоверности модели осуществлялась проверка на наличие автокорреляции остатков, структурных сдвигов в динамике ключевой переменной, гетероскедастичности в модели, на нормальность распределения ошибок.

В результате регрессионного моделирования было установлено, что на динамику вероятности банкротства крупных машиностроительных холдингов в Свердловской области оказывают влияние абсолютная ликвидность предприятий, обеспеченность их собственными оборотными средствами, оборачиваемость дебиторской задолженности, рентабельность использования оборотных средств, а также объем привлекаемых предприятиями региона инвестиций в основной капитал (см. табл. 6). Крупные предприятия отрасли плохо обеспечены оборотными средствами, средства недостаточно быстро оборачиваются и неэффективно

используются. Предприятия являются фондомскими и привлекают значительные инвестиции в основной капитал для модернизации производства. Отрицательная динамика данных факторов формирует риски банкротства.

Исследование показало, что на динамику вероятности банкротства средних по размеру предприятий оказывают влияние оборачиваемость основных средств и запасов, рентабельность использования оборотных активов и степень износа основных производственных фондов. Данные предприятия недостаточно обеспечены запасами и другими наиболее ликвидными активами для погашения срочных обязательств и сформировавшейся кредиторской задолженности, они испытывают серьезные проблемы с платежеспособностью, в структуре их капитала преобладают заемные средства, и только высокий уровень оборачиваемости дебиторской и кредиторской задолжен-

ности, основных и оборотных средств, запасов, эффективность их использования поддерживают финансовую устойчивость. Негативная динамика этих показателей может значительно повысить риски банкротства предприятий. На вероятность банкротства малых предприятий, согласно результатам регрессионного анализа, оказывает влияние объем импортируемых технологий. Данные предприятия не обладают достаточными ресурсами для разработки и внедрения собственных передовых производственных технологий и вынуждены импортировать их. Значительный рост стоимости импортируемых технологий в условиях ограниченности оборотных средств заставляет предприятия привлекать заемный капитал, и это негативно влияет на уровень их финансовой независимости, платежеспособности, формирует риски банкротства.

Для прогнозирования динамики ключевых факторов изменения вероятности банкротства предприятий применялось авторегрессионное моделирование с использованием скользящего среднего. В ходе исследования было установлено, что оптимальным методом проведения дан-

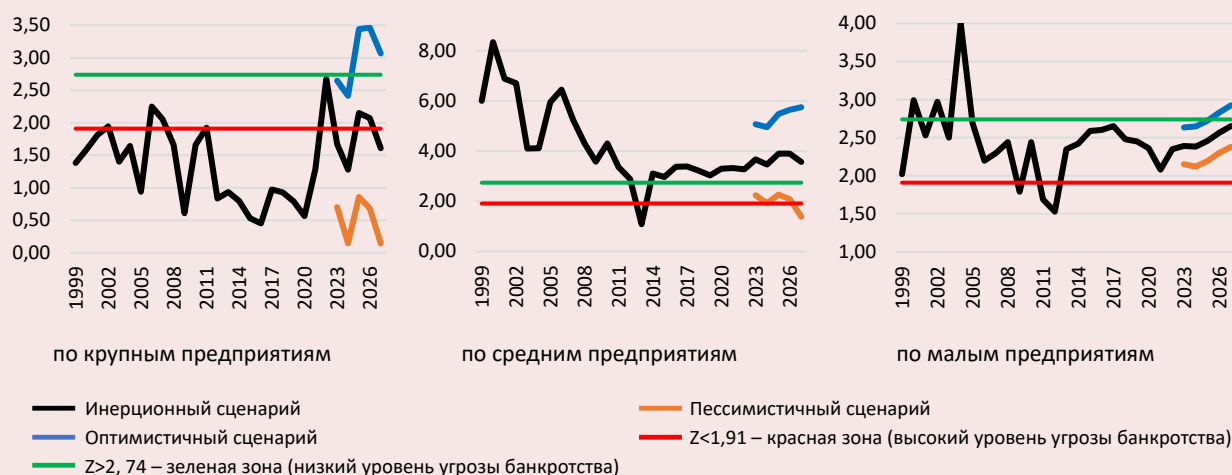
ного анализа является *ARMA*-моделирование из-за отсутствия линейных трендов в динамике показателей. Пример формируемых моделей для одного из ключевых факторов вероятности банкротства крупных предприятий машиностроения Свердловской области представлен в *таблице 7*.

Для построения прогнозных сценариев, отражающих динамику изменения ключевых факторов вероятности банкротства предприятий, использовался доверительный интервал 95%, для формирования пессимистичного и оптимистичного сценариев применялись нижняя и верхняя границы данного интервала. Для разработки наиболее вероятного, инерционного прогнозного сценария их изменения на ближайшие пять лет с учетом сохранения отмеченных тенденций прошлого использовались параметры авторегрессионных моделей. Спрогнозированные значения динамики данных факторов, а также построенные модели легли в основу проектирования прогнозных сценариев изменения вероятности банкротства крупных, средних и малых предприятий машиностроения (*рис. 3*).

Таблица 7. ARMA-модель динамики рентабельности оборотных активов крупных предприятий машиностроения в Свердловской области за период с 1999 по 2022 год

Estimated using AS 197 (точный метод МП)				
Стандартные ошибки рассчитаны на основе Гессмана				
	Коэффициент	Ст. ошибка	z	P-значение
<i>const</i>	-5,58245	0,632170	-8,831	1,04e-018 ***
<i>phi_1</i>	1,68253	0,0985203	17,08	2,16e-065 ***
<i>phi_2</i>	-1,56825	0,187601	-8,360	6,30e-017 ***
<i>phi_3</i>	1,68300	0,105349	15,98	1,90e-057 ***
<i>phi_4</i>	-0,992345	0,0125970	-78,78	0,0000 ***
<i>theta_1</i>	-1,72673	0,303976	-5,680	1,34e-08 ***
<i>theta_2</i>	1,50863	0,513391	2,939	0,0033 ***
<i>theta_3</i>	-1,72673	0,549006	-3,145	0,0017 ***
<i>theta_4</i>	0,999998	0,320964	3,116	0,0018 ***
Среднее зав. перемен	-4,388445	Ст. откл. зав. перемен	9,352900	
Среднее инноваций	0,745540	Ст. откл. инноваций	3,970934	
R-квадрат	0,843937	Испр. R-квадрат	0,775660	
Лог. правдоподобие	-73,56009	Крит. Акаике	167,1202	
Крит. Шварца	178,9007	Крит. Хеннана – Куинна	170,2456	
Примечание: * – статистическая значимость на уровне 10%, ** – статистическая значимость на уровне 5%, *** – статистическая значимость на уровне 1%. Источник: составлено авторами.				

Рис. 3. Прогнозные сценарии изменения вероятности банкротства крупных, средних, малых предприятий машиностроения в Свердловской области до 2027 года

Источник: составлено авторами.

Исследование показало, что дальнейшее сокращение объема импортируемых новых технологий (до 10 млн руб. в год) положительно повлияет на вероятность банкротства малых машиностроительных предприятий. Прекращение параллельного импорта технологий, оборудования и переход на внедрение отечественных разработок будут способствовать повышению их финансовой устойчивости и устранению технологического риска банкротства. В случае реализации оптимистичного сценария статистика Альтмана к 2027 году достигнет «зеленой» зоны. Рост объема импортируемых технологий повысит вероятность банкротства предприятий, но она не достигнет критических значений, кривая Альтмана останется в «серой» зоне неопределенности. Более того, реализация пессимистичного сценария маловероятна из-за санкционного давления и невозможности легального импорта технологий. Сохранение отмеченных за последнее десятилетие тенденций и достижение к 2027 году уровня оборачиваемости запасов (3,4 раза в год), основных производственных фондов (65,3 раза в год) и рентабельности использования оборотных активов (8,6%) будут способствовать дальнейшему снижению вероятности банкротства средних по размеру предприятий, значения которой и так находятся в «зеленой» зоне. Нарастающий

уровень износа основных производственных фондов, рост инфляции, снижение оборачиваемости запасов, основных фондов, деловой активности предприятий, рентабельности оборотных активов более высокими темпами будут способствовать реализации пессимистичного сценария и приведут к значительному повышению вероятности банкротства данных предприятий. Z-статистика Альтмана окажется в «красной» зоне, достигнет значения 1,4.

Крупные машиностроительные холдинги Свердловской области наиболее подвержены рискам банкротства. Данные предприятия с 2012 года находились в зоне риска из-за нехватки собственных оборотных средств и слабой эффективности их использования, низкого уровня платежеспособности и недостаточного уровня оборачиваемости дебиторской задолженности. Дальнейшее сохранение негативной динамики этих факторов будет способствовать реализации инерционного сценария, при котором к 2027 году высока вероятность банкротства данной группы предприятий. В случае более значительного снижения платежеспособности предприятий (до 0,1), оборачиваемости дебиторской задолженности (до 0,7), обеспеченности предприятий оборотными средствами (до 0,01), рентабельности их использования (до отрицательного

значения 13,5%) возможна реализация более пессимистичного сценария: кривая Альтмана достигнет значения 0,14, превысив отмеченный в 2009 году уровень. Риски банкротства машиностроительных холдингов повышает и сокращающаяся с 2012 года динамика инвестиций в основной капитал. Крупные холдинги зависимы от состояния основных фондов и в целях обеспечения непрерывности производственных процессов вынуждены привлекать заемные ресурсы для их модернизации. Значительное сокращение инвестиций в основной капитал (на 9,6%) к 2027 году будет одним из триггеров реализации пессимистичного сценария в динамике вероятности банкротства машиностроительных холдингов. В условиях ограниченности оборотных активов и низкой оборачиваемости дебиторской задолженности предприятиям будет сложно найти ресурсы для восстановления вышедшего из строя производственного оборудования.

Сценарное прогнозирование рисков банкротства показало, что отрасль машиностроения Свердловской области в настоящее время находится в стабильном финансовом положении. Наиболее подверженными рискам банкротства являются крупные машиностроительные холдинги. Для повышения их финансовой устойчивости сегодня требуется государственная поддержка, т. к. отрасль машиностроения в регионе является ключевой и от ее финансового положения зависит динамика развития смежных отраслей.

Заключение

В ходе исследования был разработан методический подход к сценарному моделированию и прогнозированию рисков банкротства предприятий отраслей промышленности, новизну которого составляет учет данных первичной бухгалтерской и годовой отчетности предприятий, функционирующих в региональной системе согласно их отраслевой принадлежности, а также системное использование методов регрессионного и авторегрессионного моделирования. Такой подход позволяет более точно и

объективно оценить угрозы потери финансовой состоятельности предприятий различных отраслей промышленности в регионе.

В результате исследования установлено, что отрасль машиностроения Свердловской области в настоящее время находится в стабильном финансовом положении. Рискам банкротства подвержены крупные машиностроительные холдинги региона, которые недостаточно обеспечены оборотными средствами, отличаются низким уровнем платежеспособности и испытывают значительную долговую нагрузку. В наиболее стабильном финансовом положении находятся средние машиностроительные предприятия региона. Они обладают достаточным объемом оборотных активов для покрытия краткосрочных и долгосрочных обязательств, их ресурсы активно оборачиваются в течение года. Снижение рентабельности использования оборотных активов, оборачиваемости основных средств и запасов, а также наращивание степени износа основных производственных фондов формируют риски банкротства данных предприятий. На устойчивое финансовое положение малых предприятий оказывает влияние объем импортируемых технологий и услуг технического характера. Ввиду своего размера малые компании не обладают достаточными ресурсами для разработки и внедрения собственных передовых производственных технологий и вынуждены импортировать их из других стран. Ограничение импорта зарубежных технологий и переход на внедрение отечественных разработок будет способствовать повышению их финансовой устойчивости и устранению технологического риска банкротства.

Разработанный подход к оценке и прогнозированию вероятности банкротства предприятий предполагается в дальнейшем апробировать в других отраслях промышленности региона с целью оценки социально-экономических последствий их возможного банкротства и выявления отраслевых приоритетов государственной финансовой поддержки.

Литература

- Батьковский А.М., Булава И.В., Мингалиев К.Н., Фомина А.В. (2016). Прогнозирование риска финансовой несостоятельности компаний оборонно-промышленного комплекса // Вопросы радиоэлектроники. № 6. Серия ОТ. Вып. 5. С. 108–120.

- Богданова Т.К., Алексеева Ю.А. (2011). Прогнозирование вероятности банкротства предприятий с учетом изменения финансовых показателей в динамике // Бизнес-информатика. № 1 (15). С. 50–60.
- Евстропов М.В. (2008). Оценка возможностей прогнозирования банкротства предприятий в России // Вестник ОГУ. № 85. С. 25–32.
- Зайцева О.П. (1998). Антикризисный менеджмент в российской фирме // Аваль (Сибирская финансовая школа). № 11–12.
- Иванова Е.В., Ефремкова Т.И. (2020). Методологические предпосылки развития модели прогнозирования банкротства // Вестник Алтайской академии знаний. № 4. С. 336–343.
- Исмаилова П.А., Евдокимов С.Ю., Головецкий Н.Я. (2019). Оценки финансовой нестабильности с применением инструментария прогнозирования финансовой несостоятельности (банкротства) предприятий на региональном рынке // Вестник Евразийской науки. № 6. С. 1–12.
- Казакова Н.А., Лещинская А.Ф., Сивкова А.Е. (2018). Оценка и прогнозирование риска банкротства горно-металлургических компаний // Экономика в промышленности. Т. 11. № 3. С. 261–272. DOI: 10.17073/2072-1633-2018-3-261-272
- Лютова Е.С. (2011). Экономико-математическое моделирование прогнозирования банкротства металлургических предприятий // Проблемы экономики и юридической практики. № 2. С. 362–365.
- Могилат А.Н. (2019). Оценка финансовой устойчивости российских промышленных компаний, или, о чем говорят банкротства // Вопросы экономики. № 3. С. 101–118.
- Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2021). Металлургические корпорации и государство: тенденции финансового взаимодействия последнего десятилетия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 3. С. 150–166. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.9
- Федорова Е.А., Лазарев М.П., Федин А.В. (2016). Прогнозирование банкротства предприятия с учетом факторов внешней среды // Финансовая аналитика: проблемы и решения. № 42. С. 2–12.
- Федорова Е.А., Тимофеев Я.В. (2015). Разработка моделей прогнозирования банкротства российских предприятий для отраслей строительства и сельского хозяйства // Финансы и кредит. № 32 (656). С. 2–10.
- Федорова Е.А., Хрустова Л.Е., Чекризов Д.В. (2018). Отраслевые особенности применения моделей прогнозирования банкротства предприятия // Стратегические решения и риск-менеджмент. № 1 (106). С. 64–71.
- Шатковская Е.Г., Файзуллоев А.Х. (2016). Банкротство организации, его понятие и методы прогнозирования // Фундаментальные исследования. № 5. С. 433–440.
- Ширинкина Е.В. (2015). Прогнозирование риска несостоятельности предприятия в условиях неопределенности // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». № 3 (26). С. 137–144.
- Adamowicz K., Noga T. (2018) Identification of financial ratios applicable in the construction of a prediction model for bankruptcy of wood industry enterprises. *Folia Forestalia Polonica*, Series A, 60(1), 61–72.
- Alifiah M.N. (2014). Prediction of financial distress companies in the trading and services sector in Malaysia using macroeconomic variables. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 129, 90–98.
- Altman E. (1968). Financial ratios, discriminant analysis and the prediction of corporate bankruptcy. *Journal of Finance*, 23(4), 589–609.
- Beaver W. (1966). Financial ratios as predictors of failure. Empirical research in accounting selected studies. *Journal of Accounting Research (Suppl.)*, 4, 71–111.
- Conan J., Holder M. (1979). *Explicative Variables of Performance and Management Control*: Doctoral Thesis. Paris: CERG, Universite Paris Dauphine.
- Cultrera L., Brédart X. (2016). Bankruptcy prediction: The case of Belgian SMEs. *Review of Accounting and Finance*, 15(1), 101–119.
- Fulmer J., Moon J., Gavin T., Erwin M. (1984). A bankruptcy classification model for small firms. *Journal of Commercial Bank Lending*, July, 25–37.
- Kaczmarek J., Alonso S.L.N., Sokołowski A., Fijorek K., Denkowska S. (2021). Financial threat profiles of industrial enterprises in Poland. *Oeconomia Copernicana*, 12(2), 463–487.
- Kangari R. (1988). Business failure in construction industry. *Journal of Construction Engineering and Management*, 114(2), 172–190. DOI: 10.1061/(ASCE)0733-9364(1988)114:2(172)

- Karas M., Reznakova M. (2015). Predicting bankruptcy under alternative conditions: The effect of a change in industry and time period on the accuracy of the model. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 213, 397–403. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.557
- Kloster B.T., Jacobsen H.D. (2005). What influences the number of bankruptcies? *Economic Bulletin*, 76(4), 191–211.
- Legault J. (1987). C.A. – Score, a warning system for small business failures. *Bilanas*, June, 29–31.
- Ohlson J.A. (1980). Financial ratios and the probabilistic prediction of bankruptcy. *Journal of Accounting Research*, 18, 109–131.
- Petersen C., Plenborg T. (2012). *Financial Statement Analysis: Valuation, Credit Analysis and Executive Compensation*. Pearson Education Limited.
- Qin Z., Chen Y. (2010). The bankruptcy prediction study under the financial crisis: The case of Chinese export-oriented enterprises. In: *Proceedings – 2010 2nd IEEE International Conference on Information and Financial Engineering, ICIFE*, 301–306, 56093072010.
- Taffler R.J., Tisshaw H.J. (1977). Going, going, gone – four factors which predict... *Accountancy*, 88, 50–54.
- Wadhvani S.B. (1986). Inflation, bankruptcy default premia and the stock market. *The Economic Journal*, 96(381), 120–138.
- Zmijewski M.E. (1984). Methodological issues related to the estimation of financial distress prediction models. *Journal of Accounting Research*, 22, 59–82.

Сведения об авторах

Илья Викторович Наумов – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: naumov.iv@uiec.ru)

Наталья Леонидовна Никулина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: nikulina.nl@uiec.ru)

Анна Андреевна Бычкова – младший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: bychkova.aa@uiec.ru)

Naumov I.V., Nikulina N.L., Bychkova A.A.

Scenario-Based Approach to Modeling Bankruptcy Risks for Enterprises in Various Industries

Abstract. The deterioration of the financial situation of enterprises in various industries, which is currently observed in many regions, creates prospects for reducing their financial stability and the emergence of bankruptcy risks. It is necessary to develop existing methodological approaches so as to assess and forecast the risks of bankruptcy for industries as a whole, rather than for individual enterprises, and form effective state support mechanisms for them. The main goal of our research is to develop these approaches. The novelty of the presented approach consists in the following facts: we develop an algorithm for scenario modeling and forecasting the risks of bankruptcy for industries, including an assessment of the financial stability of the industries under consideration and the probability of bankruptcy; we design regression models showing the dependence of change in the probability of bankruptcy on a whole system of internal and external factors; we conduct autoregressive modeling of the dynamics of internal and external factors using a moving average (ARMA). Autoregressive modeling allows us to form the most probable, inertial forecast scenario for the next five years taking into account the preservation of the noted trends and the corridor of maximum possible values. The forecast values of the dynamics of these factors and the constructed regression models serve as a basis for designing forecast scenarios for changes in the

probability of bankruptcy of large, medium and small machine-building enterprises in the Sverdlovsk Region. As a result, we reveal that major machine-building holdings of the Sverdlovsk Region that do not have sufficient working capital, have a low level of solvency, and experience a significant debt burden are most susceptible to bankruptcy risks. In order to increase financial stability and effective development of large machine-building enterprises, government support is required.

Key words: bankruptcy risks, financial stability, industries, autoregressive modeling, scenario forecasting.

Information about the Authors

Ilya V. Naumov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, head of laboratory, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: naumov.iv@uiec.ru)

Natalya L. Nikulina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: nikulina.nl@uiec.ru)

Anna A. Bychkova – Junior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: bychkova.aa@uiec.ru)

Статья поступила 14.02.2024.

DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.10

УДК 614.2, ББК 51.1:51.9

© Калашников К.Н.

Проблема концептуализации категории «социально значимые заболевания» в стратегическом управлении

**Константин Николаевич
КАЛАШНИКОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: konstantino-84@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9558-3584; ResearcherID: I-9519-2016

Аннотация. В статье изучается проблема применения нормативно закреплённых категорий «социально значимые заболевания» и «заболевания, представляющие опасность для окружающих» в государственном управлении, прежде всего в стратегическом планировании. Основное внимание автор уделяет, во-первых, присутствию и описанию наиболее распространённых форматов употребления категории «социально значимые заболевания» в стратегических документах, принятых к реализации в современной России, причём как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации, во-вторых, ограничениям использования обсуждаемой категории показателей в практике мониторинговых наблюдений. Цель исследования – выявление возможностей и ограничений использования перечня обсуждаемых нозологических единиц в стратегическом планировании на уровне страны и субъектов РФ. Информационной базой для анализа послужили данные Министерства здравоохранения РФ и Федеральной службы государственной статистики, а также стратегические документы социально-экономического развития страны и субъектов Российской Федерации. В статье проведён анализ динамики и структурно-количественных особенностей заболеваемости населения по ряду важнейших социально значимых болезней (злокачественные новообразования, туберкулёз, ВИЧ-инфекция) в период с 2000 по 2021 год. На основе этих данных сделан вывод о сложностях интерпретации, с которыми сопряжено оперирование укрупнёнными категориями «социально значимые заболевания» и «заболевания, представляющие опасность для окружающих» при формулировке стратегических целей развития страны и регионов. Предлагается ряд рекомендаций по решению подоб-

Для цитирования: Калашников К.Н. (2024). Проблема концептуализации категории «социально значимые заболевания» в стратегическом управлении // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 17. № 2. С. 187–201. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.10

For citation: Kalashnikov K.N. (2024). Conceptualizing the notion of “socially significant diseases” in strategic planning. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(2), 187–201. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.10

ных проблем. Новизна исследования заключается в критическом осмыслении возможностей и ограничений использования категорий «социально значимые заболевания» и «заболевания, представляющие опасность для окружающих» в программных документах в силу существенной неоднородности их перечня, включающего принципиально различающиеся нозологические единицы. Практическая значимость состоит в уточнении практик применения обсуждаемой категории показателей в качестве индикаторов регионального развития.

Ключевые слова: социально значимые заболевания, заболевания, представляющие опасность для окружающих, заболеваемость, нозологические единицы, стратегии социально-экономического развития, субъекты РФ, государственная программа.

Введение

С экономической точки зрения эпидемиологическое благополучие следует понимать как общественное благо, производство и поставка которого обеспечивается слаженным функционированием и взаимодействием органов исполнительной власти, подведомственных им организаций в сотрудничестве с гражданским обществом и бизнесом (Von Heimburg et al., 2022). Эпидемиологическая картина может и должна оцениваться как показатель качества жизни населения (Кувшинников и др., 2023) и качества государственного управления, социально-экономического развития страны и её регионов, как важная черта их социокультурного облика (Peters et al., 2008). Главным индикатором здесь выступает распространённость заболеваний, которые имеют строгую соотнесённость с социально-экономическими факторами. В международной практике, пусть и далеко не повсеместно, такие заболевания называются социальными. В России они получили наименование «социально значимые». Существует и категория «заболеваний, представляющих опасность для окружающих». Она имеет ряд общих черт с социально значимыми заболеваниями и часто рассматривается как смежная по отношению к ним¹. Исследование взаимоотношений между этими группами — отдельная исследовательская задача, но они обе притягивают к себе внимание в силу выраженного негативного влияния их распространения на общественное здоровье. Неслучайно катего-

¹ Далее для удобства изложения будут использованы как развёрнутые названия категорий — «социально значимые заболевания» и «заболевания, представляющие опасность для окружающих», так и аббревиатуры «СЗЗ» и «ЗПОДО», а также общая аббревиатура «СЗЗ и ЗПОДО». В названии статьи для краткости используется только термин «социально значимые».

рии «СЗЗ» и «ЗПОДО» официально закреплены в нормативном поле современной России, в том числе и в аспектах организации пенитенциарной системы (Шугаева и др., 2022). Озвучиваются предложения по составлению и утверждению перечня СЗЗ, имеющих уголовно-правовое значение (Звонов, Яковлев, 2020). Они фигурируют в документах социально-экономического развития страны и регионов, выходящих за рамки ведомственных целевых программ и существенно отраслевой проблематики.

Не вызывает сомнений, что оперирование терминами «СЗЗ» и «ЗПОДО» в вопросах правового характера и в аспектах реализации социальных гарантий требует юридической точности. Однако в контексте стратегического управления, где они используются скорее для актуализации эпидемиологических вызовов и разработки направлений развития территорий, обнаруживается множество фактов пренебрежения строгостью и нормативной силой обсуждаемых категорий. Это противоречие редко учитывается исследователями, а его анализ не находит достаточного отражения в современной академической литературе. В рамках статьи мы ставим задачу показать, что в официальных стратегических документах рассматриваемые термины применяются произвольно, несистематично и непоследовательно. Это затрудняет адекватное понимание остроты текущей ситуации и её актуализации органами власти, а также сути и содержания реализуемых мероприятий и политики в целом, что подчёркивает необходимость исследований в данной области.

Это вызывает особую обеспокоенность в современных российских условиях, когда, во-первых, эпидемиологическая ситуация остаётся напряженной, во-вторых, существует широкая территориальная дифференциация по

уровню заболеваемости (Лещенко и др., 2022). В связи с пандемией, вызванной новой коронавирусной инфекцией, список ЗПОДО пополнился новой нозологической единицей — 2019-N CoV, поэтому дальнейшее произвольное оперирование обсуждаемыми терминами может привести к проблемам интерпретации декларируемых органами власти ориентиров развития. Например, читатели стратегических документов, не обнаруживая в текстах категории «ЗПОДО», могут задаться вопросом, получит ли профилактика коронавирусной инфекции достаточное внимание органов власти в ближайшей и отдалённой перспективе.

Целью исследования является анализ возможностей и ограничений использования категорий «СЗЗ» и «ЗПОДО» и перечня составляющих их нозологических единиц в оценке социально-экономического благополучия России в документах стратегического характера и в целом в системе стратегического планирования развития страны и отдельных регионов.

Новизна предпринятого исследования заключается в критическом осмыслении применения категорий «социально значимые заболевания» и «заболевания, представляющие опасность для окружающих» в стратегических документах развития страны и регионов.

В первой части показана внутренняя неоднородность СЗЗ и ЗПОДО по параметрам распространённости и эпидемиологической динамики, а также региональной дифференциации, что, помимо прочего, иллюстрирует сложность использования категорий «СЗЗ» и «ЗПОДО» в аналитических целях и показывает неизбежность их дробления на отдельные нозологические единицы. Во второй части обсуждаются проблемы концептуализации и применения категорий «СЗЗ» и «ЗПОДО» в документах стратегического планирования на примерах стратегий социально-экономического развития регионов России.

Теоретические аспекты

Распространение социально значимых заболеваний тесно связано с социально-экономическими условиями жизни населения, но эта связь, вероятно, носит двусторонний характер. С одной стороны, низкий уровень жизни и неудовлетворительное качество быта создают условия для возникновения очагов заболеваемости.

С другой стороны, массовость случаев заболеваемости обуславливает социально-экономический ущерб для территорий из-за потерь трудоспособности, затрат на выявление и лечение, инвалидности и смертности населения (Будилова, Мигранова, 2020). Отсюда — частое использование этой категории в документах социально-экономического развития страны и регионов.

Заболевания, относящиеся к данной категории, негативно влияют на социальное окружение человека в пределах близкого радиуса, приводят к потере семьи, друзей, работы, средств к существованию (Бояркина, 2019). В научной литературе признаётся взаимная причинная обусловленность этих заболеваний: алкоголизм и наркомания могут привести к заражению инфекциями, передающимися половым путём, и вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) (Петросян, Шахмарданов, 2018), а также появлению заболеваний, связанных с повышенным кровяным давлением (Васильев, Стрельцова, 2018), что, впрочем, не распространяется на все болезни в данных группах.

В зарубежной научной и эпидемиологической практике распространение и социально-экономические последствия заболеваемости и смертности от данных видов болезней чаще изучаются конкретно по отдельным нозологическим единицам, например туберкулёзу (Jilani et al., 2023; MacPherson et al., 2020) или инфекциям, передаваемым половым путём (Ginocchio et al., 2023; Van der Pol, 2016). При этом подчёркивается социальная обусловленность ряда инфекционных (Rasanathan et al., 2019), психических заболеваний (Ni et al., 2020), тогда как аналогичная российской формулировка не находит широкого применения. Более того, ведущими исследователями и экспертами фиксируется социальная детерминированность здоровья вообще и, следовательно, неравенства в отношении общественного здоровья (Solar, Irwin, 2010), поэтому дискуссионным вопросом остаётся актуальность особого выделения категории «социально значимые болезни» в контексте поднятой проблематики. Интерес представляет вопрос, будет ли такая актуализация опираться исключительно на аргументы большей, чем прочие категории заболеваний, обусловленности СЗЗ и ЗПОДО социальными

факторами. Возможно, за основу будет взят аргумент большего масштаба рисков?

Между тем термин «социальные болезни» в английском языке всё-таки существует. В словаре английского языка Коллинза приводятся два значения «social disease»: первое — как эвфемизм венерических заболеваний (заметим, в других словарях, прежде всего американских, этот вариант интерпретации наиболее распространён и приводится в качестве единственного значения), второе значение близко к тому, которое используется в русском языке: заболевание, распространённое среди определенных социальных групп из-за предрасположенности, вызванной неблагоприятными условиями². Интересно, что в качестве примера в словаре приведено заболевание, которое в российской практике не включается в обсуждаемую категорию, — кариес. Другой авторитетный источник, словарь компании Merriam-Webster, типичным примером социального заболевания называет туберкулёз, что уже полностью соответствует российскому подходу к интерпретации СЗЗ.

В советской эпидемиологической традиции укоренился термин «социальные болезни», который в первую очередь относился к опасным инфекционным заболеваниям, угрожающим широким, стремительным распространением и значительными хозяйственными потерями (Орлов, 2009). Именно его следует считать предшественником используемого на сегодняшний день в России термина «социально значимые заболевания». Однако СЗЗ на сегодняшний день включает не только инфекционные, но и неинфекционные заболевания, которые в современных эпидемиологических условиях несут практически равную угрозу для благополучия страны, поэтому их соседство в едином списке более чем оправдано, хотя и создаёт, как мы увидим ниже, значительные трудности в использовании единого объединяющего их термина.

Эпидемиологические наблюдения, выявившие рост заболеваемости социально значимыми болезнями в России и странах бывшего СССР, её связь с экономическими и социальными потрясениями, демографическими и по-

веденческими факторами, послужили основанием для составления перечня социально значимых заболеваний. В соответствии со статьей № 41 «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» Правительство Российской Федерации приняло Постановление № 715 от 1 декабря 2004 г. «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» (Постановление претерпело редакции от 13.07.2012 № 710, от 31.01.2020 № 66). Критерии включения в перечень заболеваний определены ст. 43 Федерального закона «Об охране здоровья граждан» от 21.11.2011 № 323-ФЗ — это высокий уровень первичной инвалидности и смертности населения, снижение продолжительности жизни заболевших.

В данный перечень вошли болезни, характеризующиеся повышенным артериальным давлением, сахарный диабет, злокачественные новообразования, болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), туберкулез, гепатит, инфекции, передаваемые половым путем, психические расстройства и расстройства поведения.

В группу заболеваний, представляющих опасность для окружающих, были включены 15 видов болезней, из которых часть также вошла в перечень СЗЗ (болезнь, вызванная ВИЧ, туберкулез, гепатиты В и С, инфекции, передающиеся половым путем), а также малярия, холера, чума, сибирская язва и некоторые другие. Перечень таких заболеваний не является постоянным, он дополняется в зависимости от масштабов угрозы распространения, в том числе с летальным исходом. Примером может служить инфекция COVID-19, которая была включена в перечень 31 января 2020 года.

Даже поверхностное знакомство с составом обеих категорий заболеваний заставляет обратить внимание на их пересечение по ряду нозологических единиц (см. средний столбец таблицы 1). Заболевания, объединённые в зоне пересечения двух этих множеств, называются социально опасными (СОЗ), являются и социально значимыми, и представляющими опасность для окружающих (Семёнов и др., 2011). Считается, что принципиальной характеристикой социально значимых заболеваний выступает их способность к широкому рас-

² Collins English Dictionary. HarperCollins Publishers. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/social-disease>

пространению (массовость), а заболеваний, представляющих опасность для окружающих, — высокая контагиозность и, следовательно, риск стремительного распространения. Однако это отличие не является абсолютным, поскольку в обеих группах имеются заболевания инфекционного характера, обладающие высокой контагиозностью. Вместе с тем есть ряд заболеваний, которые часто встречаются (это новообразования или диабет), а в условиях неблагоприятных социально-экономических условий ситуация ещё более усугубляется, но имеют эндогенную природу, поэтому их распространение не связано с контактами между индивидами (табл. 1).

Несмотря на разнообразие болезней, объединённых под аббревиатурами «СЗЗ» и «ЗПОДО», нельзя не отметить среди них такие, как туберкулёз и ВИЧ-инфекция. Они устойчиво ассоциируются с этими группами, став типичными примерами социально значимых заболеваний. Однако это не должно являться основанием для игнорирования других нозологий из указанных списков. Особого разговора требует присутствующая даже в академической среде практика применения характеристики «социально значимые» к заболеваниям, официально не являющимся таковыми, или отставивания необходимости включения тех или иных диагнозов в обсуждаемые категории (Хроническая обструктивная болезнь..., 2019). С одной стороны, подобный ревизионистский подход имеет известные основания, поскольку

отнесение той или иной нозологии к категории СЗЗ не является строго верифицируемым (речь здесь не идёт о том, имеются ли достаточные основания для присутствия конкретных заболеваний в утверждённых списках, поскольку императивный характер постановлений органов власти сам по себе выступает достаточным аргументом в пользу этого; однако отсутствие ряда нозологий в составе СЗЗ и ЗПОДО вполне может быть предметом для дискуссий), может быть конструктивным, если будет опираться на взвешенный анализ и убедительные аргументы. С другой стороны, его можно рассматривать как некое игнорирование сложившейся нормативной архитектуры, что приводит как минимум к путанице в употреблении принятой терминологии.

Эффективная борьба с социально значимыми заболеваниями, предупреждение и снижение темпов их распространения путём организации и проведения комплекса мероприятий по расширению доступа к профилактике, диагностике и лечению — одна из важнейших задач деятельности отраслевых органов и учреждений Российской Федерации.

Материалы и методы

Информационной базой исследования послужили следующие источники: 1) стратегические документы федерального уровня (Стратегии национальной безопасности РФ; Единый план по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года и на плановый

Таблица 1. Состав перечней социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих

Специфические единицы социально значимых заболеваний	Общие для категорий социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих, единицы (социально опасные заболевания)	Специфические единицы заболеваний, представляющих опасность для окружающих
– С 00 – С 97 злокачественные новообразования – Е 10 – Е 14 сахарный диабет – F 00 – F 99 психические расстройства и расстройства поведения – I 10 – I 13.9 болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением	– В 20 – В 24 болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) – А 15 – А 19 туберкулёз – А 50 – А 64 инфекции, передающиеся преимущественно половым путем – В 16; В 18.0; В 18.1 гепатит В – В 17.1; В 18.2 гепатит С	– А 90 – А 99 вирусные лихорадки, передаваемые членистоногими, и вирусные геморрагические лихорадки – В 65 – В 83 гельминтозы – А 36 дифтерия – А 30 лепра – В 50 – В 54 малярия – В 85 – В 89 педикулез, акариоз и другие инфестации – А 24 сар и мелиоидоз – А 22 сибирская язва – А 00 холера – А 20 чума – В 34.2 коронавирусная инфекция (2019-N CoV)
Источник: составлено автором.		

период до 2030 года) и уровня субъектов СЗФО (тексты стратегий социально-экономического развития до 2030/2035 гг.); 2) данные Федеральной службы государственной статистики, Министерства здравоохранения РФ, Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), а также документальные источники федеральных органов власти и органов власти субъектов РФ. Заболеваемость населения характеризуется числом случаев заболеваний, выявленных (или взятых под диспансерное наблюдение) в течение года при обращении в лечебно-профилактические организации или при профилактическом осмотре. Первичная заболеваемость регистрируется при установлении пациенту диагноза впервые в жизни. Показатели заболеваемости населения социально значимыми заболеваниями и болезнями, представляющими опасность для окружающих (ниже будет использована аббревиатура «СЗЗ и ЗПОДО») приводятся в соответствии с перечнями, утверждёнными постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715 (в редакции постановлений от 13.07.2012 № 710, от 31.01.2020 № 66), за 2019, 2020 и 2021 годы по стране и субъектам РФ.

Основное внимание в работе уделено выявлению динамики заболеваемости населения РФ СЗЗ и ЗПОДО за период с 2000 по 2021 год, что позволяет критически оценить сокращение присутствия мер по профилактике обсуждаемых заболеваний в программных документах федерального уровня и уровня субъектов РФ, описать возможности и ограничения использования данной группы индикаторов в практике стратегического планирования и оценки качества управления. В последнем случае для анализа были выбраны ряды данных по субъектам РФ за 2021 год (наиболее новые из доступных на момент подготовки рукописи официальных данных), на основе которых осуществлено ранжирование субъектов РФ, рассчитаны показатели вариации.

Результаты и обсуждение

Социально значимые заболевания и заболевания, представляющие опасность для окружающих, в современной России: общая эпидемиологическая картина

Заболеваемость СЗЗ и ЗПОДО в России в период 2000–2021 гг. имела разнонаправленную динамику (табл. 2). По ряду нозологических единиц отмечалось существенное улучшение

Таблица 2. Динамика первичной заболеваемости населения РФ СЗЗ и ЗПОДО, число впервые выявленных заболеваний на 100 000 человек населения

Заболевание	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2021 / 2000, % / раз
Зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни							
Активный туберкулез	89,8	83,7	76,9	57,7	32,4	31,1	-65
Сахарный диабет	111,3	175,3	226,8	240,6	219,8	237,2	2,1 (р)
Болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением	298,7	542,6	609,5	898,3	934,0	992,4	3,3 (р)
Инфекции, передающиеся преимущественно половым путем							
сифилис	164,5	68,8	44,6	23,5	10,5	14,5	-11 (р)
гонококковая инфекция	120,9	71,5	42,4	18,5	6,7	7,4	-16 (р)
трихомониаз	318,1	214,8	125,9	62,9	26,5	24,7	-13 (р)
Взято на учет больных с впервые в жизни установленным диагнозом							
Злокачественные новообразования	293,7	311,1	335,7	358,1	322,6	337,0	15
Психические расстройства и расстройства поведения	83,1	67,3	52,0	42,8	34,5	36,9	-56
Зарегистрировано случаев заболевания							
Острый вирусный гепатит В	42,3	8,7	2,2	1,1	0,3	0,3	-141 (р)
Острый вирусный гепатит С	21,0	4,5	2,1	1,4	0,7	0,6	-35 (р)
Болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ)							
Зарегистрировано больных, всего	54,0	164,9	261,0	397,3	575,1	583,9	11 (р)
Зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни	38,1	23,0	40,1	59,6	41,1	40,3	6

Источник: данные БУЗ Вологодской области «Медицинский информационно-аналитический центр».

ситуации. Снизилось количество вновь выявленных случаев (в пересчёте на численность населения) активного туберкулёза — на 65% (с 89,8 до 31,1), психических расстройств — на 56% (с 83,1 до 36,9). Особенно впечатляющей стала позитивная динамика в борьбе с острыми вирусными гепатитами В и С: снижение зарегистрированных случаев составило, соответственно, 141 (с 42,3 до 0,3 случая) и 35 (с 21,0 до 0,6) раз. Всё это было в значительной степени обусловлено развитием инструментария выявления и диагностики заболеваний, развитием фармацевтических технологий, пристальным и неусыпным контролем государства за распространением указанных заболеваний.

Заметных успехов в анализируемый период удалось добиться в борьбе с заболеваниями, передающимися преимущественно половым путём (ЗППП). Заболеваемость сифилисом снизилась в 11 раз, трихомониазом — в 13 раз, гонококковой инфекцией — в 16 раз. Выявление причин позитивной динамики требует дополнительных углублённых исследований. Предположительно, позитивную роль сыграли усилия органов власти и медицинских служб, распространение частных медицинских центров, повышение общей и санитарной культуры граждан. Вопрос о минимальной планке заболеваемости в условиях современной России, к достижению которой необходимо стремиться, пока остаётся дискуссионным. Всё ещё имеет место территориальная дифференциация субъектов РФ по распространённости ЗППП, наиболее острая ситуация сохраняется в регионах с низким уровнем социально-экономического развития. Наконец, оперирование обычными, а не стандартизованными показателями заболеваемости связано с некоторыми ограничениями в трактовке их динамики.

Вместе с тем за анализируемый период заметно возросла первичная заболеваемость населения страны сахарным диабетом (в 2,1 раза), болезнями, характеризующимися повышенным кровяным давлением (в 3,3 раза), злокачественными новообразованиями (на 15%) и ВИЧ-инфекцией (на 6%). Причины распространения заражений ВИЧ связаны, как правило, с низкой санитарной культурой и ответственностью граждан, недостаточным использованием средств индивидуальной защиты при сексуаль-

ных контактах. Рост первичной заболеваемости неинфекционными заболеваниями, вероятно, связан и с демографическими факторами — ростом продолжительности жизни населения с 65,4 до 72,9 года и увеличением доли населения старше 60 лет с 18,5 до 21,3%, а также усилением диагностики болезней.

Параметры заболеваемости существенно различаются и в пространственном измерении, отражая существенные различия между регионами РФ, что также свидетельствует о неравномерности любых обобщений количественных показателей по группам СЗЗ и ЗПОДО в анализе текущей ситуации. Подтверждение нецелесообразности рейтингования субъектов РФ по показателям заболеваемости СЗЗ на основе единого интегрального индекса можно обнаружить в недавно опубликованной работе российских демографов Е.В. Будиловой и Л.А. Миграновой. Субъекты, занявшие в классификационной системе авторов позиции «лидеров» и «аутсайдеров» по относительному количеству лиц, состоящих на учёте в лечебно-профилактических организациях в связи с поставленным диагнозом (суммарно по ряду СЗЗ), тем не менее демонстрировали широкий разброс в показателях заболеваемости по отдельным причинам (Будилова, Мигранова, 2020).

Присутствие категории «СЗЗ и ЗПОДО» в стратегических документах

На сегодняшний день формализация задач профилактики и минимизации заболеваемости населения социально значимыми заболеваниями чрезвычайно фрагментирована. С одной стороны, актуальность эпидемиологических проблем и важности их решения для будущего страны и благополучия народа отражается в важнейших стратегических документах федерального уровня и уровня субъектов РФ. С другой стороны, обращение к данной категории заболеваний осуществляется вне единой логики и последовательности.

Так, в качестве примера рассмотрим «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», которая в силу ряда обстоятельств, в том числе объективного характера, не была реализована. К термину «ЗПОДО» авторы документа не обращались, но текст Концепции содержит два упоминания термина

«социально значимые заболевания» — в описании задач и предполагаемых результатов (тематический раздел «2. Развитие здравоохранения»). При конкретизации одной из ключевых задач развития отрасли, а именно «Повышение эффективности системы организации медицинской помощи», указана необходимость «развития системы оказания первичной медико-санитарной помощи и повышения роли профилактического лечения лиц, состоящих в группе риска по социально значимым заболеваниям». Отмечено, что решение поставленных задач в конечном итоге позволит, помимо прочего, «уменьшить в 1,5 раза заболеваемость социально значимыми заболеваниями». Если первая формулировка, несмотря на некоторые нюансы и возможные уточнения, представляется адекватной, то вторая вызывает существенные проблемы понимания и интерпретации. Конкретизация результата в снижении заболеваемости СЗЗ выглядит необоснованной, поскольку эта категория объединяет 20 нозологических единиц, заболеваний самого различного характера. Если предположить, что значение «1,5», согласно задумке авторов документа, вложивших в плановые значения показателей столь внушительный спад заболеваемости, касалась динамики лишь по ряду заболеваний, то оно не является основанием для признания подобного упрощения и обобщения сколь угодно допустимым. Расчёт же среднеарифметических значений показателя заболеваемости по данной группе, чего, впрочем, авторы документа скорее всего и не имели в виду, в целом не только мало информативен, но и методически некорректен.

В тексте актуальной Стратегии национальной безопасности РФ, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400, термины «СЗЗ» и «ЗПОДО» совсем не используются. Это нельзя объяснить исключительно спецификой самого документа, поскольку в нём затрагиваются аспекты вне проблематики международного и геополитического взаимодействия стран, а касающиеся исключительно эпидемиологической безопасности внутри страны. В рамках достижения целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала определена задача обеспечения устойчи-

вости системы здравоохранения, её адаптации к новым вызовам и угрозам, в том числе связанным с распространением инфекционных заболеваний. В целом в формулировках задач присутствуют исключительно категории «профессиональные заболевания» (1 упоминание) и «инфекционные заболевания» (4 упоминания, из них два сопровождаются уточняющим словом «опасные»), которые обладают значительно меньшей информативностью, чем обсуждаемые здесь термины «СЗЗ» и «ЗПОДО».

В тексте «Единого плана по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года», напротив, обнаруживаем максимально конкретизированные источники эпидемиологических угроз — отдельные нозологические единицы из перечня СЗЗ (туберкулёз, гепатит С, ВИЧ-инфекция). Соответственно, и в ряду индикаторов, позволяющих идентифицировать факторы достижения на федеральном уровне национальной цели развития «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» по показателю «Повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет», фигурируют соответствующие показатели заболеваемости (п. 1.2.3 «Обеспечение устойчивости системы здравоохранения и повышение безопасности населения»)³. Отметим, что неинфекционные социально значимые заболевания присутствуют в п. 1.2.1 «Снижение смертности», но не обозначаются в качестве таковых.

Достижение плановых значений индикаторов по выделенным инфекционным заболеваниям, туберкулёзу, гепатиту С, ВИЧ-инфекции, как и индикаторы смертности от социально значимых неинфекционных заболеваний сердечно-сосудистой системы и новообразований, формализуется государственной программой «Развитие здравоохранения»⁴. При этом показатели диспансерного наблюдения и лечения закреплены в федеральном проекте «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями».

³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474.

⁴ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640.

Складывается противоречивая ситуация. Состав категорий «СЗЗ» и «ЗПОДО» регламентирован, но обращение к ним и оперирование соответствующей терминологией осуществляется произвольно. В стратегических документах нет примеров того, чтобы постановка задачи по борьбе и профилактике СЗЗ и ЗПОДО осуществлялась последовательно: выделялся бы соответствующий раздел, в котором авторы документов обсуждали бы проблемы или формулировали задачи развития, отталкиваясь от утверждённой структуры и классификации нозологий, пусть и разделяя их на инфекционные и неинфекционные. В действительности же категории «СЗЗ» и «ЗПОДО» могут или попросту игнорироваться, как мы видим в примере со Стратегией национальной безопасности, или расщепляться на ряд нозологических единиц, как в случае «Единого плана». Подобный подход к оперированию категориями значительно снижает информативность документов в данных аспектах и, больше того, саму информационную ценность обсуждаемых терминов.

Государственная программа «Развитие здравоохранения» начинается с актуализации новой эпидемиологической угрозы – COVID-19, включённой в группу заболеваний, представляющих опасность для окружающих, а также перечисления важнейших причин смертности – болезней системы кровообращения и онкологических заболеваний, которые, напомним, относятся к категории социально значимых. В самом тексте Программы термин «ЗПОДО» так ни разу и не упомянут, формулировка же «социально значимые заболевания» присутствует в одном его фрагменте, где говорится об успехах борьбы с инфекционными заболеваниями, что является отдельным, но вполне типичным примером той общей непоследовательности в употреблении обсуждаемых терминов, которая присуща практически всем актуальным стратегическим документам в России. Разберём, в чём суть наших замечаний их авторам. В данном фрагменте текста Программы поднимается проблема распространения инфекционных заболеваний, отмечается высокий уровень чуткости власти к этим угрозам, что выражается в разработке вакцин, осуществлении профилактики (при этом конкретные нозологии не называются). Затем сделан резкий переход к обсуждению интересующей нас группы «СЗЗ» словами

«Что касается социально значимых заболеваний, то в 2022 году продолжился рост охвата профилактическими медицинскими осмотрами в целях выявления туберкулеза, он составил 74,2 процента». Мы видим, насколько здесь затрудняется понимание того, какая линия изложения развивается. Далее последовательно и кратко фиксируются основные тенденции распространения и борьбы с ВИЧ-инфекцией и хроническим вирусным гепатитом С. Остальные нозологические единицы практически не получают внимания. Из логики изложения становится ясно, что речь в обсуждаемом фрагменте идёт исключительно об инфекционных социально значимых заболеваниях, о чём в немалой степени свидетельствует ссылка на приложение, в котором регламентируется порядок расчёта субсидий для оказания медицинской помощи гражданам целевой категории. Таким образом, в обсуждении СЗЗ дело часто ограничивается лишь упоминанием ограниченного ряда заболеваний, которые, как мы отметили выше, можно назвать типичными примерами этой группы. Это имело бы основания, если бы подобный подход применялся регулярно и повсеместно, однако в действительности обращение к категории СЗЗ происходит в самых различных вариантах описания, а единая, пусть и спорная, линия использования базовых терминов так и не складывается.

Анализ содержания стратегий социально-экономического развития регионов России позволил выделить различные варианты использования и самих терминов, и контекстов их применения. Признаем, в большинстве документов категории «СЗЗ» и «ЗПОДО» обходятся вниманием (в качестве примеров из длинного ряда приведём стратегии развития Тюменской, Ярославской, Орловской, Кемеровской областей). Популярной практикой стало рассмотрение таких социально значимых заболеваний неинфекционного характера, как злокачественные новообразования и сердечно-сосудистые заболевания, вне категории «СЗЗ», что само по себе не кажется удивительным. Встречаются и редкие исключения из этого правила (ниже мы обсудим пример стратегии развития Самарской области). По-другому складывается ситуация в отношении туберкулёза. Несмотря на то, что встречаются примеры упоминания этой нозологической единицы вне общей системы СЗЗ

и ЗПОДО, она тем не менее прочно ассоциируется с данной категорией.

В Стратегии социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года находим пример частого обращения к термину «СЗЗ», но анализ контекста каждого из вариантов показывает, насколько оно несистематично⁵. В одном из них обнаруживается исключительное для общей и упомянутой выше практики уточнение: «...повышение мер по борьбе с социально значимыми заболеваниями, в том числе с онкологическими и сердечно-сосудистыми заболеваниями». В другом фрагменте текста Стратегии уточнение делается в пользу других нозологий: «Существенной проблемой региона является высокий уровень распространения социально значимых заболеваний, в частности ВИЧ-инфекции, туберкулеза и наркомании». Далее в документе присутствует пример употребления категории «СЗЗ», который фактически перечёркивает проведённую выше конкретизацию по онкозаболеваниям и болезням сердца и сосудов: «Решение задачи по сокращению уровня смертности и улучшению здоровья населения включает в себя: развитие системы профилактики заболеваний, особенно сердечно-сосудистых, новообразований, социально значимых болезней, предупреждение факторов их развития». Получается, что в этом случае социально значимые заболевания отделяются от их частных примеров.

Как ещё один образец несистематичности использования категории «СЗЗ» рассмотрим Стратегию социально-экономического развития Вологодской области⁶. В ряду обозначенных ключевых проблем здравоохранения термин «СЗЗ» не упоминается, но в одном из пунктов выделены отдельные нозологические единицы из обсуждаемых категорий заболеваний: «Высокий риск распространения в регионе онкологических, сердечно-сосудистых заболеваний, ВИЧ-инфекции, туберкулеза,

наркомании, алкоголизма». В задачах же категория «СЗЗ» указана непосредственно, причём с примерами заболеваний и использованием неопределённого словосочетания «и другие»⁷. Ещё ряд задач ориентирован на профилактику и лечение конкретных групп заболеваний из обсуждаемой категории «СЗЗ» – сердечно-сосудистых и онкологических. Во-первых, это развитие и внедрение в практику инновационных методов диагностики, профилактики и лечения, а также создание основ персонализированной медицины, прежде всего болезней системы кровообращения и онкологических заболеваний. Во-вторых, увеличение объёмов оказания высокотехнологичной медицинской помощи на территории области, в том числе за счет развития региональных сосудистого и онкологического центров. В отдельную задачу выделено снижение распространённости заболеваний наркологического профиля: «Повышение доступности оказания медицинской помощи наркологическим больным, в том числе больным алкоголизмом, внедрение новых методов лечения больных алкоголизмом, повышение качества диагностики». Таким образом, присутствует произвольность использования терминов, прежде всего самой категории «СЗЗ», которые, напомним, имеют закреплённый соответствующим постановлением состав. Нельзя не заметить, что категория «ЗПОДО» и вовсе исключена из соответствующего раздела Стратегии.

В Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года говорится, что реализация приоритетного направления «Повышение эффективности и доступности оказания специализированной и высокотехнологичной медицинской помощи» обеспечила «существенное снижение заболеваемости алкоголизмом и социально значимыми и представляющими опасность для окружающих заболеваниями»⁸. По поводу этой форму-

⁵ Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года. Утверждена Постановлением Правительства Самарской области от 12.07.2017 № 441.

⁶ Стратегия социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года. Утверждена Постановлением Правительства области от 17.10.2016 № 920.

⁷ Приведём здесь обсуждаемый фрагмент: «Повышение эффективности профилактики и борьбы с социально значимыми заболеваниями на территории Вологодской области (ВИЧ-инфекция, вирусные гепатиты В и С и др.)».

⁸ Стратегия социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года (в ред. Постановлений Правительства Республики Коми от 29.12.2021 № 671, от 11.08.2023 № 387).

лировки сделаем два важных замечания. Первое: отделение заболевания «алкоголизм» от категории «СЗЗ» не имеет оснований, поскольку оно входит в её состав. Второе: обобщение успехов реализации указанных мероприятий по обеим категориям, в каждой из которых объединены разнообразные нозологические единицы, безосновательно. Однако сам факт использования так часто игнорируемого термина «ЗПОДО» можно только приветствовать. В этом же документе встречается попытка уточнить содержание категории «СЗЗ», когда в качестве меры по повышению эффективности и доступности оказания специализированной и высокотехнологичной медицинской помощи фиксируется совершенствование организации медицинской помощи больным с социально значимыми заболеваниями. В скобках указываются конкретные группы заболеваний: «системы кровообращения, новообразования, туберкулез, ВИЧ-инфекция, сахарный диабет, вирусные гепатиты, наркологические расстройства и другие». Несмотря на важную и нечастую для аналогичных документов попытку конкретизировать состав этого понятия, а значит и направлений развития, выглядит она в подобном контексте чрезвычайно неубедительно. Дело в том, что специализированная и высокотехнологическая медицинская помощь представляет собой особый и сложный вид оказания услуг в соответствии со строгими протоколами и сопутствующими порядками регламентации, поэтому обобщение в качестве целевой столь широкой категории заболеваний (исключительно по признаку того, что заболевание включено в её состав) представляется нецелесообразным.

Встречаются случаи использования терминов вне их строгого значения, например формулировка «наиболее социально значимые заболевания» (Стратегия социально-экономического развития Псковской области⁹). Здесь слово «наиболее» указывает скорее на широкий и оценочный контекст, чем на строгую формализованную основу термина. Более того, в пользу этого свидетельствует чрезвычайно рас-

пространённое в текстах стратегий употребление термина «социально значимые» в отношении самых различных объектов. Приведём лишь некоторые из них: «социально значимые инициативы», «социально значимые проекты», «социально значимые мероприятия», «социально значимые категории населения», «социально значимые маршруты», «социально значимые задачи» и «социально значимые патриотические ценности», «социально значимые продовольственные товары», «социально значимые учреждения» и т. д. Использование в ряде стратегических документов уровня субъекта РФ таких сокращённых терминов, как «социальные заболевания» (обнаружены в тексте Стратегии социально-экономического развития Республики Алтай до 2035 года) и «опасные заболевания» (в тексте Стратегии социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 года), затрудняет понимание того, о каких именно нозологиях идёт речь. Это, на наш взгляд, сыграло не последнюю роль в превращении термина «социально значимые заболевания» в своего рода лексический штамп.

В целом использование категорий «СЗЗ» и «ЗПОДО» в стратегических документах становится малоинформативным и чаще всего решает задачу постановки общей проблемы заболеваемости населения и профилактики. Причины этого состоят и в чрезвычайной наполненности и сложном составе нозологических групп, и в отсутствии системного подхода к трактовке обсуждаемых категорий со стороны как органов власти, так и нередко – представителей профессионального сообщества. То, насколько это действительно актуальная и вместе с тем сложная в разрешении проблема, показывает опыт реализации в период с 2006 по 2012 год отдельной федеральной целевой программы «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями (2007–2012 годы)», принятой Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 мая 2007 года, целью которой было «снижение заболеваемости, инвалидности и смертности населения при социально значимых заболеваниях, увеличение продолжительности и качества жизни людей, страдающих этими заболеваниями». Тот факт, что программа включала в себя конкретные подпрограммы, затрагивающие мероприятия по

⁹ Стратегия социально-экономического развития Псковской области до 2035 года. Утверждена распоряжением Администрации Псковской области от 10.12.2020 № 670-р.

отдельным нозологиям («Сахарный диабет», «Туберкулёз», «Онкология», «Инфекции, передаваемые половым путем», «Вирусные гепатиты», «Артериальная гипертензия», «Психические расстройства»), не отменяет целого ряда вопросов относительно причин исключения из состава документа ряда нозологий и, напротив, включения в его состав заболеваний, которые формально не относятся к категории «СЗЗ».

Заключение

Исследование категорий «социально значимые заболевания» и «заболевания, представляющие опасность для окружающих», вызывает интерес не только с точки зрения эпидемиологии, но и с более общих позиций — возможностей, которые предоставляет их мониторинговая оценка, качества государственного управления, решения задач национальной безопасности и пр. Это связано с тем, что распространённость ключевых социально значимых заболеваний служит надёжным признаком социального неблагополучия, включая низкий уровень жизни, неудовлетворительное питание, суровые условия проживания и быта (туберкулёз), или, напротив, распространение заболевания является основанием для прогнозирования высоких демографических и в целом экономических потерь. Неслучайно задачи профилактики социально значимых заболеваний отражаются в Стратегии национальной безопасности РФ. Вместе с тем нельзя не обнаружить связанные с этим проблемы как методологического, так и инструментального характера. Проведённый в работе анализ стратегий социально-экономического развития, принятых на уровне субъектов РФ, наглядно демонстрирует сложности оперирования нормативно закреплёнными терминами «СЗЗ и ЗПОДО» при актуализации проблем и разработке мер по выявлению, профилактике и борьбе с заболеваниями из официальных перечней. Обсуждаемый ряд заболеваний довольно широк, но, что самое главное, чрезвычайно разнообразен и неоднороден. Он включает как инфекционные (туберкулёз, ВИЧ, гепатит, ЗППП), так и неинфекционные (психические расстройства) заболевания, из чего следует принципиальное различие в выборе стратегий профилактики и контроля распространения этих заболеваний); заболевания, обуславли-

вающие высокий риск смертности (злокачественные заболевания, болезни, характеризующиеся повышенным артериальным давлением), и заболевания, негативным следствием которых является не столько летальность, сколько инвалидность и снижение качества жизни населения (сахарный диабет) или временная, но, в силу пандемийного характера распространения, широкая временная нетрудоспособность граждан страны (COVID-19), актуальные заболевания (гепатит) и те, которые на сегодняшний день практически побеждены (чума). С одной стороны, категория «СЗЗ и ЗПОДО» имеет строгое нормативное подкрепление, она включена в систему государственных обязательств и декларируемых государством социальных гарантий (предоставление льгот, ограничения при трудоустройстве или службе в вооружённых силах и пр.). С другой стороны, в практике государственного управления, как на отраслевом, так и на территориальном уровне, и стратегического планирования возникают серьёзные проблемы с применением категорий «СЗЗ» и «ЗПОДО», особенно в постановке задач развития, формулировке мероприятий по их разработке и реализации. Проблема осложняется тем, что заболевания из данной группы существенно отличаются друг от друга остротой эпидемиологической ситуации и эффективностью противостояния их распространению. Например, заболеваемость по одной нозологической единице демонстрирует тенденцию роста, тогда как в отношении распространённости среди российского населения другой может фиксироваться существенное снижение, что само по себе исключает целесообразность их обобщения для актуализации научно-прикладных исследований и реализации мер противодействия их распространению. Примеры подобной дихотомии в динамике показателей заболеваемости СЗЗ и ЗПОДО приведены и описаны в настоящей статье. Всё сказанное обуславливает дискретный и спорадический характер использования самой категории «СЗЗ и ЗПОДО». Чаще всего наблюдается дробление на нозологические единицы, что если и не девальвирует саму категорию, то снижает её аналитическую ценность в контексте стратегического планирования и реализации государственных программ.

На основании приведённых аргументов следует сделать вывод о необходимости более продуманного и последовательного применения категорий в документах стратегического планирования социально-экономического развития России и её регионов. Мы не говорим об исключении категории «СЗЗ и ЗПОДО» из аналитических сводок и документов стратегического характера. Напротив, социально значимые заболевания и заболевания, представляющие опасность для окружающих, для этих целей подходят как нельзя лучше. Необходимо ответственно подходить к их использованию. Так, при обращении к категории «СЗЗ» следует приводить сопутствующие методические комментарии и уточнения, прежде всего о том, какие конкретно нозологии имеются в виду. Наилучшим решением будет посвящение этим группам заболеваний отдельных разделов, в которых будут уместны актуализация проблематики по категориям (например, инфекционные и неинфекционные заболевания с дальнейшей конкретизацией по нозологическим единицам) и последующая детализация оценки, формулировка задач и, самое важное, конкретных мероприятий и предполагаемых итогов их реализации.

Литература

- Бояркина С.И. (2019). Детерминанты социально значимых болезней в странах Европы и в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 12. № 4. С. 350–367. DOI: 10.21638/spbu12.2019.404
- Будилова Е.В., Мигранова Л.А. (2020). Распространение социально значимых болезней и борьба с ними в России // Народонаселение. Т. 23. № 2. С. 85–98. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.8
- Васильев А.П., Стрельцова Н.Н. (2018). Алкоголь и сердце // РМЖ. Т. 1. № 2. С. 82–85.
- Звонов А.В., Яковлев А.А. (2020). О перечне социально значимых заболеваний, имеющих уголовно-правовое значение // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. Т. 23. № 1. С. 63–67.
- Кувшинников О.А., Рыбальченко С.И., Шестакова Т.Е. (2023). Укрепление общественного здоровья – приоритет государственной региональной политики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 32–48. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.2
- Лещенко Я.А., Лисовцов А.А., Базяева М.А. (2022). Эпидемиологическая характеристика социально значимых инфекционных болезней как индикатор качества жизни населения // Acta biomedica scientifica. Т. 7. № 2. С. 292–303. DOI: 10.29413/ABS.2022-7.2.29
- Орлов И.Б. (2009). «Болезнь Венеры»: пережиток «проклятого прошлого», или «изнанка» индустриализации? // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: сб. науч. ст. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. С. 339–348.
- Петросян Т.Р., Шахмарданов М.З. (2018). ВИЧ-инфекция и наркопотребление // Эпидемиология и инфекционные болезни. Т. 23. № 2. С. 60–67. DOI: 10.18821/1560-9529-2018-23-2-60-67
- Семёнов В.Ю., Гуров А.Н., Сибатян С.М. (2011). Принципы стратегического управления системой профилактики социально опасных заболеваний в Московской области // Менеджмент в здравоохранении. № 7. С. 6–13.
- Хроническая обструктивная болезнь легких как социально значимое заболевание (2019) // Эффективная фармакотерапия. № 15 (7). С. 54–60.
- Шугаева С.Н., Орышак С.Е., Савилов Е.Д. (2022). Тенденции и взаимосвязи заболеваемости туберкулезом в пенитенциарной системе // Эпидемиология и вакцинопрофилактика. Т. 21. № 4. С. 89–94. DOI: 10.31631/2073-3046-2022-21-4-89-94
- Ginocchio C.C., Chapin K., Smith J.S., Aslanzadeh J. et al. (2012). Prevalence of *Trichomonas vaginalis* and Coinfection with *Chlamydia trachomatis* and *Neisseria gonorrhoeae* in the United States as Determined by the Aptima *Trichomonas vaginalis* Nucleic Acid Amplification Assay. *Journal of Clinical Microbiology*, 50(8). DOI: <https://doi.org/10.1128/JCM.00748-12>.

- Jilani T.N., Avula A., Gondal A.Z., Siddiqui A.H. (2023). *Active Tuberculosis. StatPearls*. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing. PMID: 30020618.
- MacPherson P., Lebina L., Motsomi K. et al. (2020). Prevalence and risk factors for latent tuberculosis infection among household contacts of index cases in two South African provinces: Analysis of baseline data from a cluster-randomised trial. *PloS One*, 15(3), 230–376. DOI: 10.1371/journal.pone.0230376.
- Ni M.Y., Leung C.M.C., Leung G.M. The epidemiology of population mental wellbeing in China. *The Lancet. Public health*. 5(12), 631–632. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(20\)30265-6](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(20)30265-6)
- Peters D.H., Garg A., Bloom G. et al. (2008). Poverty and Access to Health Care in Developing Countries. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1136, 161–171. DOI: 10.1196/annals.1425.011
- Rasanathan K., Kurup A.S., Jaramillo E., Lönnroth K. (2011). The social determinants of health: key to global tuberculosis control. *International Journal Tuberculosis Lung Disease*, 15(6), 30–36. DOI: 10.5588/ijtld.10.0691.
- Solar O., Irwin A.A. (2010). *Conceptual framework for action on the social determinants of health. Social Determinants of Health Discussion. Paper 2 (Policy and Practice). Debates, policy & practice, case studies*. Geneva: WHO.
- Van Der Pol B. (2016). Clinical and Laboratory Testing for *Trichomonas vaginalis* Infection. *J Clin Microbiol*, 54(1), 7–12. DOI: 10.1128/JCM.02025-15
- Von Heimburg D., Prilleltensky I., Ness O., Ytterhus B. (2022). From public health to public good: Toward universal wellbeing. *Scand J Public Health*, 50(7), 1062–1070. DOI: 10.1177/14034948221124670

Сведения об авторе

Константин Николаевич Калашников — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: konstantino-84@mail.ru)

Kalashnikov K.N.

Conceptualizing the Notion of “Socially Significant Diseases” in Strategic Planning

Abstract. The paper investigates how the legally formalized categories such as “socially significant diseases” and “diseases that pose a threat to others” are applied in public administration, primarily in strategic planning. First, we focus on the presence and description of the most common formats for the use of the term “socially significant diseases” in strategic documents adopted for implementation in modern Russia at the federal level and at the level of constituent entities of the Russian Federation; second, we consider limitations related to the use of the discussed category of indicators in the practice of monitoring observations. The aim of the research is to identify the possibilities and limitations concerning the use of the list of nosological units under consideration in strategic planning at the national level and the level of RF constituent entities. The information base for the analysis includes data from the RF Ministry of Health and the Federal State Statistics Service, as well as strategic documents on the socio-economic development of the country and its constituent entities. The article analyzes the dynamics and structural and quantitative characteristics of population morbidity for a number of important socially significant diseases (malignant neoplasms, tuberculosis, HIV infection) in the period from 2000 to 2021. Based on these data, a conclusion is made about the difficulties of interpretation when dealing with the enlarged categories such as “socially significant diseases” and “diseases that pose a threat to others” when formulating strategic development goals for the country and its regions. We put forward a number of recommendations to address such problems. The novelty of the study lies in a critical understanding of the possibilities and limitations related to the use of the terms “socially significant diseases” and “diseases that pose a threat to others” in program documents due to the fact that their list is significantly

heterogenous and includes fundamentally different nosological units. Practical significance of the work consists in clarifying the practices of using the discussed category of indicators as the indicators of regional development.

Key words: socially significant diseases, diseases that pose a threat to others, morbidity, nosological units, socio-economic development strategies, RF constituent entities, state program.

Information about the Author

Konstantin N. Kalashnikov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: konstantino-84@mail.ru)

Статья поступила 20.02.2024.

Особенности платформенной занятости в России: о чем говорят данные цифровых профилей работников

**Гузель Римовна
БАЙМУРЗИНА**

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

Уфимский университет науки и технологий

Уфа, Российская Федерация

e-mail: guzrim@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1844-2689; ResearcherID: G-4824-2017

**Екатерина Алексеевна
ЧЕРНЫХ**

Институт экономики РАН

РЭУ им. Г.В. Плеханова

Москва, Российская Федерация

e-mail: Chernykh.ekaterina108@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6970-487X; ResearcherID: AAF-7310-2021

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов платформенной занятости. Цель исследования – систематизировать и охарактеризовать современные знания о состоянии и структуре платформенной занятости в России, оценить положение и статус платформенного занятого на основе ранее опубликованных работ, новых данных официальной статистики, а также результатов авторского эмпирического исследования данных цифровой платформы Profi.ru по Москве и Московской области за 2023 год. Для достижения поставленной цели авторами последовательно решены задачи: систематизация имеющихся оценок рынка платформенного труда в России; анализ первых статистических данных Росстата по платформенной занятости и формирование профиля занятого в этом сегменте россиянина; апробация подходов к изучению занятости на цифровых платформах посредством скачивания открытых данных об исполнителях (платфор-

Для цитирования: Баймурзина Г.Р., Черных Е.А. (2024). Особенности платформенной занятости в России: о чем говорят данные цифровых профилей работников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 202–219. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.11

For citation: Baimurzina G.R., Chernykh E.A. (2024). Platform employment specifics in Russia: What the data of workers' online profiles indicate. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(2), 202–219. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.11

менных работников) непосредственно с сайтов цифровых платформ с целью обогащения данных статистики и получения новых знаний об особенностях платформенной занятости. Авторы приходят к выводу, что структура платформенной занятости институционализируется в социальных практиках и постепенно сближается со структурой общей занятости по основным социально-демографическим характеристикам, но все же имеет свои особенности. В частности, средний возраст платформенных работников по-прежнему ниже, чем занятого населения в целом; среди них преобладают мужчины и жители городов. При этом на платформах, особенно в сегменте физических услуг (предоставляемых локально), более представлены группы, традиционно считающиеся уязвимыми на рынке труда: женщины в возрасте 20–29 и 30–39 лет, когда на них ложится забота о воспитании несовершеннолетних детей, студенты и молодежь без опыта работы, мигранты, лица без профессионального образования. Данные, полученные с сайта Profi.ru, свидетельствуют о том, что такие исполнители работают преимущественно в неформальном секторе экономики. Более 10% профилей, представленных на исследованной платформе, являются «ложными», то есть принадлежат не физическим лицам, а организациям, коллективам или группам исполнителей (формальным или неформальным).

Ключевые слова: цифровые платформы труда, платформенная занятость, платформенный работник, портрет платформенного работника, риски платформенной занятости.

Благодарность

Статья выполнена при поддержке РНФ, проект № 23-18-00775 «Неформальная занятость в регионах России: социальные риски и возможности».

Введение

Платформенная занятость в России появилась в результате быстрого развития цифровой экономики и технологий, а также изменения моделей потребления и производства (Абдрахманова и др., 2023). Она стала популярной благодаря тому, что предоставляет гибкие возможности для трудоустройства и обеспечивает доступ к дополнительным заработкам (Brancati et al., 2019). Кроме того, платформы эффективно синхронизируют спрос и предложение услуг, что привлекательно для бизнеса и потребителей (De Stefano et al., 2021; Berg et al., 2018). Одновременно с этим платформенная работа меняет представление о роли труда (превращение рабочей силы в товар) (Aloisi et al., 2023; Kullman, 2021) и имеет ряд особенностей, связанных с алгоритмическим управлением (Piasna, 2023).

Считается, что история развития цифрового труда и платформенной занятости в России началась в середине 2000-х годов, когда на российском рынке появились платформы, связанные с фрилансом¹. Дальнейший рост платформенной занятости был связан с развитием

интернет-магазинов, коммерческих платформ (Avito.ru, AliExpress и др.), услуг такси (Яндекс, Uber, Gett и др.).

Благодаря цифровизации в России развитие платформенной занятости с точки зрения информационных технологий и самих платформ является одним из наиболее успешных примеров в мире: вклад цифровых платформ в ВВП страны составляет от 2 до 5%². Россия считается одним из самых передовых государств в регулировании удалённой занятости (положения о которой были введены в Трудовой кодекс РФ ещё в 2013 году). Однако гарантии и стандарты в области труда и социального обеспечения,

² Цифровая трансформация рынка труда: платформенная занятость в России // Garant. URL: <https://www.garant.ru/news/1631366/#:~:text=%D0%92%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%20%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%8F%D1%82%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%BE%D1%82%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE,%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D1%82%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%20%E2%84%96%20275599%2D8> (дата обращения 05.02.2024).

¹ Путь в 16 лет. Как развивался фриланс в России // FL.ru. URL: <https://www.fl.ru/freelance-history/> (дата обращения 05.12.2023).

ответственность сторон за неисполнение обязательств по договору и т. п., а также налоговый контроль пока чаще остаются за пределами регулирования (Бобков, Черных, 2020; Черных, 2020; Aloisi, 2022).

Для эффективного регулирования платформенной занятости важно знать масштабы и ключевые особенности развития нового сегмента рынка труда. В этом направлении сделаны значимые шаги. С 2022 года в программу выборочного обследования рабочей силы Росстата введены специальные вопросы, которые позволяют оценить примерные масштабы и структуру занятых в платформенной экономике по полу, типу поселения, уровню образования, характеру занятости (основной или дополнительной). Вместе с тем многие параметры качества занятости (уровень доходов, безопасность труда, социальная защищенность, удовлетворенность работой и др.), данные о доле мигрантов среди платформенных занятых, о статусе занятости (зависимый/независимый; формальная/неформальная) пока остаются не доступными.

Актуальными остаются дискуссии о легализирующей роли платформ труда и соотношении формальной и неформальной занятости платформенных работников (Daugareilh et al., 2019).

В академических исследованиях и проектах международных организаций³ (см., например, Синявская и др., 2021; De Stefano et al., 2021; Berg et al., 2018; Hauben et al., 2020; Abraham et al., 2019; Daugareilh et al., 2019) отмечается, что цифровые платформы труда (ЦПТ) могут расширять прекаризацию занятости, поскольку работа на них характеризуется отсутствием трудовых стандартов и механизмов социальной защиты и осуществляется вне формального юридического поля (в Aloisi et al., 2023) это свойство платформ называется «pandemic of precariousness» – «пандемия прекаризации». Есть альтернативная точка зрения (Стребков, Шевчук, 2022; Шевчук, 2023; Piasna et al., 2022; Weber et al., 2021), что ЦПТ способствуют снижению неформальной занятости, предлагая процедуры, стандарты и пра-

вила с помощью алгоритмического контроля и управления. Заметим, что формализация трудовых отношений через ЦПТ не обязательно означает вывод работников теневого сектора и включение их в статистическую отчетность и систему налогообложения («платформизация неформальности»)⁴.

Оценка масштабов платформенной занятости в России сложна в силу ряда причин: нет полных и достоверных официальных статистических данных, платформенные работники могут иметь разный статус занятости. Информацию об объемах, структуре, основных качественных характеристиках платформенной занятости можно получить косвенными способами, например при проведении выборочных обследований или опросов, а также оценивая отдельные составляющие категории платформенных работников. Обследования домохозяйств, административные данные или большие данные могут служить дополнением, при этом каждый из источников имеет свои преимущества и недостатки. Выбор метода оценки объемов и параметров платформенной занятости зависит от целей исследования и имеющихся ресурсов статистических агентств или исследователей⁵.

Остается непроясненной структура, не описано все разнообразие форм и видов платформенной занятости, несмотря на наличие ряда работ, посвященных классификации и типологизации данного типа занятости (например, Howcroft, Bergvall-Kåreborn, 2019). В литературе нет единого определения платформенного занятого. Согласно ОЭСР, к платформенным работникам относят занятых, которые используют приложение или веб-сайт для поиска клиентов, желая предоставить услугу (а не товары) за деньги⁶. При этом известно, что ключевые

³ European Parliament (2017). The Social Protection of Workers in the Platform Economy. *Study for the EMPL Committee*. IP/A/EMPL/ 2016-11. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/supporting-analyses>

⁴ Шевчук А.В. (2023). Роль цифровых трудовых платформ в трансформации занятости: экономико-социологический анализ: дис. ... д-ра социол. наук 22.00.03 / НИУ ВШЭ. Москва. 396 с. // HSE.ru. URL: https://www.hse.ru/data/2023/10/11/2063291963/Резюме_Д_Шевчук_09.10.23_fin.pdf (дата обращения 07.03.2024).

⁵ Handbook on Measuring Digital Platform Employment and Work // OECD. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/8ab9e151-en/index.html?itemId=/content/component/8ab9e151-en> (дата обращения 15.12.2023).

⁶ OECD (2019). Measuring Platform Mediated Workers. Digital economy papers. April 2019. No 282. Paris: OECD Publishing.

категории работников на платформах – это самозанятые, индивидуальные предприниматели, физические лица, выполняющие работу на основании гражданско-правового договора, наёмные работники, для которых платформенная занятость не является основной, а также люди, которых официальная статистика не относит к занятым (Chernykh, 2021). По данным исследования Strategy Partners (онлайн-опрос), 89% респондентов-самозанятых отметили, что их работа в той или иной мере базируется на использовании онлайн-сервисов и платформ⁷. Численность самозанятых (которые являются категорией, пересекающейся с платформенными работниками, но численно не равной им) в 2023 году превысила 9 млн человек, ежедневно самозанятыми становятся 7500 человек⁸. Эксперты предостерегают, что эти данные не могут быть основой для оценки размеров платформенной экономики в России, так как лишь небольшое количество платформенных работников регистрируются как самозанятые или индивидуальные предприниматели. Много самозанятых работают с помощью своей наработанной базы клиентов или ищут новых через личные связи (Синявская и др., 2021; Синявская и др., 2022).

Цель нашего исследования – систематизировать и охарактеризовать современные знания о состоянии и структуре платформенной занятости в России, оценить положение и статус платформенного занятого на основе ранее опубликованных работ, новых данных официальной статистики, а также результатов эмпирического исследования данных цифровой платформы Profi.ru. Для достижения поставленной цели авторами последовательно решаются задачи:

- систематизация имеющихся оценок рынка платформенного труда в России;
- анализ первых статистических данных Росстата по платформенной занятости и фор-

мирование профиля занятого в этом сегменте россиянина;

– апробация подходов к изучению занятости на цифровых платформах посредством парсинга (скачивания) открытых данных об исполнителях (платформенных работниках) непосредственно с сайтов цифровых платформ, с целью обогащения данных статистики и получения новых знаний об особенностях платформенной занятости.

Практическая и теоретическая ценность работы заключается в том, что она вносит вклад в подтверждение имеющихся гипотез и формирование новых представлений о платформенной занятости. Научная новизна исследования состоит в использовании больших данных (информации из профилей работников цифровой платформы Profi.ru) и сопоставлении их с данными официальной статистики и других опросов, а также применении авторской методики восстановления данных о возрасте и уровне образования работников. В результате проведенной структуризации данных о платформенных работниках Profi.ru по сферам услуг, типам занятости (онлайн и офлайн; требующие или не требующие высокой квалификации) расширено представление о платформенных работниках.

Методология исследования

В работе проведены систематизация и сопоставительный анализ вторичных данных, полученных ранее другими исследователями, с новыми данными Обследования рабочей силы (ОРС), полученными Росстатом в результате введения вопросов о платформенной занятости в 2022 году. Несмотря на высокий уровень надежности результатов ОРС, необходимо отметить, что полученные масштабы платформенной занятости пока сложно оценить как точные из-за волатильности квартальных данных (например, агрегированные данные по уровню образования платформенных работников существенно различаются по кварталам). Вместе с тем эти данные служили ориентиром и базой для интерпретации результатов пилотного эмпирического исследования, основанного на сборе и анализе открытых данных из интернет-источника методами, применяемыми для больших данных: скачивание, парсинг, извлечение и структурирование, текстовый анализ, формирование датасета для анализа социологическими методами.

⁷ Исследование Strategy Partners «Самозанятость. Предпринимательство и стабильное партнерство с платформами» // Garant. URL: https://www.garant.ru/files/6/6/1631366/samozanyatost_predprinimatelstvo_i_stabilnoe_partnerstvo_s_platformami.pdf (дата обращения 05.10.2023).

⁸ Количество самозанятых достигло 9 млн человек // Nalog.gov. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/14056407/ (дата обращения 20.03.2024).

Базой для эмпирического исследования послужили данные с платформы Profi.ru – сервиса поиска специалистов. Цифровая платформа Profi.ru является одной из наиболее популярных, распространенных по всей России, охватывающей самые разные сферы деятельности и виды услуг: требующие и не требующие высокой квалификации, физического присутствия исполнителя в конкретном месте.

Нами были проанализированы случайные 1000 профилей из примерно 460 тыс. скачанных html-страниц с характеристиками специалистов, работающих в г. Москве и Московской области (считается как один регион). На эти территории приходится практически половина всех зарегистрировавшихся на платформе исполнителей. По состоянию на январь 2024 года в числе регионов (разделов) с наибольшим числом исполнителей были также Санкт-Петербург (128,8 тыс.); г. Краснодар и Краснодарский край (30,8 тыс.); Екатеринбург и Свердловская область (24,6 тыс.); Новосибирск и Новосибирская область (20,6 тыс.); Казань и Республика Татарстан (18,7 тыс.); Ростов-на-Дону и Ростовская область (15,8 тыс.); Нижний Новгород и Нижегородская область (14,6 тыс.); Самара и Самарская область (11,1 тыс.); Красноярск и Красноярский край (10,7 тыс.); Воронеж и Воронежская область (10,4 тыс.); Челябинск и Челябинская область (10,3 тыс.); Уфа и Республика Башкортостан (10,1 тыс.). В каждом из остальных регионов зарегистрировано менее 10 тыс. исполнителей.

Сбор данных осуществлялся в течение 2023 года с помощью скачивания данных с профилей исполнителей, зарегистрированных на платформе. Сначала скачивался sitemap.xml определённого раздела сайта (формируется по регионам), в нашем случае – по Москве и Московской области. Из sitemap формируется перечень ссылок на профили, затем запускается процесс скачивания профилей по полученному списку.

Из полученных html-файлов были извлечены данные и преобразованы в связанные между собой таблицы в формате csv при помощи специально написанной программы на языке программирования Python. В таблицах присутствуют следующие структурированные данные об исполнителе: уникальный идентификатор исполнителя, пол, регион исполнения работ,

виды услуг, стоимость единицы услуг, сведения об образовании, опыте работы, достижениях, рейтинг, отзывы на исполнителя (не более 10 шт. – ограничение сайта), визитка (текст о себе), дата последнего присутствия на сайте и другие характеристики, которые доступны в скачанной html-странице. В результате многоэтапной обработки случайных 1000 профилей и подготовки данных к анализу в выборке осталось 902 исполнителя. Были исключены из анализа профили, относящиеся к организации, а не к индивидуальному исполнителю; имеющие очень мало данных.

Платформенная занятость в России: оценки исследователей и Росстата

Согласно оценкам Росстата, в 2022 году на платформах трудилось 3,502 млн человек, в 2023 году – 3,415 млн человек, т. е. примерно 4,6% от общего числа работающих граждан. В разные кварталы 2022–2023 гг. доля платформенной занятости в общей структуре занятых колебалась в диапазоне 4,5–7%. Для 95–96% платформенных занятых – это основная работа⁹.

По более ранним оценкам, численность платформенных занятых в России колеблется от 7 до 10 млн человек (Синявская и др., 2022) и даже достигает 15,5 млн чел., 3,5 млн из них получают доход с помощью цифровых платформ труда на постоянной основе, а для 1,7 млн доходы от этой деятельности являются основными¹⁰.

По оценкам Института социальной политики в апреле 2022 года (выборка 12 тыс. человек в возрасте 18–72 лет, на основе вероятностной онлайн-панели ВЦИОМ методом самозаполнения), 14,7% россиян в возрасте 18–72 лет имели опыт платформенной занятости, в том числе 11,6% – в формате эпизодических подработок, 1,6% – в формате регулярных подработок в дополнение к основной работе и 1,6% были заняты на ЦПТ в качестве основной работы. Среди работающих доля тех, кто указывает занятость на платформах как основную работу, составляет 2,4% (Синявская и др., 2022).

⁹ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 25.11.2023).

¹⁰ Цифровая трансформация рынка труда: платформенная занятость в России // Garant. URL: <https://www.garant.ru/news/1631366/> (дата обращения 05.10.2023).

Согласно исследованию Центра стратегических разработок 2022 года (по квотированной выборке), 62% российских платформенных занятых — мужчины, для которых платформы являются основным источником заработка. Как и в других странах, платформенная занятость в России популярнее среди молодёжи: средний возраст платформенных работников составляет 31 год. Более чем для 85% работа на платформах является основным источником дохода, почти 70% работников получают чаевые. Кроме того, в России достаточно высокая доля иностранных платформенных занятых (32%)¹¹.

Отдельной категорией платформенных работников (но также не тождественной им) являются *фрилансеры*. Фрилансеры занимаются квалифицированным трудом и выполняют задачи удалённо, с помощью онлайн-платформ (в терминологии МОТ — это платформы краудворкинга (*crowdwork platform*)) — платформ массовой работы, на которых множество исполнителей могут выполнять задания для крупных организаций и частных заказчиков¹². Самыми крупными платформами для фрилансеров в России считаются FL.ru (более 6,3 млн пользователей (Стребков, Шевчук, 2022)), Kwork.ru, Freelance.ru, Advego.com (3 млн пользователей) и Etxt.ru (около 1,5 млн пользователей), объединяющие более 14 млн аккаунтов в целом. Однако важно понимать, что количество аккаунтов не означает количество исполнителей услуг. Для очень приближенной оценки эту цифру можно поделить вдвое, поскольку среди них могут быть как заказчики, так и исполнители (платформенные работники).

Существуют платформы для поиска специалистов в разных сферах (не только для фрилансеров), среди которых можно отметить

¹¹ Платформенная занятость: вызовы и возможные решения // CSR. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/6ca/krk89ha0yxx3ystja243obvc7ly8bntv.pdf> (дата обращения 05.10.2023).

¹² Вторым типом платформ являются платформы, основанные на местоположении (локальные платформы), — сервисы доставки, такси, оказания очных услуг, распределяют работу между работниками в определенной географической области. Перспективы занятости и социальной защиты в мире: Роль платформ цифрового труда в трансформации сферы труда (2021) / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. Москва: МОТ.

YouDo (3,5 млн исполнителей¹³), Profi.ru (2,6 млн исполнителей¹⁴), специальный раздел Avito (2,8 млн исполнителей) и другие менее крупные платформы, на которых в совокупности заняты ещё около 9 млн человек. А с учетом работающих с помощью агрегаторов курьерских служб, доставки еды и перевозок (такси) общее число занятых через платформы может превышать 16 млн человек. Однако если учесть, что платформенные работники могут быть одновременно зарегистрированы на нескольких платформах, мы склонны считать, что 15–16 млн человек — это верхний предел примерных масштабов платформенной занятости в России. Нижний предел — 3,5 млн (по данным Росстата).

В (Chernykh, 2021) отмечается, что российские платформенные работники — более молодые и образованные по сравнению со средне-статистическими наёмными работниками, а на платформах есть гендерное смещение в сторону мужчин. Однако в актуальном диссертационном исследовании А.В. Шевчука сделан следующий вывод: в связи с тем что платформенная занятость распространяется все шире, социально-демографические характеристики платформенных работников становятся менее специфичными, а гендерное смещение постепенно нивелируется. При этом выбираемые платформенными работниками формы занятости и трудовые стратегии связаны с так называемыми «ценностными профилями» работников¹⁵. Иными словами, платформенные работники стремятся найти такую работу, которая согласуется с их представлениями о ценностях и желаемом образе жизни.

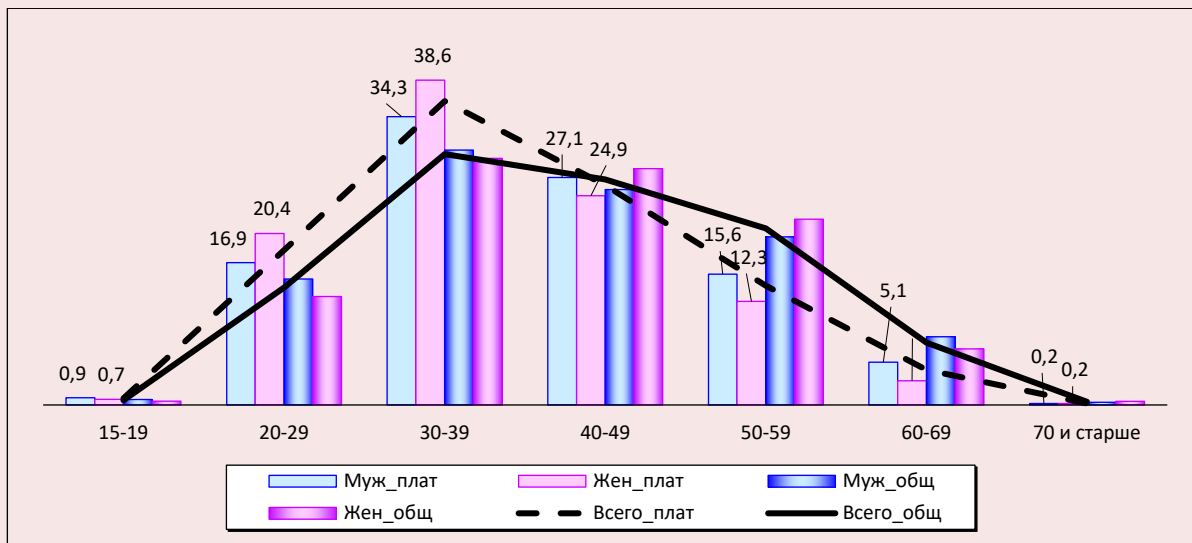
Чтобы составить профиль современного российского платформенного работника, мы провели расчёты на данных Росстата за 2022–2023 гг.

¹³ YouDo. URL: <https://youdo.com/about> (дата обращения 15.03.2024).

¹⁴ Profi.ru. URL: <https://profi.ru/about/> (дата обращения 15.02.2024).

¹⁵ Шевчук А.В. Роль цифровых трудовых платформ в трансформации занятости: экономико-социологический анализ: дис. ... д-ра социол. наук 22.00.03 / НИУ ВШЭ. Москва. 2023. 396 с. // HSE.ru. URL: https://www.hse.ru/data/2023/10/11/2063291963/Резюме_Д_Шевчук_09.10.23_fin.pdf (дата обращения 07.03.2024).

Рис. 1. Структура платформенной занятости и занятости в целом на основной работе по возрастным группам и полу, %

Источник: расчеты авторов на данных Обследования рабочей силы, Росстат, 2023

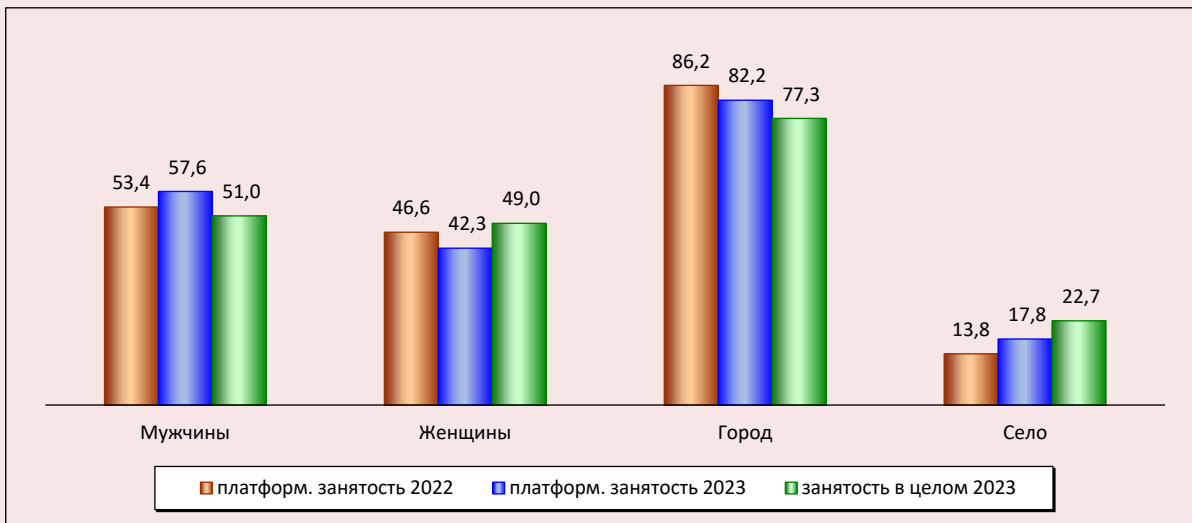
Имеющиеся данные показывают, что структура платформенной занятости действительно немного смещена в сторону более молодых возрастов (рис. 1). Заметим, что среди платформенных работников в возрастных группах 20–29 и 30–39 лет доля женщин больше, чем мужчин. Одним из объяснений этого факта может служить то, что в возрасте 30–39 лет многие женщины находятся в декретном отпуске или активно вовлечены в воспитание несовершеннолетних детей, а платформенная работа (если она осуществляется в удалённом режиме) позволяет при наличии высокой самоорганизации и необходимых домашних условий совмещать это с занятостью. Удельный вес платформенных работников в средней возрастной группе (40–49 лет) примерно такой же, как и в целом по выборке занятых, а в более старших возрастных группах — меньше. Последнее говорит о том, что в более старших возрастах работники отдают предпочтение традиционным формам занятости и/или не обладают необходимыми (цифровыми) навыками для работы на платформах. Таким образом, подтверждаются сделанные нами ранее (Chernykh, 2021) выводы о том, что средний возраст платформенного работника меньше, чем среднестатистического занятого.

Данные Росстата не противоречат другим исследованиям. В частности, в (Синявская и др., 2022) участие молодёжи в платформенной занятости на эпизодической основе, в качестве подработки, оценивается в 27,2% среди лиц в возрасте 18–24 лет и в 25,7% среди лиц в возрасте 25–34 лет; на регулярной основе, в том числе в виде основной работы, в 9,1 и 12,3% соответственно. Группа 25–34-летних вносит наибольший вклад и в эпизодическую, и в регулярную занятость на ЦПТ.

Расчёты показывают (рис. 2), что среди платформенных работников в целом преобладают мужчины (53–57%). Также платформенные работники чаще представлены среди жителей города (82–86%).

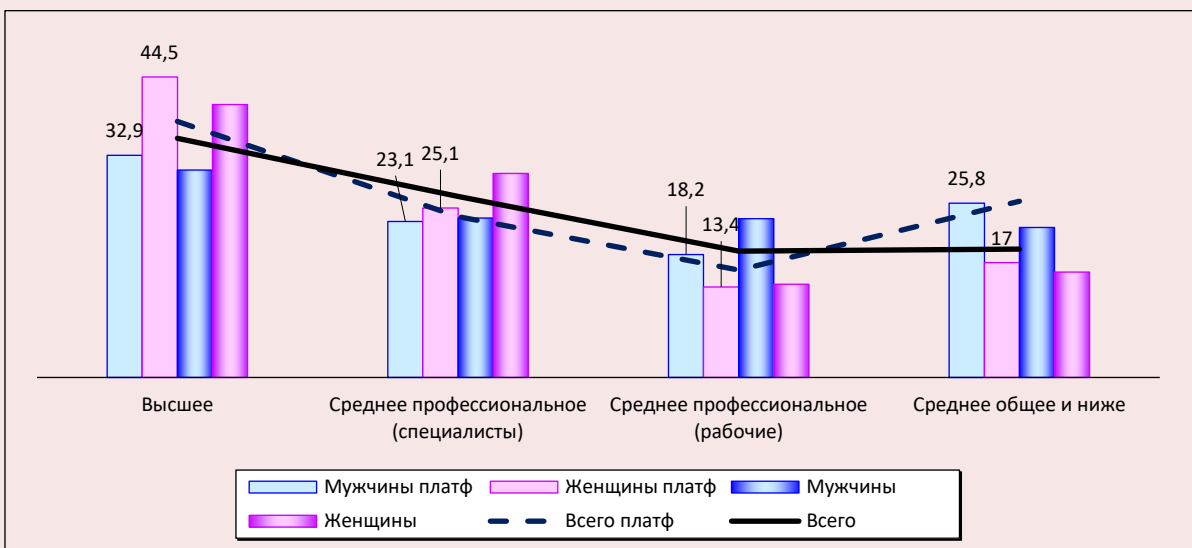
На первый взгляд, структура платформенных занятых по уровню образования мало отличается от общей структуры занятости. В обоих сегментах почти одинаковые доли и гендерные соотношения работников с высшим образованием; среди женщин больше, чем среди мужчин, доля обладателей высшего образования (рис. 3). Однако в платформенном сегменте заметно выше доля лиц, не имеющих профессионального образования — 26,1% в 2023 году, в то время как в общей структуре

Рис. 2. Структура платформенной занятости и занятости в целом на основной работе по полу и месту проживания, %

Источник: расчёты авторов на данных Обследования рабочей силы, Росстат, 2022, 2023 гг.

Рис. 3. Структура платформенной занятости и занятости в целом по полу и уровню образования, 2023 год, %

Источник: расчёты авторов на данных Обследования рабочей силы, Росстат, 2023 год.

занятости их доля составляла 19,0%. Это, на наш взгляд, обусловлено тем, что платформы предоставляют широкие возможности для занятости (часто неформальной) лицам без профессионального образования в качестве курьеров,

таксистов, домашнего персонала, разнорабочих и др. Статистика, таким образом, объективно отражает существование сегментированных рынков труда специалистов и исполнителей заказов в зависимости от уровня квалификации.

В целом структура платформенной занятости действительно напоминает общую структуру занятости и, возможно, стремится к ней, но все же имеет свои особенности. Динамика изменений этой структуры является интересным объектом для дальнейшего анализа.

Отдельным вопросом для последующего изучения выступает платформенная занятость трудовых мигрантов России. Эта категория требует дополнительного исследования, однако ведущим мотивом выбора занятости для этих работников, очевидно, является возможность получения дохода. После пандемии коронавируса сфера доставки (работа курьером), где и раньше были в основном заняты мигранты, стала активно «вытягивать» трудовые ресурсы (тоже преимущественно представленные мигрантами) из сектора ЖКХ¹⁶.

Особенности занятости на платформе Profi.ru

Платформа занятости Profi.ru – один из популярных сайтов для удаленных работников (фрилансеров) и офлайн самозанятых, которые ищут работу через интернет, ее история восходит к 2005 году (сайт стартовал как сервис «Ваш

репетитор»). В настоящее время платформа позволяет быстро связывать спрос и предложение на самые разные услуги по всей территории России, а также Казахстана и Белорусии. Ищущие работу бесплатно регистрируются на сайте, заполняют специальные формы, выбирают категории услуг, которые они могут предложить, при успешной сделке оплачивают небольшую комиссию. Всего на сайте, по состоянию на 1 марта 2024 года, зарегистрировано 2,6 млн исполнителей.

В таблице 1 представлено описание категорий услуг, предлагаемых специалистами (исполнителями) на сервисе Profi.ru. Из таблицы видно, что часть услуг может быть представлена удаленно (категории репетиторства, бухгалтерских и юридических услуг, IT, консультации по правильному питанию, фитнесу и др.); часть только офлайн, поскольку требуют физического присутствия специалиста в конкретном месте. На платформе можно найти как высококвалифицированных специалистов, так и исполнителей без профессионального образования.

Таблица 1. Основные категории и виды услуг на платформе Profi.ru

Категория	Виды услуг
Ремонт	Мелкий ремонт, сантехника, отопление, электромонтажные работы, гипсокартон, комплексный ремонт, потолки, полы, строительство, дизайн интерьера, проектирование и дизайн, сметные работы, инженеры ПТО, чертёжные работы, сборка мебели, изготовление мебели, малярные и штукатурные работы, покраска стен, поклейка обоев, нанесение жидких обоев, окна, плиточники, двери, установка/демонтаж кондиционеров, высотные работы
Артисты	Певцы, ведущие, event-менеджмент, кейтеринг, шоу, живые статуи, детские шоу, театральные спектакли, рисование, художники, вышивка и декорирование, художественная роспись, обучение рукоделию, музыка, музыкальные группы, диджеи, музыканты-инструменталисты, флористы, декор мероприятий, украшение зала, фотозона, свадебные букеты, художники, портретисты, пейзажисты
Красота	Массаж, косметология, наращивание ресниц, наращивание волос, ламинирование, маникюр, педикюр, макияж, татуаж, чистка лица, пирсинг, татуировки, укладки, стрижки, колорирование, эпиляция
Домашний персонал	Домработницы, водители, уборка, выгул собак, приготовление пищи, трезвый водитель
Фото, видеосъемка	Фотограф, выездная фотосессия, детская, свадебная, романтическая, корпоративная фотосъемка, обработка фотографий, портфолио, видеооператоры, обработка фотографий, видеомонтаж, надписи на фото, обучение видеосъемке, портретная фотосъемка, фотосессия в студии
Услуги для животных	Обучение кинологов, дрессировка служебных собак, «управляемая городская собака», коррекция поведения собаки, дрессировка щенка, передержка, ветеринария, зоотакси
Автоинструкторы	Вождение (АКПП), вождение (МКПП), восстановление утраченных навыков, вождение автомобиля, парковка, подготовка к сдаче экзамена в ГИБДД, занятия на площадке, отработка экзаменационного маршрута, вождение по городу

¹⁶ «Экономика гастролеров»: почему дворники идут в курьеры // RBC. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/01/2024/659fe8be9a79472b662bab51> (дата обращения 07.03.2024).

Окончание таблицы 1

Категория	Виды услуг
Разное	Курьеры, разнорабочие, грузоперевозки, переезд, официанты, вязание
Спорт	Общая физическая подготовка, футбол, йога, хатха-йога, кундалини-йога, фитнес-йога, джиу-джитсу, кендо, кобудо, самооборона, фехтование, фитнес, бодибилдинг, пауэрлифтинг, хоккей, бокс, лечебная физкультура, большой теннис, стретчинг, детская гимнастика, дзюдо, самбо, кикбоксинг, вольная борьба, стретчинг, художественная гимнастика, детская гимнастика, аэробный тренинг, латиноамериканские танцы, спортивные танцы, фигурное катание, коррекция фигуры, силовой тренинг, функциональный тренинг, консультации по питанию, хореография, свадебные танцы, бодифлекс, пилатес
Репетиторы	ОГЭ, ЕГЭ, русский, английский, французский, испанский, китайский язык, математика, физика, музыка, подготовка к школе, рисование
ИТ-фрилансеры	Верстальщики, визуализация дизайн-проекта, вёрстка веб-страниц, программирование, СУБД, компьютерная грамотность, языки программирования, транскрибация, SEO, маркетинг, установка / настройка программного обеспечения, ремонт компьютеров, установка и настройка windows, дизайнеры, разработка логотипа, графический дизайн, разработка фирменного стиля, ремонт компьютеров, копирайтеры, редакторы, контекстная реклама, набор текста, работа с текстами, интернет-маркетинг
Бухгалтеры, юристы	Юристы, составление искового заявления, представительство в суде, составление документов, исполнительное производство, бухгалтеры, налоговые консультанты, сдача отчётности, ведение бухгалтерского и налогового учёта в полном объёме, составление декларации
Примечание: серым цветом выделены ячейки с преимущественно удаленным форматом работы. Источник: составлено авторами по данным профилей работников с сайта Profi.ru.	

По данным выгруженного нами датасета из Profi.ru по Москве и Московской области (902 человека), самый большой стаж работы на данной платформе наблюдается у репетиторов, представителей шоу-бизнеса и фотографов, самый маленький – среди фрилансеров в сфере IT, бухгалтеров и юристов (табл. 2). В целом по выборке средний период работы на платформе

составляет 3,9 года, то есть почти 4 года. Пятая часть профилей исполнителей была зарегистрирована на сайте более 5 лет назад. Заметим, что таких профилей вообще нет в категориях исполнителей «разное» и «автоинструкторы». Скорее всего, люди рассматривают эти виды работ как временные подработки или выходят из сайта, набрав свою базу клиентов.

Таблица 2. Характеристики случайной подвыборки Profi.ru (Москва, Московская область)

Категория	Всего в выборке, чел.	Доля в выборке, %	Доля женщин, %	Средняя продолжительность работы на платформе, лет	Доля работающих более 5 лет, %
Ремонт	244	27,1	5,7	3,3	18,0
Репетиторы	239	26,5	74,5	4,8	33,0
Красота	109	12,1	86,2	4,4	16,0
Домашний персонал	71	7,9	64,8	3	11,0
ИТ-фрилансеры	60	6,7	38,3	2,5	8,0
Разное	42	4,7	21,4	3,4	0,0
Артисты	40	4,4	35,0	5,4	40,0
Спорт	34	3,8	50,0	4,2	30,0
Фото, видеосъемка	28	3,1	42,8	4,7	29,0
Бухгалтеры, юристы	25	2,8	64,0	2,7	13,0
Услуги для животных	6	0,7	83,3	4	29,0
Автоинструкторы	4	0,4	25,0	3	0,0
Всего (среднее)	902	100	47,6	3,89	21,20
Источник: данные авторского исследования.					

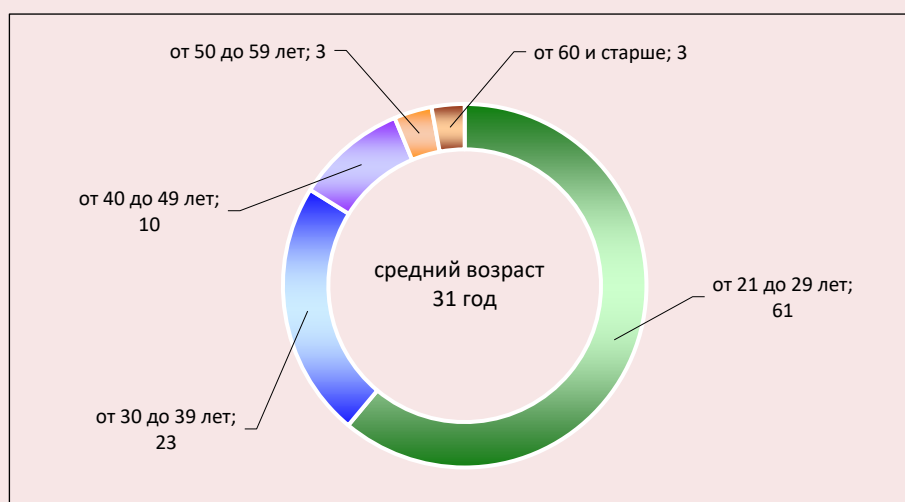
представленного уборщицами, поварами и нянями. Среди них женщин 64,8%. Мужчины на данной платформе в основном работают водителями или охранниками. Женщины преобладают среди предоставляющих бухгалтерские и юридические услуги (64%), а также среди работающих с домашними питомцами (83,3%).

Особенность сбора (извлечения, заполнения) данных с сайта Profi.ru заключается в том, что для выявления некоторых сведений об исполнителях требуются логический анализ текстов и специальные расчеты, например об уровне образования, возрасте, цене за определенные виды услуг. Так, при отсутствии прямых маркеров возраста для вычисления минимального возраста исполнителя применялись алгоритмы выявления года начала трудовой карьеры. Например, если имелась информация о годе поступления в учреждение высшего профессионального образования, то к нему прибавлялось 4 года. Далее высчитывался минимальный возраст исполнителя исходя из допущения о среднем возрасте начала карьеры, равном 22 годам. При отсутствии данных об образовании могли быть использованы данные о стаже работы на платформе: при допущении о возможном старте карьеры на платформе в 20 лет (после получения среднего профессионального

образования или после армии) от текущего года отнималось 20 лет, а также количество лет работы на платформе, в итоге получали минимальный возраст исполнителя. Таким образом, получена приблизительная оценка среднего возраста платформенного занятого на сервисе Profi.ru – 31 год (рис. 5). По данным Росстата, примерный показатель среднего возраста платформенных работников на основной работе заметно выше – 39,5 года (у мужчин – 40,4 года, у женщин – 38,2 года). При этом необходимо иметь в виду, что Росстат учитывает все виды занятости посредством различных платформ, включая курьерские услуги и перевозки (такси). В Profi.ru таких услуг нет. Более молодой контингент исполнителей на Profi.ru также может объясняться спросом на услуги по подготовке к ЕГЭ, которые часто оказывают студенты. Платформа также предоставляет возможности более или менее постоянной или разовой подработки на время учебы, поиска постоянной работы.

Для получения информации об уровне образования анализировались различные текстовые поля, характеризующие образование, информацию об исполнителе, достижения. Однако удалось определить минимальный имеющийся уровень образования лишь у 351 чело-

Рис. 5. Распределение исполнителей, занятых на платформе Profi.ru в Москве и Московской области, по возрасту, %

Источник: построено авторами на основе данных с сайта Profi.ru по Москве и Московской области.

века из 902 исполнителей (39%). Частично это объясняется тем, что исполнители не всегда считают важным указывать эти сведения, особенно если работа не требует подтверждения уровня квалификации и достаточно лишь упоминания имеющихся сертификатов (домработницы, водители, помогающие с животными, кондитеры, некоторые артисты, фитнес-тренеры, работники индустрии красоты).

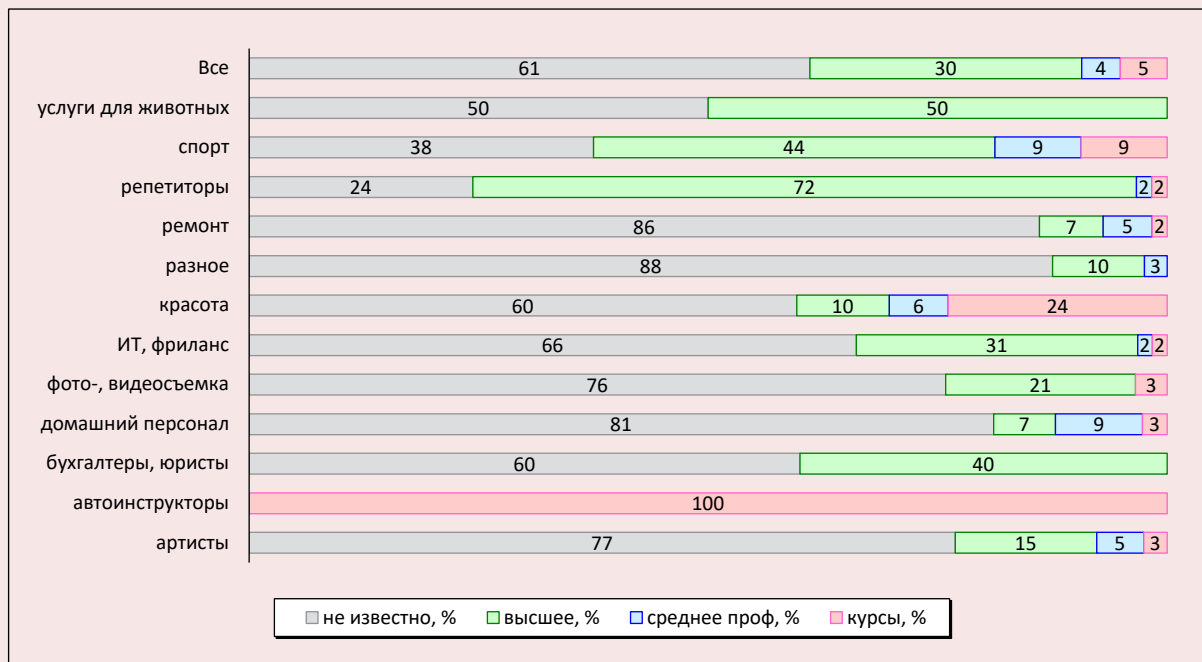
При анализе уровня образования платформенных работников (рис. 6) мы выявили следующие проблемные аспекты. Во-первых, отсутствие в профиле сведений о высшем образовании не всегда свидетельствует о его реальном отсутствии. Иногда работники не могут трудоустроиться по специальности или получают низкую заработную плату на текущем месте работы, получают другую специальность, зачастую никак не связанную с базовым образованием, или занимаются более простой, но приносящей доход деятельностью. В данном случае можно говорить о несоответствии образования требованиям вакансий, что является одной из причин дефицита кадров на современном рын-

ке труда. Кроме того, можно предположить наличие избыточного уровня образования у некоторых работников, когда они выполняют работу, требующую меньшей квалификации, чем имеют.

Во-вторых, на современном рынке активно предлагаются краткосрочные (от нескольких недель до нескольких месяцев) курсы по самым разным направлениям (наращивание ресниц, маникюр, программирование и многим др.), после которых людям выдаются сертификаты, обещается быстрое трудоустройство с высокой заработной платой.

К сожалению, выгруженные данные не позволяют достоверно судить об уровне образования платформенных работников на интересующем нас портале. Вместе с тем можно отметить, что наличие высшего образования как конкурентного преимущества важно прежде всего для репетиторов, в других сферах его ценность меньше или работают другие маркеры мастерства (сигналы на рынке труда) – портфолио работ, достижения, опыт работы или отзывы заказчиков. Довольно высокая доля прямо или

Рис. 6. Сведения об уровне образования исполнителей услуг на платформе Profi.ru по категориям деятельности, %

Источник: составлено авторами по данным профилей работников с сайта Profi.ru.

косвенно указавших свой уровень образования отмечается среди юристов и бухгалтеров (40%), в спорте (44%), среди предлагающих услуги для животных (50%, при этом важно отметить, что всего в этой категории 6 человек), представителей сферы ИТ и фрилансеров (31%), а также зарабатывающих на фото- и видеосъемке (21%). В индустрии красоты наиболее популярным маркером профессионализма являются сертификаты, высшее образование указали всего 10%, среднее профессиональное – 6% исполнителей. Ни один из четырех автоинструкторов не указал уровень образования, но очевидно, что все они проходили курсы вождения, поэтому нами отмечены как имеющие специальное обучение.

В ходе анализа объявлений об услугах, размещенных на сайте Profi.ru, не обнаружено явлений, подтверждающих тезис о легализации платформенной занятости. В рассмотренной случайной выборке информация о том, что услуга предоставляется индивидуальным предпринимателем, встретилась нам всего единожды, один раз – о том, что работа осуществляется по договору. Можно констатировать, что занятость, обеспечиваемая через платформу Profi.ru, практически полностью относится к неформальному сектору экономики. При этом можно заметить, что некоторые профили зарегистрированы не на конкретных исполнителей (хотя это запрещено политикой платформы), а на посредников либо представителей организаций, занимающихся предоставлением нужных специалистов. Но и в этом случае признаков того, что исполнители являются зарегистрированными самозанятыми, индивидуальными предпринимателями или работают по гражданско-правовому договору, не отмечается.

Заключение

Исследование показало, что платформенная занятость как социально-экономическое явление постепенно расширяется и институционализируется, оформляясь в распространенные социальные практики, но пока еще далека от легализации. Платформенная занятость может быть как формальной, так и неформальной, выполняться в рамках трудовых отношений или на основе независимого партнерства. Вместе с тем особенностью этой формы занятости является то, что она развивается прежде всего в сфере услуг: физических (массаж, уборка, маникюр

и т. п.) или когнитивно-эмоциональных, связанных с предоставлением консультаций, уроков, творчеством, производством нематериальных ценностей.

Положительно, что платформенная занятость находит отражение в государственных статистических обследованиях. Вместе с тем очевидно, что данные исследователей и Росстата относительно ее масштабов пока не сходятся. Это свидетельствует о необходимости ее дальнейшего изучения, выделения ее структурных элементов, уточнения используемых терминов и критериев.

В настоящее время социально-демографическая структура платформенной занятости сближается со структурой общей занятости, но все же имеет свои особенности. Среди платформенных работников по-прежнему больше более молодых: приблизительная оценка среднего возраста платформенного занятого на сервисе Profi.ru – 31 год, по данным Росстата за 2023 год средний возраст платформенных работников на основной работе заметно выше – 39,4 года (у мужчин – 40,2 года, у женщин – 38,4 года). Среди платформенных работников в среднем сохраняется преобладание мужчин, но в возрастных группах 20–29 и 30–39 лет доля женщин больше, чем мужчин. Платформенные работники чаще являются жителями городов. В платформенном сегменте заметно выше доля лиц, не имеющих профессионального образования, – 26,1% в 2023 году, в то время как в общей структуре занятости их доля составляла 19,0%. Это, на наш взгляд, обусловлено тем, что платформы предоставляют широкие возможности для занятости (часто неформальной) лицам без профессионального образования в качестве курьеров, таксистов, домашнего персонала, разнорабочих и др.

Результаты предыдущих исследований, а также наш эмпирический анализ свидетельствуют, что среди низкоквалифицированных работников ЦПТ присутствует большая доля мигрантов (работников, имеющих гражданство другой страны, преимущественно СНГ). Российское законодательство предъявляет разные требования к порядку ведения трудовой деятельности для граждан разных стран СНГ, для многих из них работа через платформу – единственный возможный путь трудоустройства.

Текстовый и статистический анализ профилей на платформе Profi.ru показал, что наиболее часто предлагаются услуги ремонта и сопутствующие услуги, помощь в изучении языков и в подготовке к ЕГЭ, массаж, дизайнерские услуги.

В ходе эмпирического исследования была выявлена следующая тенденция. За значительной частью (не менее 10%) персональных зарегистрированных аккаунтов скрываются либо небольшие компании, либо коллективы (группы) работников, либо индивидуальные предприниматели с наемными работниками, либо просто посредники, перераспределяющие заказы между работниками. Анализ показал, что часть профилей завуалированы под персональные, хотя в реальности таковыми не являются. Некоторые из них открыто позиционируются как профили коллектива/компании, но при этом имеют обозначение персонального профиля. В большом количестве случаев происходит дублирование аккаунтов: часть работников имеют и персональные профили, и числятся в «командах» у посредников, причем часто у нескольких. Одновременно видна противоположная тенденция: под одним аккаунтом работает несколько специалистов. Таким образом, затрудняется определение объема реального предложения услуг. Зачастую, если сам мастер не может в данный момент принять заказ, он предлагает дать контакт своего коллеги. Это говорит о наличии развитого неформального комьюнити (сообщества) мастеров в определенных сферах. Такая ситуация характерна для услуг шоу-бизнеса, различных ремонтных услуг, услуг такси. Для решения вопроса с «ложными» персональными профилями, которые на самом деле принадлежат компаниям или коллективам, необходимо вносить изменения в правила размещения информации на платформе, проводить более тщательную проверку профилей. В случае, если работник предъявил свой паспорт (в профиле есть графа, проверен или нет паспорт исполнителя), необходимо проверять, что услуги предоставляет именно тот человек, который зарегистрирован на платформе.

В начале 2023 года в Госдуму внесен законопроект, предусматривающий изменения закона «О занятости населения в Российской

Федерации», включающие платформенную занятость в правовое поле. В марте 2023 года данный законопроект № 275599-8 был принят в первом чтении, предполагалось, что сами принципы регулирования платформенной занятости будут указаны в «законах-спутниках»¹⁸. Законодатели предлагали ввести достаточно ощутимый контроль над платформами и их работниками: обязать компании регистрироваться в специальных реестрах, вести рейтинг платформенных занятых, информировать исполнителей о всех условиях заказа и др. Основной вопрос законопроекта о платформенной занятости – как разграничивать партнерские/рыночные и трудовые отношения и кому давать иммунитет от переквалификации этих отношений в трудовые¹⁹. Среди экспертов обсуждается вопрос о том, какие платформы должны попасть под специальное регулирование. Считается, что это должны быть технологически зрелые платформы, однако критерии отнесения к данной категории ещё не выработаны. Предполагалось, что для «платформенных» сотрудников установят обязательные нормы работы и отдыха, оплаты, доступа к соцгарантиям и пенсиям, но ко второму чтению из законопроекта исключили положения о регулировании платформенной занятости²⁰.

¹⁸ Цифровая трансформация рынка труда: платформенная занятость в России // Garant. URL: <https://www.garant.ru/news/1631366/#:~:text=%D0%92%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%20%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%8F%D1%82%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%BE%D1%82%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE,%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D1%82%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%20%E2%84%96%20275599%2D8> (дата обращения 05.10.2023).

¹⁹ Регулирование трудовых отношений работников и онлайн-площадок подготовят к весне // Vedomosti. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/01/13/958875-regulirovanie-trudovih-otnoshenii-podgotovyat> (дата обращения 07.12.2023).

²⁰ Новый закон о занятости прошел второе чтение // Pravo. URL: <https://pravo.ru/news/249912/> (дата обращения 07.12.2023).

Литература

- Абдрахманова Г.И., Гохберг Л.М., Демьянова А.В. [и др.] (2023). Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад / под ред. Л.М. Гохберга, Б.М. Глазкова, П.Б. Рудника, Г.И. Абдрахмановой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ. 72 с. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-3001-6>
- Бобков В.Н., Черных Е.А. (2020). Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости // Мир новой экономики. № 14 (2). С. 6–15. DOI: [10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15](https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15)
- Синявская О.В., Бирюкова С.С., Аптекарь А.П. [и др.] (2021). Платформенная занятость: определение и регулирование / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социальной политики. М.: НИУ ВШЭ. 78 с.
- Синявская О.В., Бирюкова С.С., Горват Е.С. [и др.] (2022). Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия: аналитический доклад / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2494-7>
- Стребков Д.О., Шевчук А.В. (2022). Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: НИУ ВШЭ. 528 с.
- Черных Е.А. (2020). Качество платформенной занятости: неустойчивые (прекаризованные) формы, практики регулирования, вызовы для России // Уровень жизни населения регионов России. Т. 16. № 3. С. 82–97. DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.3.7>
- Шевчук А.В. (2023). Теоретизируя цифровые платформы: концептуальная схема для гиг-экономики // Экономическая социология. Т. 24. № 5. С. 11–53. DOI: [10.17323/1726-3247-2023-5-11-53](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-11-53)
- Abraham K.G., Haltiwanger J., Sandusky K., Spletzer J. (2019). The rise of the gig economy: Fact or fiction? *AEA Papers and Proceedings*, 109, 357–361. DOI: [10.1257/pandp.20191039](https://doi.org/10.1257/pandp.20191039)
- Aloisi A. (2022). Platform work in Europe: Lessons learned, legal developments and challenges ahead. *European Labour Law Journal*, 13(1), 4–29. DOI: <https://doi.org/10.1177/20319525211062557>
- Aloisi A., Rainone S., Countouris N. (2023). An unfinished task? Matching the Platform Work Directive with the EU and international “social acquis”. *ILO Working Paper 101*. Geneva: International Labor Office. DOI: <https://doi.org/10.54394/ZSAX6857>
- Berg J., Furrer M., Harmon E., Rani U., Silberman M. (2018). *Digital Labour Platforms and the Future of Work: Towards Decent Work in the Online World*. Geneva.
- Brancati C.U., Pesole A., Fernández-Macías E. (2019) Digital labour platforms in Europe: Numbers, profiles, and employment status of platform workers. Luxembourg: Publications Office of the European Union. *JRC Research Reports*. Available at: <https://ideas.repec.org/p/ipt/iptwpa/jrc117330.html>
- Chernykh E.A. (2021). Socio-demographic characteristics and quality of employment of platform workers in Russia and the world. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(2), 172–187. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2021.2.74.11>
- Daugareilh I., Degryse C., Pochet P. (2019). The platform economy and social law: Key issues in comparative perspective. *ETUI Research Paper-Working Paper 2019.10*. Available at: <https://www.etui.org/sites/default/files/WP-2019.10-EN-v3-WEB.pdf>
- De Stefano V., Durri I., Stylogiannis C., Wouters M. (2021). Platform work and the employment relationship, *ILO Working Paper 27*. Geneva: ILO.
- Hauben H., Lenaerts K., Waeyaert W. (2020). The platform economy and precarious work. *Publication for the Committee on Employment and Social Affairs, Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies*. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652734/IPOL_STU\(2020\)652734_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652734/IPOL_STU(2020)652734_EN.pdf)
- Howcroft D., Bergvall-Kåreborn B. (2019). A typology of crowdwork platforms. *Work, Employment and Society*. 33(1), 21–38. DOI: <https://doi.org/10.1177/0950017018760136>
- Kullman M. (2021). Platformisation of work: an EU perspective on introducing a legal presumption. *European Labour Law Journal*, 13(1), 66–80.
- Piasna A. (2023). Algorithms of time: How algorithmic management changes the temporalities of work and prospects for working time reduction. *Cambridge Journal of Economics (forthcoming)*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4361557>

- Piasna A., Zwysen W., Drahokoupil J. (2022). The platform economy in Europe: Results from the Second ETUI Internet and Platform Work Survey (IPWS). *Working Paper*. Brussels: ETUI. DOI: 10.2139/ssrn.4042629. Available at: <https://www.etui.org/publications/platform-economy-europe>
- Weber C.E., Okraku M., Mair J., Maurer I. (2021). Steering the transition from informal to formal service provision: Labor platforms in emerging-market countries. *Socio-Economic Review*, 19(4), 1315–1344. DOI:10.1093/SER/MWAB008

Сведения об авторах

Гузель Римовна Баймурзина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Институт социологии ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35); ведущий научный сотрудник, главный специалист, Уфимский университет науки и технологий (450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: guzrim@mail.ru)

Екатерина Алексеевна Черных – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32); РЭУ им. Г.В. Плеханова (115054, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: Chernykh.ekaterina108@gmail.com)

Baimurzina G.R., Chernykh E.A.

Platform Employment Specifics in Russia: What the Data of Workers' Online Profiles Indicate

Abstract. The article considers platform employment issues. The aim of our research is to systematize and make an overview of modern knowledge about the current state and structure of platform employment in Russia, assess the position and status of platform workers using previously published research findings, new official statistics data, as well as the results of own empirical research of the data provided by the digital platform Profi.ru for Moscow and the Moscow Region as of 2023. To achieve the goal, we address the following tasks: systematization of available estimates of the platform labor market in Russia; analysis of the first statistical data of Rosstat on platform employment and the formation of a profile of a Russian employed in this segment; approbation of approaches to studying employment on digital platforms by downloading open data on performers (platform workers) directly from the websites of digital platforms in order to enriching statistical data and gain new knowledge about platform employment specifics. We conclude that the structure of platform employment is institutionalized in social practices and is gradually approaching the structure of general employment in terms of basic socio-demographic characteristics, but still has its own specifics. In particular, the average age of platform workers is still lower than that of the employed population as a whole; platform workers are mostly men and urban residents. At the same time, platforms, especially the segment of physical services (provided locally), are characterized by the predominance of groups that are traditionally considered vulnerable in the labor market: women aged 20–29 and 30–39 with minor children, students and youth without work experience, migrants, persons without professional education. The data obtained from the website Profi.ru indicate that such workers are employed mainly in the informal sector. More than 10% of the profiles presented on the platform under consideration are “false”, that is, they belong to organizations, teams or groups of performers (formal or informal), rather than individuals.

Key words: digital labor platforms, platform employment, platform worker, portrait of a platform worker, platform employment risks.

Information about the Authors

Guzel' R. Baimurzina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, head of laboratory, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation); Leading Researcher, Chief Specialist, Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: guzrim@mail.ru)

Ekaterina A. Chernykh – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation); Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russian Federation; e-mail: Chernykh.ekaterina108@gmail.com)

Статья поступила 21.03.2024.

DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.12

УДК 316.346.32-053.9:304.4, ББК 60.54:66.3(2Рос),4

© Белехова Г.В., Нацун Л.Н., Соловьева Т.С.

Благополучная старость: от научных теорий к основам ее программирования

**Галина Вадимовна
БЕЛЕХОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: belek-galina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6373-9043; ResearcherID: I-8182-2016

**Лейла Натиговна
НАЦУН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: leyla.natsun@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9829-8866; ResearcherID: I-8415-2016

**Татьяна Сергеевна
СОЛОВЬЕВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: solo_86@list.ru
ORCID: 0000-0003-1770-7566; ResearcherID: I-8418-2016

Для цитирования: Белехова Г.В., Нацун Л.Н., Соловьева Т.С. (2024). Благополучная старость: от научных теорий к основам ее программирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 220–238. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.12

For citation: Belekhova G.V., Natsun L.N., Soloveva T.S. (2024). Prosperous old age: From scientific theories to the fundamentals of its programming. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(2), 220–238. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.12

Аннотация. В большинстве стран в связи с изменением возрастной структуры населения, являющимся следствием глобального процесса демографического старения, многие десятилетия ведутся дискуссии о сущности самого процесса старения и механизмах адаптации общества к происходящим изменениям. Неоднократно подчеркивается многоаспектность старения, его сложносоставная природа, в которой переплетены биологические, возрастные, социокультурные, экономические и психофизиологические трансформации. Признается невозможность разработки универсального понимания старения, однако для каждой страны важным является конструирование уникальной концепции старения с целью достижения полноценной и достойной жизни населения в старших возрастах. Цель исследования состоит в обобщении концептуальных подходов к пониманию старения и систематизации его факторов, что позволит концептуализировать его конечный результат – благополучную старость как основу эффективной государственной политики в области старения. Теоретическую основу исследования составили труды зарубежных и отечественных авторов по проблематике демографического старения. В рамках работы раскрыты используемый категориальный аппарат и соотношение ключевых категорий; обобщены релевантные концепции старения и выделен теоретический базис авторского подхода; систематизированы факторы, способствующие процессу благополучного (успешного) старения; представлен авторский взгляд на концепт «благополучная старость» и концептуальные рамки государственной политики на его основе. Научная новизна исследования состоит в проработке авторского концепта благополучной старости и обосновании способов его формализации в современных институтах и инструментах социальной политики. Полученные результаты могут стать теоретической основой и способствовать дальнейшему развитию отечественных исследований по тематике благополучного (успешного) старения.

Ключевые слова: старение, старость, благополучная старость, успешное старение, концепт, факторы благополучной старости, программирование старости.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10128, <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>.

Введение

Со второй половины XX века демографическая ситуация в мире претерпела существенные изменения. Помимо колоссального роста общемировой численности населения подавляющее большинство развитых и развивающихся стран столкнулось с рядом качественных трансформаций структуры населения. Одним из наиболее важных и ярко выраженных стало демографическое старение, проявляющееся в увеличении доли лиц старших возрастов. Подобные процессы характерны и для Российской Федерации. По многим классификациям (шкала демографического старения Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета, шкала старения ООН и пр.) Россия относится к числу демографически старых стран, причем процесс демографического старения нарастает, а депопуляция углубляется (Доброхлеб, 2022). На 01.01.2022 доля населения старше трудоспособного возраста в

стране составляла 24% (или 35,2 млн человек), а число людей в возрасте 65+ достигло 23,4 млн человек (или 16%)¹.

Старость является закономерным и органичным этапом жизненного цикла человека, поэтому неудивительно, что каждый хочет прожить её достойно и полноценно. При этом современные сценарии жизни «после 60» заметно шире и разнообразнее, чем 10–20 лет назад, поскольку бурное развитие медицинских технологий, распространение новых форм занятости и социальной активности (Григорьева и др., 2023), повсеместная цифровизация, удлинение периода как трудовой активности, так и жизни вне трудовых отношений сегодня формируют

¹ Демография. Численность и состав населения (витрины) / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 11.03.2024).

более широкие возможности и высокие привязания населения относительно благополучной жизни в старшем возрасте. Благополучие в принципе является главной составляющей системы ценностей общества модерна. По данным социологических опросов, большинство россиян (57%) считают благополучие своим жизненным приоритетом, даже более важным, чем создание семьи (48%) и возможность путешествовать по миру (36%). Особенно ценится благополучие среди людей в возрасте старше 40 лет, т. е. тех, кто имел осознанный опыт жизни в СССР². Однако понимание сущности и критерии благополучного и(или) успешного старения и старости, несмотря на десятилетия исследований по этой теме, остаются весьма расплывчатыми и выступают предметом научной дискуссии. В последнее время критике подвергается как крайняя широта определения успешного старения, так и игнорирование структурных неравенств, не позволяющих всем группам населения «стариться одинаково успешно» (Евсеева, 2020b). Это отражает сложное сочетание физиологических, социальных, экономических, личностных изменений, происходящих на данном этапе человеческой жизни. Однако изучение старения и выявление проблем, с которыми сталкиваются люди старшего возраста, позволит наилучшим образом адаптировать государственное управление и собственные жизненные стратегии населения для благополучной жизни в старости.

Цель исследования, представленного в статье, состоит в обобщении концептуальных подходов к пониманию старения и систематизации его факторов, что позволит определить вектор исследования данного процесса и концептуализировать его конечный результат — благополучную старость как основу эффективной государственной политики в области старения. Отметим, что проведенный обзор не носит исчерпывающий характер, однако, на наш взгляд, он может стать теоретической основой и способствовать дальнейшему развитию отечественных исследований по тематике благополучного (успешного) старения. В рамках работы последовательно раскрывается используемый катего-

риальный аппарат и соотношение ключевых категорий; обобщаются релевантные концепции старения, выделяется теоретический базис для авторского подхода; систематизируются факторы, способствующие процессу благополучного (успешного) старения; обосновывается авторский взгляд на концепт «благополучная старость» и определяются концептуальные рамки построения государственной политики на его основе. Научная новизна исследования состоит в проработке авторского концепта благополучной старости, релевантного формирующимся демографическим, социально-экономическим и социокультурным трендам, и обосновании способов его формализации в современных институтах и инструментах социальной политики.

Рамки категориального аппарата

Одним из важных вопросов при исследовании старости и разработке государственной политики в области благополучного старения является определение целевой группы — круга лиц, которому адресованы регулирующие мероприятия. На практике в данном вопросе отсутствует единство мнений, о чем свидетельствуют многочисленные исследования о границах наступления старости (Антонов и др., 2023; Козлова, Секицки-Павленко, 2022). Обратимся к сущности понятий, которые чаще всего используются в научных работах и основных программных документах и определяют как сам процесс старения, так и соответствующие группы населения.

Старение на биологическом уровне представляет собой постепенный, непрерывный и необратимый процесс изменения организма под влиянием повреждающего действия различных внешних и внутренних факторов, приводящий к снижению физических и умственных возможностей организма; в контексте социума старение связано с переменами в трудовой, досуговой, социальной и других сферах жизни человека.

Старость — завершающий этап жизненного цикла индивида; «закономерно наступающий заключительный период возрастного индивидуального развития» (Садыкова, 2017).

Лица старшего возраста (лица старших возрастов) — совокупность людей, чей возраст соответствует общепризнанным (в данном обществе или в рамках отдельного исследования) границам старшего возраста, охватывающая

² Финансовое благополучие обошло создание счастливой семьи в списке жизненных целей россиян. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/11/13/21700447.shtml?updated> (дата обращения 11.03.2024).

лиц с разным уровнем когнитивных и физических способностей (активные и энергичные или требующие поддержки и опеки).

Население в возрасте старше трудоспособного — лица, хронологический возраст которых превышает законодательно установленную верхнюю границу трудоспособного возраста.

Пожилые — часть населения старшего возраста, охватывающая лиц на начальном этапе старости, которые по психофизиологическим и социально-экономическим характеристикам в большинстве своем отличны от людей на более поздних этапах жизни (лиц старческого возраста и долгожителей); сама граница может сдвигаться под влиянием меняющегося общественного мнения, принятых рамок измерения и т. п.

Пенсионеры — лица, имеющие и реализующие своё законодательно закреплённое право на получение пенсионных выплат по какому-либо одному или нескольким основаниям.

Старшее поколение — меняющаяся по своему составу во времени общность людей, объединённых близкими или одинаковыми календарными (хронологическими) границами наступления старости как завершающего этапа жизненного цикла.

Основанием для выделения таких категорий, как «старшее поколение», «пожилые», «лица старшего возраста», является условно выбранная возрастная граница. Классификационным признаком при выделении категорий «пенсионеры» и «население в возрасте старше трудоспособного» выступает соответствие характеристик индивидов законодательно установленным нормам: в первом случае — наличие пенсионных выплат среди источников дохода человека, а во втором — соответствие хронологического возраста индивида официально установленной границе трудоспособного возраста.

Если говорить о соотношении перечисленных категорий, то понятие «старшее поколение» — наиболее общее, отражающее хронологические, поколенческие, нормативные и социокультурные грани явления. Остальные категории следует рассматривать как более конкретные, которые чаще используются в социально-экономических исследованиях. Категория «лица старшего возраста» («лица старших возрастов») более обширна по сравнению с

остальными, поскольку интуитивно объединяет разные классификационные основания (прежде всего возраст и нормативный статус). Категория «пожилые» зачастую характеризует вполне определенный период жизни — от 60/65 до 75 лет и позволяет отделять собственно старых и долгожителей от начального периода старости. Категория «население в возрасте старше трудоспособного» во многом является терминологическим аналогом категории «лица старшего возраста». При этом они пересекаются, но не совпадают полностью с категорией «пенсионеры», поскольку, с одной стороны, пенсия может назначаться не только по достижении определённого возраста, но и по другим основаниям, а с другой — не все граждане, достигшие верхней границы трудоспособного возраста, сразу обращаются за назначением пенсионных выплат и, соответственно, не сразу приобретают статус пенсионеров.

Существование перечисленных категорий, возможно, и не противоречит исследовательской логике в силу сложности и многослойности самого процесса старения. Поскольку в рамках исследования предполагается выход на регулирующие воздействия, перспективной видится ориентация на хронологические и нормативные границы старости (что совершенно не исключает возможности углубленного изучения культурного и социального аспектов старения).

Концепт «старение» в зарубежном и отечественном научном дискурсе

Изучение проблем старения и его последствий, благополучия старшего поколения достаточно давно находится в фокусе внимания академического сообщества. Соответственно, данный термин рассматривается с позиции различных наук. Так, с точки зрения демографии ключевой теорией является концепция демографического перехода, согласно которой процесс старения выступает объективным результатом изменений в характере воспроизводства населения за счет снижения смертности и уменьшения высокой рождаемости (Notestein, 1945; Вишневский, 1976). В этом случае речь идет о демографическом старении.

В экономической науке старение изучается сквозь призму концепций экономики поколений и второго демографического дивиденда (Барсуков, 2019). Теория экономики поколений базируется на понятии демографического

дивиденда как явления, когда происходит снижение рождаемости и рост трудоспособного населения (первый дивиденд). Появление второго дивиденда становится возможным, когда у старших возрастных групп трудоспособного населения возникает значительный стимул к накоплению активов. Таким образом, выгода от этого дивиденда пролонгируется и преобразуется в еще более значимый объём активов, что приводит к росту национального дохода. Адаптация экономики к последствиям процесса старения привела к формированию понятия «серебряной экономики», ориентированной на производство товаров и услуг для старшего поколения (Горошко, Пацала, 2021).

Наиболее широко проблематика старения исследуется в контексте *социологических и геронтологических концепций*. В первом случае объектами внимания становятся структура пожилого населения, межпоколенческое взаимодействие, социальные роли и статус пожилых людей, их жизненные стили и пр.³ Во втором случае на первый план выдвигаются образ и условия жизни, психические процессы, положение пожилых людей во взаимосвязи с биологической старения.

Несколько десятилетий в социogerонтологической литературе доминировал эйджистский взгляд на старость, вследствие чего исследователи сосредотачивались на негативных сторонах старения (ухудшение здоровья, дискриминация в труде в силу возраста, сокращение социальных связей, дополнительные социальные расходы и проч.). Предлагаемые теории (теория модернизации, теория уменьшения обязательств Э. Камминга и В. Генри, теория деятельности Б. Ньюгартена, Р. Хэвигхерста и Ш. Тобина, теория социально-психологической непрерывности Р. Эчли) рассматривали возможности адаптации пожилых людей к происходящим потерям для достижения удовлетворенности жизнью в преклонном возрасте (Сергеева, 2012). Впоследствии под влиянием процессов глобального постарения населения, вступления в активную фазу жизни поколений

демографического взрыва и повышения их требований к качеству жизни произошла смена риторики от старости как «одинокости», «периода дожития», «периода потери возможностей», «заслуженного отдыха» к пониманию ее как особого социального ресурса и необходимости обеспечения активного и вовлеченного старения (Видясова и др., 2024).

Появилось большое количество теорий и концепций, которые пытаются дать ответ на вопрос о том, какие условия необходимы для улучшения качества жизни человека в пожилом возрасте и каким образом их плодотворно использовать (*таблица*). Большинство данных социogerонтологических концепций построены на положениях функционализма Т. Парсонса и теории (социальной) активности («activity theory») (Евсеева, 2011). Суть сводится к следующему: эффективное старение заключается в сохранении общественной активности пожилых посредством адаптации как осознанного внесения корректировок в образ жизни по мере изменения жизненных обстоятельств.

Одной из наиболее обсуждаемых является парадигма «благополучного (успешного) старения» (successful ageing). Данное понятие было введено в научный оборот в 1961 году Р. Хэвигхерстом, который ориентировался на «естественный» сценарий взаимоотношений пожилого индивида и общества и определял «успешное старение» как внутреннее ощущение счастья и удовлетворения настоящей и прошлой жизнью (Havighurst, 1963).

Впоследствии успешное старение сопрягалось с другими вариациями «хорошего» старения, в которых преимущественно подчеркивались необходимость предотвращения инвалидности и высокий уровень физического функционирования в качестве требований к благополучию, а именно «здоровое старение» (акцент на физическом здоровье), «активное старение» (длительная трудовая занятость и вовлеченность в жизнь социума), «продуктивное старение» (длительная занятость как польза обществу), «позитивное старение» (восприятие старения и старости как позитивных явлений, полных положительных смыслов) и пр. (Евсеева, 2020b). В частности, модель успешного старения Дж. Роу и Р. Кана основана на трех компонентах: отсутствие болезни и связанной с ней инвалидности, высокое когнитивное и физи-

³ Успешное старение: социологические и социogerонтологические концепции (2020): сб. научн. тр. / отв. ред. Я.В. Евсеева, М.А. Ядова / РАН; ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. отд. социологии и социал. психологии. Москва. 230 с.

ческое функционирование, активное участие (вовлеченность) в жизни сообщества. В ситуации, когда все три компонента перекрываются, успешное старение реализуется в полной мере (Rowe, Kahn, 1987). В модели селективной оптимизации и компенсации М. Балтеса и П. Балтес благополучное старение является результатом процессов адаптации к сокращению биологических, психических и социальных ресурсов (Baltes, Baltes, 1990). Проактивная модель благополучного старения Е. Кахана и Б. Кахана предполагает, что пожилые люди на основе активной поведенческой адаптации должны использовать внутренние (личностные) и внешние (социальные) ресурсы для смягчения неблагоприятного воздействия нормативных стрессоров (хронические заболевания, сокращение социальных контактов, снижение работоспособности) на качество их жизни (Kahana, Kahana, 1996).

В 1990 году Дж. Керб с коллегами предложил термин «эффективное старение» («effective aging») в качестве альтернативы «успешному старению», чтобы подчеркнуть адаптацию и реабилитацию, которые могут происходить даже по мере того, как у пожилых людей развивается дефицит здоровья (например, хронические заболевания, инвалидность) (Curb et al, 1990; Стрижитская, Петраш, 2017). Также получило распространение понятие «оптимальное старение» («optimal aging»), отражающее психологическое процветание и благополучие индивида (Ryff, Singer, 2008). Близкой к этому направлению является концепция «позитивного старения» («positive ageing»), суть которой заключается в том, чтобы максимально использовать преимущества старости и сохранять хорошее отношение к жизни (Bowling, 1993). При этом роль различных компонентов позитивного функционирования в период старения неодно-

Основные теории, изучающие вопросы старения

Теория	Авторы	Сущность
Благополучное (успешное) старение	Р. Хэвигхерст, Дж. Роу, Р. Кан, М. Балтес, П. Балтес, Е. Кахан, Б. Кахан, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова, К. Татарко и др.	Отсутствие хронических заболеваний, способность к эффективному участию в процессах жизнедеятельности с физической, психической и социальной точки зрения
Эффективное старение	Дж. Керб, Дж. Гуральник, Э. Ла Круа, С. Корпер, О.Ю. Стрижицкая и др.	Фокус на том, что возможно стареть эффективно и при наличии дефицита здоровья за счет адаптации и реабилитации
Оптимальное старение	К. Райфф, Б. Сингер, К. Брумел-Смит, Т.А. Немчин и др.	Способность функционировать во многих областях, чтобы быть удовлетворенным, несмотря на состояние здоровья
Позитивное старение	Э. Боулинг, Т. Покок, Л. Головей, А. Криулина и др.	Максимизация позитивных эффектов старости и хорошего отношения к жизни
Продуктивное старение	Х. Кершнер, Дж. Э. Пегес, С. Дэвис, Е.Г. Калабина и др.	Эффективное старение за счет оптимизации реализации возможностей для пожилых людей
Активное старение	ВОЗ, А. Уолкер, К. Аспалтер, И.А. Григорьева, К.А. Галкин и др.	Оптимизация возможностей для поддержания здоровья с целью повышения качества жизни и благополучия
Гармоничное старение	Ц. Лян, Б. Ло, Р. Хопкинс и др.	Старение как баланс, основанный на различиях, а не на однообразии
Осознанное старение	Г. Муди, Р. Дасс, М. Шлитц и др.	Старение как этап жизни, обладающий собственной целью, жизненной силой и смыслом
Здоровое старение	ВОЗ, К. Стивенс, М. Менасса, Р.В. Воробьев, А.Н. Ильницкий и др.	Развитие и поддержание функциональных способностей, обеспечивающее благополучие в пожилом возрасте
Активное долголетие	Л. Фостер, А. Сидоренко, А. Зайди, М.Г. Колосницына, Е.В. Васильева и др.	Формирование активной жизненной позиции, поддержание здоровья, трудовой и социальной активности
Источник: составлено авторами на основе обзора научной литературы.		

значна, к наиболее значимым характеристикам можно отнести сферы здоровья и удовлетворенность профессией (Головей и др., 2014).

Концепция «продуктивного старения» («productive ageing») охватывает различные виды деятельности, которыми занимаются люди в пожилом возрасте. Модель продуктивного старения подчеркивает участие пожилых людей в оплачиваемой работе, волонтерстве, образовании, физической активности, досуге и путешествиях, политических действиях, потреблении и т. д. (Kerschner, Pegues, 1998). Некоторые исследователи отмечают ограниченность подобных активистских концепций и моделей, поскольку они ограничивают благополучное (успешное) старение рамками как можно более длительной трудовой занятости, т. е. ориентируются на максимизацию экономического вклада пожилых (Евсеева, 2020а; Boudiny, 2013).

Еще одним понятием, связанным с проблематикой старения, является концепт «активное старение». По определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), «активное старение — это процесс оптимизации возможностей для обеспечения здоровья, участия в жизни общества и защищённости человека с целью улучшения качества его жизни в ходе старения»⁴. В данной модели сохраняется условие общественно полезной активности, а также вводится необходимость поддержания здоровья. При этом не ясно, каким образом будет восприниматься старость среди тех пожилых людей, которые имеют ограничения по здоровью, не настроены на трудовую деятельность, предпочитают пассивные варианты досуга и общение с близкими людьми.

Под влиянием философии и межкультурного опыта также появился дискурс «гармоничного старения» («harmonious ageing»), характеризующего сбалансированное отношение к старости (поддержание спокойствия ума, культивирование чувства гармонии с собой и своим окружением, обретение мудрости решения проблем и соответствующая адаптация) (Liang, Luo, 2012). Существует схожая концепция «осознанного старения» («conscious ageing»),

⁴ Active Ageing. A Policy Framework 2002. URL: <https://extranet.who.int/agefriendlyworld/wp-content/uploads/2014/06/WHO-Active-Ageing-Framework.pdf> (дата обращения 11.03.2024).

согласно которой людям следует не игнорировать физическое старение или бороться с ним, а признавать его и адаптироваться к нему (Moody, 2005).

Термин «здоровое старение» («healthy ageing») использовался на академическом и политическом уровнях для проведения различия между больными и здоровыми пожилыми людьми, основываясь на их физических и психических характеристиках. В 2015 году ВОЗ определила здоровое старение как «процесс развития и поддержания функциональных способностей, обеспечивающих благополучие в пожилом возрасте»⁵. В рамках данной концепции изучаются вопросы трансформации установок и поведения в контексте возраста и старения, обеспечения условий для расширения реализации потенциала и предоставления комплексной помощи с учетом потребностей старшего поколения (Голубева, Соловьев, 2023).

Связанной с проблемой старения теорией является концепция активного долголетия («active longevity»), которая сходна по смыслу с «активным старением», однако носит более позитивную коннотацию (Sidorenko, Zaidi, 2013). В 2020 году коллективом НИУ ВШЭ был подготовлен проект Концепции политики активного долголетия⁶ и определены основополагающие принципы, приоритеты, механизмы, этапы и ожидаемые результаты реализации этой Концепции.

В российской науке получил распространение подход «отложенного старения», основанный на том, что качество жизни пожилых во многом зависит от способности сохранять автономность в удовлетворении потребностей и участия в жизни общества (Видясова, 2023). Данный концепт опирается на теорию о поздней зрелости и субъективном восприятии возраста (Галкин, 2023), когда люди, сохраняя социально-экономическую независимость,

⁵ World Health Organization. World Report on Aging and Health. 2015. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789240694811_eng.pdf?sequence=1 (дата обращения 11.04.2024).

⁶ Концепция политики активного долголетия (2020): научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под ред. Л.Н. Овчаровой, М.А. Морозовой, О.В. Синявской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 40 с.

продлевают свою взрослость и откладывают старение (Greve, Staudinger, 2015). Эта идея согласуется с текущими реалиями, когда реальное старение населения постоянно сдвигается, например, на 15–20 лет по сравнению с поколением первых послевоенных десятилетий (Григорьева, Келасьев, 2017). Развиваются исследования в русле «активного старения и долголетия», в которых особо подчеркивается важность учета различий граждан старших возрастов по имеющемуся у них ресурсному потенциалу и, как следствие, необходимость проработки дифференцированных регулирующих мер и механизмов в соответствии с возможностями и мотивами различных групп пожилых и старых людей (Доброхлеб, 2022).

С начала 2000-х гг. наиболее доминирующая геронтологическая концепция «успешного старения», продвигающая здоровье и функциональность, отсутствие болезней и инвалидности, активную вовлеченность в социальные взаимодействия как ключевые составляющие успешной старости, «подвергается критике за риск маргинализации широких слоёв пожилых и старых людей, которые в силу различных обстоятельств» не соответствуют данным критериям (Доброхлеб, 2022; Liang, Luo, 2012; Nizamova, 2020). Некоторые исследователи высказывают мнение, что парадигма успешного старения является своеобразной «формой угнетения» «неправильных» пожилых людей (Nizamova, 2020). В частности, Х. Гиббонс считает, что «успешная старость» насаждает стандарты «обязательной молодости» людям всех возрастов, поскольку обязательность сохранения и реализации трудоспособности, отсутствия инвалидности, высоких когнитивных и физических функций не переопределяет старость как время здоровья и функциональности, не убирает из нее эйджизм, эйблизм и гандикапизм, а скорее навязывает людям новые социальные стандарты правильной и хорошей жизни в старшем возрасте (Gibbons, 2016). В такой логике наличие у пожилых людей заболеваний и/или инвалидности, снижение и/или отсутствие трудовой и общественной активности воспринимается как личный выбор и личная ответственность индивида за свою уязвимость, а не как результат биологических изменений, действия прочих экономических, по-

литических, социально-культурных факторов (Gibbons, 2016; Rubinstein, de Medeiros, 2015). Однако, на наш взгляд, необходимо помнить, что серьезные заболевания и инвалидность могут возникнуть на любом этапе жизненного пути, что лица с ограниченными возможностями благодаря созданию для них «помогающей среды» могут полноценно участвовать в жизни общества и что в целом люди в старших возрастах, учитывая имеющиеся у них ограничения, ориентируясь на собственные предпочтения и желания, используя имеющиеся у них ресурсы и возможности внешней среды, могут благополучно проживать данный период жизни.

Подводя итог, отметим, что каждая из обозначенных концепций описывает механизмы достижения благополучного состояния в старости и/или его составляющие, ориентирована как на процесс, так и на результат, а также отражает взаимосвязь субъективного и объективного восприятия процесса старения. Все рассмотренные концепты во многом схожи и описывают наилучший сценарий старения. По нашему мнению, благополучное (успешное) старение является мультиаспектным феноменом, интегрирующим характеристики, отраженные в содержании других концепций. Его проработка и адаптация с учетом российских реалий и вызовов социально-экономического развития позволит нивелировать дихотомию «нормального» и «аномального» старения, согласовать желания, возможности и ограничения жизнедеятельности населения, стать основой эффективной государственной политики в отношении старения.

Факторы благополучной старости

Для программирования благополучной старости решающее значение имеет определение перечня её факторов, которые поддаются корректировке через управленческие воздействия. В отечественной и зарубежной литературе шире представлены работы, направленные на исследование факторов успешного старения и факторов активного долголетия. Учитывая обозначенную выше взаимосвязь между успешным старением, благополучной старостью и активным долголетием, можно рассматривать предложенные в таких трудах классификации факторов как отправную точку для определения перечня детерминант благополучной старости.

По критерию возможности управления влиянием факторов их можно разделить на поддающиеся внешнему управлению и неуправляемые. К примеру, в работе О.Ю. Стрижицкой и М.Д. Петраш, посвящённой проблеме конструирования *продуктивной старости*, факторы подразделяются на легко моделируемые, условно моделируемые, сложно моделируемые и немоделируемые (Стрижицкая, Петраш, 2022). К первой группе отнесены факторы образа жизни, когнитивные факторы и некоторые факторы, связанные со здоровьем. Ко второй — факторы социального плана, в основе которых лежат личностные особенности. К третьей — фактор пола, отдельные генетические и личностные факторы. Обосновывая свой подход, авторы исследования отмечают, что под конструированием старости они понимают совокупность стратегий по созданию и реализации образа желаемой старости. Именно в этом контексте все факторы рассматриваются ими с точки зрения моделируемости. Моделируемость, в свою очередь, понимается как возможность создания, управления или исключения тех или иных механизмов в зависимости от их роли в конструировании старения. Однако использованный в данном исследовании подход применим только на уровне индивидов, адаптировать его к использованию на макроуровне достаточно сложно.

Поскольку оценить степень изменчивости различных факторов под влиянием управленческих воздействий можно лишь расчётным путём, опираясь на данные массовых социологических и статистических замеров, на этапе разработки концептуальных основ программирования благополучной старости целесообразно обратиться к классификации факторов по природе источников их возникновения. Важно понимать, какие факторы благополучного старения зависят от характеристик самих индивидов и попадают в их «зону ответственности», а какие факторы являются производными от сложившихся институтов общества и попадают в «зону ответственности» государства.

С точки зрения оценки вклада индивидуальных усилий человека и влияния условий среды на достижение благополучной старости все факторы можно разделить на *внутренние* и *внешние*. Подобный подход использовался в исследовании факторов активного долголетия,

выполненном в Вологодском научном центре РАН в 2020–2022 гг. К внутренним факторам активного долголетия были отнесены установки в отношении желаемой и ожидаемой продолжительности жизни, мотивы и практики долголетия; к внешним факторам активного долголетия отнесены инфраструктура, общественное отношение и уровень жизни (Короленко, 2022). Внутренние факторы, в свою очередь, также взаимосвязаны друг с другом. В частности, показано, что на установки в отношении продолжительности жизни и выраженность мотивации к долголетию влияет субъективное ощущение людьми собственной полезности для семьи, общества и государства в целом (Нацун, 2022). В значительной степени выделенные факторы активного долголетия совпадают с факторами благополучного старения.

В отечественных исследованиях преобладают работы, характеризующие влияние факторов индивидуального уровня на достижение активного долголетия, успешное старение. Так, в особую группу можно выделить *поведенческие факторы* благополучной старости, поскольку именно на уровне индивидуальных поведенческих стратегий определяется то, как именно люди распоряжаются имеющимися ресурсами и каких результатов они достигают в отношении собственного благополучия в разных сферах жизни. Индивидуальные жизненные сценарии формируют актуальный собирательный образ старости. Согласно результатам социологического исследования опыта долгожителей Вологодской области, сохранение активности до глубокой старости сопряжено с целым рядом *поведенческих факторов*. Среди них на первый план выходят физическая активность, сбалансированное питание, правильный режим дня, отсутствие вредных привычек, вовлечённость в общественную жизнь, широта социальных связей, высокая трудовая активность, «анти-изживенческий» тип поведения, целеустремлённость, стрессоустойчивость (Калачикова и др., 2016). Интерпретируя полученные данные в контексте результатов российских и зарубежных исследований, можно отметить, что они подтверждают верность предположения о более высокой (избирательной) выживаемости наиболее благополучных представителей старших поколений.

Демографические факторы, такие как пол, возраст и наличие других членов семьи, оказывают влияние не только на удовлетворённость индивидов различными аспектами своей жизни, но и непосредственно на объективные показатели, характеризующие отдельные компоненты активного долголетия и качества жизни в пожилом возрасте (Касьянова и др., 2023). Демографические факторы практически не поддаются корректировке. Как правило, можно лишь снизить риски, которыми сопровождается их влияние. К примеру, возраст выступает фактором риска увеличения числа хронических заболеваний. Исключить влияние данного фактора невозможно, однако можно предусмотреть меры, направленные на более своевременное выявление первых симптомов опасных заболеваний и их более эффективное лечение.

В рамках психологического подхода к исследованию старения акцент делается на роли *личностных факторов* в достижении благополучной старости. Предлагается, к примеру, рассматривать успешное старение как результат реализации индивидом стратегии адаптации к старости, включающей спектр поддерживающих факторов. К ним относятся социальная поддержка, участие в совместной деятельности, общение с друзьями и близкими, наличие общих целей с другими членами семьи, принятие старости и осознанный выбор способов проживания этого возрастного этапа, способность контролировать свою жизнь (Черенева и др., 2021). Отдельно рассматривается влияние личностных факторов на психологическую составляющую благополучия. Так, в работе Г.И. Борисова выявлены следующие факторы психологического благополучия в пожилом возрасте: проявление человеком своей субъектности, позитивное отношение к другим людям и окружающему миру, стремление к собственному развитию, наличие жизненного смысла, ценность взаимодействия (Борисов, 2019). Следует отметить, что в рамках психологических исследований понятие «успешное старение» напрямую соотносится с понятием «субъективное благополучие» и рассматривается как опыт позитивного переживания индивидом собственной значимости, удовлетворения прожитой жизнью и самим собой (Александрова, 2000).

Несмотря на широкое обсуждение индивидуальных факторов активного долголетия и успешного старения, лишь единичные работы отечественных авторов направлены на систематизацию данных о реализуемых индивидами стратегиях активного долголетия. Так, в работе Н.Н. Чаусова и Н.Ю. Чаусова предложена ситуационная матрица стратегий активного долголетия, разработанная на основе положений теории управленческих решений и институционального подхода, практическое применение которой возможно в рамках реализации государственной политики активного долголетия (Чаусов, Чаусов, 2020).

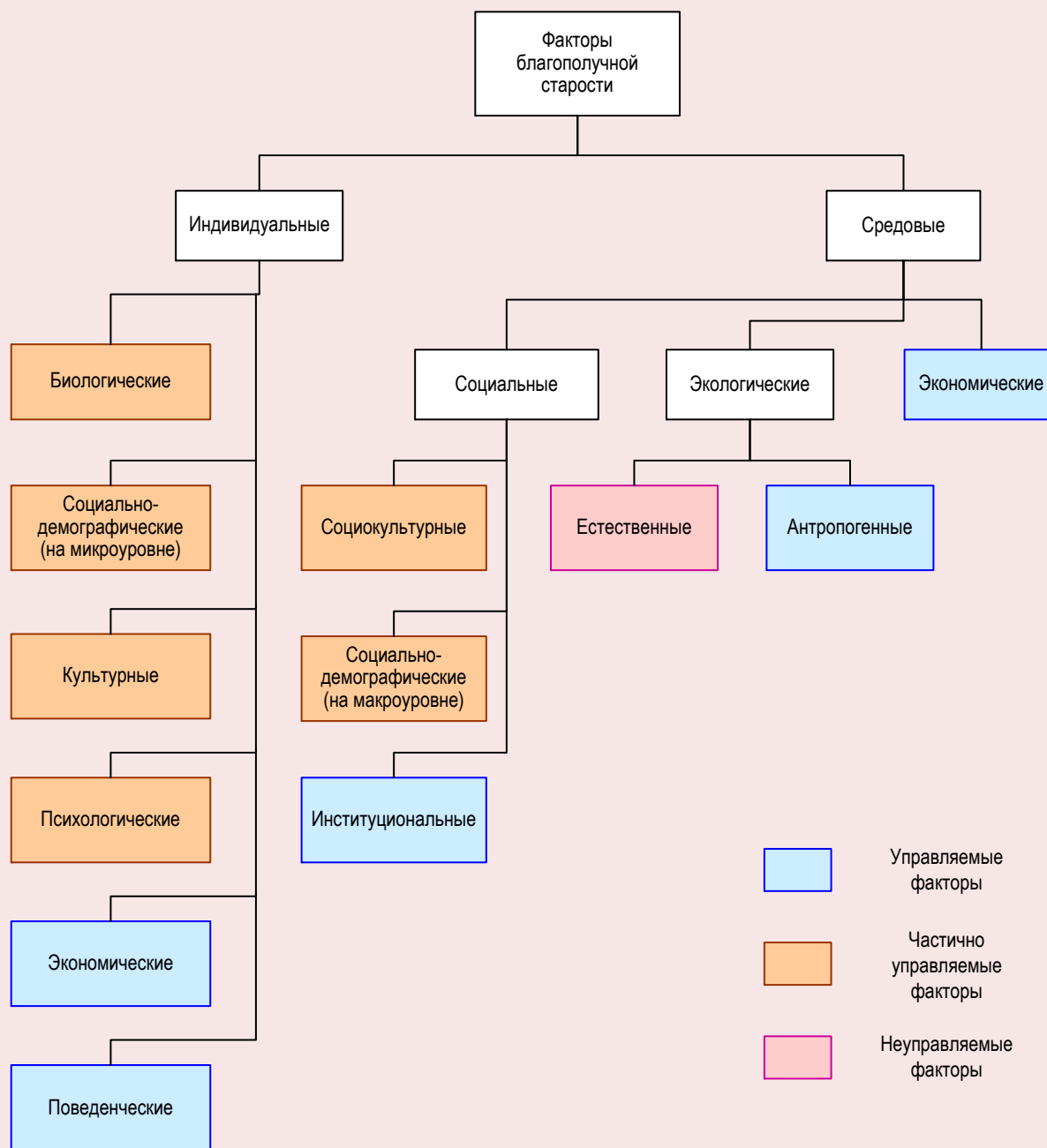
Корреляционные взаимосвязи могут наблюдаться и между отдельными показателями благополучного старения. В частности, в геронтологических исследованиях уделяется внимание соотношению между *состоянием здоровья* пожилых и *продолжением трудовой деятельности* после достижения пенсионного возраста. Зарубежными авторами получены эмпирические данные о положительной взаимосвязи трудовой деятельности и здоровья пожилых работников (Minami et al., 2015). С другой стороны, в рамках российских социологических исследований показано, что среди работников пенсионного возраста самооценка здоровья выше по сравнению с их неработающими сверстниками (Короленко, Барсуков, 2017). Это указывает, что здоровье детерминирует уровень работоспособности и сохранения профессиональных навыков, что непосредственно влияет на возможность продолжения трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста (Анищенко и др., 2022). Поэтому более корректно рассматривать состояние здоровья как фактор продления трудовой деятельности в старшем возрасте.

На основе проведённого обзора российских и зарубежных исследований можно классифицировать факторы благополучной старости по их источникам на индивидуальные, то есть зависящие от характеристик конкретных индивидов, и средовые, к которым относятся все внешние по отношению к индивидам воздействия (*рисунок*). К числу *индивидуальных факторов* можно отнести биологические характеристики (текущее объективное состояние здоровья и наследственность), социально-демографические

характеристики (пол, возраст, семейное положение, местность проживания, уровень образования), психологические характеристики (установки в отношении продолжительности жизни, мотивы долголетия, личностные черты), поведение (медицинская активность, образ жизни,

финансовое поведение), культурные характеристики (усвоенные ценности и традиции), экономические характеристики (источники доходов, статус на рынке труда, характер труда на основном месте работы, трудовой стаж, профессия, сфера занятости).

Классификация факторов благополучной старости

Источник: составлено авторами.

К числу *средовых факторов* относятся экономические, социальные и экологические факторы. *Экономические факторы* включают наличие доступных рабочих мест, потребность организаций в рабочей силе, стратификацию населения по доходным группам, развитие секторов потребительского рынка, ориентированных на спрос со стороны пожилых граждан, наличие инфраструктуры, учитывающей потребности пожилых граждан, доступность продуктов и услуг, облегчающих использование цифровых технологий старшим поколением, бюджет (его достаточность), инфляцию (доступность услуг). *Экологические факторы* можно условно подразделить на естественные (климатические и географические условия в месте проживания) и антропогенные (характер застройки и озеленения в городах, уровень шума, качество питьевой воды и атмосферного воздуха в населённых пунктах). *Социальные факторы*, в свою очередь, включают *институциональные* (качество нормативно-правовой базы, регулирующей социальную политику, качество и доступность для населения услуг в сферах здравоохранения, социальной защиты, образования, содействия занятости, устойчивость пенсионной системы и финансовой системы в целом), *социокультурные* (отношение общества к пожилым гражданам, социальные нормы в отношении оценки вклада старшего поколения в жизнь общества) и *социально-демографические* (текущее соотношение численности возрастных групп населения, гендерный разрыв в продолжительности жизни).

Концепт «благополучной старости»

Предваряя описание авторского концепта «благополучной старости», следует несколько слов сказать о самом благополучии. Понятие «благополучие» включает элементы, которые обеспечивают индивиду способность жить полноценной для него жизнью (Рязанцев, Мирязов, 2021). Обычно выделяют пять аспектов благополучия населения: физическое (физическое здоровье), материальное (доходы и благосостояние), социальное (социальные отношения), эмоциональное (отсутствие депрессии), развитие и активность (работа и свободное время) (Кислицына, 2016). Наполнение понятия «благополучие» будет значительно различаться от человека к человеку.

«В современном обществе старение становится не только социально обусловленным процессом, но и в значительной степени индивидуально конструируемым» (Григорьева и др., 2023). Поэтому основанием авторского концепта «благополучной старости» является выделение двух уровней — благополучной старости индивида и благополучной старости общества, т. е. разделение личной и государственной ответственности. В таком понимании благополучная старость индивида (микроуровень) связана с удовлетворенностью и реализацией тех сфер, которые важны именно для него (для одного — это работа и признание в социуме, для другого — здоровье и собственные увлечения, для третьего — жизнь ради семьи и близких, иногда в ущерб собственному состоянию). Здесь благополучная старость является жизненной целью человека и предполагает не формальное продление жизни и дожитие, а её качественное наполнение важными для него активностями и смыслами.

Благополучная старость для общества (макроуровень) состоит в эффективном использовании «ресурсов» на благо общественного социально-экономического развития (продолжение трудовой активности лиц старшего возраста для производства добавочного продукта; более продолжительная здоровая жизнь и, как следствие, оптимизация затрат на социальные услуги и медицинскую помощь; стимулирование активного потребления пожилых за счет развития кредитных программ и специальных финансовых продуктов и пр.). Здесь благополучная старость выступает результатом социальной политики. Важно понимать, что благополучная старость на макроуровне не является прямым отождествлением суммы индивидуальных состояний; она скорее отражает успешность/неуспешность регулирующих воздействий государства в отношении обеспечения условий для реализации возможностей людей на их жизненном пути.

Управление процессом достижения благополучной старости на индивидуальном уровне должно быть построено на эффективном использовании имеющихся ресурсов. В этом плане наиболее подходящей представляется модель СОК, предложенная М. Балтес и П. Балтесом (СОК — селекция, оптимизация, компенсация). Модель селективной оптимизации и компенсации Балтесов акцентирует внимание на том, что

проактивная деятельность, направленная на предотвращение потенциальных угроз жизненным целям, является ценной стратегией благополучного старения. Благополучное старение с позиции данного подхода представляет собой такой «уровень жизнедеятельности, который позволяет человеку стремиться к достижению личных целей и поддерживать определенные стандарты, что в значительной степени является результатом успешного управления внутренними и внешними ресурсами на протяжении всей его жизни» (Freund, 2008).

Согласно модели, человек выбирает сферы жизни, которые имеют для него приоритетное значение, и сосредотачивает (оценивает, приобретает, накапливает) свои ресурсы, максимизируя свои преимущества и компенсируя текущие потери, чтобы обеспечить поддержание оптимального функционирования. При этом целеполагание (селекция) играет ключевую роль, поскольку выбор целей, направленных на согласование имеющихся ресурсов и потребностей в условиях сокращения первых и трансформации вторых, определяет последующие стратегии поведения в отношении достижения благополучной старости. Значимым аспектом на этапе оптимизации выступает получение новых или активация еще неиспользуемых внешних или внутренних ресурсов, способствующих достижению поставленных целей. Далее используются стратегии компенсации потерь в выбранных областях для адаптации к происходящим изменениям и создания благоприятной среды для жизнедеятельности (Freund, Baltes, 2002). В то же время государство и общество вносят основной вклад в обеспечение этих условий, способствующих процессам оптимизации, предоставляя возможности для приобретения необходимых людям ресурсов и компенсации потерь (Baltes, Carstensen, 1996).

Категория «благополучное старение» является комплексной, поскольку включает не только представления о продлении периода активной, продуктивной жизни индивидов, о сохранении ими возможностей для реализации собственного человеческого потенциала, но и оценки удовлетворённости индивидов различными другими сторонами своей жизни в старшем возрасте. Результатом благополучного старения выступает достижение благополучной старости.

Благополучная старость – состояние наиболее полного благополучия в старшем возрасте, которое детерминируется возможностями представителей старшего поколения оптимально реализовывать свой жизненный потенциал в экономической, социальной, социокультурной и личностной сферах жизни в соответствии с собственными интересами и с учетом наличия необходимых ресурсов и возможностей внешней среды. Это состояние характеризуется сохранением способности и возможности социального функционирования и реализации человеческого потенциала индивидов (при рассмотрении данного понятия на индивидуальном уровне) или старшего поколения в целом (при рассмотрении данного понятия на макроуровне). Компонентами благополучной старости выступают материальное благополучие, физическое благополучие (хорошее здоровье и контроль заболеваний в старшем возрасте), социальное благополучие (включённость в социальные взаимодействия), деятельностное благополучие (наличие способностей и возможностей развития и реализации своего человеческого потенциала в различных видах деятельности), психологическое благополучие (конструктивное восприятие себя и окружающей действительности, наличие установки на долголетие, ощущение контроля над собственной жизнью, внутренний локус контроля). Ядром концепта благополучной старости должны быть представления индивидов о своей жизни и проективный взгляд в будущее, которые позволят учесть меняющийся социально-экономический контекст и потребности нового поколения пожилых граждан. Таким образом будет обеспечена синергия индивидуальной ответственности и личностных стратегий в достижении собственного благополучия со структурными факторами, продуцируемыми в рамках государственной политики и определяющими возможности и ресурсы для реализации этих стратегий.

Концептуальные основы политики в области благополучного старения

Обеспечение благополучной старости своих граждан – одно из фундаментальных обязательств социального государства. Политика в области благополучного старения должна быть эволюционирующей в том смысле, что должна обеспечивать возможность длительного устой-

чивого развития социально-экономических систем с сохранением гарантий благополучия в старости для нынешних и будущих поколений. В свою очередь представления индивидов о благополучной старости во многом формируются под влиянием их ожиданий в отношении государственных гарантий, на которые они могут претендовать по достижении старшего возраста. При этом «идеальный» образ благополучной старости, складывающийся в представлениях каждого нового поколения, опирается на опыт предшествующих поколений. Таким образом, представления населения о благополучной старости в значительной степени инерционны. Поэтому любое сокращение объёма государственных гарантий в сфере благополучного старения, как правило, будет встречать негативную реакцию со стороны населения. Данное обстоятельство объясняет, почему необходимо избегать резкого и недостаточно аргументированного сокращения государственных гарантий в этой сфере.

Для того чтобы избежать возможных издержек, связанных с пересмотром государственной политики в области благополучного старения, в ней должны быть заранее предусмотрены механизмы разделения ответственности за достижение благополучной старости (между государством и гражданами), инструменты, позволяющие проводить гибкую донастройку системы обеспечения основных гарантий в области благополучного старения, а также элементы гражданского (общественного) контроля качества государственного управления.

Программирование благополучной старости как процесс обеспечения благополучного старения населения страны. Цикл управления благополучным старением можно разделить на четыре этапа. *Первый этап — концептуализация государственной политики в сфере благополучного старения.* На этом этапе формулируются цели госполитики и ставятся её основные задачи на кратко-, средне- и долгосрочный период, определяется перечень целевых индикаторов для контроля их выполнения, устанавливаются плановые значения выбранных целевых индикаторов. Применительно к тематике благополучного старения целеполагание подразумевает выбор критериев благополучного старения (и благополучной старости), которые будут приемлемы не только для государства, но и для

его граждан. Для этого необходимо теоретико-методологическое и методическое сопровождение данного процесса, которое будет направлено на выявление актуального социального запроса (в разрезе отдельных поколений и социально-демографических групп населения) в отношении благополучной старости, а также на оценку соответствия ему реального положения современного старшего поколения.

Вторым этапом управления выступает собственно программирование благополучной старости. Если говорить об этом процессе на уровне населения в целом, то в рамках государственной политики программирование благополучной старости предполагает разработку пошагового алгоритма действий, направленных на достижение определённой социально-демографической группой состояния наиболее полного благополучия в старшем возрасте посредством регулирования влияния на неё управляемых факторов благополучного старения. На этапе программирования происходят подготовка, публичное обсуждение и принятие государственных программ в области благополучного старения на федеральном и региональном уровнях. Разработанные программные документы должны быть направлены на создание (или совершенствование) механизмов, среды и инструментов, позволяющих корректировать влияние факторов различной природы на целевые показатели благополучного старения населения.

Теоретико-методологическими предпосылками реализации данного этапа выступают выявление ключевых управляемых факторов благополучного старения, составление теоретической (концептуальной) модели воздействия конкретных факторов на показатели благополучного старения, прогнозирование отклика управляемых факторов на корректирующие управленческие воздействия, разработка методического инструментария комплексной оценки основных показателей благополучного старения.

Программирование собственной благополучной старости в той или иной мере осуществляют сами индивиды. Основные отличия здесь состоят в том, что индивиды руководствуются собственным представлением о желаемом образе благополучной старости, а также могут более гибко реагировать на меняющиеся внешние условия и быстрее перестраивать собственную линию поведения.

Очевидно, что целевые ориентиры при программировании благополучной старости на уровне государства и на уровне отдельного индивида могут кардинально различаться. Соответственно, будут наблюдаться расхождения и в самих программах, которые могут создавать условия для возникновения конфликта интересов. Потенциально здесь возникает риск неполучения ни одной из сторон того результата реализации своей программы, на который они рассчитывали. Для государства последствиями такого исхода могут стать экономические и политические издержки, а для индивида — снижение субъективно воспринимаемого благополучия вследствие неудовлетворённости различными сторонами своей жизни. В связи с этим важнейшим условием результативности государственной политики в области благополучного старения выступает учёт желаемого образа благополучной старости, который складывается у представителей разных поколений населения.

Третий этап управления благополучным старением — реализация ранее разработанных государственных программ. Ключевые задачи данного этапа — обеспечение выполнения мероприятий государственных программ и достижение плановых значений индикаторов благополучного старения населения, в том числе обеспечение наиболее полного охвата его целевых категорий соответствующими адресными мероприятиями госпрограмм. Аналитическое сопровождение обсуждаемого этапа предполагает выделение наиболее востребованных мер государственной политики, выявление причин отклонения уровня охвата населения мерами государственной политики от заданных плановых значений, оценку релевантности реализуемых мер актуальному социальному запросу в области благополучного старения.

Четвёртый этап управления — контроль достижения поставленной цели и выполнения задач государственных программ. Основное содержание работ на этом этапе сводится к выполнению сравнительной оценки плановых и текущих значений целевых индикаторов благополучного старения, результат которой позволяет судить об успешности, эффективности проводимой государственной политики. По результатам текущего контроля не толь-

ко могут вноситься корректировки в процесс реализации государственных программ, но и сами программы подвергаться содержательному пересмотру.

На наш взгляд, политика по управлению процессом старения (в направлении обеспечения благополучной старости) должна создавать условия и возможности для реализации тех потребностей, которые важны для граждан старшего возраста, обеспечить работающие механизмы по улучшению жизненных условий и предоставить альтернативу тем, кто по каким-то причинам ущемлен в здоровье, трудовой деятельности, общении и т. д. Кроме того, в политике не должен конструироваться однозначный образ пожилого человека ни как активно функционирующего энергичного индивида с большим числом активностей и отличным здоровьем, ни как пассивного получателя социальной помощи. Важным аспектом является учет необходимости человека адаптироваться к возрастным изменениям, следовательно, дальновидным решением будет проработка политики по управлению процессом старения с ориентацией на все возрастные группы. Как отмечает К. Boudiny, существует разница между «политической повесткой дня, ориентированной на старение, и повесткой дня, сосредоточенной лишь на пожилых людях» (Boudiny, 2013).

Заключение

Старение населения как результат повышения продолжительности жизни и снижения рождаемости является главной глобальной демографической тенденцией современности и одним из ключевых вызовов для экономики и общественного развития. Причем темпы старения населения в настоящее время растут. В итоге все страны сталкиваются с серьезными проблемами, связанными с ростом нагрузки на системы здравоохранения, социальной защиты и пенсионного обеспечения, сокращением предложения труда, замедлением экономического роста и т. д. Глобализация, урбанизация, миграция и другие тренды оказывают прямое и косвенное влияние на жизнь пожилых людей. Это, в свою очередь, приводит к потребности в дополнительной адаптации данной категории населения как к традиционным, так и к новым для нее вызовам (эпидемиологический, цифровой, геополитический и др.).

Несмотря на то, что в настоящее время насчитывается множество разнообразных теорий старения, обсуждение сущности и критериев старения в академическом дискурсе продолжается. Представляется, что одной из наиболее перспективных в плане изучения данного явления выступает теория благополучного старения. Она весьма востребована международными организациями и правительствами разных стран, так как одним из последствий ее реализации на практике становится оптимизация расходов в социальной сфере. Кроме того, благополучное (успешное) старение рассматривается специалистами как плодотворная современная методология с точки зрения уровня развития толерантности и светской культуры. В то же время, учитывая новые вызовы, а также тот факт, что современное население старшего возраста уже в недалекой перспективе будет значительно отличаться от будущих старших поколений (в социокультурном, профессиональном смысле), теория благополучного старения и соответствующие практические механизмы и инструменты социальной политики нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

Категория «благополучное (успешное) старение» (и её целевой ориентир – благополучная старость), введенная в научный оборот во второй половине XX века, служит своеобразным организующим концептом, связывающим экономику, систему социальной поддержки, медицину, общественное здравоохранение и геронтологию, культуру и общественность. При этом ни в исследовательской, ни в управленческой практике нельзя отказаться от двойственной природы термина «благополучие» – во-первых, это психологическая сторона, отражающая субъективное восприятие человеком своего места в общественной структуре, и социально-экономическая сторона, отражающая объективную оценку жизненной ситуации населения и формируемая в результате действия различных институтов. В связи с этим для управления процессом благополучного старения представляется значимой разработка соответствующей социальной политики, принимающей во внимание современные сценарии старения и концептуальные рамки ее построения, обозначенные в исследовании.

Литература

- Александрова Н.Х. (2000). Особенности субъектности человека на поздних этапах онтогенеза // Развитие личности. № 3–4. С. 101–125.
- Анищенко Е.Б., Транковская Л.В., Важенина А.А., Тарасенко Г.А. (2022). Состояние здоровья как фактор, влияющий на трудовую деятельность работающих лиц пожилого возраста // Медицина труда и промышленная экология. Т. 62. № 5. С. 311–321. DOI: 10.31089/1026-9428-2022-62-5-311-321
- Антонов А.И., Назарова И.Б., Карпова В.М., Ляликова С.В. (2023). Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие // Народонаселение. Т. 26. № 3. С. 131–143. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.11
- Барсуков В.Н. (2019). От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 4. С. 167–182.
- Борисов Г.И. (2019). Личностные факторы достижения психологического благополучия людьми пожилого возраста // Новое в психолого-педагогических исследованиях. № 1 (53). С. 53–62.
- Видясова Л.А. (2023). Активное и отложенное старение в оценках пожилых (по данным пилотного исследования в Санкт-Петербурге) // Журнал исследований социальной политики. № 21 (3). С. 485–502. DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-3-485
- Видясова Л.А., Григорьева И.А., Кривошапкина А.С. (2024). Карьерные ожидания пожилых в России: на основе анализа базы резюме с портала Роструда «Работа России» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 26–47. DOI: 10.14515/monitoring.2024.1.2430
- Вишневский А.Г. (1976). Демографическая революция. М.: Статистика. 239 с.
- Галкин К.А. (2023). Особенности отложенного старения в постковидном мире. Обзор исследований // Социальное пространство. Т. 9. № 2. DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.2. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29641>

- Головей Л., Стрижицкая О., Криулина А. (2014). Позитивное функционирование личности в пожилом возрасте: комплексный подход. Психологические исследования. № 7 (36). DOI: 10.54359/ps.v7i36.607
- Голубева Е.Ю., Соловьев А.Г. (2023). План Декады здорового старения 2020–2030 Всемирной организации здравоохранения: обзор концепций политики в контексте развития геронтологии // Экология человека. Т. 30. № 7. С. 499–508. DOI: 10.17816/humeco568625
- Горошко Н.В., Пацала С.В. (2021). «Серебряная экономика» как новый тренд мирового развития в условиях глобального старения населения // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. № 2. С. 198–218. DOI: 10.15593/2224-9354/2021.2.15
- Григорьева И.А., Келасьев В.Н. (2017). Архаические стереотипы и новые сценарии понимания старения // Успехи геронтологии. № 2. С. 243–247.
- Григорьева И.А., Парфенова О.А., Галкин К.А. (2023). Конференция «Продленная взрослость / отложенное старение во времена постковида и неопределенности» // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 26. № 1. С. 256–260. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.10
- Доброхлеб В.Г. (2022). Демографическое старение в России и новая социальная реальность. Народонаселение. № 25 (2). С. 66–76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6
- Евсеева Я.В. (2011). Концепции успешного старения в социальной геронтологии // Социологический ежегодник. Т. 2011. С. 281–292.
- Евсеева Я.В. (2020а). Будини К. «Активное старение»: от пустой риторики к эффективному инструменту социальной политики (Реферат) // Успешное старение: социологические и социogerонтологические концепции: сборник научных трудов. Серия: Теория и история социологии / отв. редакторы Я.В. Евсеева, М.А. Ядова. М.: ИНИОН РАН. С. 68–75.
- Евсеева Я.В. (2020б). Теория успешного старения: Современные исследования: Введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. № 1. С. 6–13. DOI: 10.31249/rsoc/2020.01.01
- Калачикова О.Н., Барсуков В.Н., Короленко А.В., Шулепов Е.Б. (2016). Факторы активного долголетия: итоги обследования вологодских долгожителей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5. С. 76–94. DOI: 10.15838/esc/2016.5.47.4
- Касьянова Т.И., Воронина Л.И., Зайцева Е.В. (2023). Активное долголетие: возможности, жизненные установки и социальные практики пожилых // Социальное пространство. Т. 9. № 2. DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.3
- Кислицына О.А. (2016). Измерение качества жизни/благополучия: международный опыт. М.: Институт экономики РАН. 62 с.
- Козлова О.А., Секички-Павленко О.О. (2022). Теоретические основания определения возрастных границ и возрастной структуры населения в контексте демографического старения // Alter Economics. Т. 19. № 3. С. 442–463. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-3.3
- Короленко А.В. (2022). Активное долголетие в жизненных практиках населения Вологодской области // Социальное пространство. Т. 8. № 1. DOI: 10.15838/sa.2022.1.33.2
- Короленко А.В., Барсуков В.Н. (2017). Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. № 4. С. 643–657.
- Нацун Л.Н. (2022). Оценка взаимосвязи жизненных установок населения с представлениями об активном долголетии // Социальное пространство. Т. 8. № 2. DOI: 10.15838/sa.2022.2.34.2
- Рязанцев С.В., Мирязов Т.Р. (2021). Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 1. № 4. С. 5–19. DOI: 10.19181/demis.2021.1.4.1
- Садькова Н.Т. (2017). Старость как новая ступень человечества // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. № 2 (34). С. 53–56.
- Сергеева О.В. (2012). Социология старения и возрастного неравенства (обзор западных концепций) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. № 2 (17). С. 74–79.

- Стрижицкая О.Ю., Петраш М.Д. (2022). Конструирование продуктивной старости: биологические, психологические и средовые факторы // Консультативная психология и психотерапия. Т. 30. № 1. С. 8–28. DOI: 10.17759/cpp.2022300102
- Чаусов Н.Ю., Чаусов Н.Н. (2020). К вопросу о стратегиях активного долголетия людей старшего поколения // Российский экономический вестник. Т. 3. № 4. С. 195–199.
- Черенева Е.А., Сафонова Л.М., Потылицина В.Ю., Черенев Д.В. (2021). Психолого-педагогическое сопровождение людей пожилого возраста как фактор успешного старения // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). № 4 (58). С. 54–62. DOI: 10.25146/1995-0861-2021-58-4-303
- Baltes M.M., Carstensen L.L. (1996). The process of successful ageing. *Ageing and Society*, 16, 397–422.
- Baltes P.B., Baltes M.M. (1990). Psychological perspectives on successful aging: The model of selective optimization with compensation. In: Baltes P.B., Baltes M.M. (Eds.). *Successful Aging: Perspectives from the Behavioural Sciences*. New York: Cambridge University Press.
- Boudiny K. (2013). “Active ageing”: From empty rhetoric to effective policy tool. *Ageing and Society*, 33(6), 1077–1098. DOI: 10.1017/S0144686X1200030X
- Bowling A. (1993). The concepts of successful and positive ageing. *Family Practice*, 10(4), 449–453. DOI: 10.1093/fampra/10.4.449
- Curb J.D., Guralnik J.M., LaCroix A.Z. et al. (1990). Effective aging meeting the challenge of growing older. *Journal of the American Geriatrics Society*, 38(7), 827–828. DOI: 10.1111/j.1532-5415.1990.tb01478.x
- Freund A.M. (2008). Successful aging as management of resources: The role of selection, optimization, and compensation. *Research in Human Development*, 5(2), 94–10. DOI: 10.1080/15427600802034827
- Freund A.M., Baltes P.B. (2002). Life-management strategies of selection, optimization, and compensation: Measurement by self-report and construct validity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 82, 642–662.
- Gibbons H.M. (2016). Compulsory youthfulness: Intersections of ableism and ageism in ‘successful aging’ discourses. *Review of Disability Studies: An International Journal*, 12(2&3), 70–88. DOI:10.1080/13569783.2017.1326806
- Greve W., Staudinger U.M. (2015). Resilience in later adulthood and old age: Resources and potentials for successful aging. *Developmental Psychopathology: Volume Three: Risk, Disorder, and Adaptation*, 796–840. DOI: 10.1002/9780470939406.ch21
- Havighurst R.J. (1963). Successful aging. *Processes of Aging: Social And Psychological Perspectives*, 1, 299–320.
- Kahana E., Kahana B. (1996). Conceptual and empirical advances in understanding well-being through proactive adaptation. In: Bengtson V. (Ed.). *Adulthood and Aging: Research on Continuities and Discontinuities*. New York: Springer.
- Kerschner H., Pegues J.A. (1998). Productive aging: A quality of life agenda. *Journal of the American Dietetic Association*, 98(12), 1445–1448. DOI: 10.1016/S0002-8223(98)00327
- Liang J., Luo B. (2012). Toward a discourse shift in social gerontology: from successful aging to harmonious aging. *Journal of Aging Studies*, 26(3), 327–334. DOI: 10.1016/j.jaging.2012.03.001
- Minami U., Nishi M., Fukaya T. et al. (2015). Effects of the change in working status on the health of older people in Japan. *PloS One*, 10(12), e0144069. DOI: 10.1371/journal.pone.0144069
- Moody H.R. From successful aging to conscious aging (2005). In: Wykle M., Whitehouse P., Morris D. (Eds.). *Successful Aging through the Life Span: Intergenerational Issues in Health*. New York: Springer.
- Nizamova A. (2020). Normativity and the aging self: “Active longevity” media discourse in contemporary Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 12(2), 45–67. DOI: 10.25285/2078–1938–2020–12–2–45–67
- Notestein F.W. (1945). *Population. The Long View. Food for the World*. University of Chicago Press.
- Rowe J.W., Kahn R.L. (1987). Human aging: Usual and successful. *Science*, 237(4811), 143–149.
- Rubinstein R.L., de Medeiros K. (2015). “Successful aging,” gerontological theory, and neoliberalism: A qualitative critique. *The Gerontologist*, 55(1), 34–42. DOI: 10.1093/geront/gnu080
- Ryff C.D., Singer B.H. (2008). Know thyself and become what you are: A eudaimonic approach to psychological well-being. *Journal of Happiness Studies*, 9(1), 13–39.
- Sidorenko A., Zaidi A. (2013). Active ageing in CIS countries: Semantics, challenges, and responses. *Current Gerontology and Geriatrics Research*, 1, 1–17. DOI:10.1155/2013/261819

Сведения об авторах

Галина Вадимовна Белехова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Лейла Натиговна Нацун – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Татьяна Сергеевна Соловьева – старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: solo_86@list.ru)

Belekhova G.V., Natsun L.N., Soloveva T.S.

Prosperous Old Age: From Scientific Theories to the Fundamentals of Its Programming

Abstract. In most countries, due to changes in the age structure of their population caused by the global process of demographic aging, discussions have been held for many decades about the essence of the aging process itself and the mechanisms of adaptation of society to the ongoing changes. The multidimensional nature and complexity of aging, in which biological, age-related, socio-cultural, economic and psychophysiological transformations are intertwined, are repeatedly emphasized. A universal understanding of aging cannot be developed, but each country needs its own aging concept in order to provide for a full-fledged and decent life of older adults. The aim of the study is to generalize conceptual approaches to understanding aging and systematize its factors; this will allow us to conceptualize prosperous old age as a basis for effective public policy in the field of aging. Theoretical basis of the study includes foreign and Russian works on demographic aging. We elaborate on the conceptual framework used in the research and on the relations between key categories; generalize relevant aging concepts and highlight a theoretical basis for our approach; systematize factors contributing to the process of successful aging; provide our own view of the term “prosperous old age” and the conceptual framework of governmental policy on its basis. Scientific novelty of the research consists in the fact that we elaborate on the concept of prosperous old age and substantiate ways to formalize it in modern institutions and tools of social policy. The results obtained can provide a theoretical basis and contribute to the further development of Russian research on successful aging.

Key words: aging, old age, prosperous old age, successful aging, concept, successful aging factors, programming old age.

Information about the Authors

Galina V. Belekhova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Leila N. Natsun – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Tatiana S. Soloveva – Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: solo_86@list.ru)

Статья поступила 25.03.2024.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.13

УДК 314.154, ББК 60.7

© Мищук С.Н., Ли Шуай, У Бинь

Трансформация демографической политики в северо-восточных провинциях Китая на современном этапе

Светлана Николаевна

МИЩУК

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

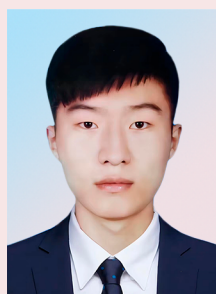
Москва, Российская Федерация

Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН

Биробиджан, Российская Федерация

e-mail: svetamic79@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8117-6352; ResearcherID: B-2042-2014

ЛИ ШУАЙ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

e-mail: 1114925651@qq.com

ORCID: 0000-0002-7935-8368

У БИНЬ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

e-mail: 778528706@qq.com

ORCID: 0000-0001-9256-0854

Для цитирования: Мищук С.Н., Ли Шуай, У Бинь (2024). Трансформация демографической политики в северо-восточных провинциях Китая на современном этапе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 239–252. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.13

For citation: Mishchuk S.N., Li Shuai, Wu Bin (2024). Demographic policy transformation in the Northeastern provinces of China at the present stage. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(2), 239–252. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.13

Аннотация. Северо-восточные провинции Китая являются стратегическими территориями с геополитической точки зрения, что определяет значимость и актуальность исследования характерных для них тенденций рождаемости и направлений планирования семьи. Происходящие здесь демографические процессы в целом соответствуют общим тенденциям по Китаю, однако большинство показателей ниже, чем в других районах. Основная задача исследования – выявление особенностей демографических процессов и направлений реализации демографической политики в северо-восточных провинциях Китая (Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян) в XXI веке. Исследование основано на анализе результатов Всекитайской переписи населения (2000, 2010 и 2020 гг.), нормативно-правовых документов, регламентирующих политику рождаемости и планирования семьи. Показано, что в северо-восточных провинциях отмечается максимальная доля семей с одним ребенком, доля семей с двумя детьми в два раза ниже среднего показателя по Китаю. На треть снизилась численность женщин фертильного возраста, повышается средний возраст женщин, вступивших в первый брак. Выявлено, что после либерализации политики рождения двух детей в Китае система планирования семьи включает используемые ранее меры поддержки пожилых людей и семей с одним ребенком, а также новые методы поддержки рождаемости. Несмотря на формирование единой всекитайской модели поддержки рождаемости, на уровне провинций различия касаются в первую очередь системы вознаграждения и социального обеспечения населения. Для северо-восточных провинций определены более продолжительные сроки отпусков по беременности и родам, включены дополнительные выплаты за рождение детей в приграничных регионах.

Ключевые слова: Северо-Восточный Китай, провинция, рождаемость, демографическая политика, семейная политика, поддержка рождаемости, планирование семьи.

Введение

На 20-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая президент Си Цзиньпин отметил: «Население является главным элементом развития. Развитие страны неотделимо от народа»¹. По данным опроса Национальной комиссии здравоохранения в 2021 году, в Китае будет продолжаться сокращение числа желаемых и ожидаемых детей².

На Северо-Востоке Китая демографические показатели уступали средним значениям по стране, негативные тенденции в уровне рождаемости отмечались еще в конце XX века. С момента реализации в Китае Программы 2015 года, позволяющей рождение двух детей, уровень рождаемости на Северо-Востоке Китая был также ниже среднего уровня по стране. Политика была направлена на ограничение

роста численности населения в долгосрочной перспективе, что объясняет незначительный эффект после ее принятия (Ван, 2018).

С учетом специализации Северо-Востока Китая на сельскохозяйственном производстве в публикациях китайских авторов отмечается негативное влияние демографических процессов на долгосрочное экономическое и социальное развитие региона, а также на национальную продовольственную безопасность (Zhou, Zhang, 2022). В своем исследовании С.Б. Макеева (Макеева, 2023) подчеркивает, что комплекс причин, включающий природно-климатические условия, характер изменения промышленности, исторические особенности развития, оказал влияние на формирование негативных демографических процессов в провинции Хэйлунцзян.

Jiang Yu (Jiang Yu, 2016) кроме естественной убыли населения отмечает влияние миграции на снижение численности населения. Исследование мобильности населения северо-восточных провинций Китая, включающее 593,4 тыс. респондентов, показало формирование миграционного прироста в провинции

¹ 20-й Национальный съезд Коммунистической партии Китая. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/202210/t20221025_10791901.html (дата обращения 29.12.2023).

² Напишите новую главу в работе в области народонаселения в новую эпоху. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2022-08/01/c_1128878530.htm (дата обращения 19.01.2024).

Ляонин при миграционном оттоке из провинций Цзилинь и Хэйлуцзян. Миграционная убыль населения в трудоспособном возрасте приводит к снижению рождаемости в двух провинциях.

Среди причин низкого уровня рождаемости в Северо-Восточном Китае Hou Li выделяет изменения в уровне рождаемости этнических меньшинств, проживающих в данном регионе. В 1989 году средний совокупный коэффициент рождаемости этнических меньшинств в целом по Китаю был равен 2,88, в то время как коэффициент рождаемости этнических меньшинств на Северо-Востоке составлял 1,93. В соответствии с правилами планирования семьи Северо-Восточного региона только в провинции Цзилинь представителям этнических меньшинств разрешалось иметь двух детей, в то время как в провинциях Ляонин и Хэйлуцзян эти исключения не действовали (Hou Li, 2017).

С учетом региональных различий демографических показателей в Китае цель нашего исследования – выявление особенностей демографических процессов, а также направленной реализации демографической политики в северо-восточных провинциях Китая (Ляонин, Цзилинь, Хэйлуцзян) в XXI веке.

Исследование основано на анализе результатов Всекитайской переписи населения (2000, 2010 и 2020 гг.), а также основных региональных нормативно-правовых документов провинций Ляонин, Хэйлуцзян и Цзилинь, направленных на улучшение показателей рождаемости и политики планирования семьи. Новизна исследования обусловлена проведением сравнительного анализа соответствующих нормативно-правовых документов на уровне Китая и его северо-восточных провинций в начале XXI века.

Методологической основой исследования послужила концепция многообразия, сторонники которой (М. Клулт, Б. Виттрок) отрицают наличие универсального единого закона, объясняющего демографические процессы. Нам близка позиция Б. Виттрока (Виттрок, 2002) о том, что в обществе происходит взаимодействие общемировых процессов и национальных правил и норм. Данный вывод находит подтверждение при изучении трансформации института семьи в Китае. М. Клулт в 2010 году отмечал, что процессы формирования семьи в Китае

имели сходство с западноевропейскими тенденциями, однако реализуемая в то время в Китае политика ограничения рождаемости являлась специфичной и не позволяла говорить об универсальности демографических законов (Клулт, 2010). На современном этапе показатели рождаемости, брачности в Китае соответствуют общемировым тенденциям, но экономические, социальные, институциональные особенности той или иной территории не только влияют на формирование ее демографических процессов, но и определяют выбор мер и инструментов демографической политики.

Методы исследования

Исследование основано на применении количественно-статистического и сравнительно-сопоставительного анализа.

Работа включает два раздела. В первом рассмотрены основные социально-демографические показатели северо-восточных провинций Китая в начале XXI века. Во втором разделе представлены результаты сравнительного анализа проводимой демографической политики в трех рассматриваемых провинциях в 2020–2021 гг. В отличие от других научных исследований, ориентированных на анализ демографических показателей в целом по Китаю (Баженова, 2019; Сивинцева, 2019; Бабаев, 2023; Ван и др., 2023; Русанова, Ван, 2023), в рамках данной работы представлены результаты исследования региональной специфики демографической ситуации и демографической политики, характерных для северо-восточных провинций Китая, в сравнении с общекайтайскими демографическими показателями и мерами политики. Уникальность рассматриваемых провинций Китая объясняется их значимостью с позиции геополитического положения, обеспечивающего зону трансграничного сотрудничества с российскими территориями. Показатели демографических процессов в пределах Северо-Востока Китая отличаются от средних показателей по стране, что объясняет интерес исследователей, включая китайских и российских авторов, к изучению данной территории.

Демографическая ситуация в северо-восточных провинциях Китая в начале XXI века

На протяжении многих лет уровень рождаемости на Северо-Востоке Китая снижался, что, в свою очередь, привело к уменьшению общей численности населения.

За период с 1990 по 2000 год коэффициент естественного прироста населения Северо-Востока сократился с 11,46 до 4,33‰. Прирост численности населения в трех северо-восточных провинциях был ниже среднего показателя по стране, что объяснялось проводимой политикой планирования рождаемости, а также высокой миграционной убылью населения. Миграционная убыль отмечалась в провинциях Цзилинь и Хэйлунцзян (Веремейчик, 2011).

В работе (Zhang Liping, Wang Guangzhou, 2023) показано, что на современном этапе население Северо-Восточного Китая вступило в стадию непрерывного сокращения численности.

Согласно данным Седьмой Всекитайской переписи населения (2020 г.)³, общая численность населения Северо-Восточного региона в 2020 году составила 98,51 млн человек, что на 11,01 млн меньше, чем в 2010 году. Из трех рассматриваемых провинций наибольшая убыль населения отмечалась в провинции Хэйлунцзян, где численность населения за период с 2000 по 2020 год сократилась более чем на 6 млн человек, или на 16,33%. В провинции Цзилинь снижение за данный период было менее заметным и составило 10,18%, или 2,8 млн человек. Рост численности населения на 1,79%, или 0,71 млн человек, зарегистрирован в провинции Ляонин⁴.

Уровень рождаемости в период с 2000 по 2020 год в провинции Хэйлунцзян снизился с 9,43 до 3,75‰, в провинции Цзилинь — с 9,53 до 4,84‰, в провинции Ляонин — с 8,46 до 5,2‰⁵.

Доля населения старше 65 лет в трех северо-восточных провинциях возрастает при снижении доли детей в возрасте 0–14 лет. В 2020 году провинция Ляонин занимала первое место в Китае по доле населения в возрасте 65 лет и старше (17%), в то время как доля детей в воз-

расте 0–14 лет составляла 11,12%. В провинции Цзилинь эти категории населения занимали около 15 и 11,96% соответственно, в провинции Хэйлунцзян — 15 и 11,71%⁶.

Дисбаланс в возрастной структуре населения влияет на потребительские запросы населения. Wu Yixiao, Jiang Shubo, Ye Xin (Wu Yixiao, Jiang Shubo, 2022; Ye Xin, 2023) отмечают, что на Северо-Востоке Китая это привело к снижению инвестиций, сокращению прибыли и трансформации отраслевой структуры экономики региона.

Среднегодовое число новорожденных за период с 2000 по 2020 год в Северо-Восточном регионе сократилось на 58% и составило в 2020 году 441 тыс. Среди трех северо-восточных провинций максимальное снижение рождаемости наблюдается в провинции Хэйлунцзян, где число рождений уменьшилось на 67,5% с 359 тыс. до 116,5 тыс. В 2000 году уровень рождаемости в Хэйлунцзяне составлял 9,43‰, в Цзилине — 9,53‰, а в Ляонине — 8,46‰ при среднем показателе по Китаю 14,03‰⁷.

За рассматриваемый двадцатилетний период небольшой рост рождаемости отмечался в конце 2010-х гг. В 2015 году уровень рождаемости на Северо-Востоке ненадолго увеличился после введения в 2013 году политики «второго ребенка» для отдельных категорий семейных пар⁸ и с 2015 года реализации политики, разрешающей всем парам рождение двух детей⁹. После принятия такой политики население со средними доходами, на которое приходилось основное число рождений, перешло в состояние ожидания, в первую очередь из-за желания оценить материальные затраты, необхо-

⁶ Там же (дата обращения 10.01.2024).

⁷ Бюллетень Седьмой национальной переписи населения (№ 3). Население регионов. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-05/11/content_5605779.htm (дата обращения 10.01.2024).

⁸ 15 ноября 2013 г. был опубликован полный текст резолюции проходившего 9–12 ноября 2013 г. третьего пленума ЦК Компартии Китая, наметившего программу углубления политики реформ в стране. В частности, в ней говорится, что китайские семейные пары смогут иметь двух детей, если один из супругов является единственным ребенком у своих родителей.

⁹ В конце октября 2015 г. в Китае было официально объявлено, что политика «одна семья — один ребенок» будет отменена в будущем и количество допустимых для любых семей детей будет увеличено до двух.

³ Бюллетень Седьмой переписи Национального бюро статистики № 2. Население страны. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/rkpcgb/qgrkpcgb/202106/t20210628_1818821.html (дата обращения 29.12.2023).

⁴ Бюллетень Седьмой национальной переписи населения (№ 3). Население регионов. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-05/11/content_5605779.htm (дата обращения 29.12.2023).

⁵ Там же.

димые для рождения и воспитания ребенка, которые ежегодно возрастали (Zhou Xiaoyan, Zhang Jianhua, 2022). В 2020 году по отношению к 2015 году уровень рождаемости в Хэйлунцзяне составил 3,75%, в Цзилине – 4,84%, а в Ляонине – 5,2%¹⁰.

Согласно данным, опубликованным в «Социальной синей книге: анализ и прогноз социальной ситуации в Китае на 2022 год»¹¹, идеальное число детей в Китае стабильно и составляет 1,9–2,0. В 2021 году суммарный коэффициент рождаемости на одну женщину составил 1,37 (Li Peilin et al., 2022). Репродуктивное поведение женщин во многом совпадает с брачными установками, которые имеют глубокие структурные причины: изменение традиционной роли женщины, повышение уровня образования женщин, конкуренция на рынке труда (Qiao Shuangping, 2024).

Значение коэффициента имеет территориальные различия. В региональном разрезе в северо-восточных провинциях отмечалась максимальная доля семей с одним ребенком, а доля

семей с двумя детьми в два раза ниже среднего показателя по Китаю (табл. 1).

Несмотря на принятую в 2015 году политику «одна семья – два ребенка», в Северо-Восточном Китае к 2020 году фиксировалось существенное снижение доли семей с одним ребенком, а также небольшое уменьшение доли семей с двумя детьми (табл. 2).

Одним из факторов снижения рождаемости является сокращение числа женщин фертильного возраста. За период с 2000 по 2020 год общая численность женщин фертильного возраста на Северо-Востоке Китая уменьшилась на 31,3%. Большинство женщин в этих группах родилось в период реализации политики планирования семьи, что привело к снижению числа женщин детородного возраста в начале XXI века.

В возрастной структуре при снижении доли женщин в возрасте 15–24 и 25–39 лет возросла доля женщин старшей группы 40–49 лет, что привело к увеличению среднего возраста женщин в регионе (табл. 3).

Таблица 1. Число детей в китайских семьях в 2020 году

Территория	Среднее число детей на одну женщину	0 детей	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка	4 ребенка и более
Китай	1,37	22,46	28,19	40,28	7,8	1,27
Северный Китай	1,15	24,57	38,08	34,64	2,7	0
Северо-Восточный регион	1,1	15,79	61,4	20,18	2,63	0
Восточный Китай	1,29	24,56	28,21	41,04	5,64	0,55
Центральный и Южный Китай	1,56	20,24	22,27	41,57	13,77	2,16
Юго-Западный регион	1,45	22,39	22,89	43,53	9,45	1,74
Северо-Западные территории	1,5	20,63	21,69	48,68	5,29	3,7

Составлено по: Li Peilin, Chen Guangjin, Wang Chunguang [et al.] (2022). *Analysis and prediction of China's social situation in 2022 [R]*. Beijing: Social Sciences Literature Press.

Таблица 2. Распределение семей в Северо-Восточном Китае по числу детей, %

Год	0 детей	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка	4 ребенка и более
2010	0,02	77,67	20,38	1,74	0,19
2020	15,79	61,4	20,18	2,63	0

Составлено по: Бюллетень Седьмой переписи населения. Статистическое бюро провинции Хэйлунцзян. URL: <https://www.hongheiku.com/sjrk/1036.html> (дата обращения: 30.12.2023)

¹⁰ Данные седьмой переписи населения Северо-Восточного Китая. URL: <https://www.maigoo.com/zhishi/236839.html> (дата обращения 10.01.2024).

¹¹ Социальная синяя книга: анализ и прогноз социальной ситуации в Китае на 2022 год. URL: <https://www.hrssit.cn/info/2522.html> (дата обращения 29.12.2023).

Таблица 3. Возрастная структура и средний возраст женщин на Северо-Востоке Китая

Год	Всего, дес. тысяч	Возрастная структура, %			Средний возраст, лет
		15–24	25–39	40–49	
2000	3186,63	24,48	48,14	27,39	32,88
2010	3147,9	24,95	41,47	33,58	33,99
2015	2866,81	19,16	44,8	36,04	34,15
2020	2188,4	18,49	44,41	37,08	34,73

Составлено по: Отчет о выборочном обследовании данных Национального бюро статистики. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=E0103&zb=A0N09@-230000&sj=2021> (дата обращения 30.12.2023).

Структура населения Китая по полу является одним из важных показателей, отражающих последствия реализации политики «одна семья – один ребенок». Ранее, при отсутствии методов определения пола будущего ребенка, в семьях при рождении первого ребенка – девочки с гораздо большей вероятностью рождались последующие дети, чем в семьях, в которых уже родились сыновья. Если ранее пол ребенка имел важное значение при рождении второго ребенка и выше, то в период реализации программы «одна семья – один ребенок» рождение мальчика было приоритетным. Изменения в демографической политике в период с 2011 по 2016 год отразились на структуре соотношения мальчиков и девочек при рождении. Как в целом в Китае, так и в его северо-восточных провинциях снижалась доля мальчиков, причем снижение в рассматриваемых провинциях превышало общестрановой показатель. Если в 2000 году число мальчиков на 100 девочек на Северо-Востоке превышало значение в

целом по стране, то к 2020 году в провинциях Ляонин и Цзилинь число мальчиков при рождении было меньше 100 (табл. 4).

В настоящее время в Китае отмечается формирование нового отношения к женщинам, их правам и возможностям участия в общественной жизни, получения образования, участия в предпринимательской деятельности, распределения домашнего труда с мужчинами (Ван и др., 2023). Подчеркивается роль женщины в сохранении семьи и семейного воспитания. Основные направления участия женщин в общественной жизни обозначены в Плане развития китайских женщин на 2021–2030 гг.¹²

Более активное участие женщин в общественной, экономической жизни отражается на повышении их возраста при вступлении в первый брак. В настоящее время число браков в Китае сократилось, а возраст вступления в первый брак и рождение первого ребенка откладываются на более поздний срок. К началу 2020 года число браков в Китае сократилось

Таблица 4. Соотношение полов новорожденных детей в северо-восточных провинциях Китая, мальчиков на 100 девочек

Территория	2000 г.	2010 г.	2020 г.
Китай	106,74	105,20	105,07
Ляонин	112,17	112,91	99,70
Цзилинь	109,87	115,67	99,69
Хэйлунцзян	107,52	115,10	100,35

Составлено по: Объявление о пятой переписи населения Северо-Восточного региона Национального бюро статистики. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/rkpcgb/dfrkpcgb/200203/t20020331_30357.html (дата обращения 29.12.2023); Объявление о шестой переписи населения Северо-Восточного региона Национального бюро статистики. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/rkpcgb/dfrkpcgb/201202/t20120228_30390.html (дата обращения 29.12.2023); Коммюнике Седьмой Всекитайской переписи населения (№ 4). Половой состав. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202105/t20210510_1817189.html (дата обращения 28.12.2023).

¹² План развития китайских женщин (2021–2030). URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1712130632257540644&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 19.01.2024).

Таблица 5. Средний возраст женщин, вступивших в первый брак, лет

Регион	2000 г.	2010 г.	2020 г.
Китай	23,22	23,8	27,95
Ляонин	22,6	23,6	27,6
Цзилинь	22,3	23,3	25,5
Хэйлунцзян	22,3	22,5	26,9

Составлено по: Отчет о браке и семье в Китае 2022 год. URL: <http://yuwa.org.cn/> (дата обращения 31.01.2024).

на 48,5% к уровню 2013 года. Согласно Национальному обследованию рождаемости¹³, средний возраст вступления в первый брак женщин в Китае увеличился с 23,6 года в 2006 году до 26,5 года в 2016 году, а возраст матери при рождении первого ребенка — с 24,3 до 26,9 года. К 2020 году средний возраст вступления в брак у женщин составил почти 28 лет. В северо-восточных провинциях средний возраст при вступлении в первый брак у женщин ниже среднего показателя по стране. Минимальный возраст в 2020 году регистрировался в провинции Цзилинь (табл. 5).

Несмотря на то, что с 2016 по 2021 год Китай проводил политику, позволяющую рождение в семьях двух детей, общая численность населения трех северо-восточных провинций сокращалась, показатели рождаемости продолжали снижаться, менялось матримониальное поведение.

В 2021 году в Китае была объявлена политика, направленная на стимулирование рождения трех детей в семьях. Более подробно анализ предложенных мер новой политики рождаемости в сравнении с направлениями демографической политики, проводимой в северо-восточных провинциях, представлен в следующем разделе данной статьи.

Общий обзор демографической политики Китая 2021–2022 гг.

Согласно данным пятой переписи населения в 2000 году, общий коэффициент рождаемости населения Китая составил всего 1,22¹⁴. Однако в стране сохранялась политика ограни-

чения рождаемости без ее корректировки в соответствии с реальной ситуацией. Только в 2010 году, когда данные шестой переписи населения Китая показали дальнейшее снижение общего коэффициента рождаемости населения страны до 1,18, китайское правительство осознало необходимость корректировки текущей политики в области рождаемости¹⁵.

Таким образом, в течение последних десяти лет можно выделить следующие этапы реализации политики в области рождаемости в Китае:

1) 15 ноября 2013 года был опубликован полный текст резолюции проходившего 9–12 ноября 2013 года третьего пленума ЦК Компартии Китая, наметившего программу углубления политики реформ в стране; в частности, в ней говорится, что китайские семейные пары смогут иметь двух детей, если один из супругов является единственным ребенком у своих родителей;

2) в конце октября 2015 года в Китае было официально объявлено, что политика «одна семья — один ребёнок» будет отменена в будущем и количество допустимых для любых семей детей будет увеличено до двух;

3) 31 мая 2021 года на заседании Политбюро ЦК Компартии Китая принято решение разрешить жителям Китая иметь до трёх детей.

Прежде чем переходить к анализу мер поддержки рождаемости в северо-восточных провинциях, рассмотрим основные меры, принятые в целом по Китаю в 2020–2022 гг.

1. Многие города снизили требования к страхованию по беременности и родам и сократили сроки получения пособий по беременности и родам.

¹³ Национальное обследование рождаемости. 2017 год. URL: https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=1k5a0eq0hv6v0ju0kv6e0e90sj172741&site=xueshu_se (дата обращения 29.12.2023).

¹⁴ Пятый бюллетень переписи населения Китая. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/rkpcgb/qgrkpcgb/200203/t20020331_30315.html (дата обращения 29.12.2023).

¹⁵ Шестой бюллетень переписи населения Китая. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/rkpcgb/qgrkpcgb/201104/t20110429_30328.html (дата обращения 30.12.2023).

2. Изменился способ подачи заявления на получение пособия по беременности и родам. Пособие можно получать ежемесячно.

3. Размер получаемого пособия по беременности и родам увеличился. Размер пособия рассчитывается из суммы заработной платы по отрасли за предыдущий год и продолжительности отпуска. В настоящее время отпуск по беременности и родам для женщин составляет 98 дней плюс 15 дней в случае кесарева сечения. Кроме того, за каждого последующего ребенка отпуск увеличивается на 15 дней.

4. Вознаграждение для родителей единственных детей составляет 5 юаней в месяц до достижения детьми 18-летнего возраста.

5. Размер платы по уходу за ребенком, родившимся с 1 сентября 2013 года и поступившим в начальную школу, а также детям, родившимся после 2014 года, до достижения шестилетнего возраста составляет 25 юаней в месяц.

6. Для родителей единственных детей поощрительные взносы для родителей выплачиваются с рождения, а плата по уходу за ребенком — с седьмого месяца рождения ребенка. При рождении второго ребенка стимулирующие выплаты для родителей единственного ребенка не осуществляются.

7. Начиная с 2022 года расходы на оплату по уходу за ребенком в детском саду несет работодатель, при условии что родители проживают в данном населенном пункте и ребенок ходит в детский сад. В среднем сумма оплаты составляет 130 юаней. Отметим, что эта плата со стороны работодателя не является обязательной, что может приводить к ситуациям неоплаты¹⁶.

Данный перечень не является исчерпывающим и затрагивает в основном выплаты по уходу за ребенком. Однако система поддержки рождаемости и в целом семейная политика в Китае включают различные аспекты, в том числе субсидирование детских садов со стороны государства, возмещение платы за обучение в школе, социальную помощь бедным семьям с детьми и др. После либерализации политики рождения двух детей в стране сохраняются ста-

рые методы поддержки пожилых людей и семей с одним ребенком, а также внедряются новые методы для поддержки рождаемости¹⁷.

Политика поддержки рождаемости в Северо-Восточном Китае

В исследовании по изучению исторических этапов демографической политики Китая Н.К. Семенова выделила десять периодов и два этапа. Период с 2013 по 2021 год обозначен как «новая нормальность», когда отменяется политика контроля рождаемости (Семенова, 2022).

Национальные нормативные документы являются основой для реализации системы мер по планированию рождаемости на уровне Китая, а нормативные акты каждой провинции — это непосредственно практические шаги ее реализации, что отражается в территориальных особенностях реализации мер по повышению рождаемости.

Рассматриваемые документы, принятые на уровне провинций, по структуре и идеологической направленности соответствуют Закону о народонаселении и планировании семьи Китайской Народной Республики, принятому 20 августа 2021 года¹⁸, а также законам и административным регламентам с учетом фактической ситуации в провинции.

На примере Положения о населении и планировании семьи провинции Хэйлуцзян¹⁹ рассмотрим структуру и содержание подобных территориальных документов.

Положение состоит из пяти глав: 1) общие положения; 2) регулирование рождаемости; 3) технические услуги по планированию семьи; 4) организация и управление; 5) вознаграждения, поддержка и социальное обеспечение.

В общих положениях документа отмечается, что осуществление планирования семьи является основой национальной политики страны

¹⁷ Национальные правила возмещения платы по уходу за детьми в 2022 году. URL: https://zhidao.baidu.com/question/1765007956975547108.html?qbl=relate_question_6 (дата обращения 02.02.2024).

¹⁸ Закон о народонаселении и планировании семьи Китайской Народной Республики, принят 20 августа 2021 г. URL: <https://m.baikе.so.com/doc/5570371-5785579.html> (дата обращения 15.01.2024).

¹⁹ Положение о населении провинции Хэйлуцзян и планировании семьи. URL: https://wenku.baidu.com/view/a56cf067322b3169a45177232f60ddccda38e6a2.html?wktѕ_ =1672410746319 (дата обращения 29.12.2023).

¹⁶ Новые правила выдачи платы за уход за ребенком. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/1869370841556041467.html> (дата обращения 02.02.2024).

(статья 3). Во второй главе о регулировании рождаемости кратко сформулированы положения о необходимости внедрения системы регистрации рождений, а также о пропаганде браков и стремлении к рождению в семьях трех детей.

В главе «Технические услуги по планированию семьи» дана информация о доступе населения к услугам планирования семьи, необходимости качественной контрацепции. Обозначена необходимость внедрения системы бесплатного добрачного медицинского обслуживания и охраны материнства, позволяющей предотвратить или снизить число врожденных дефектов и улучшить здоровье рожденных младенцев.

Отметим, что обязательная система добрачного медицинского обследования была отменена с 1 октября 2003 года в новых «Правилах регистрации браков», сделан акцент на добровольном обследовании будущих супругов²⁰.

Отдельная глава в Положении определяет требования к организации политики народонаселения, управлению и достижению целевых показателей. Вопросы планирования семьи и рождаемости включены в задачи всех уровней управления.

В статье 29 Положения подчеркивается, что вся социально-экономическая система должна быть направлена на «формирование нового типа репродуктивной культуры» и «создание научной, цивилизованной и прогрессивной концепции брака и деторождения». Кроме того, средства массовой информации обязаны проводить общественную пропаганду по вопросам народонаселения и планирования семьи. Значительное внимание уделяется созданию «правдивой системы статистических данных о населении, рождаемости и планировании семьи»²¹.

²⁰ Министерство по гражданским делам: Новые «Правила регистрации брака» дополнительно защищают свободу брака и не содержат обязательных положений о добрачном осмотре. 20 августа 2003 г. URL: https://zqb.cyol.com/content/2003-08/20/content_718407.htm (дата обращения 30.01.2024).

²¹ Положение о населении провинции Хэйлуцзян и планировании семьи. URL: https://wenku.baidu.com/view/a56cf067322b3169a45177232f60ddccda38e6a2.html?_wktts_=1672410746319 (дата обращения 29.12.2023).

Основные меры и направления демографической политики по повышению рождаемости в северо-восточных провинциях Китая представлены в *таблице 6*. Меры поддержки в провинциях разделены нами на три группы (финансовые, социальные, организационные), что позволило более наглядно отразить существующие подходы в провинциях.

Территориальные различия в реализации демографической политики на уровне провинций в большей мере связаны с перечнем и объемом финансирования вознаграждений и мер социального обеспечения населения. Положения о населении и планировании семьи в рассматриваемых провинциях направлены на рождение трех детей в семье. При определенных условиях (инвалидность у одного из детей или проживание семьи в приграничных районах) в семье возможно рождение четвертого ребенка.

Стабилизация демографической ситуации в северо-восточных провинциях Китая имеет важное значение для их экономического, инновационного, социального, геополитического положения. Для рассматриваемого приграничного региона первостепенное значение приобретает связь численности населения с вопросами безопасности и стабильности (Залесская, 2021).

Авторами (Yu Qiang, 2022) отмечается, что необходимо отказаться от узкого подхода к решению проблемы, связанной только с восстановлением численности населения, и ориентироваться на комплекс мер по планированию долгосрочных и среднесрочных задач в инновациях, системе логистики и расселения населения, в том числе путем строительства четырех мегаполисов (Далянь, Шэньян, Чанчунь, Харбин) и др. Стабилизация демографической ситуации будет ответом на структурные преобразования в экономической и социальной сферах региона (Турбанов и др., 2022).

Заключение

Вопросы стабилизации численности населения и реализации политики в области рождаемости и планирования семьи являются задачей национального уровня. Конкретные меры поддержки рождаемости разрабатываются народными правительствами муниципального и уездного уровней.

Таблица 6. Сравнение мер в области рождаемости в северо-восточных провинциях Китая, 2021–2022 гг.

Хэйлунцзян	Ляонин	Цзилинь
<i>Финансовые меры</i>		
<p>1. Для семей с двумя и больше детьми, зарегистрированных и работающих в городе, при рождении второго ребенка ежемесячно выплачивается субсидия в размере 1 тыс. юаней на ребенка до трех лет. При рождении третьего ребенка выплачивается единовременная субсидия 20 тыс. юаней и ежемесячная субсидия в размере 1 тыс. юаней до достижения ребенком трех лет.</p> <p>2. Единовременное поощрение в размере 3000 юаней предоставляется семьям, в которых новорожденный ребенок родился в пределах 3 км от пограничной линии*.</p> <p>3. Субсидии на воспитание детей в приграничных и старопромышленных округах могут быть выше, чем в среднем по провинции.</p>	<p>1. При рождении второго ребенка выплачивается единовременная субсидия в размере 20 тыс. юаней.</p> <p>2. Единовременное поощрение в размере 3000 юаней предоставляется семьям, в которых новорожденный ребенок родился в пределах 3 км от пограничной линии*.</p> <p>3. Семьи, воспитывающие несовершеннолетних детей, имеют льготы при аренде и покупке жилья.</p>	<p>1. Единовременное поощрение в размере 3000 юаней предоставляется семьям, в которых новорожденный ребенок родился в пределах 3 км от пограничной линии**.</p> <p>2. Для семей с двумя и более детьми разработана система субсидий до исполнения детям возраста трех и шести лет.</p>
<i>Социальные меры</i>		
<p>1. Отпуск по беременности и родам для работающей женщины составляет 180 дней***, отпуск мужчине по уходу за ребенком – 15 дней.</p> <p>2. Отпуск для пары, вступившей в брак, – 25 дней (без прохождения медицинского осмотра – 15 дней).</p> <p>3. Родителям детей в возрасте до трех лет предоставляется 10 дней отпуска по уходу за ребенком. Выплачивается заработная плата в праздничные дни.</p>	<p>1. Отпуск по беременности и родам 158 дней, отпуск отцу по уходу за ребенком – 20 дней.</p> <p>2. Пары с детьми в возрасте до трех лет могут взять 10 дней в год для ухода за ребенком.</p> <p>3. Работающие женщины со сроком беременности менее 4 месяцев имеют право на 15 дней отпуска по беременности, при сроке беременности более 4 месяцев – 42 дня отпуска.</p> <p>4. В случае госпитализации семейной пары, получившей «Почетный сертификат для родителей единственного ребёнка» (одна из мер регулирования рождаемости при реализации политики «Одна семья – один ребенок»), их единственный ребенок может взять отпуск по уходу за родителями – 15 дней ежегодно.</p>	<p>1. Отпуск по беременности и родам увеличен до 180 дней, отпуск отцу ребенка – 25 дней.</p> <p>2. В течение года родителям разрешен отпуск по уходу за ребенком до трех лет – 30 дней.</p> <p>3. Отпуск для пары, вступившей в брак, на 10 дней больше, чем в среднем по стране.</p> <p>4. Женщине может быть предоставлен отпуск по грудному вскармливанию сроком от трех до шести месяцев.</p>
<i>Организационные меры</i>		
<p>1. Народные правительства муниципального и уездного уровней формируют систему родительских субсидий для семей с двумя и более детьми.</p> <p>2. Бесплатные добрачные медицинские осмотры, обследования беременных женщин, скрининг заболеваний новорожденных и другие проекты доступны всему населению.</p> <p>3. Оказание помощи с трудоустройством или получением новой профессии женщинам с детьми, испытывающим проблемы при трудоустройстве.</p> <p>4. Задача увеличения количества мест в школах****.</p>	<p>1. Улучшение системы охраны здоровья матери и ребенка, профилактика и контроль заболеваемости женщин и детей*****.</p>	<p>1. Народные правительства на уровне округа и выше ответственны за создание системы услуг по уходу за детьми.</p> <p>2. Необходимо проведение медицинского осмотра перед регистрацией брака.</p> <p>3. Запрет на дискриминацию женщин, родивших девочек.</p> <p>4. Запрет на дискриминацию бездетных женщин.</p>
<p>* Политика стимулирования новорожденных с пограничным состоянием. URL: http://xxgk.jl.gov.cn/zcbm/fgw_98077/hxgkmlqy/202202/t20220221_8398447.html. (дата обращения 19.01.2024).</p> <p>** Положение о населении провинции Цзилинь и планировании семьи. URL: http://www.jl.gov.cn/zw/yw/jlyw/202110/t20211030_8264419.html (дата обращения 19.01.2024).</p> <p>*** Продолжительность отпуска по беременности и родам по Китаю составляет 98 дней. В настоящее время, согласно соответствующей политике, отпуск по беременности и родам для женщин составляет 98 дней плюс 15 дней в случае кесарева сечения; за каждого дополнительного ребенка добавляется 15 дней.</p> <p>**** Положение о населении провинции Хэйлунцзян и планировании семьи. URL: https://wenku.baidu.com/view/a56cf067322b3169a45177232f60ddccda38e6a2.html?_wks_=1672410746319 (дата обращения 29.12.2023).</p> <p>***** Положение о населении провинции Ляонин и планировании семьи. URL: https://wsjw.dandong.gov.cn/html/DDWJW/202112/0163918551872743.html (дата обращения 19.01.2024).</p>		

За последние более 60 лет снижение численности населения в Китае впервые зарегистрировано по данным за 2023 год. При этом демографические проблемы, включая сокращение общей численности населения, низкий уровень рождаемости, трансформацию возрастной структуры населения, увеличение доли семей без детей, фиксировались в северо-восточных провинциях Китая (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин) намного раньше.

Анализ демографических показателей за период с 2010 по 2020 год позволил выявить следующие региональные различия.

За период с 2010 по 2020 год в провинции Хэйлунцзян отмечалась наибольшая убыль населения, в том числе за счет максимального снижения рождаемости по сравнению с другими провинциями Северо-Восточного Китая. Кроме того, в Хэйлунцзяне доля мальчиков при рождении ниже среднего показателя по Китаю, но выше, чем в Ляонине и Цзилине. В провинции Цзилинь также регистрировалась убыль населения. Кроме того, в данной провинции отмечается минимальный возраст женщин, вступающих в первый брак, а также минимальное число мальчиков на 100 девочек при рождении. В провинции Ляонин, напротив, с 2010 по 2020 год зарегистрирован рост численности населения. Особенностью этой провинции является высокая доля населения в возрасте старше 65 лет.

Современная политика по планированию семьи и повышению рождаемости в Китае принята в 2021 году, поэтому реализация запланированных мероприятий и системы поддержки рождаемости в настоящее время лишь внедряется.

Меры поддержки на уровне провинций направлены на поддержку беременных женщин, семей с детьми и в целом сопоставимы с предложенной системой поддержки рождаемости на уровне страны. Они включают медицинское обслуживание, субсидии и другие формы

материальной поддержки, помощь с предоставлением жилья, систему организационных мер поддержки (упрощение процедуры подачи документов на получение пособий по беременности и родам, увеличенный период отпуска в связи с заключением брака, рождением ребенка, предоставление льготных условий для трудоустройства женщин с детьми). В то же время краткий обзор нормативных документов, регламентирующих поддержку рождаемости в северо-восточных провинциях Китая, показал наличие территориальных особенностей поддержки семей с детьми и женщин как между провинциями, так и внутри них.

Реализация запланированных мер является лишь частью системы поддержки семьи и рождаемости, которая включает не только оказание финансовой помощи, но и идеологическую работу с молодежью, организацию необходимой социальной инфраструктуры, направленной на уход, медицинское обслуживание семей с детьми, а также изменение отношения к женщине.

Принимая во внимание формирование единой модели поддержки рождаемости, сформированной в Законе о народонаселении и планировании семьи Китайской Народной Республики, отметим, что на уровне провинций различия касаются в первую очередь системы вознаграждения и социального обеспечения населения. Для северо-восточных провинций Китая определены более продолжительные сроки отпусков по беременности и родам, включены дополнительные выплаты за рождение детей в приграничных регионах.

Оценка факторов рождаемости и реализации политики планирования семьи требует комплексного подхода, не только включающего современную систему мер поддержки, но и учитывающего особенности исторического и социально-экономического развития территорий, наличие и уровень системы мер по уходу за детьми, позволяющей женщинам и семьям с детьми не испытывать ограничения.

Литература

- Бабаев К.В. (2023) Демографическая ситуация в КНР и её потенциальное влияние на экономику Китая // Народонаселение. Т. 26. № 3. С. 55–65. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.5>
- Баженова Е.С. (2019). Население Китая: новые тенденции в эпоху модернизации и экономических реформ // Проблемы Дальнего Востока. № S5–1. С. 101–111. DOI: 10.31857/S013128120007131–5

- Ван Е. (2018). Изменение демографической политики Китая: причины, результаты, перспективы // Народонаселение. Т. 21. № 1. С. 84–96. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-07
- Ван Ш., Цзя С., Мишук С.Н. (2023). Изменения в демографической политике Китая за 2010–2021 годы // Народонаселение. Т. 26. № 3. С. 66–76. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.6>
- Веремейчик А.С. (2011). Демографическое развитие Северо-Восточного Китая (1949–2010 гг.) // Ойкумена. № 4. С. 46–53.
- Виттрок Б. (2002). Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние // Полис. № 1. С. 141–159.
- Залеская О.В. (2021). Периферийность территорий Северо-Восточного Китая и попытки ее преодоления в начале XXI века // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации: материалы XIII Международной научно-практической конференции, г. Чита, 30 марта 2021 г. Чита: Изд-во Забайкальского гос. ун-та. С. 64–73.
- Клупт М.А. (2010). Демографическая повестка XXI века: теории и реалии // Социологические исследования. № 8. С. 60–70.
- Макеева С.Б. (2023). История демографического развития китайской провинции Хэйлунцзян (1970–2020 гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 29. № 2. С. 17–23. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-17-23>
- Русанова Н.Е., Ван Е. (2023). Особенности нового китайского пронатализма // Народонаселение. Т. 26. № 4. С. 39–51. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.4>
- Семенова Н.К. (2022). Демографическая политика КНР и проблема старения населения // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Вып. 5. Ч. 1. С. 1117–1122.
- Сивинцева О.В. (2019). Пронаталистский поворот в Китае: возврат к традиционным семейным ценностям или новая реальность? // Вестник Пермского университета. Политология. Т. 13. № 3. С. 54–67. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-3-54-67
- Турбанов И.Г., Мусалитина Е.А., Бобышев С.В. (2022). Основные направления развития демографической политики северных провинций КНР // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности: материалы II Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием, г. Комсомольск-на-Амуре, 21–23 ноября 2022 г. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсомольского-на-Амуре гос. ун-та. С. 288–291.
- Hou Li (2017). Analysis of the causes of long-term low fertility in Northeast China. *Journal of Demography*, 9, 97–98.
- Jiang Yu (2016). Study of the economic consequences of population changes in Northeast China. *Heihe Journal*, 1, 9–10.
- Li Peilin, Chen Guangjin, Wang Chunguang et al. (2022). *Analysis and Prediction of China's Social Situation in 2022 [R]*. Beijing: Social Sciences Literature Press.
- Qiao Shuangping (2024). The processes, trends and problems of population transformation in China. *Journal of Zhejiang Wanli University*, 37(1), 61–67. DOI: 10.13777/j.cnki.issn1671-2250.2024.01.008
- Wu Yixiao, Jiang Shubo (2022). In the context of population aging. Research on high-quality development in Northeast China. *Business Economics Shangye Jingji*, 12, 34–36.
- Ye Xin (2023). Research on the current situation, challenges and countermeasures of China's negative population growth. *Journal of Yangzhou University. Humanities and Social Sciences*, 27(5), 76–92. DOI: 10.19411/j.cnki.10077030.2023.05.007
- Yu Qiang, Wang Dawei, Li Yaokun (2022). Analysis of the causes of population loss and key countermeasures in the three northeastern provinces. *China International Engineering Consulting*. Available at: https://www.ciecc.com.cn/art/2022/7/25/art_2218_81952.html (accessed: February 19, 2024).
- Zhang Liping, Wang Guangzhou (2023). Research on the characteristics of negative population growth and important issues in Northeast China. *Social Sciences*, 0(2), 129–142. Available at: <http://www.shkxjk.com/CN/abstract/abstract5374.shtml> (accessed: January 10, 2024).
- Zhou Xiaoyan, Zhang Jianhua (2022). A study on policy regulation to address rural fertility problems in Northeast China. *Social Work and Management*, 22(4), 93–100.

Сведения об авторах

Светлана Николаевна Мишчук – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6); ведущий научный сотрудник, Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН (679013, Российская Федерация, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, д. 4; e-mail: svetamic79@mail.ru)

Ли Шуай – магистр, Высшая школа современных социальных наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 13; e-mail: 1114925651@qq.com)

У Бинь – магистр, Высшая школа современных социальных наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 13; e-mail: 778528706@qq.com)

Mishchuk S.N., Li Shuai, Wu Bin

Demographic Policy Transformation in the Northeastern Provinces of China at the Present Stage

Abstract. The Northeastern provinces of China are strategic territories from a geopolitical point of view; this fact determines the importance and relevance of studying their characteristic fertility trends and family planning directions. The demographic processes taking place here correspond to the general trends in China, but most indicators are lower than in other areas. The main objective of the study is to identify the features of demographic processes and directions of demographic policy implementation in the Northeastern provinces of China (Liaoning, Jilin, Heilongjiang) in the 21st century. The study is based on the analysis of the results of the National Population Census of the Republic of China (2000, 2010 and 2020) and legal documents regulating the policy of fertility and family planning. We show that the Northeastern provinces have a maximum proportion of families with one child, and the proportion of families with two children is two times lower than the average in China. The number of women of fertile age has decreased by a third, and the average age of women who have entered into their first marriage is increasing. We reveal that after the liberalization of the two-child policy in China, the family planning system includes previously used measures to support the elderly and families with one child, as well as new methods of birth support. Despite the formation of a unified national model of fertility support, the differences at the provincial level primarily relate to the remuneration and social security system of the population. Longer periods of maternity leave have been defined for the Northeastern provinces, and additional payments for the birth of children in border regions have been introduced.

Key words: Northeast China, province, fertility, demographic policy, family policy, fertility support, family planning.

Information about the Authors

Svetlana N. Mishchuk – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation); Leading Researcher, Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (4, Sholom Aleichem Street, Birobidzhan, 679013, Russian Federation; e-mail: svetamic79@mail.ru)

Li Shuai – Master’s degree holder, Higher School of Modern Social Sciences, Lomonosov Moscow State University (1, building 13, Leninskie Gory Street, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: 1114925651@qq.com)

Wu Bin – Master’s degree holder, Higher School of Modern Social Sciences, Lomonosov Moscow State University (1, building 13, Leninskie Gory Street, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: 778528706@qq.com)

Статья поступила 21.02.2024.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (апрель 2024 г.), а также за период с апреля 2023 по апрель 2024 г. (последние 7 опросов, то есть почти год).

Даётся сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018, 2020–2023 гг.²

В феврале – апреле 2024 гг. уровень одобрения деятельности Президента РФ незначительно увеличился (на 3 п. п., с 64 до 67%). Удельный вес негативных суждений остается стабильным (20–21%) и заметно ниже позитивных³.

Положительная динамика фиксируется за последние 12 месяцев (с апреля 2023 по апрель 2024 г.): доля позитивных оценок деятельности главы государства увеличилась на 6 п. п. (с 61 до 67%)⁴.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и в Шекснинском муниципальном районе области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

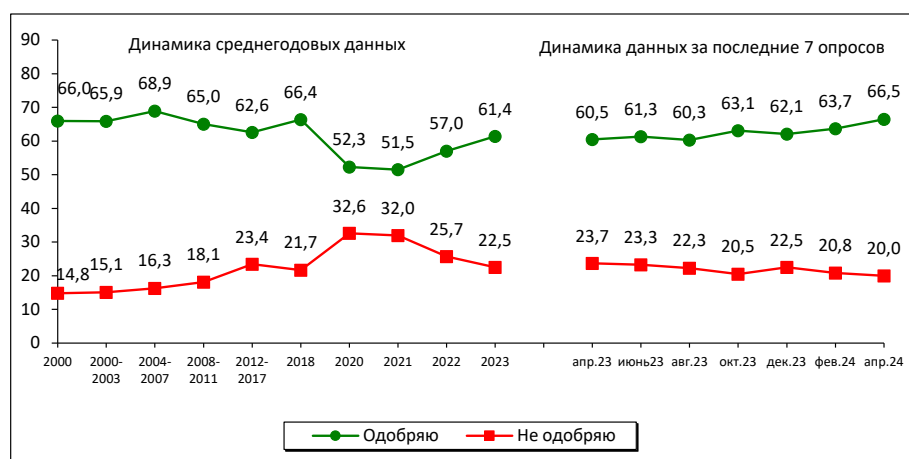
³ Здесь и далее во всех таблицах и в тексте: **зеленой заливкой** отмечаются позитивные изменения, **красной заливкой** – негативные, **синей** – отсутствие изменений. В связи с тем, что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначительными и отмечаются синим цветом.

⁴ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в апреле 2024 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в апреле 2023 г.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), апр. 2024 г. к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Фев. 2024	Апр. 2024	апр. 2023	фев. 2024
Президент РФ																		
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	52,3	51,5	57,0	61,4	60,5	61,3	60,3	63,1	62,1	63,7	66,5	+6	+3
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	32,6	32,0	25,7	22,5	23,7	23,3	22,3	20,5	22,5	20,8	20,0	-4	-1
Председатель Правительства РФ																		
Одобрю	-	-	59,3	49,6	48,0	38,7	39,9	45,4	50,1	48,3	49,2	50,8	51,3	51,9	52,7	53,7	+5	+1
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	40,4	37,6	32,0	27,6	28,1	27,1	26,1	28,6	27,9	26,2	24,3	-4	-2
Губернатор области																		
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,0	36,7	40,9	48,1	48,3	48,7	48,1	47,5	49,1	50,8	51,7	+3	+1
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	42,5	40,5	35,8	30,9	32,3	30,7	29,7	29,7	29,9	27,5	30,1	-2	+3
Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?»																		

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ? (в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*

Изменение (+/-), апрель 2024 г. к		
Вариант ответа	апр. 2023	фев. 2024
Одобрю	+6	+3
Не одобряю	-4	-1

* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2020, 2021, 2022, 2023 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным **ВЦИОМ**, уровень одобрения деятельности Президента РФ за период с февраля 2024 г. по начало апреля 2024 г. составил 78%. Удельный вес негативных отзывов – 14%.

Уровень поддержки деятельности главы государства в 2024 году сохранился на уровне 2023 года.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Изменение (+/-), апрель 2024 г. к		
Вариант ответа	апр. 2023	фев. 2024
Одобрять	0	+1
Не одобряю	+1	0

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».

Данные за апрель 2024 г. – за один опрос от 07.04.2024 г.

По данным Левада-Центра*, удельный вес позитивных оценок деятельности Президента РФ продолжает увеличиваться с августа 2023 г. В феврале 2023 – марте 2024 г. доля одобряющих деятельность главы государства не изменилась (86–87%).

По сравнению с апрелем 2023 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ в марте 2024 г. увеличился на 4 п. п., с 83 до 87%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Изменение (+/-), март 2024 г. к		
Вариант ответа	апр. 2023	фев. 2024
Одобрять	+4	+1
Не одобряю	-3	0

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России?»

*Внесен в реестр иностранных агентов.

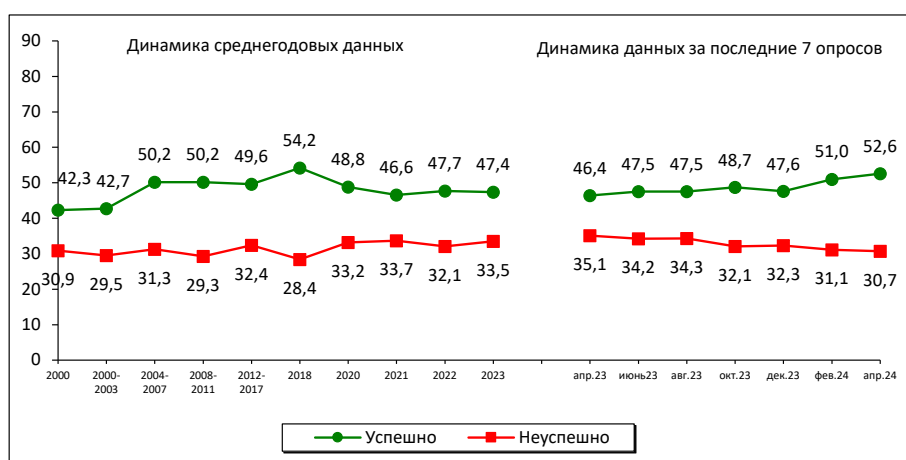
* Внесен в реестр иностранных агентов.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

С февраля по апрель 2024 г. незначительно увеличился удельный вес жителей области, считающих успешными действия главы государства по укреплению международных позиций России (на 2 п. п., с 51 до 53%). Доля тех, кто придерживается противоположной точки зрения, не изменилась и составила 31%.

По сравнению с апрелем 2023 г. в апреле 2024 года удельный вес положительных оценок о работе Президента РФ по укреплению позиций России на международной арене возрос на 7 п. п. (с 46 до 53%).

Укрепление международных позиций России

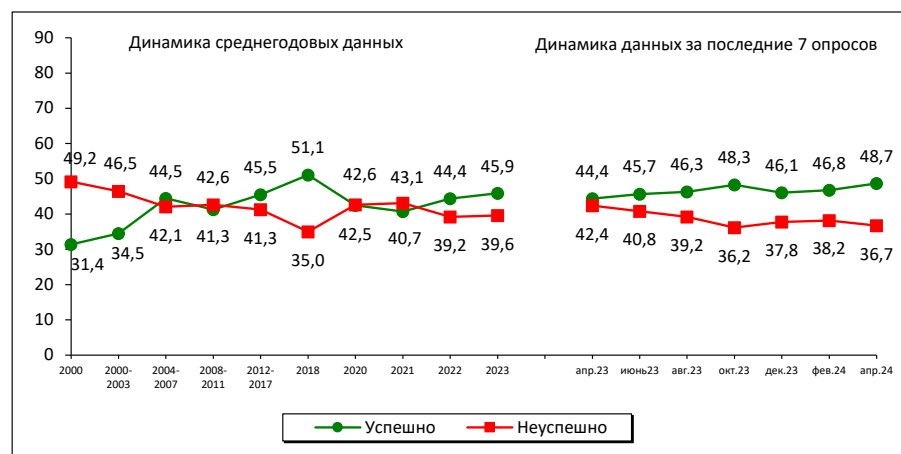

Изменение (+/-), апрель 2024 г. к		
Вариант ответа	апр. 2023	фев. 2024
Успешно	+7	+2
Неуспешно	-4	0

За последние два месяца доля положительных суждений о действиях Президента РФ по наведению порядка в стране значительно не изменилась и составила 49%. Доля негативных суждений ниже и наблюдаются небольшие изменения в сторону их сокращения.

Положительная динамика наблюдается за год измерений (апрель 2023 г. – апрель 2024 г.): удельный вес позитивных характеристик возрос с 44 до 49%, негативных – снизился с 42 до 37%.

Наведение порядка в стране

Изменение (+/-), апрель 2024 г. к		
Вариант ответа	апр. 2023	фев. 2024
Успешно	+5	+2
Неуспешно	-5	-2

Доля жителей области, считающих успешными действия Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан, в феврале – апреле 2024 г. составила 43–45%. Удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения, остается стабильным и составляет 38–40%.

По сравнению с апрелем 2023 г. увеличилась доля позитивных оценок населением деятельности главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан с 40 до 45% и снизился удельный вес отрицательных суждений с 42 до 38%.

Защита демократии и укрепление свобод граждан

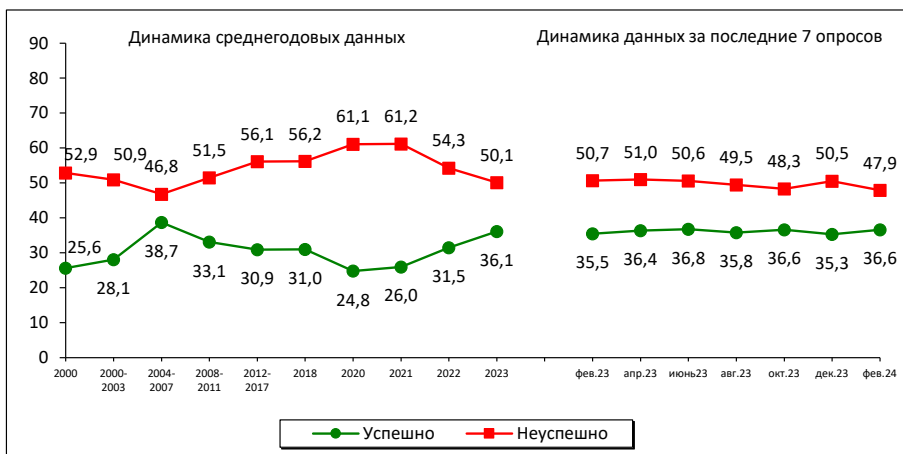

Изменение (+/-), апрель 2024 г. к		
Вариант ответа	апр. 2023	фев. 2024
Успешно	+5	+2
Неуспешно	-4	-1

В период с февраля по апрель 2024 г. оценки успешности решения Президентом РФ проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан незначительно улучшились: доля положительных мнений возросла на 2 п. п. (37 до 39%), при этом удельный вес негативных характеристик остался на прежнем уровне.

По сравнению с апрелем прошлого года не зафиксировано существенных изменений в общественном мнении. Доля позитивных суждений повысилась на 3 п. п. (36 до 39%), негативных – снизилась на 3 п. п. (с 51 до 48%).

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Изменение (+/-), апрель 2024 г. к		
Вариант ответа	апр. 2023	фев. 2024
Успешно	+3	+2
Неуспешно	-3	0

Партийно-политические предпочтения населения региона за последние два месяца остаются стабильными. По-прежнему большая доля отмечает, что их интересы выражает партия «Единая Россия» (43–45%). При этом удельный вес сторонников партии «Единая Россия» увеличился несущественно, на 2 п. п. Поддержка населением остальных партий остается без изменений: КПРФ – 9%, ЛДПР – 6%, «Справедливая Россия» – 4–3%, «Новые люди» – 1–2%.

За последние 12 месяцев доля тех, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», увеличилась на 7 п. п. (с 38 до 45%). Снизился удельный вес тех, кто не является сторонником ни одной из партий на 4 п. п. (с 28 до 24%).

Какая партия выражает Ваши интересы?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партии	Динамика среднегодовых данных												Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), апр. 2024 г. к		
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Фев. 2024	Апр. 2024	апр. 2023	фев. 2024
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	39,5	37,6	39,3	39,0	40,3	41,7	42,7	44,5	+7	+2
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	9,6	9,3	9,5	9,8	9,8	9,8	9,0	8,5	-1	0
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	7,0	6,9	6,7	7,8	7,9	6,5	6,6	6,5	0	0
«Справедливая Россия – Патриоты – За правду»	-	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	4,4	4,7	4,7	4,5	4,5	3,5	3,6	2,8	-2	-1
Новые люди*	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5,3	2,3	1,5	1,9	2,1	2,1	2,3	1,5	1,9	1,4	1,9	0	1
Другая	0,9	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,7	0,5	-	0,2	0,3	0,1	0,1	0,0	0,2	0,0	0,3	0,1	0,1	0	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	28,5	34,2	-	33,9	30,6	26,5	28,0	26,5	25,2	24,6	26,6	25,2	24,2	-4	-1
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	11,2	11,1	-	10,0	10,1	11,1	11,4	11,4	11,2	11,4	9,9	11,4	11,4	0	0

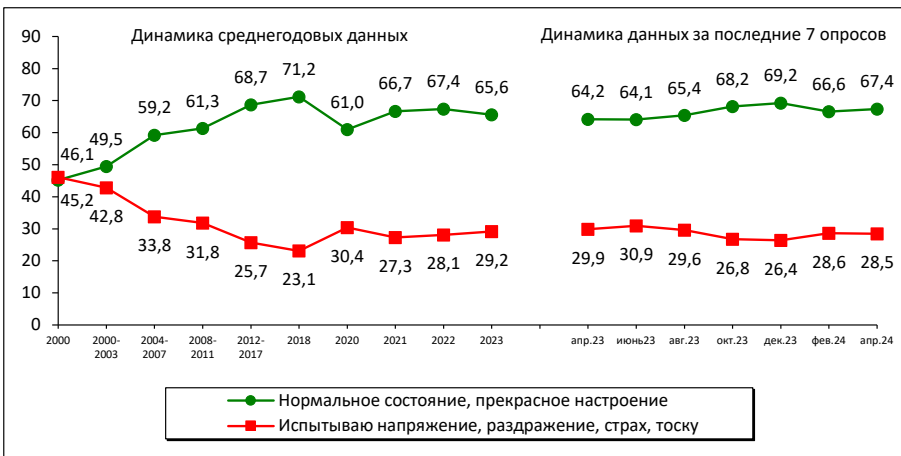
* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думу РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

В апреле 2024 г. по сравнению с февралем оценки социального настроения существенно не изменились. Наибольшая доля людей позитивно характеризует свое повседневное эмоциональное состояние (67%).

Динамика социального самочувствия населения за год наблюдений остается стабильной. Доля положительных оценок превышает отрицательные.

Социальное настроение

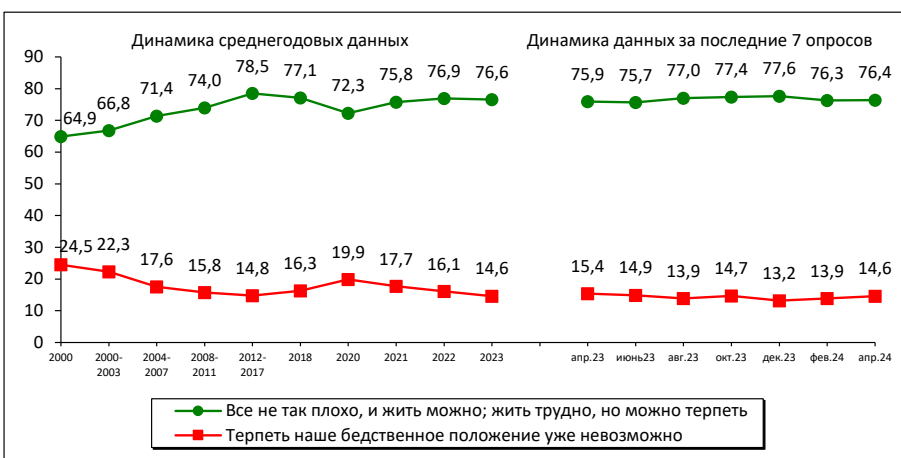

Изменение (+/-), апрель 2024 г. к		
Вариант ответа	апр. 2023	фев. 2024
Нормальное состояние, прекрасное настроение	+3	+1
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-1	0

За последние два месяца стабильно высокими остаются показатели запаса терпения: доля тех, кто считает, что «всё не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», сохранилась на уровне 76%. Удельный вес отрицательных ответов составляет 13–14%.

За период с апреля 2023 г. по апрель 2024 г. ухудшения или улучшения показателей запаса социального терпения не произошло.

Запас терпения

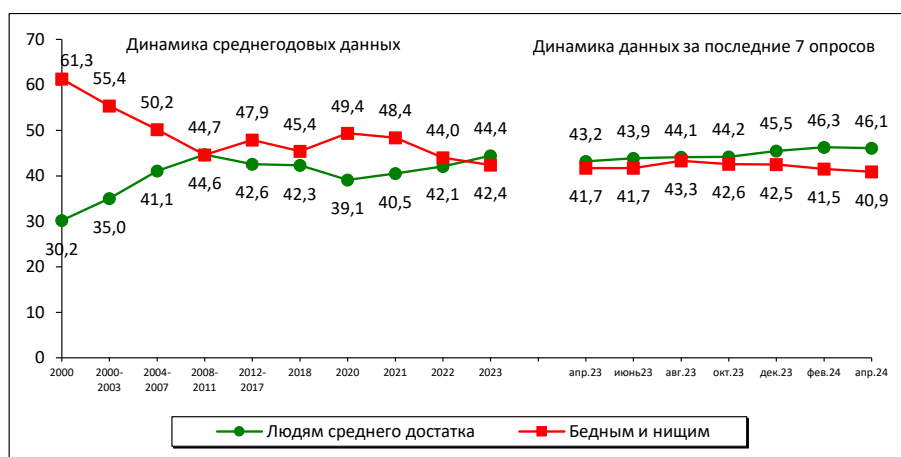

Изменение (+/-), апрель 2024 г. к		
Вариант ответа	апр. 2023	фев. 2024
Все не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	+1	0
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-1	+1

В апреле 2024 г., как и в феврале, доля жителей области, считающих себя людьми «среднего достатка», составила 46%. По самооценкам удельный вес «бедных и нищих» сохранился на уровне 40–42%.

За последний год существенных изменений в оценках населения также не наблюдается. Однако на 3 п. п. (с 43 до 46%) возросла доля жителей области, считающих себя людьми среднего достатка.

Социальная самоидентификация*

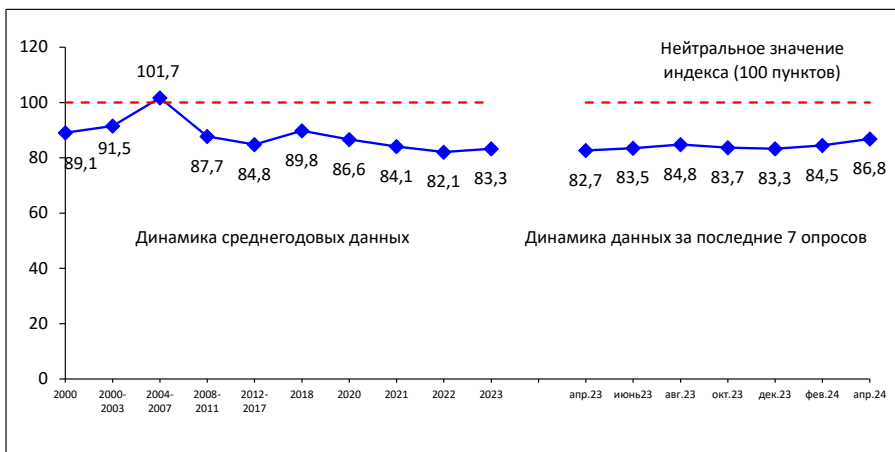
Изменение (+/-), апрель 2024 г. к		
Вариант ответа	апр. 2023	фев. 2024
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+3	0
Доля считающих себя бедными и нищими	-1	-1

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

Индекс потребительских настроений (ИПН) в феврале – апреле 2024 г. незначительно увеличился: с 85 до 87 п., на 2 пункта.

За прошедший год наблюдаются позитивные изменения в значениях ИПН: рост составил 4 п.п. с 83 п. в апреле 2023 года до 87 п. в апреле 2024 года.

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

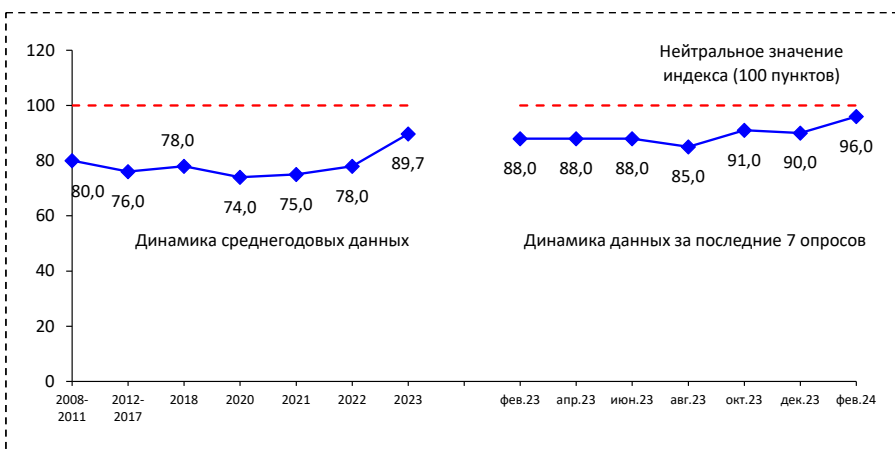
Изменение (+/-), апрель 2024 г. к		
ИПН	апр. 2023	фев. 2024
Значение индекса, в пунктах	+4	+2

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов *Левада-Центра**, за период с декабря 2023 г. по февраль 2024 г. индекс потребительских настроений значительно увеличился (на 6 пунктов) и составил 96 п.

Более позитивные изменения фиксируются в годовой динамике. ИПН возрос на 8 пунктов, с 88 до 96 п.

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Изменение (+/-), февраль 2024 г. к		
ИПН	фев. 2023	дек. 2023
Значение индекса, в пунктах	+8	+6

Последние данные – за февраль 2024 г.

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

За период с февраля по апрель 2024 г. отсутствуют значимые изменения в оценках социального настроения во всех основных социально-демографических категориях населения. Несущественный (на 3 п. п.) рост доли людей, испытывающих в своей повседневной жизни преимущественно позитивные эмоции, отмечается в группе 20% наиболее обеспеченных.

В годовой динамике в 7 из 14 групп отмечаются положительные тенденции, в остальных оценки остаются стабильными. При этом наиболее выраженные позитивные изменения фиксируются у женщин; молодежи до 30 лет и лиц старше 55 лет; со средним и неполным средним образованием, а также среди наименее и среднеобеспеченных; жителей г. Вологда.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), апр. 2024 г. к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Фев. 2024	Апр. 2024	апр. 2023	фев. 2024
Пол																		
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	60,8	65,7	66,8	65,5	65,4	63,4	65,4	66,9	69,6	66,5	67,7	+2	+1
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	61,2	67,4	67,9	65,7	63,4	64,7	65,3	69,4	68,9	66,5	67,1	+4	+1
Возраст																		
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	67,6	73,5	77,6	75,0	72,9	72,9	76,2	79,4	78,0	75,1	77,5	+5	+2
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	61,8	69,5	69,4	68,8	67,7	68,6	69,2	71,1	72,3	69,9	70,0	+2	0
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	57,4	60,5	61,1	58,2	56,9	55,4	56,3	60,5	62,0	59,2	60,7	+4	+2
Образование																		
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	56,1	62,1	64,6	62,0	60,2	61,6	63,2	64,4	65,5	63,9	64,7	+5	+1
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	63,5	66,7	68,3	66,1	65,1	63,7	65,1	70,1	69,1	66,0	67,9	+3	+2
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	63,3	71,5	69,5	68,8	67,3	68,2	67,4	70,0	72,8	69,4	69,8	2	0
Доходные группы																		
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	43,4	54,6	57,0	50,1	47,8	50,4	49,6	52,5	54,2	52,2	53,0	+5	+1
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	62,6	67,3	68,1	67,4	64,4	65,7	67,9	71,0	73,1	66,9	68,5	+4	+2
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	75,6	79,9	78,3	73,9	78,2	72,1	70,3	73,2	75,9	74,4	77,5	-1	+3
Территории																		
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	60,9	60,3	59,8	59,6	56,0	57,8	60,8	63,8	64,8	62,5	64,2	+8	+2
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	60,4	71,0	71,2	68,1	68,4	67,9	66,4	69,4	70,6	67,2	68,2	0	+1
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	61,4	67,8	69,5	67,7	66,6	65,6	67,3	70,2	70,9	68,5	68,8	+2	0
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	61,0	66,6	67,4	65,6	64,3	64,1	65,3	68,3	69,2	66,5	67,4	+3	+1

РЕЗЮМЕ

Итоги очередной «волны» мониторинга общественного мнения демонстрируют устойчивость общества и высокие адаптивные способности населения к вызовам внутри страны и на международной арене, о чем свидетельствует преобладание преимущественно стабильных и позитивных оценок по основным индикаторам за два последних месяца (февраль — апрель 2024 г.), и год наблюдений (апрель 2023 г. — апрель 2024 г.):

- по-прежнему наблюдается высокий уровень одобрения деятельности Президента РФ (67%), при этом по сравнению с прошлым годом фиксируется рост поддержки главы государства с 61 до 67%;

- с апреля 2023 года фиксируется устойчивая положительная динамика в отношении одобрения действий Президента РФ по укреплению международных позиций (46 до 53%), защите демократии и свобод граждан (с 40 до 45%), а также наведению порядка в стране (с 44 до 49%), при этом за два месяца значительных изменений не зафиксировано;

- определенный рост поддержки также отмечается в сфере партийно-политических предпочтений, где стабильно лидирует партия «Единая Россия». Если с февраля по апрель 2024 г. существенных изменений в уровне поддержки данной партии не произошло, то за год наблюдается увеличение числа ее сторонников — тех людей, чьи интересы она выражает — с 38 до 45%;

- оценки социального настроения остались практически неизменными как за два месяца наблюдений, так и за год: большинство людей продолжают положительно оценивать свое эмоциональное состояние в повседневной жизни (64–67%). При этом в годовой динамике в семи из 14 социально-демографических групп отмечаются положительные тенденции, в остальных оценки остаются стабильными.

- в динамике самооценок материального положения в среднем по области в апреле 2024 года не произошло заметных сдвигов, основная доля населения относит себя к категории «людей среднего достатка» — 46%, однако остается значительным удельный вес, считающих себя «бедными и нищими» — 41%.

- практически на уровне двухмесячной давности остались значения индекса потребительских настроений, рост несущественный — на 2 п. (с 85 до 87 п.). Кроме того, в долгосрочном измерении (апрель 2023 г. — апрель 2024 г.) значения ИПН увеличились на 4 п. (с 83 до 87 п.), что может свидетельствовать о некотором улучшении материального положения и прогноза на будущее.

Таким образом, в динамике общественного мнения наблюдается, хоть и не явный, но преимущественно позитивный тренд. В этом отношении результаты опросов, проводимых на региональном уровне, коррелируют с оценками населения в целом по стране.

При этом надо отметить, что международная ситуация вокруг России продолжает оставаться тревожной: пока еще не достигнуты цели СВО, вводятся новые экономические санкции, происходит расширение НАТО (Швеция официально присоединяется к НАТО 7 марта 2024 года, став 32-м союзником⁵), в отношении нашей страны нарушаются нормы международного права⁶.

Кроме того, нельзя не отметить трагическое событие, произошедшее в России 22 марта 2024 г., — теракт в «Крокус Сити Холле». Эксперты отмечают, что «целью любой террористической акции становится моральное разложение общества, опустошение и страх»⁷. Однако, как свидетельствуют

⁵ Швеция официально вступит в НАТО с 7 марта // Ведомости. 07.03.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/03/07/1024261-shvetsiya-nato-marta>

⁶ Конфискация активов РФ будет нарушением устава ООН и норм международного права — эксперт // Российское агентство правовой и судебной информации. 22.04.2024. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20240422/309831684.html; Миссия РФ при ООН: Россия осуждает нарушения Израилем международного права в Газе // ТАСС. 11.03.2024. URL: <https://tass.ru/politika/20205191>

⁷ Трагедия в «Крокусе» и атаки на Белгород сплотили всю Россию от граждан до корпораций // Экспертный институт социальных исследований. 23.03.2024. URL: <https://eisr.ru/news-and-announcements/eisi-tragediya-v-krokuse-i-ataki-na-belgorod-splotili-vsyu-rossiyu-ot-grazhdan-do-korporatsiy/>

данные опросов, в стране и регионе не обострилась политическая ситуация, общественные настроения отличаются стабильностью.

Пожалуй, эти два фактора (поддержка курса национального развития, реализуемого В.В. Путиным, и неослабевающий характер угроз национальной безопасности со стороны «коллективного Запада») оказали решающее влияние на главное политическое событие в жизни страны: 15–17 марта 2024 г. в России состоялись выборы Президента РФ, на которых вполне ожидаемо уверенную победу одержал действующий глава государства В.В. Путин. «Результат действующего Президента – более 87% при явке 77,44%, это важнейшее подтверждение всенародной поддержки его курса... Это исторический максимум. Не было в современной политической истории страны исхода с таким результатом»⁸.

Отметим также, что по сравнению с первыми президентскими выборами В.В. Путина (26 марта 2000 г.), число избирателей, проголосовавших за него, увеличилось почти вдвое – с 39,7 до 76,3 млн человек.

«Нынешний высокий процент Владимира Путина — это не политическая удача, это не какая-то случайность, это результат многолетней работы, работы в интересах людей»⁹.

**Мнение генерального директора Центра политической информации
А. Мухина. 04.04.2024**

«Эффект «сплочения вокруг флага» на выборах Президента РФ имеет место... Россияне выдали мандат поддержки руководителю государства на фоне СВО»¹⁰.

Мнение электорального эксперта М. Музаева

«В атмосфере военного времени и выборы прошли в режиме военной мобилизации... Логика „за власть – или погибнем“ для многих избирателей оказалась главной доминантой поведения в дни голосования»¹¹.

Мнение депутата Государственной Думы РФ В. Егорова

Этот результат выборов отражает доверие населения к национальному лидеру, а запрос на непрерывность в управлении государством становится все более значимым для общества. Тем не менее, необходимо помнить о важности разностороннего анализа и интерпретации оценок общественного мнения. Поддержка главы государства большинством не должна служить поводом для игнорирования мнения «других групп» населения и их потребностей. Важно учитывать разнообразие точек зрения и стремиться к их объединению.

Материалы подготовили: К.Е. Косыгина, И.М. Бахвалова

⁸ Эксперты оценили прошедшие выборы президента: сложилось супербольшинство // Российская газета. 18.03.2024. URL: <https://rg.ru/2024/03/18/eksperty-ocenili-proshedshie-vybory-prezidenta-slozhilos-superbolshinstvo.html>

⁹ В ЭИСИ отметили беспрецедентный уровень единения вокруг президента // Лента.ру. 04.04.2024. URL: <https://lenta.ru/news/2024/04/04/edineniya/>

¹⁰ Политологи обсудили итоги выборов президента // Российская газета. 19.03.2024. URL: <https://rg.ru/2024/03/19/lider-i-brendy-ocenki.html?ysclid=lugn7jyv3x476786397>

¹¹ Там же.

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала

«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 26.04.2024.
Дата выхода в свет 27.04.2024.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 31,03. Тираж 500 экз. Заказ № 15.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru